

Ф. ГИЗО.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ВЪ

ЕВРОПѢ.

(Histoire de la civilisation en Europe)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНДУЗСКАГО

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ОЧЕРКА ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Ф. ГИЗО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Декабря 1891 г.

Типографія Исидора Гольдберга, Екатерининскій каналъ, 94.

Изданіе и переводъ В. Д. Вольфсона.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСОА ГИЗО.

Франсоа Пьеръ Гильомъ *Гизо*, государственный человѣкъ и знаменитый писатель Франціи, членъ Парижскій академіи наукъ, родился въ Нимѣ 4 Октября 1787 года. Онъ принадлежалъ къ благородному протестантскому семейству, сильно пострадавшему какъ отъ религіозныхъ гоненій прежняго режима, такъ и отъ ужасовъ революціи. Его отецъ, выдающійся адвокатъ, погибъ на эшафотѣ 8 Апрѣля 1794 года. Вдова его съ юнымъ сыномъ, Франсоа Гизо, бѣжала въ Женеву, гдѣ этотъ послѣдній столь же страстно какъ и успѣшно предался изученію языковъ и литературы. Въ 1805 году онъ сдалъ въ Парижѣ экзаменъ и поступилъ, въ качествѣ учителя, въ домъ бывшаго швейцарскаго министра Штапфера. Введенный въ домъ Сюарда, онъ познакомился съ литературными дѣятелями того времени, въ томъ числѣ и съ Полиною Меланъ, работавшую тогда въ «Публицистѣ». Во время ея продолжительной болѣзни, Гизо исполнялъ безкорыстно ея работу; чувство благодарности вызвало въ писательницѣ чувство любви, и она, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, согласилась стать его женою. Это было въ 1812 году, Она была старше Гизо на четырнадцать лѣтъ. Ея связи съ представителями партіи роялистовъ открыли Гизо, въ то время еще скромному кабинетному труженику, доступъ къ политической карьерѣ. Въ это время онъ напечаталъ: «*Новый словарь французскихъ синонимовъ*» — прекрасная компиляція — лучшее изъ всѣхъ другихъ сочиненій по этому предмету; «*О состояніи искусства во Франціи*»; «*Жизнеописанія поэтовъ эпохи Людовика XIV*». Въ 1812 году труды Гизо получили щедрую награду: Фонтанъ назначилъ Гизо адъюнктомъ по кафедрѣ Исторіи въ Сорбоннѣ. Послѣ паденія имперіи, Гизо, по рекомендаціи Ройе-Кол-

лара, получилъ мѣсто секретаря при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, аббатѣ Монтекиу. Его редакціи принадлежить законъ о печати 21 Окт.; вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ цензурнаго комитета. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ временно долженъ былъ прекратить всѣ свои занятія и предпринять путешествіе за границу. Говорятъ, что онъ имѣлъ свиданіе съ Людовикомъ XVIII, которому жаловался на происки ультра-роялистовъ. Возвратившись во Францію при реставраціи Бурбоновъ, Гизо былъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ министерства юстиціи Барбе-Марбоа, который послѣ неудачной борьбы съ бѣлыми, отказался отъ должности 10 Мая 1816 г. Выйдя вмѣстѣ съ Барбе изъ состава министерства, Гизо вскорѣ, а именно въ Августѣ 1816 г., получилъ мѣсто директора генеральной администраціи департаментовъ и общинъ. Будучи по политическимъ убѣжденіямъ своимъ конституціоннымъ роялистомъ, онъ напечаталъ программу своей партіи подъ заглавіемъ: «*О представительномъ правленіи и современномъ состояніи Франціи*» (1816). Съ того времени и возникла, по инициативѣ Ройе-Коллара и Гизо, школа доктринеровъ, которая доказывала возможность совмѣщенія полной свободы со строгимъ общественнымъ порядкомъ. Школа эта пользовалась огромнымъ вліяніемъ до самаго паденія конституціонной монархіи.

Гизо вторично вышелъ изъ министерства вмѣстѣ съ Деказомъ, вслѣдствіе дѣла объ убійствѣ герцога Беррійскаго; онъ снова вступилъ на поприще литературы и профессорской дѣятельности. Въ это время имъ обнародованы слѣдующія политическія сочиненія: «*О заговорахъ и политическомъ правосудіи*» (1821 г. 2-е изд.) и «*Способы управленія и оппозиціи при современномъ состояніи Франціи*» (1821). Благодаря этому послѣднему сочиненію, имѣвшему политическій характеръ и вызвавшему ожесточенныя нападки противъ министерства Виллеля, Гизо лишился всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей; его курсъ Исторіи былъ остановленъ въ 1825 году. Это время самой кипучей литературной дѣятельности Гизо. Онъ напечаталъ: «*Исторію представительнаго правленія*» (1821—1822); «*О смертной казни въ политическихъ дѣлахъ*» (1822); въ этой книгѣ онъ, не отвергая смертной казни, доказываетъ крайнюю опасность для правительства слишкомъ часто прибѣгать къ этой ужасной мѣрѣ; «*Опытъ исторіи Франціи*» (1823); «*Собраніе мемуаровъ, относящихся къ англійской революціи*» (26 томовъ; первый появился въ 1823 г.)—

переводъ съ англійскаго подъ редакціей Гизо; «*Собраніе мемуаровъ, относящихся къ исторіи Франціи*» (31 томъ, первый—въ 1823 г.); «*Исторія англійской революціи*» (1827—1828).

Въ то же время Гизо редактировалъ «Прогрессивную энциклопедію» и основалъ въ 1828 г. журналъ *Revue française*. Политическая дѣятельность его въ этотъ періодъ времени выражалась въ ревностныхъ трудахъ по обществу, посвященному девизъ: «Помоги самъ себѣ, Богъ тебѣ поможетъ»; цѣлью этого общества было охраненіе свободы выборовъ.

1-го Августа 1827 г. умерла первая жена Гизо, столь пламенно любившая своего мужа, что, въ угоду ему, на смертномъ одрѣ приняла протестантизмъ. Она также написала нѣсколько выдающихся сочиненій о воспитаніи, о морали, и нѣсколько дѣтскихъ книжекъ. Годъ спустя Гизо вступилъ во второй бракъ съ Элизою Диллонъ, племянницею его жены, которая при жизни сама предвидѣла и подготовила этотъ бракъ. Вторая жена Гизо, умершая въ 1833 году, также написала нѣсколько сочиненій по беллетристикѣ и этикѣ.

Примирительное министерство Мартиньяна вернуло Гизо катедру въ Сорбоннѣ и предоставило ему мѣсто въ государственномъ совѣтѣ (1828). Это время величайшей популярности Гизо. Вмѣстѣ съ Кузеномъ и Вильеменомъ, Гизо составляетъ тотъ знаменитый триумvirатъ, которому Франція обязана громадными успѣхами въ дѣлѣ просвѣщенія. Профессорской дѣятельности Гизо мы обязаны появленіемъ въ печати самыхъ распространенныхъ историческихъ сочиненій его: «*Курсъ новой исторіи*» (6 томовъ, 1828—1830); «*Исторія цивилизаціи въ Европѣ*» (5-е изд. 1845 г.), и «*Исторія цивилизаціи во Франціи*» (1845 г., 5-е изд.).

Въ это время онъ становится оппозиціоннымъ депутатомъ палаты и горячо полемизируетъ съ министерствомъ Полиньяка.

Когда вспыхнула революція 1830 года, Гизо, прибывшій въ Нимъ 26 Іюля, изъявилъ согласіе редактировать протестъ депутатовъ, «преданныхъ его величеству и его августѣйшей династіи». 28-го Іюля онъ участвовалъ въ домѣ Лафитта на общемъ собраніи своихъ единомышленниковъ, организовалъ «муниципальную комиссію» и былъ избранъ министромъ общественнаго просвѣщенія. Нѣсколько дней спустя, онъ произвелъ ревизію всего министерства внутреннихъ дѣлъ и обновилъ весь личный составъ его. Онъ участвовалъ также въ пересмотрѣ хартій и потребовалъ, чтобы возрастъ избирательной правоспособности былъ пониженъ до 25 лѣтъ. Будучи

членомъ кабинета Лафитта, Гизо разошелся съ нимъ во взглядахъ и подалъ въ отставку. 11 Октября 1832 г. онъ, вмѣстѣ съ Тьеромъ и Брольо организовалъ новый кабинетъ, который держался не менѣе четырехъ лѣтъ. Въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, Гизо, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ палатѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ и много содѣйствовалъ репрессивной политикѣ. Съ другой стороны, начальное образованіе во Франціи обязано ему своею прочною постановкою.

Министерство 11 Октября наконецъ пало (22 Фев. 1836 г.). Гизо послѣ полугодового удаленія отъ дѣлъ, снова принялъ изъ рукъ Моле министерскій портфель. Въ то же время, съ выходомъ въ отставку Гаспарена, сталъ вакантнымъ и портфель министра внутреннихъ дѣлъ; Гизо и Тьеръ явились претендентами, причемъ ясно обнаружилось ихъ соперничество. Гизо уступилъ, упрочивъ, однако, портфель министра иностранныхъ дѣлъ за своимъ сотоварищемъ по школѣ доктринеровъ, Брольо. Къ несчастью, министерство Моле, установившись окончательно 15 Апрѣля 1837 года, исключило изъ своего состава какъ Гизо, такъ и Брольо. Гизо бросился въ оппозицію и сталъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ противниковъ представителей власти, упрекая ихъ именно за то, что они сами подрываютъ ее. Онъ всталъ въ ряды своихъ вчерашнихъ противниковъ, что вызвало въ *Journal des Débats* слѣдующія колкія слова, направленные по его адресу: «Быть можетъ, вы заслужите когда-нибудь наше удивленіе; по нашего уваженія вы не заслужите никогда!» Ройе-Колларъ также отвернулся отъ Гизо, громко протестуя противъ такой тактики.

15 Декабря 1840 г. совершилась церемонія возвращенія останковъ императора по декрету Тьера. Вскорѣ, въ Апрѣлѣ слѣдующаго года, происходятъ серьезныя безпорядки, вызванныя выборною агитаціею, въ Тулузѣ, въ Лилѣ, въ Клермонѣ. Въ 1842 году Гизо поручается организація новаго кабинета, который хоть сколько-нибудь умиротворилъ бы господствующія партіи.

Но и этому кабинету не посчастливилось. Виѣшнія и внутреннія дѣла Франціи настолько запутались и осложнились, что Гизо не удалось долго удержать за собою въ палатѣ большинство. Паденіе его было неизбежно. Всѣ органы печати относились къ нему очень враждебно; офиціозныя газеты, созданныя имъ, *Globe* и *l'Époque*, не могли продержаться несмотря на щедрую правительственную субсидію. Гизо ожесто-

чился; онъ сталъ относиться съ полнымъ презрѣніемъ къ оппозиціи; онъ сталъ гордиться своею популярностію.

Результатъ не замедлилъ обнаружиться. Обсужденіе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, въ которой кабинетъ Гизо упрекалъ палату за то, что она руководится «слѣпыми или враждебными страстями», подняло цѣлую бурю. На 22 Февраля созывается большой банкетъ реформистовъ 12-го округа. Министертво не разрѣшаетъ его. На улицахъ Парижа происходитъ столкновение. Національная гвардія появляется только для того, чтобы присутствовать при торжествѣ бунтовщиковъ и присоединиться къ нимъ. Толпа негодуетъ противъ Гизо.

23 Марта онъ, наконецъ, подаетъ въ отставку; но поздно: его преемники не могли исправить дѣло и за паденіемъ кабинета Гизо слѣдуетъ паденіе всей монархіи.

Въ то время какъ временное правительство намѣревалось возбудить противъ Гизо и его сотоварищей политической процессъ, онъ удаляется въ Англію. Верховный судъ объявляетъ его внѣ закона. Въ изгнаніи Гизо, снова берется за перо. Онъ пишетъ свою брошюру *«Демократія во Франціи»* (1849) и статьи: *«Отчего англійская революція имѣла успѣхъ?»* (1850), *«Наши разочарованія и надежды»* (1852), *«Бельгія въ 1857 г.»* и многія другія. Во всѣхъ этихъ брошюрахъ и статьяхъ содержатся обвиненія противъ республики и оправданія прежняго монархическаго строя.

Какъ ораторъ и какъ лекторъ, Гизо всегда производилъ на свою аудиторію глубокое впечатлѣніе своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и, въ то же время, своею авторитетностію. Въ палатѣ онъ произносилъ порою громовыя рѣчи, какъ напримѣръ, рѣчь 11 Августа 1831 года противъ «республиканской партіи, этой мертвой головы всего того, что жило во Франціи съ 1789 г. по 1830 г., этого отвратительнаго чудовища, которое дерзаетъ выставять на показъ свое безобразіе».

Догматичностію и авторитетностію, порою мало убѣдительными, отличаются и всѣ сочиненія Гизо. Какъ историкъ, онъ больше внушаетъ свои взгляды, чѣмъ доказываетъ ихъ. Историческія сочиненія его принадлежатъ однако къ лучшимъ произведеніямъ этого замѣчательно плодовитаго писателя. Вышеприведенными заглавіями мы далеко не исчерпали всей массы написанныхъ имъ историческихъ книгъ, брошюръ и статей. Ихъ такое множество, что одинъ перечень занялъ бы нѣсколько страницъ. Сочиненія Гизо подвергались самой разносторонней критикѣ, которой тѣмъ не менѣе не удалось уста-

новить опредѣленный взглядъ на нихъ и высказать свой окончательный приговоръ.

На самомъ же дѣлѣ, съ точки зрѣнія современной исторической науки, Гизо не историкъ, но публицистъ. Ему недостаетъ строгой объективности; всюду проглядываютъ его предвзятая идеи и принципы, навѣянные духомъ того бурнаго времени, которое переживала Франція въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Тѣмъ не менѣе ширина взгляда, необыкновенно удачная группировка фактовъ и умѣнье освѣщать ихъ придаютъ историческимъ трудамъ Гизо глубокий интересъ.

Предлежащее сочиненіе, вмѣстѣ съ его «Исторіей англійской революціи», несомнѣнно лучшее изъ всѣхъ историческихъ сочиненій Гизо.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Предметъ курса. — Исторія европейской цивилизаціи. — Роль Франціи въ цивилизаціи Европы. — Цивилизація можетъ служить предметомъ историческаго изложенія. — Она самый общій фактъ исторіи. — Употребительный, общепринятый смыслъ слова „цивилизация“. — Два главные факта образуютъ цивилизацію: 1) развитіе общества; 2) развитіе человѣка. — Доказательства предыдущаго положенія. — Эти два факта необходимо связаны другъ съ другомъ и рано или поздно воспроизводятъ одинъ другой. — Вполнѣ ли исчерпывается назначеніе человѣка его индивидуальною или общественною жизнью? — Исторія цивилизаціи можетъ быть разсматриваема и описываема съ двухъ точекъ зрѣнія. — Нѣсколько словъ о планѣ курса. — О настоящемъ состояніи умовъ и о будущности цивилизаціи.

Мм. Гг.!

Я искренно тронуть вашимъ сочувствіемъ. Позволю себѣ замѣтить, что оно не прерывалось между нами, несмотря на весьма продолжительную разлуку. Я говорю: — «оно не прерывалось между нами», словно я вижу предъ собою то же поколѣніе, которое, семь лѣтъ тому назадъ, видѣлъ въ этой же аудиторіи. Прощу извинить меня, мм. гг., — вашъ благосклонный пріемъ меня смутилъ. Мнѣ кажется, что съ моимъ возвращеніемъ въ эту аудиторію должно вернуться все прежнее, безъ всякихъ измѣненій; а между тѣмъ все измѣнилось, и сильно измѣнилось. Семь лѣтъ тому назадъ мы входили сюда съ безпокойствомъ, въ томительномъ, печальномъ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго; мы знали, что намъ предстоятъ всевозможныя затрудненія, опасности; мы чувствовали, что устремляемся въ бездну, которую тщетно пытались миновать, несмотря на наше спокойствіе и нашу осторожность.

Сегодня же всѣ мы, — и вы, и я — собрались сюда исполненные свѣтлыхъ надеждъ, спокойные сердцемъ и свободные мыслью. Мы имѣемъ возможность однимъ только средствомъ достойно выразить нашу признательность, а именно, мы должны внести въ наши собранія и занятія такое же спокойствіе и такую же умѣ-

ренность, какъ въ то время, когда намъ ежедневно приходилось ждать стѣсненій или даже совершеннаго прекращенія лекцій. Счастье измѣнчиво, мимолетно, хрупко; надежда, какъ и опасеніе, требуетъ осмотрительности; выздоровленіе отъ болѣзни требуетъ почти тѣхъ же заботъ, той же осторожности, какъ и наступленіе болѣзни. Я увѣренъ, что у васъ не будетъ недостатка во всѣхъ этихъ качествахъ. Тѣ же симпатіи, тотъ же откровенный обмѣнъ мнѣній, чувствъ, идей, соединявшій насъ въ тяжкое время и избавившій насъ отъ многихъ ошибокъ, соединить насъ и нынѣ, въ благопріятное время; онъ дастъ намъ возможность съ успѣхомъ воспользоваться имъ:—я, по крайней мѣрѣ, въ этомъ глубоко убѣжденъ.

Намъ остается весьма мало времени до конца года. Я самъ имѣлъ немного времени для того, чтобы хорошенько подготовить курсъ, который намѣреваюсь прочесть вамъ. Я искалъ темы, которая болѣе всего соотвѣтствовала бы условіямъ, въ которыя мы поставлены. Мнѣ показалось, что общая картина новой исторіи Европы, рассматриваемой въ отношеніи къ развитію цивилизаціи, т. е. общій взглядъ на исторію европейской цивилизаціи, на ея происхожденіе, ходъ, цѣль, характеръ,—мнѣ показалась, что подобная картина можетъ быть съ успѣхомъ начертана въ продолженіе того времени, которымъ мы располагаемъ. Я остановился на этой темѣ и думаю, что вы не сочтете мой выборъ неудачнымъ.

Я говорю о европейской цивилизаціи: несомнѣнно, что такая цивилизація существуетъ, т. е. что въ цивилизаціи различныхъ европейскихъ государствъ обнаруживается нѣкое единство; что, несмотря на большія различія во времени и въ самомъ ходѣ, она обуславливается фактами почти однородными, находится въ связи съ одними и тѣми же основными началами и стремится къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Итакъ, европейская цивилизація существуетъ; изслѣдованіе ея и составляетъ предметъ нашихъ лекцій.

Съ другой стороны, очевидно, что эту цивилизацію нельзя искать въ какомъ-либо одномъ европейскомъ государствѣ, что исторія ея не можетъ быть изучена изъ исторіи какой-либо одной страны. При всемъ единствѣ, она безконечно нюансирована; она никогда не развивалась вполне въ одномъ какомъ-нибудь государствѣ. Элементы ея исторія слѣдуетъ искать то во Франціи, то въ Англіи, то въ Германіи, то въ Италіи и Испаніи.

Мы находимся въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для изученія европейской цивилизаціи. Безъ лести можно сказать, что

Франція была центромъ, фокусомъ европейской цивилизаціи. Несправедливо было бы утверждать, что Франція всегда во всѣхъ отношеніяхъ шла во главѣ націй. Въ инныя эпохи, она напр. въ отношеніи къ искусствамъ уступала Италіи, въ отношеніи политическихъ учрежденій—Англіи. Можетъ быть, нашлись бы и другія страны Европы, которыя въ извѣстные періоды стояли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Франціи; однако нельзя не признать, что каждый разъ, когда Франція видѣла себя отставшею на какомъ-либо поприщѣ, она обрѣтала въ себѣ новую силу, быстро устремлялась впередъ и снова становилась въ рядъ съ прочими государствами, или даже во главѣ ихъ. Этого мало: всѣ идеи, всѣ, такъ сказать, цивилизующія учрежденія, родившіяся на другой почвѣ, не раньше распространялись, обобщались, примѣнялись на практикѣ и вообще начинали дѣйствовать на пользу всей европейской цивилизаціи, какъ послѣ переработки ихъ во Франціи; отсюда уже, какъ изъ второй своей родины, онѣ овладѣвали всею Европою. Нѣтъ почти ни одной великой идеи, ни одного великаго начала цивилизаціи, которыя не прошли бы сначала по французской почвѣ раньше, чѣмъ получить повсемѣстное распространеніе.

Въ духѣ французскаго народа есть нѣчто общительное, симпатичное, нѣчто сообщающееся другимъ націямъ съ большою легкостью и энергіею. Языкъ ли нашъ, особенность ли нашего ума и нравовъ тому причиною, но наши идеи популярнѣе, яснѣе представляются массамъ и легче проникаютъ къ нимъ, чѣмъ идеи, выработанныя въ какой бы то ни было другой странѣ. Словомъ—ясность мысли и общность идей составляютъ отличительный характеръ Франціи и ея цивилизаціи, и эти качества давали ей, преимущественно предъ другими государствами, возможность идти во главѣ европейской цивилизаціи.

И такъ, при изученіи исторіи этой цивилизаціи, мы не по произволу и не въ силу общепринятаго обыкновенія избираемъ Францію средоточіемъ нашего анализа; но исключительно въ силу того, что мы становимся такимъ образомъ какъ бы въ центрѣ самой цивилизаціи, въ центрѣ изучаемаго нами факта.

Я умышленно употребляю слово «фактъ».

Цивилизація есть фактъ, подобный всякому другому, фактъ, который наравнѣ со всякимъ другимъ можетъ сдѣлаться предметомъ изученія, описанія, разсказа.

Многіе не безъ основанія утверждаютъ, что исторію слѣ-

дуетъ ограничить фактами, и только фактами. Это весьма справедливо; но число и разнообразіе фактовъ гораздо больше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Есть факты матеріальные, видимые — сраженія, войны, официальные дѣйствія правительствъ; есть факты моральные, скрытые, но тѣмъ не менѣе вполне реальныя; есть факты индивидуальныя, имѣющіе опредѣленное названіе; есть факты общіе, безыменные, которыхъ нельзя отнести къ извѣстному времени, дню, году, которые невозможно заключить въ опредѣленныя рамки; но тѣмъ не менѣе и они принадлежатъ къ числу историческихъ фактовъ; исключеніе ихъ изъ исторіи было бы равносильно ея искаженію.

Та часть исторіи, которую обыкновенно называютъ философскою, — разумѣя подъ этимъ названіемъ изслѣдованіе отношеній событій между собою, взаимной связи ихъ, причинъ ихъ результатовъ, — тоже состоитъ изъ фактовъ и входитъ въ составъ общей исторіи точно также, какъ рассказы о битвахъ и другихъ внѣшнихъ происшествіяхъ. Разбирать такого рода факты безъ сомнѣнія гораздо труднѣе; они чаще даютъ поводъ къ ошибкамъ; ихъ не легко одушевить, изобразить въ яркихъ, живыхъ формахъ; и эта трудность нисколько не умѣняетъ ихъ природы; они тѣмъ не менѣе составляютъ существенную часть исторіи.

Цивилизація есть одинъ изъ такихъ фактовъ — фактъ всеобщій, скрытый, сложный, не легко поддающійся описанію и повѣствованію, но тѣмъ не менѣе существующій, имѣющій полное право быть предметомъ повѣствованія и описанія. Можно возбудить множество вопросовъ по поводу этого факта; можно спросить — и дѣйствительно такой вопросъ задавался: — является ли онъ добромъ или зломъ. Одни приходятъ отъ него въ отчаяніе, другіе въ восторгъ. Можно задать себѣ вопросъ: есть ли это всеобщій фактъ, существуетъ ли всемірная цивилизація человѣческаго рода, стремится ли человѣчество къ опредѣленной цѣли, передаютъ ли народы другъ другу изъ вѣка въ вѣкъ нѣчто неисчезающее, нѣчто возрастающее, хранимое какъ драгоцѣнное сокровище, и, такимъ образомъ, нѣчто нетлѣнное, вѣчное? Что касается меня, то я глубоко убѣжденъ, что дѣйствительно человѣчество имѣетъ общее предназначеніе; что существуетъ передача сокровищъ цивилизаціи изъ поколѣнія въ поколѣніе, и слѣдовательно существуетъ всеобщая исторія цивилизаціи.

Но даже не возбуждая столь серьезныхъ и трудныхъ во-

просовъ, ограничивая себя опредѣленными рамками извѣстнаго числа вѣковъ или извѣстными національностями, нельзя не убѣдиться, что и въ этихъ границахъ цивилизація есть фактъ, который можетъ быть описанъ, рассказанъ, который имѣетъ свою исторію. Замѣчу тутъ же, что исторія эта выше всѣхъ прочихъ, что она обнимаетъ собою всѣ другія.

Не ясно ли въ самомъ дѣлѣ, что фактъ цивилизаціи есть фактъ по преимуществу, фактъ всеобщій и окончательный, къ которому сводятся всѣ другіе, въ которомъ они разумѣются? Возьмите всѣ факты, изъ которыхъ составляется исторія народа и которые обыкновенно приято считать элементами его жизни, — возьмите его учрежденія, торговлю, промышленность, его войны, всѣ подробности его управленія: что хотите вы раскрыть въ этихъ фактахъ, разсматривая ихъ въ совокупности и взаимной связи, взвѣсивая и обсуждая ихъ? Вы хотите изслѣдовать, насколько они содѣйствовали цивилизаціи народа, какую роль они играли въ ней, какое принимали въ ней участіе, какое имѣли на нее вліяніе. Этимъ путемъ вы не только составляете себѣ опредѣленное представленіе о явленіяхъ народной жизни, но и таксируете ихъ, опредѣляете ихъ истинную цѣну; ихъ можно сравнить съ рѣками, изъ которыхъ каждая вноситъ свою долю въ океанъ. Цивилизація—нѣчто въ родѣ океана, который составляетъ достояніе народа, которымъ соединяются всѣ элементы, всѣ силы народной жизни. Это настолько справедливо, что даже тѣ факты, которые по существу своему гнусны, пагубны, факты, лежащіе тяжкимъ бременемъ на народахъ, каковы напримѣръ деспотизмъ или анархія,—даже такіе факты, если они содѣйствовали въ чемъ-нибудь цивилизаціи, заставили ее сдѣлать значительный шагъ впередъ, то и они становятся до нѣкоторой степени извинительными: тамъ, гдѣ только признаютъ существованіе цивилизаціи и фактовъ, содѣйствовавшихъ ей, невольно забываютъ цѣну, которою она куплена.

Есть также факты, которые, строго говоря, нельзя даже назвать общественными,—факты индивидуальныя, касающіеся, повидимому, болѣе человѣческаго духа, нежели общественной жизни: таковы религіозныя вѣрованья, философскія идеи, наука, литература, искусства. Факты эти повидимому относятся собственно къ единичному человѣку, предназначены для его усовершенствованія, для доставленія ему разнообразныхъ наслажденій; цѣль ихъ съ перваго взгляда—не столько общественное развитіе человѣка, сколько его внутреннее развитіе

или его наслажденіе. Однако и эти факты разсматриваются и должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія цивилизаціи. Всегда и вездѣ религія принимала большое участіе въ цивилизаціи народовъ; наука, литература, искусства, всѣ умственныя и нравственныя наслажденія человѣка также претендовали на такую же роль, и признаніе ея за ними считалось для нихъ высшею почестью и похвалою. Поэтому, какъ бы велико и важно ни было извѣстное явленіе, по одному отношенію своему къ человѣческому духу, независимо отъ всякаго внѣшняго результата,—значеніе его еще болѣе возрастаетъ отъ связи его съ цивилизаціею. Такова важность этого всемірнаго факта, что онъ увеличиваетъ цѣну всего, что только приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. И это еще не все: есть случаи, когда упомянутые нами факты, т. е. религіозныя вѣрованія, философскія идеи, литература, искусства разсматриваются и обсуждаются больше всего на основаніи ихъ вліянія на цивилизацію—вліянія, которое до извѣстной степени и въ теченіе извѣстнаго времени служитъ рѣшительнымъ мѣриломъ ихъ заслугъ и дѣйствительнаго значенія.

Но въ чемъ же состоитъ самый фактъ,—спросимъ мы, прежде чѣмъ приступимъ къ его исторіи,—фактъ столь важный, столь всеобъемлющій и драгоцѣнный, являющійся какъ бы смысломъ, выраженіемъ всей жизни народовъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, я воздержусь отъ отвлеченныхъ философскихъ взглядовъ; я не буду опираться на какой нибудь раціональный принципъ и не стану выводить изъ него, какъ слѣдствіе изъ причины, сущность цивилизаціи; такой методъ могъ бы подать много поводовъ къ заблужденіямъ. Мы встрѣчаемся и здѣсь съ фактомъ, требующимъ констатированія и описанія.

Уже издавна во многихъ странахъ, употребляютъ слово *цивилизация*. Ему придаютъ болѣе или менѣе опредѣленное, болѣе или менѣе общее значеніе; во всякомъ случаѣ слово это общеупотребительное и понятно для тѣхъ, кто употребляетъ его. Нашему изученію подлежитъ общее, популярное значеніе этого слова. Въ общепринятыхъ терминахъ почти всегда болѣе истинны, чѣмъ въ самыхъ точныхъ, по виду самыхъ строгихъ научныхъ опредѣленійхъ, Общепринятое значеніе словъ вырабатывается здравымъ смысломъ, а здравый смыслъ есть гений человѣчества. Это значеніе словъ вырабатывается постепенно, подъ вліяніемъ фактовъ; по мѣрѣ возникновенія фактовъ, подходящихъ подъ смыслъ извѣстнаго термина, этотъ послѣдній самъ собою, естественнымъ путемъ примѣняется къ нимъ; зна-

ченіе термина распространяется, расширяется—и мало по малу различные факты, различные идеи, которыя по самой сущности своей должны быть соединены между собою, дѣйствительно соединяются въ одномъ общемъ словѣ. Напротивъ, если значеніе слова опредѣлено наукою, то опредѣленіе это, сдѣланное однимъ или нѣсколькими лицами, совершается подъ вліяніемъ какого-либо частнаго факта, особенно выдающагося. Такимъ образомъ, научныя опредѣленія вообще спеціальнѣе общепотребительныхъ, и потому, въ сущности, гораздо менѣе вѣрны. Изучая какъ фактъ значеніе слова *цивилизациа*, изыскивая всѣ заключающіяся въ немъ, по здравому человѣческому смыслу, понятія, мы гораздо ближе ознакомимся съ самымъ фактомъ, нежели давая ему научное опредѣленіе, хотя съ перваго взгляда оно и показалось бы намъ яснѣе и точнѣе.

Для начала предстоящаго изысканія я приведу нѣсколько примѣровъ, опишу нѣсколько различныхъ состояній общества; затѣмъ мы поставимъ вопросъ: въ какомъ изъ этихъ состояній инстинктивно чувствуются признаки успѣховъ общества въ ходѣ цивилизациа и обрѣтаются тѣ данныя, которыя человѣчскій родъ обыкновенно соединяетъ съ понятіемъ о *цивилизациа*.

Вотъ народъ, котораго внѣшняя жизнь течетъ покойно, невозмутимо. Онъ платитъ мало налоговъ, онъ не бѣдствуетъ; онъ выработалъ правильную систему правосудія, словомъ, матеріальное существованіе его вообще можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ. Но въ то же время умственная и нравственная жизнь этого народа упорно пребываетъ въ состояніи оцѣпенѣнія, застоя; она—не скажу подавлена, потому что народъ не чувствуетъ надъ собою никакого гнета,—но стѣснена со всѣхъ сторонъ. Исторія представляетъ намъ такіе примѣры. Во многихъ небольшихъ аристократическихъ республикахъ съ подданными обращались какъ со стадомъ, хорошо содержимымъ и матеріально обезпеченнымъ, но совершенно чуждымъ умственной и нравственной дѣятельности. Будетъ ли это цивилизациа? Цивилизуется ли этотъ народъ?

Вотъ другой примѣръ. Матеріальная жизнь народа менѣе покойна и удобна, хотя и сносна. За то не оставлены безъ вниманія его нравственныя и умственныя потребности: имъ дана нѣкоторая пища; въ этомъ народѣ заботятся о развитіи возвышенныхъ, чистыхъ чувствъ. Религіозныя, нравственныя вѣрованья его достигли извѣстной степени развитія; но въ немъ тщательно стараются подавить начала свободы; умственныя и нравственныя потребности его удовлетворяются подобно тому,

какъ въ выше упомянутомъ нами государствѣ удовлетворялись потребности матеріальныя: каждому предоставлено пользоваться извѣстною долею истины, но никому не разрѣшено самостоятельно искать ея. Неподвижность — характерная черта нравственной жизни подобнаго народа. Таково состояніе большей части государствъ Азіи, гдѣ теократическія правительства задерживаютъ развитіе человѣчества. Таково, на примѣръ, состояніе индусовъ. Повторяю тотъ же вопросъ: цивилизуется ли этотъ народъ?

Теперь я совершенно измѣняю характеръ примѣра. Вотъ народъ, у котораго чрезвычайно развита свобода нѣсколькихъ отдѣльных лицъ, но при этомъ безпорядокъ и неравенство достигли крайнихъ предѣловъ. Вездѣ преобладаніе силы и случая; кто слабѣе, того притѣсняютъ, тотъ бѣдствуетъ, гибнетъ; насилие — господствующій характеръ общественной жизни. Всякій знаетъ, что Европа пережила такое состояніе. Это ли цивилизація? Конечно, и здѣсь заключаются элементы цивилизаціи, предназначенные къ дальнѣйшему развитію; но состояніе, въ которомъ находится такое общество, конечно не такое, которое здравый смыслъ человѣка называетъ цивилизаціей.

Перехожу къ четвертому и послѣднему примѣру. Личная свобода отдѣльнаго человѣка очень велика; неравенство встрѣчается рѣдко, или по крайней мѣрѣ скоро исчезаетъ. Каждый творитъ почти все, что хочетъ; по общественному значенію своему, всѣ болѣе или менѣе равны; но мало общихъ интересовъ и идей, слаба общественная дѣятельность, словомъ — способности и живыя силы отдѣльных личностей развиваются и проявляются совершенно разрозненно, безъ всякаго взаимодѣйствія; онѣ не оставляютъ никакихъ слѣдовъ существованія; слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія въ социальномъ отношеніи почти не отличаются одно отъ другаго. Это состояніе дикихъ племенъ: тутъ есть и свобода и равенство, но цивилизація, безъ всякаго сомнѣнія, тутъ нѣтъ никакой.

Я могъ бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но полагаю, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобы выяснитъ общеупотребительное значеніе слова *цивилизация*.

Ясно, что ни одно изъ вышеприведенныхъ общественныхъ состояній не соотвѣтствуетъ этому выраженію, какъ понимаетъ его здравый смыслъ человѣка. Почему? Мнѣ кажется, что сущность, заключающаяся въ словѣ *цивилизация* (и это прямо вытекаетъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ), есть прогрессъ, развитіе; терминъ этотъ неизбежно связанъ съ

представленіемъ о народѣ, который движется впередъ,—и движется для того, чтобы переимѣнить не только мѣсто, но и состояніе,—о народѣ, жизнь котораго все болѣе и болѣе расширяется и улучшается. Идея прогресса, развитія кажется мнѣ основною идеею *цивилизаци*.

Но что такое прогрессъ? Что такое развитіе?

На этотъ вопросъ, самый затруднительный изъ всѣхъ, этимология слова *цивилизаци* даетъ, кажется, ясный и удовлетворительный отвѣтъ. Она указываетъ на усовершенствованіе гражданской жизни ¹⁾, на развитіе общества въ собственномъ смыслѣ этого слова, развитіе людскихъ отношеній.

Такова, въ самомъ дѣлѣ, первая мысль, зарождающаяся въ нашемъ умѣ при словѣ *цивилизаци*. Мы тотчасъ же представляемъ себѣ расширеніе, увеличеніе общественной дѣятельности и лучшую организацію общественныхъ отношеній: съ одной стороны, мы видимъ усиленное развитіе элементовъ, образующихъ могущество и благосостояніе общества, съ другой—возможно равномѣрное распредѣленіе ихъ между отдѣльными лицами.

Все ли это? Вполнѣ ли исчерпали мы естественное, общепотребительное значеніе слова «цивилизаци»? Не заключаетъ ли оно въ себѣ еще чего нибудь?

Поставить подобный вопросъ — почти то же самое, что спросить себя: родъ человѣческій, въ сущности, не похожъ ли на муравейникъ, т. е., на общество, вся задача котораго состоитъ въ соблюденіи порядка и обезпеченіи благосостоянія,—на общество, цѣль котораго достигается и прогрессъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сумма труда и уравнивается распредѣленіе результатовъ его?

Общечеловѣческое, инстинктивное чувство возмущается при столь узкомъ опредѣленіи назначенія человѣка. Оно усматриваетъ съ перваго взгляда, что слово *цивилизаци* заключаетъ въ себѣ нѣчто высшее, обширнѣйшее и болѣе сложное, нежели простое усовершенствованіе общественныхъ отношеній, простое увеличеніе общественной силы и благосостоянія.

Историческіе факты, общественное мнѣніе, общепринятое значеніе слова *цивилизаци*—все говоритъ въ пользу этого инстинктивнаго чувства.

Возьмите Римъ въ цвѣтущія времена республики, послѣ второй пунической войны, въ моментъ развитія его высшихъ

¹⁾ Civilis—гражданскій (лат.).

доблестей, когда онъ стремился къ покоренію міра, когда общественная жизнь очевидно шла впередъ. Потомъ посмотрите на Римъ при Августѣ, въ эпоху, когда начинается его упадокъ, когда по крайней мѣрѣ останавливается прогрессивное движеніе общества, и начинаютъ брать верхъ вредныя начала. Тѣмъ не менѣе никто не подумаетъ и не скажетъ, что Римъ Августа стоялъ на низшей ступени цивилизаціи, нежели Римъ Фабріція или Ципцината.

Перенесемся въ другую страну, во Францію XVII и XVIII столѣтій. Очевидно, что въ соціальномъ отношеніи, по суммѣ благосостоянія и по распредѣленію его между отдѣльными лицами Франція въ XVII и XVIII вѣкахъ стояла ниже нѣкоторыхъ другихъ странъ Европы, папримѣръ Голландіи и Англіи. Я убѣжденъ, что общественная дѣятельность въ Голландіи и Англіи была сильнѣе, росла быстрѣе, результаты ея распредѣлялись лучше, чѣмъ во Франціи. Однако обратитесь къ здравому смыслу человѣка—и онъ вамъ отвѣтитъ, что Франція въ XVII и XVIII вѣкахъ стояла на самой высокой ступени цивилизаціи среди остальныхъ странъ Европы. Европа не колебалась въ рѣшеніи этого вопроса. Слѣды ея мнѣнія о Франціи можно найти во всѣхъ памятникахъ Европейской литературы.

Можно указать еще много государствъ, гдѣ благосостояніе растетъ быстрѣе и лучше распредѣляется между гражданами, и гдѣ между тѣмъ цивилизація—по приговору здраваго смысла и врожденнаго человѣку инстинкта—находится на низшей степени развитія, нежели въ другихъ государствахъ, не столь удовлетворительно устроенныхъ собственно въ соціальномъ отношеніи.

Что же это означаетъ? Откуда заимствуютъ эти государства тѣ преимущества, которыми такъ щедро вознаграждаются, по общепризнанному мнѣнію, всѣ прочіе недостатки ихъ общественного устройства?

Здѣсь блестяще заявляетъ себя иного рода развитіе, отличающееся отъ развитія общественной жизни, развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей. Если общество и представляетъ несовершенства въ другихъ отношеніяхъ, то въ смыслѣ общечеловѣческомъ оно является въ большемъ величій и могуществѣ. Ему остается еще сдѣлать много соціальныхъ завоеваній, но оно сдѣлало огромныя умственные и нравственные приобрѣтенія; множество гражданъ лишено еще различныхъ

правъ и жизненныхъ благъ, но за то оно можетъ гордиться многими великими людьми, слава которыхъ озаряетъ весь міръ. Литература, наука, искусства процвѣтають. Вездѣ, гдѣ родъ человѣческій видитъ процвѣтаніе этихъ величественныхъ, славныхъ проявленій человѣческой природы, вездѣ, гдѣ онъ видитъ созиданіе этой сокровищницы возвышенныхъ наслажденій,—онъ узнаетъ и признаетъ цивилизацію.

Такимъ образомъ, въ цивилизаціи заключаются два главные факта, она существуетъ при двухъ условіяхъ и характеризуется двумя признаками: развитіемъ общественной дѣятельности и развитіемъ дѣятельности личной,—прогрессомъ общества и прогрессомъ человѣка. Повсюду, гдѣ внѣшняя жизнь человѣка становится болѣе широкою, гдѣ она оживляется, улучшается, гдѣ духовная природа его проявляется во всемъ блескѣ и величіи,—повсюду на основаніи этихъ признаковъ, и часто даже несмотря на значительное несовершенство общественнаго быта, человѣческій родъ провозглашаетъ цивилизацію и превозноситъ ее.

Къ такимъ результатамъ, если я не ошибаюсь, приводитъ общепринятое мнѣніе о цивилизаціи. Если мы обратимся собственно къ исторіи, если вникнемъ въ сущность великихъ кризисовъ цивилизаціи, къ анализу фактовъ, отъ которыхъ, какъ признано всѣми, зависѣло ея поступательное движеніе, то мы и тамъ неизбѣжно встрѣтимся съ обоими вышеуказанными элементами цивилизаціи.

Вездѣ мы увидимъ кризисы или индивидуальнаго или общественнаго развитія, явленія, которыя измѣняли или внутреннюю природу человѣка, его вѣрованья, нравы, или его внѣшнюю жизнь, отношенія его къ другимъ людямъ. Христіанство, напримѣръ,—я говорю не только о времени его появленія, но вообще о первыхъ вѣкахъ его,—христіанство не заявило никакихъ непосредственныхъ притязаній противъ общественнаго устройства того времени; оно громко возвѣстило, что не коснется его и приказало рабу повиноваться своему господину; оно не возстало противъ главнѣйшихъ золъ, противъ вопіющихъ несправедливостей современнаго общества; но кто, тѣмъ не менѣе, будетъ отрицать, что христіанство и тогда уже вызвало великій кризисъ въ исторіи цивилизаціи? Почему? Потому что оно измѣнило внутреннюю природу человѣка, его вѣрованья, чувства, потому что оно переродило, обновило человека въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.

Мы видѣли кризисъ другаго рода, измѣнившій и преобра-

зовавший общество, — кризисъ, относившійся не къ внутренней жизни человѣка, а къ его общественному устройству. И это былъ, безспорно, одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ кризисовъ въ исторіи цивилизаціи. Просмотрите всю исторію — вы всюду найдете тотъ же результатъ; вы не встрѣтите ни одного важнаго факта, содѣйствовавшаго развитію цивилизаціи, который не имѣлъ бы вліянія на одну изъ упомянутыхъ мною сферъ человѣческой дѣятельности.

Таково, если не ошибаюсь, естественное и общеупотребительное значеніе слова «цивилизация»; таковъ фактъ — не скажу окончательно опредѣленный — но описанный, приведенный въ ясность почти вполне, или, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ своихъ. Предъ нами теперь оба элемента цивилизаціи. Но достаточно ли для ея существованія одного изъ двухъ элементовъ? Если бы мы гдѣ нибудь увидѣли развитіе одного только общества, или на оборотъ, одной только индивидуальной личности, то могло ли бы подобное развитіе назваться цивилизаціей? Нашелъ ли бы ее тамъ здравый человѣческій смыслъ? Или быть можетъ оба эти факта состоятъ въ такой тѣсной и необходимой связи между собою, что, даже появляясь не одновременно, они не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, и рано или поздно одинъ изъ нихъ повлечетъ за собою другой?

Вопросъ этотъ можно, какъ мнѣ кажется, разсматривать съ трехъ сторонъ. Можно изслѣдовать самую сущность элементовъ цивилизаціи и допытываться, тѣсно ли они связаны между собою и необходимы ли они другъ для друга. Можно разискать исторически, проявлялись ли они отдѣльно другъ отъ друга, или же всегда были результатомъ одинъ другаго. Можно наконецъ прислушаться по поводу этого вопроса къ общему мнѣнію людей, къ ихъ здравому смыслу. Я обращусь прежде всего къ общественному мнѣнію. Когда совершается важная перемѣна въ состояніи какой нибудь страны, когда въ ней происходитъ значительное развитіе богатства и силы, или переворотъ къ распредѣленію общественнаго благосостоянія, то эти новыя явленія встрѣчаютъ себѣ противниковъ, выдерживаютъ съ ними борьбу, — да иначе и быть не можетъ. Но что же вообще говорятъ противники перемѣны? Они говорятъ, что этотъ прогрессъ общественнаго быта не улучшаетъ, не обновляетъ въ то же время нравственнаго состоянія, внутренней жизни человѣка; что это ложный, обманчивый прогрессъ, который ведетъ къ ниспроверженію нравственности, истиннаго достоинства и нормальнаго состоянія человѣка. Приверженцы обще-

ственного преобразования съ чрезвычайною энергіею отражаютъ это нападеніе; они утверждаютъ, наоборотъ, что прогрессъ общества необходимо влечетъ за собою прогрессъ нравственности, что чѣмъ лучше слагается ви́шняя жизнь, тѣмъ болѣе исправляется и очищается внутренняя жизнь. Такъ ставится вопросъ между противниками и приверженцами новаго порядка вещей.

Сдѣлайте обратное предположеніе; представьте себѣ, что прогрессъ въ одномъ нравственномъ развитіи. Что обѣщаютъ вообще люди, стоящіе во главѣ его? Что обѣщали, въ первые времена существованія обществъ, духовные владыки, мудрецы, поэты, стремившіеся къ смягченію и исправленію нравовъ? Они обѣщали улучшеніе общественнаго быта, болѣе справедливое распредѣленіе благосостоянія. Что же доказываютъ эти споры и обѣщанія? Они доказываютъ, что по врожденному, инстинктивному вѣрованію людей, оба элемента цивилизаціи, — развитіе общества и развитіе личности, — тѣсно связаны между собою, что, при видѣ одного, человѣчество непременно рассчитываетъ и на другое. Къ этому именно вѣрованію обращаются всѣ тѣ, которые для защиты или опроверженія того или другаго развитія, признають или отрицають соединеніе ихъ. Увѣривъ людей, что улучшеніе общественнаго быта совершается въ ущербъ внутреннему прогрессу человѣка, можно отвратить или ослабить переворотъ, совершающійся въ обществѣ. Съ другой стороны, обѣщая людямъ улучшеніе общества, какъ послѣдствіе улучшенія отдѣльных лицъ, можно съ полною увѣренностью рассчитывать на врожденную склонность людей вѣрить такому обѣщанію и пользоваться ею. Итакъ, очевидно, что въ человѣкѣ есть инстинктивное вѣрованіе въ тѣсную связь обоихъ элементовъ цивилизаціи и во взаимное происхожденіе ихъ другъ отъ друга.

Если мы обратимся къ всемірной исторіи, то получимъ тотъ же самый отвѣтъ. Мы найдемъ, что развитіе внутренней природы человѣка служило вмѣстѣ съ тѣмъ на пользу обществу, и наоборотъ, всякое значительное развитіе общественнаго быта — на пользу человѣка. Конечно, всегда преобладаетъ одно развитіе надъ другимъ, проявляется съ большимъ блескомъ и сообщаетъ прогрессу свой особый характеръ. Другой факторъ развивается иногда по прошествіи долгаго времени, послѣ тысячи видоизмѣненій, тысячи препятствій, и служить какъ бы дополненіемъ цивилизаціи, обусловленной первымъ факторомъ. Но взглядываясь глубже, нельзя не замѣтить связи, соединяющей ихъ. Пути провидѣнія не ограничены тѣсными предѣ-

лами; оно не имѣетъ надобности извлекать сегодня же выводъ изъ постановленнаго вчера принципа; оно извлечетъ его по прошествіи вѣковъ, въ свое время; медленность (съ нашей точки зрѣнія), нисколько не уменьшаетъ вѣрности его разсужденій. Провидѣніе распоряжается временемъ по своему усмотрѣнію; оно движется въ немъ подобно тому, какъ боги Гомера двигались въ пространствѣ: одинъ шагъ—и протекли цѣлые вѣка. Сколько прошло времени, сколько совершилось событій, прежде чѣмъ нравственное обновленіе человѣка христіанствомъ оказало свое великое и закономѣрное вліяніе на преобразованіе общественнаго быта! Но все же вліяніе это проявилось—кто могъ бы въ настоящее время не признавать этого?

Переходя отъ исторіи къ самой сущности обоихъ факторовъ цивилизаціи, мы опять неизбежно придемъ къ тому же результату. Нѣтъ человѣка, который не испыталъ бы этого на самомъ себѣ. Когда въ человѣкѣ происходитъ нравственный переворотъ, когда въ немъ развивается новая идея, новая добродѣтель, новая способность—словомъ, когда онъ развивается лично,—какая потребность пробуждается въ немъ прежде всего? Потребность проявить свои чувства во внѣшнемъ мірѣ, осуществить свою мысль внѣ себя. Едва только человѣкъ, по своему собственному убѣжденію, приобрѣлъ новую способность, новую силу, какъ въ немъ немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голосъ обязываетъ, побуждаетъ его распространить перемѣну, улучшение, совершившееся въ немъ, сдѣлать ихъ господствующими внѣ его самого. Такова причина появленія великихъ реформаторовъ. Великіе люди, обновившіе сначала самихъ себя, а потомъ измѣнившіе строй цѣлаго міра, были побуждаемы и руководимы ничѣмъ другимъ, какъ именно этою непреодолимою потребностью.

Таковы послѣдствія перемѣны, совершающейся во внутренней природѣ человѣка; обратимся къ другому случаю. Въ обществѣ совершился переворотъ. Оно устроилось лучше прежняго, права и богатства распределены справедливѣе между отдѣльными лицами; другими словами, зрѣлище, представляемое внѣшнимъ міромъ, стало привлекательнѣе и прекраснѣе; отношенія правительства къ подданнымъ и послѣднихъ между собою улучшились. Неужели вы думаете, что это зрѣлище, это улучшение внѣшнихъ фактовъ не подѣйствуетъ на внутренний міръ человѣка, на человѣческую природу? Все что говорится о силѣ примѣра, привычки, объ об-

разцахъ, достойныхъ подражанія,— все это основано единственно на томъ убѣжденіи, что внѣшній фактъ, полезный, разумный, стройный, рано или поздно повлечетъ за собою болѣе или менѣе сходный внутренній фактъ того же качества и достоинства; что внѣшній бытъ, сложившійся лучше и справедливѣе, дѣлаетъ и самаго человѣка болѣе склоннымъ къ справедливости; что внутренній міръ преобразовывается міромъ внѣшнимъ, и наоборотъ; что оба элемента цивилизаціи тѣсно связаны другъ съ другомъ; что хотя бы ихъ раздѣляли цѣлыя вѣка и всевозможныя преграды, хотя бы соединеніе ихъ требовало безчисленныхъ видоизмѣненій,— по рано или поздно они непременно соединятся въ каждомъ изъ нихъ между собою; это естественный законъ, это общій фактъ исторіи, эта инстинктивное вѣрованіе человѣческаго рода.

Я полагаю, что, далеко не исчерпавъ всего содержанія понятія о цивилизаціи, я однако представилъ его вамъ въ главныхъ, хотя и общихъ чертахъ; я описалъ его, опредѣлилъ его границы, поставилъ главные, основные вопросы, связанные съ нимъ. Можно было бы остановиться на этомъ; но я не могу оставить не затронутымъ еще одинъ весьма существенный вопросъ. Онъ не принадлежитъ къ числу историческихъ вопросовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; онъ можетъ быть названъ скорѣе вопросомъ телеологическимъ. Вопросы, подобные ему, не вполне доступны намъ. но они тѣмъ не менѣе неизбежно обращаютъ на себя вниманіе человѣка, потому что представляются ему ежеминутно, даже противъ его воли. Изъ двухъ факторовъ цивилизаціи,—развитіе общества, съ одной стороны, и человѣка, съ другой,—которое составляетъ цѣль, и которое—средство? Для одного ли усовершенствованія общественнаго своего быта, улучшенія своего земнаго существованія развивается весь человѣкъ, всѣ его способности, чувства, идеи, все существо его? Или же улучшеніе общественнаго быта, прогрессъ общества, самое общество есть только поприще развитія человѣческой личности, поводъ, двигатель этого развитія? Словомъ, существуетъ ли общество для человѣка, или человѣкъ для общества? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ неизбежно зависитъ разрѣшеніе другаго: ограничивается ли назначеніе человѣка его общественною жизнью, исчерпываетъ ли, поглощаетъ ли общество всего человѣка, или же онъ носитъ въ себѣ самомъ нѣчто высшее его земнаго существованія?

Человѣкъ, дружбою котораго я горжусь, который изъ

собраний, подобных нашему, перешелъ и занялъ первое мѣсто въ собраніяхъ, менѣе снокойныхъ, но болѣе важныхъ,—человѣкъ. каждое слово котораго врѣзывается и навсегда остается запечатлѣннымъ тамъ, гдѣ оно раздалось—г. Ройс-Колларъ, разрѣшилъ этотъ вопросъ, но крайней мѣрѣ по своему убѣжденію, въ рѣчи своей по поводу проекта предполагавшагося закона о святотатствѣ. Въ этой рѣчи я нахожу слѣдующія два выраженія: «Общества рождаются, живутъ и умираютъ на землѣ; этимъ они выполняютъ все свое назначеніе... Но они не поглощаютъ собою всего человѣка. Вступивъ въ общество, онъ сохраняетъ благороднѣйшую часть самаго себя, свои высшія способности, которыми онъ возносится до Бога, до будущей жизни, до невѣдомыхъ благъ незримаго міра... Мы, отдѣльныя и подобныя другъ другу личности, мы, существа, одаренныя безсмертіемъ, имѣемъ иное назначеніе, нежели государства». Я ничего не прибавлю къ этому. Я не буду разбирать самаго вопроса и ограничусь тѣмъ, что поставилъ его. Мы встрѣтимся съ нимъ въ концѣ исторіи цивилизаціи; когда исторія эта вполнѣ исчерпана, когда все сказано о настоящей жизни, человѣку невольно и неотразимо представляется вопросъ: точно ли все исчерпано, все окончено? Въ этомъ, слѣдовательно, заключается послѣдняя задача, и самая высокая изъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ можетъ привести исторія цивилизаціи. Я довольствуюсь тѣмъ, что указалъ ея мѣсто и значеніе.

Послѣ всего сказаннаго мною, очевидно, что исторію цивилизаціи можно изучать съ двухъ сторонъ, почерпать изъ двухъ источниковъ, разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Историкъ можетъ обратиться къ человѣческому духу, какимъ онъ представляется въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени, цѣлаго ряда столѣтій, или у какого-нибудь народа; онъ можетъ изучить, описать, передать всѣ явленія, видоизмѣненія, перевороты, совершившіеся во внутреннемъ мірѣ человѣка,—и, окончивъ такой трудъ, онъ получитъ исторію цивилизаціи избраннаго имъ народа или періода. Онъ можетъ пойти и другимъ путемъ: не вступая во внутренній міръ человѣка, онъ можетъ встать въ центрѣ міровой арены, не описывая измѣненія идей и чувствованій отдѣльныхъ существъ, онъ можетъ излагать внѣшніе факты, событія, общественные перевороты. Эти два отдѣла, эти двѣ исторіи цивилизаціи тѣсно связаны между собою; они служатъ отраженіемъ, изображеніемъ другъ друга. Однако они

могутъ и даже должны быть раздѣлены, по крайней мѣрѣ сначала, для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ быть подвергнутъ подробной разработкѣ. Что касается меня, то я не предполагаю излагать исторію европейской цивилизаціи въ отношеніи ея къ внутреннему міру человѣка; я займусь исторіею внѣшнихъ событій, видимаго, общественнаго быта. Я ограничиваю себя, стѣсняю предметъ свой болѣе узкими предѣлами: я имѣю въ виду изученіе лишь общественнаго быта въ прогрессивномъ развитіи.

Мы начнемъ съ изслѣдованія всѣхъ элементовъ европейской цивилизаціи въ ея колыбели, начиная съ паденія Римской имперіи, и тщательно изучимъ общество въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его среди этихъ славныхъ развалинъ. Мы постараемся если не воскресить, то возстановить эти элементы, сопоставить ихъ и, достигнувъ этого, попытаемся прослѣдить ихъ развитіе въ теченіи пятнадцати вѣковъ, протекшихъ съ того времени. Я думаю, что съ первыхъ же шаговъ нашего изслѣдованія, мы убѣдимся въ томъ, что цивилизація человѣчества еще очень молода, что она еще не совершила большей части своего пути. Мысль человѣка въ настоящую минуту, безъ сомнѣнія, еще не то, чѣмъ она можетъ сдѣлаться въ послѣдствіи; мы обнимаемъ еще далеко не всю будущность человѣческаго рода; пусть всякій изъ насъ углубится въ свои мысли, пусть спроситъ себя о возможномъ благѣ, которое онъ представляетъ себѣ и на которое надѣется, и пусть сравнитъ потомъ свою мечту съ окружающею его дѣйствительностью:— онъ убѣдится, что общество и цивилизація еще очень юны, что, несмотря на весь пройденный путь, имъ предстоитъ еще путь несравненно большій. Но это нисколько не уменьшаетъ удовольствія, которое доставляетъ намъ настоящее. Когда я проведу предъ вашими глазами великіе кризисы исторіи европейской цивилизаціи, совершившіеся въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, вы увидите, до какой степени положеніе человѣка до нашего времени было тягостно, небезопасно, сурово, и не только во внѣшней жизни, въ обществѣ, но и во внутреннемъ мірѣ, въ духовной жизни. Въ теченіи пятнадцати вѣковъ умъ человѣческій страдалъ столько же, сколько и родъ человѣческій. Вы увидите, что лишь въ новѣйшее время умъ человѣческій, можетъ быть, еще впервые достигнулъ состоянія, хотя далеко несовершеннаго, въ которомъ царитъ нѣкоторое спокойствіе, нѣкоторая гармонія. То же самое и въ обществѣ: оно очевидно сдѣлало огром-

исторія цивилизаціи въ европѣ.

ные успѣхи; положеніе человѣка, въ сравненіи съ прежнимъ, спокойно и удовлетворяетъ требованіямъ справедливости. Вспоминая о нашихъ предкахъ, мы можемъ примѣнить къ себѣ стихи Лукреція:

*Suave, mari magno, turbantibus aequora ventis,
Ex terra magnum alterius spectare laborem*).*

Мы даже можемъ безъ гордости сказать о себѣ то, что говоритъ Соснелъ у Гомера:
«Возблагодаримъ небо за то, что мы гораздо лучше нашихъ предковъ».

Будемъ однако осторожны. Не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться сознаніемъ своего счастья и превосходства; иначе намъ грозятъ двѣ большія опасности: гордость и лѣность. Мы можемъ сдѣлаться слишкомъ довѣрчивыми къ могуществу и успѣхамъ человѣческаго разума, къ той степени просвѣщенія, которой мы достигли, и, наслаждаясь своимъ настоящимъ положеніемъ, утратить способность къ дальнѣйшей дѣятельности. Я не знаю, поражаетъ ли это васъ также сильно, какъ меня; но мнѣ кажется, что мы постоянно колеблемся между двумя противоположностями: насъ огорчаютъ мелочи, а съ другой стороны мы мелочами же удовлетворяемся. Въ желаніяхъ нашихъ, въ мысляхъ, въ воображеніи мы до крайности впечатлительны, требовательны и безгранично честолюбивы; но когда дѣло доходитъ до дѣйствительной жизни, когда для достиженія цѣли необходимы жертвы и усилія, мы устаемъ и опускаемъ руки. Мы упадаемъ духомъ почти также легко, какъ нетерпѣливо желаемъ чего-нибудь. Остережемся же отъ того и другого. Привыкнемъ соразмѣрять наши желанія съ тѣмъ, что намъ могутъ дать наши силы, знанія, наши средства, и будемъ помогать лишь того, что можетъ быть пріобрѣтено законно, справедливо, правильно, съ уваженіемъ тѣхъ основъ, на которыя опирается самая цивилизація. Иногда мы, кажется, готовы снова возвратиться къ началамъ варварской Европы: къ грубой силѣ, наглости, обману, столь обыкновеннымъ явленіямъ четыре-пять вѣковъ тому назадъ. Но даже и уступивъ этому искушенію, мы не находимъ въ себѣ ни упорства, ни дикой энергіи людей того времени, которые много страдали и, недовольные своимъ положеніемъ, постоянно стремились выйти изъ него. Мы довольны своимъ положеніемъ,

*) Пріятно, когда вѣтеръ вздымаетъ морскія волны, съ твердой земли смотрѣть на великую работу.

не будемъ же рисковать имъ ради смутныхъ желаній, время осуществленія которыхъ еще не настало. Намъ много дано, съ насъ много и спросится; мы должны будемъ отдать потомству строгій отчетъ въ своей дѣятельности; общество и правительство—теперь одинаково подлежатъ изслѣдованію, отчету, отвѣтственности. Станемъ же твердо и неуклонно держаться началъ нашей цивилизаціи: правосудія, законности, гласности, свободы, никогда не забывая, что если мы справедливо требуемъ, чтобы ничего не было скрыто отъ насъ, то сами находимся на виду всего свѣта, который и насъ въ свою очередь подвергнетъ допросу и суду.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Исключительность древней цивилизації.—Разнообразіе современной цивилизації.—Ея превосходство надъ древнею.—Состояніе Европы въ эпоху паденія Римской имперіи.—Преобладаніе городовъ.—Попытка политической реформы, произведенная императорами.—Рескриптъ Гонорія и Θεодосія II.—Могущество Имперіи.—Христіанская церковь.—Различныя стадія, пройденныя ею въ V вѣкѣ.—Духовенство, занимающее муниципальныя должности.—Хорошее и дурное вліяніе церкви.—Варвары.—Внесеніе ими въ міръ чувства личной независимости и преданности человѣка человѣку.—Обзоръ элементовъ цивилизації въ началѣ V вѣка.

Въ предыдущей лекціи я старался объяснить фактъ цивилизації вообще, не касаясь никакой цивилизації въ отдѣльности, не обращая вниманія на обстоятельства времени и мѣста, рассматривая фактъ въ немъ самомъ, съ точки зрѣнія чисто философской. Теперь мы займемся собственно европейскою цивилизаціею; но мнѣ хотѣлось бы прежде всего показать вамъ въ общихъ чертахъ ея особенности; мнѣ хотѣлось бы представить ее такъ ясно, чтобы она явилась вполне отличною отъ всѣхъ другихъ цивилизацій въ мірѣ. Попытаюсь исполнить это желаніе, ограничиваясь по необходимости общими положеніями. Мнѣ бы слѣдовало обрисовать предъ вами европейское общество съ такою точностью, чтобы вы тотчасъ могли узнать его, словно по портрету; но я не смѣю надѣяться достигнуть этой цѣли.

Вдумываясь въ цивилизації, предшествовавшія европейской,—въ Азіи ли, или въ другихъ странахъ, не исключая даже Греціи и Рима,—нельзя не обратить вниманія на господствовавшее единство. Всѣ они словно вытекаютъ изъ одного извѣстнаго начала, изъ одной идеи; словно все общество находилось во власти одного принципа, преобладавшаго въ немъ, опредѣлившаго его учрежденія, нравы, вѣрованья, словомъ, всѣ стороны его развитія. Въ Египтѣ, напримѣръ, цѣлымъ обществомъ владѣлъ принципъ теократическій; онъ проявляется

въ правахъ, въ памятникахъ, во всемъ, что осталось отъ египетской цивилизаціи. Въ Индіи то же самое — почти исключительное господство теократическаго принципа. У другихъ народовъ встрѣчается иная организація — господство касты завоевателей; принципъ силы исключительно властвуетъ надъ обществомъ, предписываетъ ему законы, сообщаетъ ему свой характеръ. Есть общества, служащіе выраженіемъ демократическаго принципа, напримѣръ, большая часть торговыхъ республикъ по берегамъ Малой Азіи и Сиріи: Іонія, Фипикія и др. Однимъ словомъ, древнія цивилизаціи носятъ на себѣ замѣчательный отпечатокъ исключительности въ учрежденіяхъ, правахъ, идеяхъ; всѣмъ управляетъ и все рѣшаетъ какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мѣрѣ безусловно преобладающая сила.

Такое единство принципа и формы не всегда однако преобладало въ цивилизаціи древнихъ государствъ. Восходя къ болѣе отдаленнымъ временамъ ихъ исторіи, мы часто находимъ соперничество тѣхъ различныхъ силъ, которыя могутъ развиваться въ пѣдрахъ общества. У египтянъ, этрусковъ, даже у грековъ, каста воиновъ, напримѣръ, боролась съ кастою жрецовъ, у другихъ народовъ — духъ клана *) съ духомъ свободныхъ общинъ, аристократическая система съ демократическою и проч. Но подобная борьба обыкновенно происходила въ доисторическія эпохи, исторія же, въ собственномъ смыслѣ слова, сохранила о ней только смутное воспоминаніе. Иногда подобная борьба возникала и въ позднѣйшія времена, но почти всегда быстро прекращалась. Одна изъ силъ, боровшихся за власть, побѣждала и нераздѣльно овладѣвала обществомъ. Война постоянно оканчивалась, если не исключительнымъ, то по крайней мѣрѣ преобладающимъ господствомъ какого нибудь извѣстнаго начала. Въ исторіи древнихъ народовъ, одновременное существованіе и соперничество различныхъ началъ было не болѣе, какъ скоропроходящимъ кризисомъ, случайнымъ явленіемъ — отсюда поразительная простота въ большей части древнихъ цивилизацій. Простота общественнаго начала иногда имѣла слѣдствіемъ необыкновенно быстрое развитіе, какъ напримѣръ въ Греціи. Ни одинъ народъ не развивался такъ блистательно и въ столь короткое время. Но послѣ этого изумительнаго успѣха, Греція вдругъ является изнуренною, и, хотя паденіе ея было

*) Кланъ — родъ, происходящій отъ одного родоначальника и сильно разросшійся.

медленнѣе, нежели возвышеніе, тѣмъ не менѣе оно совершилось съ необыкновенною быстротою. Творческая сила въ началахъ греческой цивилизаціи словно изсякла, а взамѣнъ ея не явилось никакого другого освѣжающаго начала.

Въ Египтѣ и въ Индіи единство цивилизаціи имѣло совершенно противоположный результатъ. Общество впало въ состояніе застоя. Простота обратилась въ однообразіе; государство не разрушилось, общество продолжало свое существованіе, но оставалось неподвижнымъ и словно застыло. Къ той же самой причинѣ должно отнести тиранническій характеръ, проявляющійся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ во всѣхъ древнихъ цивилизаціяхъ. Общество находилось во власти одной исключительной силы, недопускавшей господства иной. Всякое чуждое ей стремленіе подвергалось преслѣдованію. Господствующій принципъ никогда не допускалъ проявленія и дѣйствія рядомъ съ собою какого-либо другаго начала.

Это единство цивилизаціи отразилось и въ литературѣ, въ произведеніяхъ ума. Кто не просматривалъ памятниковъ индійской литературы, съ недавняго времени распространившихся въ Европѣ? Нельзя не признать, что всѣ они носятъ одинъ и тотъ же характеръ. Они представляютъ какъ бы результатъ одного и того же факта, выраженіе одной и той же идеи; религіозныя и нравственныя сочиненія, историческія преданія, драматическая поэзія, эпосъ, — все носитъ на себѣ одинъ и тотъ же отпечатокъ: произведенія разума отличаются тѣмъ же однообразіемъ, которое замѣтно въ событіяхъ и учрежденіяхъ. Даже въ Греціи, среди всѣхъ богатствъ человѣческаго разума, господствуетъ рѣдкое единство въ литературѣ и въ искусствахъ.

Совершенно иначе развивалась цивилизація современной Европы. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, взгляните въ нее, припомните все, что вы знаете о ней, — она тотчасъ же явится передъ вами многообразною, запутанною, бурною; въ ней одновременно существуютъ всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи: духовная и свѣтская власть, элементы теократическій, монархическій, аристократическій, демократическій; всѣ классы, всѣ состоянія общества смѣшаны и перепутаны; всюду представляются безконечно разнообразныя степени свободы, богатства, вліянія. И всѣ эти силы находятся въ состояніи постоянной борьбы, при чемъ ни одна изъ нихъ не получаетъ рѣшительнаго преобладанія надъ прочими, не овладѣваетъ безусловно обществомъ. Въ древности каждая великая эпоха словно отливала всѣ общества въ одну

и ту же форму; преобладаніе принадлежало то монархіи, то теократіи или демократіи,—но господство каждой изъ этихъ формъ было всегда исключительнымъ, безусловнымъ. Современная Европа представляетъ образцы всѣхъ системъ, всѣхъ попытокъ общественной организаціи: абсолютныя и смѣшанныя монархіи, теократіи, республики болѣе или менѣе аристократическія существуютъ въ ней одновременно, другъ подле друга,—и несмотря на все различіе ихъ, онѣ всетаки представляютъ много общаго, въ нихъ нельзя не признать чего-то родственнаго.

Въ мірѣ идейномъ и нравственномъ то же разнообразіе, та же борьба. Теократическія, монархическія, аристократическія, демократическія убѣжденія сталкиваются, борются, ограничиваютъ, видоизмѣняютъ другъ друга. Раскройте самыя смѣлыя средневѣковыя сочиненія: никогда идея не доведена въ нихъ до своихъ послѣднихъ результатовъ. Защитники абсолютной власти внезапно, сами того не замѣчая, отступаютъ предъ слѣдствіями, вытекающими изъ ихъ ученія; они очевидно стѣснены идеями, вліяніями, которыя останавливаютъ ихъ и не позволяютъ имъ дойти до крайнихъ предѣловъ. Демократы подвергаются дѣйствію того же самаго закона. Нигдѣ мы не видимъ той непоколебимой отваги, той слѣпой логики, которыя поражаютъ насъ въ древнихъ цивилизаціяхъ. Въ чувствахъ тѣ же противоположности, то же разнообразіе: весьма энергическое стремленіе къ независимости рядомъ съ склонностью къ подчиненію; глубокая преданность одного человека другому, и въ то же время безудержная потребность исполнять свою волю, отбросить всякія стѣсненія, жить одному, не заботясь о другихъ. Въ ощущеніяхъ, словомъ, такія же колебанія, какъ и въ самомъ обществѣ.

Тѣ же отличительныя свойства встрѣчаемъ мы и въ новейшей литературѣ. Нельзя не сознаться, что съ точки зрѣнія формы и художественности произведенія ея во многомъ уступаютъ древнимъ; но въ описаніи мыслей и чувствъ, онѣ стоятъ неизмѣримо выше. Душа человѣческая является въ нихъ изслѣдованною и многостороннею и глубже. Отсюда и самое несовершенство формы. Чѣмъ сильнѣе, многочисленнѣе матеріалы, тѣмъ труднѣе привести ихъ къ простой, ясной формѣ; а въ таковой собственно и заключаются красота, художественность. При разнообразіи идей и чувствъ европейской цивилизаціи, гораздо труднѣе достигнуть такой простоты и ясности, какія представляютъ античныя произведенія.

Слѣдовательно, куда бы мы ни обратились, всюду обна-

руживается господствующій характеръ современной цивилизаціи. Опъ безъ сомнѣнія имѣетъ тотъ недостатокъ, что развитіе всѣхъ проявленій человѣческаго ума, порознь взятыхъ, уступаетъ соотвѣтствующей сторонѣ развитія въ древнихъ цивилизаціяхъ; но за то, рассматриваемая въ общемъ, европейская цивилизація является несравненно выше всякой другой. Она существуетъ уже пятнадцать столѣтій и постоянно прогрессируетъ; она подвигалась впередъ далеко не такъ быстро, какъ греческая цивилизація, но за то прогрессъ ея никогда не прекращался. Она видитъ передъ собою безконечную арену и, со дня на день, стремится впередъ все быстрѣе и быстрѣе, потому что свобода все болѣе и болѣе расчищаетъ ей дорогу; тогда какъ въ другихъ цивилизаціяхъ исключительное господство или по крайней мѣрѣ чрезмѣрное преобладаніе одного начала, одной формы всегда порождало тираннію; въ современной Европѣ разнообразіе элементовъ общественнаго устройства и невозможность ихъ взаимнаго уничтоженія были причиною той свободы, которая достигнута въ настоящее время. Различныя начала, не имѣя возможности уничтожить одно другое, принуждены были волей-неволей существовать совместно и примирились путемъ компромиссовъ. Каждое изъ нихъ ограничилось тою ролью въ ходѣ развитія, которая приходилась ему по праву; повторяемъ: тогда какъ въ другихъ странахъ господство одного начала порождало тираннію, въ Европѣ результатомъ разнообразія и постоянной борьбы элементовъ цивилизаціи явилась свобода.

Въ этомъ состоитъ истинное, неизмѣримое превосходство. Если мы пойдемъ еще далѣе, и, игнорируя внѣшніе факты, обратимся къ самой сущности дѣла, то должны будемъ сознаться, что такое превосходство вполне естественно и законно, что его санкціонируетъ разумъ, что оно вытекаетъ изъ фактовъ. Забывъ на время европейскую цивилизацію, взглянемъ вообще на міръ, на общій ходъ явленій, совершающихся на земномъ шарѣ. Въ чемъ ихъ особенность? Какъ они совершаются? Они совершаются именно среди безконечнаго разнообразія воздѣйствій, среди вѣчной борьбы, подобную которой мы замѣчаемъ въ европейской цивилизаціи. Никакое исключительное начало, никакая особая организація, никакая идея, никакая частная сила, очевидно, не владѣетъ міромъ, не оринизовала его разъ навсегда по извѣстному шаблону, не изгнала изъ него всѣ другія стремленія, не завоевала себѣ исключительнаго господства въ немъ. Различныя силы, начала,

системы, смѣшиваются, ограничиваютъ другъ друга, находятся въ непрерывной борьбѣ, то возвышаясь, то упадая, но никогда не оставаясь вполне побѣдителями или побѣжденными. Въ этомъ именно безконечномъ разнообразіи формъ, идей, началъ, въ ихъ соперничествѣ, въ ихъ стремленіи къ извѣстному единству, къ идеалу, который никогда, можетъ быть, не будетъ достигнутъ, но къ которому путемъ труда и свободы вѣчно будетъ стремиться человѣческій родъ,—въ этомъ именно и состоитъ мировой процессъ. Слѣдовательно, европейская цивилизація есть точное изображеніе этого процесса; въ ней точно также нѣтъ ни односторонности, ни исключительности, ни застоя. Впервые, кажется, цивилизація явилась чуждою всякой исключительности, впервые развилась она столь же пышно, разнообразно и дѣятельно, какъ сама вселенная. Европейская цивилизація приближается, если можно такъ выразиться, къ вѣчной истинѣ, къ предначертаніямъ провидѣнія. Въ этомъ заключается ея неизмѣримое превосходство надъ всѣми другими цивилизаціями. Весьма желательно, чтобы во все продолженіе этого курса вы постоянно имѣли въ виду этотъ основной, отличительный характеръ европейской цивилизаціи. Пока я только указываю на него; доказательства будутъ представлены въ ходѣ дальнѣйшаго изложенія, положенія мои однако значительно подтвердятся уже тѣмъ, что мы въ самой колыбели европейской цивилизаціи найдемъ причины и зародыши тѣхъ свойствъ, которыя я приписалъ ей, что мы въ самый моментъ ея возникновенія, именно въ моментъ паденія западной Римской имперіи, найдемъ въ состояніи міра, во всѣхъ явленіяхъ, содѣйствовавшихъ образованію европейской цивилизаціи, исходную точку того бурнаго, но плодотворнаго разнообразія, которымъ она отличается. Я приступаю къ этому изслѣдованію. Я разсмотрю состояніе Европы въ эпоху паденія Римской имперіи и постараюсь найти въ учрежденіяхъ, вѣрованьяхъ, чувствахъ, идеяхъ, тѣ элементы, которые древній міръ завѣщалъ новому. Если мы уже въ этихъ элементахъ замѣтимъ отпечатокъ вышеописаннаго характера европейской цивилизаціи, то онъ тотчасъ же пріобрѣтетъ въ вашихъ глазахъ значительную степень достовѣрности.

Прежде всего необходимо ясно представить себѣ, что такое была Римская имперія и какъ она образовалась. Римъ, въ началѣ своего существованія, былъ не что иное, какъ муниципія, община. Образъ правленія его былъ совокупностью тѣхъ учреждений, которыя свойственны народонаселенію, за-

ключенному въ стѣнахъ города,—учрежденій муниципальных; таковъ ихъ отличительный признакъ. Замѣчаніе это относится не только къ Риму. Повсюду, въ тогдашней Италіи, мы не видимъ ничего другаго, кромѣ городовъ. Названіе народовъ принадлежало тогда союзамъ этихъ городовъ. Латинскій народъ былъ союзомъ латинскихъ городовъ; въ томъ же состояніи пребывали этруски, самнитяне, сабиняне, народы Великой Греціи.

Въ то время совсѣмъ не существовало деревень въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ нынѣ. Земли, находившіяся внѣ городовъ, обрабатывались, потому что этого требовала необходимость, но онѣ не были заселены. Владѣльцами полей были городскіе жители. Они на время оставляли городъ для наблюденія за полями, содержали тамъ часто нѣкоторое количество рабовъ; но деревень, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, т. е. разбросаннаго по территоріи населенія, живущаго то отдѣльно, то обществами, въ древней Италіи почти совсѣмъ не существовало.

Что сдѣлалъ Римъ, когда владѣнія его расширились? Прослѣдите его исторію и вы увидите, что онъ завоевывалъ или основывалъ города; съ городами онъ боролся, съ городами заключалъ договоры, города колонизировалъ. Исторія завоеваній Рима есть исторія завоеванія и основанія огромнаго числа городовъ. На востокъ распространеніе римскаго владычества не вполне отличается этимъ характеромъ; народонаселеніе распредѣлено было тамъ не такъ, какъ на западѣ. Подчиненное другимъ общественнымъ условіямъ, оно было гораздо менѣе сосредоточено въ городахъ. Но мы имѣемъ дѣло только съ европейскимъ населеніемъ, и востокъ представляетъ для насъ мало интереснаго.

Оградиваясь западомъ, мы всюду встрѣчаемъ указанный мною фактъ. Въ Галліи, въ Испаніи мы не видимъ ничего кромѣ городовъ; за стѣнами ихъ территорія покрыта болотами, лѣсами. Всмотритесь въ характеръ римскихъ памятниковъ, римскихъ дорогъ. Вы замѣчаете большія дороги, соединяющія одинъ городъ съ другимъ; но нѣтъ того множества мелкихъ путей сообщенія, которые въ настоящее время пересекаютъ территорію во всѣхъ направленіяхъ. Нѣтъ ничего похожаго на это безчисленное количество небольшихъ памятниковъ, селеній, замковъ, церквей, раскинувшихся по всей поверхности европейской территоріи, начиная съ среднихъ вѣковъ. Римъ завѣщалъ намъ только грандіозные памятники, какъ результаты муниципальнаго устройства, предназначенные

для многочисленнаго населенія, столпившагося на одномъ пунктѣ. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали римскій міръ, мы найдемъ въ немъ почти исключительное преобладаніе городовъ и отсутствіе иныхъ поселеній.

Этотъ муниципальный характеръ римскаго міра очевидно служилъ сильнымъ затрудненіемъ при установленіи и поддержаніи единства, общественной связи между отдѣльными частями огромнаго государства. Муниципія, подобная Риму, могла покорить міръ, но съ трудомъ могла устроить его и управлять имъ. Вотъ отчего, когда все повидимому было уже окончено, когда весь западъ и большая часть востока подпали подъ римское владычество, все несмѣтное количество городовъ,—этихъ небольшихъ государствъ, созданныхъ для отдѣльной, самостоятельной жизни,—разъединяются, отрываются другъ отъ друга и расползаются, такъ сказать, во всѣ стороны. Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ, по которымъ сдѣлалась необходимою имперія, какъ форма правленія болѣе сосредоточенная, болѣе способная поддержать связь между столь шаткими элементами. Имперія пыталась внести единство и связь въ это разъединенное общество и, до нѣкоторой степени, успѣла въ томъ. Въ періодъ отъ Августа до Діоклеціана, одновременно съ развитіемъ гражданскаго законодательства, установилась и та обширная система административнаго деспотизма, которая покрыла римскій міръ сѣтью чиновниковъ, іерархически подчиненныхъ другъ другу, тѣсно связанныхъ, какъ между собою, такъ и цезарскимъ дворомъ, и предназначенныхъ исключительно для осуществленія предначертаній верховной власти и для сообщенія верховной власти свѣдѣній о силахъ и матеріальныхъ средствахъ общества. Этой системой не только удалось соединить и удержать во взаимной связи элементы римскаго міра, но благодаря ей и самая идея центральной власти съ замѣчательною легкостью проникла въ умы. Нельзя безъ удивленія видѣть, какъ въ этомъ слабо соединенномъ сборищѣ небольшихъ республикъ, въ этомъ союзѣ муниципій, быстро распространяется уваженіе къ императорскому величеству, единому, августѣйшему, священному. Потребность установить нѣкоторую связь между отдѣльными частями имперіи была, безъ сомнѣнія, весьма настоятельна, если система полной централизаціи привилась съ такимъ успѣхомъ. Посредствомъ этой административной организаціи и соединенной съ нею военной системы Римская имперія сопротивлялась и внутреннему распаденію своему и вторженію варваровъ.

Она боролась долго, находясь непрерывно въ состояніи упадка, но не переставая защищаться. Настало наконецъ время, когда распаденіе одержало верхъ. Какъ цезаризмъ, такъ и рабство оказались одинаково безсильными поддержать это громадное разрушающееся тѣло.

Въ IV вѣкѣ во всѣхъ частяхъ его замѣтно разъединеніе, раздробленіе; варвары вторгаются со всѣхъ сторонъ. Провинціи не сопротивляются имъ: онѣ уже не заботятся объ общей участи государства. Тогда въ умѣ нѣкоторыхъ императоровъ родилась странная мысль. Они захотѣли испытать, не окажется ли свободная конфедерація,—система правленія подобная той, которую мы теперь называемъ представительной,—не окажется ли система свободной конфедераціи болѣе дѣйствительною для поддержанія единства имперіи, нежели деспотическій режимъ. Вотъ рескриптъ Гонорія и Θεодосія Младшаго, посланный, въ 418 году, префекту Галліи, съ цѣлью установить на югѣ этой провинціи родъ представительнаго правленія и тѣмъ поддержать единство имперіи:

«Гонорій и Θεодосій, августы, Агриколѣ, префекту обѣихъ Галлій».

«На весьма полезное представленіе, сдѣланное намъ тобою въ числѣ другихъ увѣдомленій, очевидно клонящихся къ пользѣ государства, мы опредѣлили—и да будетъ это всегда имѣть силу закона—сдѣлать слѣдующія распоряженія, которымъ имѣютъ повиноваться жители нашихъ семи провинцій¹⁾, и которыя по свойству своему таковы, какими могли бы желать и просить ихъ сами жители. Такъ какъ ради требованій общественной или частной пользы, не только отъ каждой изъ провинцій, но и отъ каждого города являются къ тебѣ должностныя лица и депутаты, для сдачи отчетовъ или для разсужденія о дѣлахъ, касающихся интереса поземельной собственности, то мы нашли умѣстнымъ и весьма полезнымъ, чтобы съ текущаго же года происходили для жителей семи провинцій ежегодно, въ опредѣленное время, собранія въ метрополіи, т. е. въ городѣ Арлѣ. Этимъ установленіемъ мы имѣемъ въ виду одинаково обезпечить и общіе, и частные интересы. Прежде всего, совѣщаніе знатнѣйшихъ жителей, въ присутствіи цезарскаго префекта,—если требованія общественнаго

¹⁾ Вьена, первая Аквитанія, вторая Аквитанія, Новемпопуланія, первая Нарбонна, вторая Нарбонна и провинція приморскихъ Альпъ.

порядка не отзываютъ его въ другое мѣсто, — дать возможность собрать по каждому обсуждаемому предмету наилучшія и наиболѣе правильныя мнѣнія. Все то, чего будутъ касаться разсужденія, и что, послѣ зрѣлаго соображенія, будетъ принято за правило, сдѣлается извѣстнымъ всѣмъ безъ исключенія провинціямъ, и лица, не присутствовавшія въ собраніи, обязаны будутъ слѣдовать тѣмъ же предписаніямъ справедливости и истины. Кромѣ того, учреждая въ городѣ Константина ¹⁾ ежегодныя собранія, мы имѣемъ въ виду не только способствовать всеобщему благосостоянію, но и усилить общественныя сношенія. Дѣйствительно, положеніе города такъ выгодно, число иностранцевъ, собирающихся въ немъ, такъ велико, торговля его такъ обширна, что туда стекаются и люди, и произведенія со всѣхъ концовъ свѣта. Все, что производитъ богатый востокъ, благоуханная Аравія, пѣжная Ассирія, плодородная Африка, прекрасная Испанія и храбрая Галлія, — все находится тамъ въ такомъ изобиліи, что вещи, удивляющія своимъ великолѣпіемъ другія части свѣта, въ Арлѣ считаются обыкновенными продуктами. Притомъ, соединеніе Роны съ Тисканскимъ моремъ сближаетъ и дѣлаетъ почти сосѣдними страны, прорѣзываемыя первою и омываемыя вторымъ. Такимъ образомъ, весь міръ приноситъ этому городу все, что въ немъ есть драгоцѣннѣйшаго; произведенія, свойственныя каждой отдѣльной странѣ, перевозятся туда сухимъ путемъ, моремъ, рѣками, съ помощью парусовъ, весель, повозокъ; неужели же наша Галлія не увидитъ благодѣянія въ данномъ нами повелѣніи созывать общественное собраніе въ нѣдрахъ этого города, гдѣ благостію Божіею словно соединены всѣ наслажденія жизни и всѣ удобства торговли?

«Уже славный префектъ Петроній ²⁾, съ похвальною и вполне разумною цѣлью, повелѣлъ соблюдать это обыкновеніе; но такъ какъ исполненіе его было прервано смутами и владычествомъ узурпаторовъ, то мы рѣшили силою нашей мудрости возстановить дѣйствіе его. Итакъ, дорогой и многострадальный родственникъ нашъ Агрикола, соображаясь съ настоящимъ нашимъ повелѣніемъ и съ обычаемъ, установленнымъ твоими пред-

¹⁾ Константинъ Великій особенно любилъ городъ Арль; онъ установилъ въ немъ пребываніе галльскаго префекта и хотѣлъ дать Арлю свое имя; но обычай одержалъ верхъ надъ волею императора, и городъ сохранилъ свое прежнее названіе.

²⁾ Петроній былъ галльскимъ префектомъ между 402—408 гг.

шественниками, будетъ наблюдать за исполненіемъ въ провинціяхъ слѣдующихъ распоряженій: всѣмъ лицамъ, удостоеннымъ общественныхъ должностей или владѣющимъ землями, а также всѣмъ провинціальнымъ судьямъ слѣдуетъ объявить, что они должны ежегодно собираться для совѣщанія въ городъ Арль, въ промежутокъ между идами ¹⁾ августа и идами сентября; день открытія собранія и дни засѣданій могутъ быть назначаемы по доброй волѣ.

«Новемпопуланія и вторая Аквитанія, какъ отдаленнѣйшія провинціи, въ случаѣ, если судьи ихъ задержаны нетерпѣливыми отлагательства дѣлами, могутъ присылать вмѣсто нихъ депутатовъ, согласно обычаю. Нелвившіеся въ назначенное мѣсто и въ опредѣленное время платятъ пеню, судьи—въ пять фунтовъ золота, а члены куріи ²⁾ и другіе сановники—въ три фунта. Этою мѣрою мы надѣемся даровать жителямъ нашихъ провинцій большія выгоды и большія милости. Мы увѣрены также, что содѣйствуемъ украшенію города Арля, вѣрности котораго—по словамъ нашего брата и сотоварища ³⁾—мы многимъ обязаны.

«Дано XV-го майскихъ календъ. Получено въ Арлѣ X-го июньскихъ календъ» ⁴⁾.

Провинціи и города, однако, отказались отъ этого благодѣянія; никто не хотѣлъ избирать депутатовъ, никто не хотѣлъ ѣхать въ Арль; централизація, единство были противны первобытному характеру этого общества, повсюду обнаруживался еще духъ обособленности и муниципальности; невозможность возстановить единое общество, единое отечество была очевидна. Города были заключаемы въ своихъ стѣнахъ, занимались только своими собственными дѣлами, и имперія пала, потому что никто не хотѣлъ принадлежать имперіи, потому что каждый гражданинъ хотѣлъ принадлежать только своему городу. Такимъ образомъ, въ эпоху паденія Римской имперіи, мы встрѣчаемъ тотъ самый фактъ, который замѣтили при возникновеніи Рима—преобладаніе муниципального устройства и муниципаль-

¹⁾ Идами назывались у римлянъ пятнадцатыя числа мѣсяцевъ.

²⁾ Куріамъ назывались муниципальные совѣты римскихъ родовъ; куріалами—члены этихъ совѣтовъ.

³⁾ Константинъ, второй мужъ Платидіи, котораго Гонорій взялъ въ сотоварищи въ 421 г.

⁴⁾ Календами назывались у римлянъ первыя числа мѣсяцевъ. Въ концѣ мѣсяца, послѣ идъ, дни обозначались календами.

ной обособленности. Римскій міръ возвратился къ своему первобытному состоянію: онъ создался изъ городовъ; онъ разрушился—остались города, муниципальное устройство—вотъ что, завѣщала современной Европѣ древняя римская цивилизація; устройство весьма неправильное, расшатанное, во многомъ уступавшее тому, чѣмъ оно было въ прежнія времена, но все же единственно-уцѣлѣвшее ото всѣхъ другихъ элементовъ римскаго міра.

Употребивъ выраженіе «единственно-уцѣлѣвшее», я ошибся. Наравнѣ съ муниципальнымъ устройствомъ сохранился другой фактъ, другая идея; это—идея имперіи, имя императора, идея императорскаго величества и абсолютной священной власти, связанной съ этимъ именемъ. Вотъ элементы, которые римская цивилизація передала европейской: съ одной стороны, муниципальное устройство, его образцы, его обычаи и уставы—это начала свободы; съ другой—общее гражданское законодательство и идея неограниченной власти, священнаго величества, императорскаго могущества—это начала порядка и безусловнаго подчиненія.

Но въ то же самое время въ нѣдрахъ римскаго общества возникло другое общество, основанное на совершенно иныхъ началахъ, одушевленное другими чувствами,—общество, которое должно было внести въ европейскую цивилизацію элементы совершенно иного свойства,—я говорю о христіанской церкви.

Я говорю: «христіанская церковь», а не «христіанство». Въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка христіанство не составляло уже просто личнаго вѣрованія; оно было уже учрежденіемъ, получило опредѣленное устройство, имѣло свое управленіе, свое духовное сословіе, свою іерархію, опредѣленную различными функціями духовенства, свои доходы, независимыя средства къ дѣятельности, свои сборные пункты, свои національные, провинціальныя, вселенскіе соборы; оно уже привыкло разбирать міромъ дѣла общества. Однимъ словомъ, христіанство въ эту эпоху было не только религіею, но и церковью.

Если бы оно не было церковью, то я не знаю, какая участь постигла бы его въ эпоху распадѣнія Римской имперіи. Я ограничиваюсь чисто человѣческими соображеніями, отстраняя все то, что не относится къ естественнымъ послѣдствіямъ естественныхъ фактовъ: если бы христіанство было, какъ въ первыя времена свои, только личнымъ вѣрованіемъ, чувствомъ, убѣжденіемъ, то можно предполагать, что оно не устояло при распадѣніи имперіи и вторженіи варваровъ, какъ оно не устояло впослѣдствіи въ Азіи и по всему сѣверу Африки при подоб-

номъ же вторженіи варваровъ-мусульманъ,—оно погибло, хотя уже достигло тамъ церковной организаціи. Тѣмъ болѣе могло это имѣть мѣсто въ эпоху паденія Римской имперіи. Въ то время не существовало ни одного изъ тѣхъ средствъ, которыми теперь, независимо отъ учреждений, утверждаются и сохраняются нравственныя вліянія, ни одного изъ тѣхъ средствъ, которыми чистая истина, чистая идея приобрѣтають прочную власть надъ умами, управляютъ поступками, опредѣляютъ событія. Въ IV вѣкѣ не существовало ничего подобнаго: идеи, личныя вождельбія не могли получить подобное значеніе. Для борьбы съ такимъ разрушеніемъ, для побѣды надъ такимъ ураганомъ необходимо было общество прочно организованное, управляемое сильною рукою. Можно сказать, безъ преувеличенія, что въ концѣ IV и началѣ V вѣковъ христіанская церковь спасла христіанство; церковь, съ своими учрежденіями, своею епархіею чиновъ, своею властью, мощно сопротивлялась внутреннему распаденію имперіи и варваризму; она покорила варваровъ и стала посредницею между ними и римскимъ міромъ, связью, соединительнымъ звеномъ, началомъ цивилизаціи въ ту переходную эпоху. Для изслѣдованія вопроса о томъ, что было сдѣлано христіанствомъ для современной цивилизаціи, какіе элементы оно ввело въ нее, необходимо, слѣдовательно, обратиться къ состоянію церкви въ V вѣкѣ, а не къ состоянію религіи въ собственномъ смыслѣ слова. Чѣмъ же въ то время была христіанская церковь?

Всматриваясь въ перевороты, сопровождавшіе развитіе христіанства отъ возникновенія его до V столѣтія, рассматривая его—повторяю—исключительно какъ общество, а не какъ религіозное вѣрованіе, мы находимъ, что оно прошло черезъ три состоянія, существенно-различныя между собою. Въ первыя, въ самыя первыя времена, христіанское общество является простымъ соединеніемъ общихъ вѣрованій и чувствъ; первые христіане собираются для взаимнаго обмѣна однихъ и тѣхъ же религіозныхъ чувствъ и убѣжденій. Нѣтъ еще ни догматизированнаго ученія, ни свода узаконеній, ни дисциплины, ни сословія духовныхъ лицъ. Конечно, нѣтъ общества, какъ бы молодо, какъ бы слабо оно ни было, которое не руководилось и не одушевлялось бы какою-нибудь нравственною силою. Въ различныхъ христіанскихъ общинахъ были люди, которые проповѣдывали, поучали и нравственно управляли общиною; но не было ни опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, общепризнаннаго порядка управленія: простой союзъ общихъ вѣрованій и

чувствъ—вотъ первоначальное состояніе христіанскаго общества. По мѣрѣ того, какъ оно развивалось, — а развивалось оно быстро, потому что слѣды его видны уже въ самыхъ первыхъ памятникахъ, — самое ученіе стало кодифицироваться, постепенно установились правила дисциплины, появилась іерархія должностныхъ лицъ, изъ которыхъ одни назывались пресвитерами, старѣйшинами, которые впослѣдствіи стали священниками; другіе—епископами, надсмотрщиками, наблюдателями, впослѣдствіи—епископы въ смыслѣ высшихъ сановниковъ церкви; наконецъ, третьи—діаконами, на которыхъ возложено было попеченіе о бѣдныхъ и о раздачѣ милостыни. Почти невозможно съ точностью опредѣлить, въ чемъ состояли обязанности этихъ должностныхъ лицъ; опредѣленныхъ границъ между ихъ функціями вѣроятно и не было; — но начало іерархіи и церковной организаціи было положено. Это вторая эпоха отличается тѣмъ не менѣе еще слѣдующимъ характернымъ признакомъ: власть, преобладаніе въ обществѣ принадлежитъ всей общинѣ вѣрующихъ. Они имѣютъ перевѣсъ какъ при избраніи должностныхъ лицъ, такъ и при установленіи новаго порядка управленія и даже новыхъ догматовъ. Между духовною властью и народомъ въ христіанскомъ обществѣ еще нѣтъ раздѣленія; они не существуютъ еще отдѣльно, независимо другъ отъ друга, и преобладающее вліяніе въ обществѣ принадлежитъ еще всему христіанскому населенію.

Третья эпоха представляетъ уже нѣчто совершенно иное. Является духовенство, отдѣленное отъ народа, сословіе священнослужителей, у котораго свои средства, свой уставъ, своя особенная организація,—однимъ словомъ, настоящее правительство, составляющее само по себѣ цѣлое общество, снабженное всѣми средствами къ независимому существованію, независимому отъ того общества, на которое оно дѣйствуетъ и на которое распространяетъ свое вліяніе. Такова третья эпоха въ исторіи христіанской церкви; таково состояніе, въ которомъ она является въ началѣ V вѣка. Церковное правительство еще не вполне отдѣлено отъ народа,—подобное полное отдѣленіе и невозможно, въ особенности въ религіозномъ обществѣ,—но, во взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и вѣрующихъ, духовенство господствуетъ, и господствуетъ почти безотчетно.

Сверхъ того, христіанское духовенство обладало еще совершенно другимъ средствомъ вліянія. Епископы и вообще духовныя лица сдѣлались главными муниципальными сановни-

ками. Мы видѣли, что, собственно говоря, отъ Римской имперіи осталось одно только муниципальное устройство. Между тѣмъ, вслѣдствіе притѣсненій деспотизма и упадка городовъ, куріалы или члены муниципальных организацій, впали въ уныніе и апатію; а епископы и всѣ вообще христіанскіе священнослужители, исполненные жизни и рвенія, сами собою вызвались наблюдать за всѣмъ, руководить всѣмъ. Несправедливо было бы упрекать ихъ за это, обвинять въ узурпаціи власти: таковъ былъ естественный ходъ событій. Одно только духовенство было исполнено нравственной силы и жизни, — оно всюду сдѣлалось всемогущимъ.

Этотъ переворотъ отразился на всемъ законодательствѣ императоровъ того времени. Раскрывъ кадексы Θεодосія или Юстиніана, вы найдете множество распоряженій, которыми муниципальныя дѣла передаются въ завѣдываніе духовенства и епископовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Код. Юст. I, 1, tt. IV, *De episcopali audientia*, 26. «Что касается до текущихъ дѣлъ городовъ (будетъ ли то касаться обыкновенныхъ городскихъ доходовъ, или городскихъ капиталовъ, подаренныхъ или завѣщанныхъ частными лицами, или образовавшихся изъ какого-либо другаго источника, — будутъ ли разсматриваться вопросы объ общественныхъ работахъ, провіантскихъ магазинахъ, водопроводахъ, о содержаніи бань, пристаней, о постройкѣ стѣнъ, башенъ, о возобновленіи мостовъ и дорогъ, о тяжбахъ, съ которыми могутъ быть связаны общественные или частные интересы города, то мы повелѣваемъ слѣдующее: благочестивѣйшій епископъ и три человека съ добрымъ именемъ, изъ первыхъ людей города, соединятся и будутъ ежегодно осматривать произведенныя работы; они будутъ заботиться, чтобы лица, которые руководятъ или руководили работами, измѣряли бы ихъ со всею точностью, отдавали бы въ нихъ отчетъ и доказывали бы, что они удовлетворительно исполнили свои обязательства въ отношеніи къ администраціи, какъ по предмету общественныхъ сооружений, такъ и суммъ, назначенныхъ на припасы и бани, или расходовъ на содержаніе дорогъ, водопроводовъ и проч.»

Тамъ же, 30. «Въ отношеніи попечительства надъ молодыми людьми перваго или втораго возраста, и надъ всѣми тѣми, кому законъ даетъ попечителей, если ихъ состояніе не превышаетъ 500 золотыхъ (*auri*), мы повелѣваемъ, чтобы не было ожидаемо разрѣшенія президента провинціи, потому что это повело бы къ значительнымъ издержкамъ, особенно когда

президентъ не живетъ въ томъ городѣ, гдѣ должно быть учреждено попечительство. Въ этихъ случаяхъ опредѣленіе попечителей или опекуновъ должно зависѣть отъ правителя города... по соглашенію съ благочестивѣйшимъ епископомъ и другими лицами, облеченными общественными должностями, если въ городѣ ихъ нѣсколько.»

Тамъ же, I, 1, tt. V. De defensoribus, 8. «Мы желаемъ, чтобы защитники городовъ, хорошо знакомые съ святыми тайнами православной вѣры, избирались и утверждались почтенными епископами, священнослужителями, знатнѣйшими лицами, собственниками и куріалами, Что касается до введенія ихъ въ должность, то для этого должно обращаться къ славному могуществу префекта преторіи, дабы власть ихъ почерпала въ его санкціи болѣе твердости и силы.»

Я могъ бы указать много другихъ подобныхъ этимъ законовъ; вы вездѣ увидѣли бы тотъ фактъ, что между муниципальнымъ устройствомъ древняго Рима и среднихъ вѣковъ лежитъ церковное муниципальное устройство. Преобладаніе духовенства въ городскихъ дѣлахъ замѣнило вліяніе древнихъ муниципальных властей и предшествовало организациі новѣйшихъ общинъ.

Понятно, до какой степени увеличеніе власти христіанской церкви содѣйствовало, съ одной стороны, самое внутреннее устройство ея, вліяніе ея на христіанское народонаселеніе, а съ другой стороны, участіе ея въ гражданскихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого она съ тѣхъ поръ и вліяла такъ сильно на характеръ и развитіе современной цивилизациі. Попытаемся сдѣлать обзоръ тѣмъ элементамъ, которые она внесла въ эту цивилизацию.

Прежде всего нельзя не признать огромнымъ преимуществомъ присутствія нравственнаго вліянія, нравственной силы, основанной единственно на убѣжденіяхъ, вѣрованьяхъ и чувствахъ, среди преобладанія грубой силы, тяготѣвшаго въ то время надъ обществомъ. Не будь христіанской церкви, весь міръ подпалъ бы чисто матеріальной силѣ. Одна церковь обладала силою нравственною. Она поддерживала идею нравственнаго режима, закона, стоящаго выше всѣхъ человѣческихъ законовъ; она проповѣдывала то необходимое для блага человечества вѣрованіе, что надъ всѣми человѣческими законами стоитъ законъ, который, смотря по времени и правамъ, называется то разумомъ, то божественнымъ правомъ, но который, вездѣ и всегда, подъ разными именами, остается однимъ и тѣмъ же закономъ.

Наконецъ церковь положила начало великому дѣлу раздѣленія властей духовной и свѣтской. Это раздѣленіе есть источникъ свободы совѣсти; оно исходитъ изъ того же начала, которое служитъ основаніемъ свободы совѣсти въ самомъ строгомъ и обширномъ смыслѣ слова. Раздѣленіе властей основано на той идеѣ, что матеріальная сила не имѣетъ ни права, ни вліянія на умы, убѣжденія, истину. Оно прямо вытекаетъ изъ различія, установившагося между міромъ мысли и міромъ дѣйствій, міромъ внутреннихъ и міромъ внѣшнихъ фактовъ. Такимъ образомъ принципъ свободы совѣсти, за который Европа такъ долго боролась, столько страдала, который такъ поздно восторжествовалъ, часто вопреки волѣ духовенства, — этотъ принципъ подъ именемъ отдѣленія свѣтской власти отъ духовной, существовалъ въ самой колыбели европейской цивилизаціи; онъ былъ введенъ въ нее и поддерживался христіанскою церковью, вынужденною къ тому своимъ тогдашнимъ положеніемъ, необходимою защищаться противъ варварства. Установленіе нравственнаго вліянія, поддержаніе божественнаго закона и отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной — вотъ три великія благодѣянія, которыя христіанская церковь оказала въ V вѣкѣ европейскому міру.

Но и тогда уже не всѣ стороны вліянія церкви были одинаково благотворны для общества. Уже и въ V вѣкѣ проявляются въ церкви нѣкоторыя дурныя начала, игравшія большую роль въ развитіи нашей цивилизаціи. Такъ въ нѣдрахъ ея уже въ то время начинало преобладать отдѣленіе правителей отъ управляемыхъ, стремленіе сдѣлать первыхъ независимыми отъ послѣднихъ, предписывать управляемымъ законы, овладѣть ихъ умами и жизнью, игнорируя требованія свободнаго разума и свободной воли. Кромѣ того, церковь старалась утвердить во всемъ обществѣ теократическое начало, присвоить себѣ свѣтскую власть, исключительное господство. Не достигая въ этомъ успѣха, она соединилась со свѣтскими властителями и поддерживала, въ ущербъ свободѣ подданныхъ, абсолютную власть для того, чтобы получить участіе въ ней.

Таковы главные элементы цивилизаціи, доставшіеся Европѣ въ началѣ V столѣтія какъ отъ церкви, такъ и отъ имперіи. Въ такомъ положеніи нашли варвары римскій міръ, когда они завладѣли имъ. Слѣдовательно, для ближайшаго знакомства со всѣми элементами, соединившимися и смѣшавшимися въ колыбели нашей цивилизаціи, намъ остается только изучить самихъ варваровъ. Конечно, намъ нѣтъ никакой надобности

излагать здѣсь исторію варваровъ. Мы знаемъ, что въ ту эпоху завоеватели имперіи происходили почти всѣ изъ одного и того же племени, германскаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ славянскихъ народовъ, каковы напримѣръ аланы. Кромѣ того, мы знаемъ, что всѣ они стояли почти на одной и той же степени цивилизаціи. Между ними могло быть нѣкоторое различіе, смотря потому, часто ли они находились въ соприкосновеніи съ римскимъ міромъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, что племя готовъ было болѣе развито, отличалось болѣе мягкими правами, чѣмъ племя франковъ. Но различія эти, разсматриваемыя съ общей точки зрѣнія, не имѣютъ никакого значенія.

Намъ важно знать въ общихъ чертахъ состояніе общественнаго быта у варваровъ; но въ настоящее время весьма трудно дать себѣ отчетъ въ этомъ состояніи. Мы довольно легко понимаемъ римскую муниципальную систему и христіанскую церковь; ихъ вліяніе сохранилось и донинѣ; мы находимъ слѣды его во множествѣ современныхъ учреждений и явленій; въ нашихъ рукахъ тысяча средствъ распознать и объяснить ихъ. Нравы же и общественный бытъ варваровъ почти совершенно исчезли, мы принуждены угадывать ихъ по древнѣйшимъ историческимъ памятникамъ, или же усиліями нашего воображенія.

Чтобы составить себѣ истинное представленіе о варварѣ, необходимо прежде всего вполне уразумѣть слѣдующіе факты: наслажденіе личною независимостью, удовольствіе самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всѣхъ превратностей міра и жизни; прелесть дѣятельной жизни безъ труда, стремленіе къ жизни, исполненной приключеній, неожиданностей, перемѣнъ, опасностей, — таково чувство, преобладающее въ варварахъ, такова нравственная потребность, приводившая въ движеніе эти массы людей. Въ настоящее время замкнутому среди нашего благоустроеннаго общества челоѣку трудно представить себѣ ту мощь, съ какою это чувство дѣйствовало на варваровъ IV и V вѣковъ. Въ одномъ только сочиненіи можно найти правильную оцѣнку его со всѣми проистекающими отъ него результатами, это — въ *«Исторіи завоеваній Англіи норманами»*, соч. Тьерри, — единственная книга, въ которой побужденія, склонности, стремленія, дѣйствующія въ людяхъ, общественный бытъ которыхъ близокъ къ варварству, прочувствованы и воспроизведены съ истинно-гомерическою вѣрностью. Нигдѣ вы не увидите съ такою ясностью,

что такое варваръ и что такое жизнь варваровъ. Нѣчто подобное можно найти и въ романахъ Купера, заимствовавшихъ изъ быта американскихъ дикарей, хотя, по моему мнѣнію, они въ этомъ отношеніи гораздо ниже сочиненія Тьерри,—въ нихъ меньше простоты и истины. Въ жизни американскихъ дикарей, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, въ чувствахъ, владѣющихъ ими, есть что-то напоминающее въ извѣстной степени нравы древнихъ германцевъ. Безъ сомнѣнія, картины въ указанныхъ мною сочиненіяхъ нѣсколько идеализированы, нѣсколько поэтичны, дурная сторона жизни варваровъ и ихъ нравовъ изображена недостаточно рѣзко. Я говорю не только о злѣ, которое причиняютъ эти нравы въ общественномъ бытѣ, но и о внутреннемъ, личномъ состояніи самаго варвара. Трудъ Тьерри не можетъ дать полнаго понятія о всей грубости, матеріальности, заключавшейся въ страстномъ стремленіи варвара къ личной независимости, о звѣрскихъ инстинктахъ его, о его апатіи, о его безудержности. Однако, вдумываясь въ самую сущность дѣла, мы убѣждаемся, что страсть къ личной независимости, несмотря на всю примѣсь грубости, матеріализма, необузданнаго эгоизма, есть само по себѣ благородное чувство, черпающее свою силу изъ нравственной природы человѣка: это—удовольствіе сознать себя человѣкомъ, это—чувство личности, самостоятельности человѣческой въ свободномъ ея развитіи.

Вотъ это именно чувство и было внесено варварами въ европейскую цивилизацію; оно не было извѣстно ни римскому міру, ни христіанской церкви, ни большей части древнихъ цивилизацій. Если вы и находите въ древнихъ цивилизаціяхъ свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Тамъ человѣкъ заботится не о личной, но о гражданской своей свободѣ; онъ принадлежитъ къ извѣстному обществу, посвятилъ себя ему, готовъ пожертвовать ему собою. То же самое было и въ христіанской церкви: и тамъ господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности къ христіанской общинѣ, преданности ея законамъ, живая потребность расширить ея владычество; или же религиозное чувство вызывало сильную реакцію человѣка противъ самого себя, своей души, внутреннее стремленіе ограничить свою свободу и подчиниться требованіямъ вѣры; но повторяю—чувство личной независимости, стремленіе къ свободѣ, развивающееся безсознательно, единственно съ цѣлью найти себѣ удовлетвореніе, не было знакомо ни римскому, ни христіанскому обществамъ. Оно было внесено и положено въ колыбель европейской цивили-

заціи варварами. Оно играло въ ней такую важную роль и принесло столь благіе результаты, что нельзя не выставить его на видъ, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ ея.

Есть еще одинъ фактъ, — второй элементъ цивилизаціи, точно также унаслѣдованный нами собственно отъ варваровъ: это военное патронатство, т. е. связь, которая устанавливалась между соплеменниками, между воинами, и которая, не уничтожая свободы каждаго отдѣльнаго лица, не уничтожая даже первоначально существовашаго между всѣми равенства, вводила однако іерархическую подчиненность и положила основаніе аристократической организаціи, обратившейся въ послѣдствіи въ феодальную систему. Отличительною чертою этихъ отношеній была привязанность человѣка къ человѣку, взаимная преданность ихъ, безъ всякаго виѣшняго понужденія, безъ всякаго обязательства, основаннаго на главныхъ началахъ общественнаго быта. Въ древнихъ республикахъ вы не увидите ни одного человѣка, исключительно и добровольно преданнаго другому: всѣ одинаково преданы городу. У варваровъ общественная связь установилась между отдѣльными лицами, сначала вслѣдствіе отношеній начальника дружины къ членамъ ея, въ то время, когда варвары еще нестройными толпами скитались по Европѣ, а позже—вслѣдствіе отношеній сюзерена къ вассалу. Этотъ второй принципъ, тоже игравшій значительную роль въ исторіи европейской цивилизаціи, — эта преданность человѣка человѣку, — заимствована нами у варваровъ; изъ ихъ нравовъ онъ проникъ въ наши нравы.

Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что современная цивилизація въ самой колыбели своей дѣйствительно была такъ бурна, такъ разнообразна, многосложна, какъ я старался обрисовать ее въ представленной мною общей картинѣ? Не встрѣчаются ли уже въ эпоху паденія Римской имперіи почти всѣ зачатки, которые проявляются въ прогрессивномъ развитіи нашей цивилизаціи?

Мы нашли въ распадающейся Римской имперіи три совершенно различныхъ общества: муниципальное, — послѣдній остатокъ самой имперіи, — христіанское и варварское. Эти общества, различно организованные, учрежденные на различныхъ началахъ, внушаютъ человѣку самыя разнообразныя чувства: потребность безусловной независимости существуютъ рядомъ съ полнымъ подчиненіемъ, военный патронатъ рядомъ съ господствомъ церкви, духовная власть рядомъ со свѣтскою, постановленія церкви, ученое законодательство римлянъ — рядомъ,

съ обычнымъ правомъ, или вѣрнѣе, безправіемъ варваровъ. Повсюду смѣсь или, лучше сказать, смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ племенъ, языковъ, общественныхъ учреждений, правовъ, идей и впечатлѣній. Въ этомъ, я полагаю, заключается очевидное доказательство вѣрности того мнѣнія, которое я высказалъ объ общемъ характерѣ нашей цивилизаціи.

Безъ сомнѣнія, это смѣшеніе, разнообразіе, эта борьба стоили намъ очень дорого: отсюда медленность прогресса Европы, отсюда всѣ бури и бѣдствія, которымъ она подверглась. Однако я не думаю, чтобы слѣдовало сожалѣть объ этомъ. Для народовъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, надежда на самое разнообразное, самое полное развитіе, на самый всесторонній, почти безпредѣльный прогрессъ,—одна эта надежда вознаграждаетъ за все то, что можетъ стоить право питать ее. Вообще говоря, это насильственное, бурное, тяжелое состояніе имѣло большое преимущество предъ простотою, которою отличались другія цивилизаціи; человѣческій родъ выигралъ отъ него больше чѣмъ пострадалъ.

И такъ, мы ознакомились теперь въ общихъ чертахъ съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оставила міръ Римская имперія: мы ознакомились съ различными элементами, волнующимися и соединяющимися между собою, чтобы вызвать къ жизни европейскую цивилизацію. Отнынѣ они будутъ развиваться предъ нашими глазами. Въ слѣдующей лекціи я постараюсь выяснитъ, какая участь постигла эти элементы, и что они произвели въ эпоху, обыкновенно называемую варварскою, т. е. въ эпоху великаго переселенія народовъ.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Притязаніе различныхъ системъ на законность. — Что такое политическая законность?—Совмѣстное существованіе всѣхъ образовъ правленія въ V-омъ вѣкѣ.—Непрочность положенія лицъ, собственности и учреждений.—Двѣ причины ея: одна, внѣшняя—продолжавшееся нашествіе варваровъ, другая, нравственная—эгоистическое чувство индивидуальности, свойственное варварамъ.—Началами цивилизаціи были: потребность порядка, преданія Римской имперіи, христіанская церковь, варвары.—Попытки организаціи, сдѣланныя варварами, городами, христіанскою церковію, Карломъ Великимъ, Альфредомъ.—Прекращеніе нашествій германцевъ и арабовъ.—Начало феодальнаго строя.

Мы выяснили основные элементы европейской цивилизаціи, въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ самой ея колыбели, въ эпоху паденія Римской имперіи. Я старался объяснить, какъ сильно было ихъ различіе, ихъ постоянная борьба, какимъ образомъ ни одинъ изъ нихъ не достигъ преобладанія въ общественномъ строѣ,—по крайней мѣрѣ, не достигъ его въ такой мѣрѣ, чтобы подчинить себѣ всѣ другіе элементы, или вытѣснить ихъ. Мы видѣли, что въ этомъ заключается отличительный характеръ европейской цивилизаціи. Теперь мы приступаемъ къ изученію первоначальной ея исторіи, къ изученію тѣхъ вѣковъ, которые принято называть варварскими.

Уже при самомъ поверхностномъ обзорѣ этой эпохи, бросается въ глаза фактъ, состоящій повидимому въ противорѣчій съ тѣмъ, что высказано нами въ предыдущей лекціи. Исслѣдуя понятія, установившіяся относительно зачатковъ, общественнаго строя Европы, вы тотчасъ же замѣтите, что всѣ разнообразныя элементы нашей цивилизаціи, всѣ принципы: монархическій, теократическій, аристократическій, демократическій,—претендуютъ на то, что европейское общество первоначально подчинялось исключительному господству каждаго изъ нихъ, и что каждый же изъ нихъ лишился своего гос-

подства только въслѣдствіе насилія другихъ, противоположныхъ принциповъ. Изучая все, что было писано и высказано по этому предмету, мы убѣдимся, что каждая изъ системъ, съ помощью которыхъ старались характеризовать или объяснить первобытное состояніе Европы, отстаиваетъ исключительное преобладаніе того или другаго элемента европейской цивилизаци.

Такимъ образомъ, существуетъ школа феодальныхъ публицистовъ, изъ которыхъ самый извѣстный, Буленвиллье, утверждаетъ, что послѣ паденія Римской имперіи, вся власть, всѣ права перешли къ завоевателямъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось дворянство; что общество подчинилось господству дворянства, что господство это было разрушено королями и народомъ; что аристократическая организація есть истинная, первоначальная форма общественнаго устройства Европы.

Наряду съ этой школою, вы найдете школу монархическихъ публицистовъ, аббата Дюбо, напримѣръ, которые утверждаютъ, что европейское общество было подчинено господству королевской власти. Германскіе короли, говорятъ они, наследовали всѣ права римскихъ императоровъ; короли эти были даже призваны древними народами, между прочимъ галлами; они одни господствовали законно, и всякое преобладаніе аристократіи было только насильственнымъ посягательствомъ на преобладаніе монархіи.

Третья школа—школа публицистовъ-либераловъ, республиканцевъ, демократовъ,—назовите ихъ какъ угодно. По мнѣнію аббата де-Мабли управленіе обществомъ, уже начиналъ съ V вѣка, принадлежало свободнымъ учрежденіямъ, собранію свободныхъ людей, народу, въ собственномъ смыслѣ этого слова; дворяне и короли обогатились насчетъ первоначальной свободы; она пала подъ ихъ ударами, но царила до нихъ.

И надъ всѣми этими притязаніями, монархическими, аристократическими, народными, возвышается теократическое притязаніе церкви, утверждающей, что общество принадлежало ей въ силу самаго ея назначенія, въ силу ея божественнаго призванія, въ силу того, что она одна имѣла право управлять имъ, одна была законною царицею европейскаго міра, ея усиліями покореннаго цивилизаціи и истинѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находимся.

Намъ казалось, что въ исторіи европейской цивилизаціи ни одинъ изъ ея элементовъ не пользовался исключительнымъ преобладаніемъ, что всѣ они существовали въ состояніи постояннаго смѣшенія, борьбы, взаимныхъ уступокъ; а между

тѣмъ, съ перваго же шага мы встрѣчаемъ прямо противоположное мнѣніе, по которому въ самой колыбели нашей, въ нѣдрахъ варварской Европы, обществомъ владѣлъ тотъ или другой элементъ цивилизаціи. И не только въ одной какой-либо, но во всѣхъ странахъ Европы, различные принципы нашей цивилизаціи, въ разные эпохи и въ различныхъ формахъ, заявляли такія несогласимыя между собою притязанія. Историческія школы, очерченныя нами, встрѣчаются повсюду.

Фактъ этотъ важенъ не самъ по себѣ, но потому, что онъ ведетъ къ открытію другихъ фактовъ, играющихъ серьезную роль въ нашей исторіи. Во всей этой совокупности самыхъ противоположныхъ притязаній на исключительное обладаніе Европою еще въ младенчествѣ ея обнаруживается два главные факты: во-первыхъ—идея политической законности, идея, игравшая важную роль въ развитіи европейской цивилизаціи; во-вторыхъ особенный, истинный характеръ варварской Европы въ ту эпоху, изученіемъ которой мы займемся въ этой лекціи.

Постараюсь освѣтить эти факты, извлечь ихъ одинъ за другимъ изъ описанной мною борьбы разнородныхъ притязаній.

Къ чему стремятся различные элементы европейской цивилизаціи,—теократическій, монархическій, аристократическій, народный,—доказывая, что они первые обладали европейскимъ обществомъ?

Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ стремится прослыть единственно законнымъ. Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источникомъ права, доказательствомъ законности власти. И замѣтите, прошу васъ, что притязаніе на законность принадлежит не одной какой-либо системѣ, не одному какому-либо элементу нашей цивилизаціи, но всѣмъ. Въ наше время идею подобной законности обыкновенно усматриваютъ въ одной только монархической системѣ. Это ошибочно: она встрѣчается во всѣхъ системахъ. Всѣ элементы нашей цивилизаціи, какъ было показано нами, одинаково хотѣли присвоить ее себѣ. Обратитесь къ болѣе отдаленнымъ временамъ исторіи Европы,—вы увидите характеръ законности въ самыхъ разнообразныхъ формахъ общественнаго устройства. Итальянскія или швейцарскія аристократіи и демократіи, Сень-Маренская республика и самыя обширныя европейскія монархіи признавали себя и были признаваемы законными; и тѣ, и другія основаніемъ своихъ притязаній на законность приводили давность своихъ учреждений, историческое стар-

шинство и непрерывность своей системы управления. Оставимъ Европу, обратившись къ другимъ временамъ и странамъ: вы повсюду встрѣтите ту же самую идею политической законности; повсюду она сопряжена съ извѣстною формою правительственной власти, съ извѣстнымъ учрежденіемъ, догматомъ, принципомъ. Нѣтъ страны, въ которой, въ любую эпоху, какая-либо часть общественной системы, общественной власти, не присвоила себѣ и не упрочивала за собою этого начала законности, вытекающаго изъ давности и продолжительности существованія.

Что же это за начало? Какіе его элементы? Что оно означаетъ? Какимъ образомъ оно вошло въ европейскую цивилизацію?

При возникновеніи всякой власти, — всякой безъ различія, — мы неизмѣнно встрѣчаемъ силу. Я не говорю, чтобы всѣ власти утверждались одною только силою, и устанавливались, не имѣя никакихъ на то правъ, кромѣ силы. Каждая власть очевидно пуждается еще въ чемъ-то другомъ. Власть устанавливается вслѣдствіе извѣстныхъ общественныхъ потребностей, извѣстнаго отношенія къ состоянію общества, къ его правамъ и убѣжденіямъ. Но нельзя не признать, что сила осквернила колыбель всѣхъ властей этого міра, какого бы онѣ не были рода и характера.

Никто, однако, не хочетъ признать за общественною властью такого происхожденія; его отвергаютъ всѣ безъ исключенія; ни одна изъ общественныхъ властей не хочетъ считать себя произведеніемъ силы. Непреодолимый инстинктъ впускаетъ правителямъ, что сила не есть основа права, и что, происходя отъ одной только силы, они никогда не могли бы заимствовать отъ нея свои права. Вотъ почему каждая система восклицаетъ: «я старше всѣхъ, я существовала ранѣе прочихъ, и на основаніи иныхъ началъ; общество принадлежало мнѣ еще раньше того состоянія насилія и борьбы, въ которомъ вы меня встрѣчаете; законность была на моей сторонѣ, но меня насильственно лишили моихъ правъ».

Одинъ этотъ фактъ уже доказываетъ, что сила не есть основаніе политической законности, утверждающейся на совершенно иномъ началѣ. Что означаетъ, въ самомъ дѣлѣ, такое формальное отрицаніе силы всѣми системами? Оно означаетъ, что есть другая законность, настоящій источникъ всѣхъ остальныхъ: законность разума, справедливости, права; съ нею всѣ системы, по необходимости, хотятъ связать свое происхожденіе. Не желая признавать своею колыбелью грубую силу,

онѣ присвоиваютъ себѣ, во имя давности, другія, совершенно различныя между собою права. Такимъ образомъ отличительный характеръ политической законности есть отрицаніе силы, какъ источникъ власти, стремленіе соединиться съ нравственною идеею, нравственною силою, съ идеею права, справедливости, разума. Вотъ основной элементъ, изъ котораго постепенно развился принципъ политической законности.

Процессъ этого развитія былъ слѣдующій: сила господствуетъ при возникновеніи всякаго правительства, всякаго общества, но время идетъ и время измѣняетъ продуктъ силы, исправляетъ его уже тѣмъ однимъ, что общество продолжаетъ существовать, и что оно состоитъ изъ людей. Человѣкъ носить въ самомъ себѣ нѣкоторыя идеи порядка, справедливости, разумности и нѣкоторую потребность дать имъ преобладаніе, ввести ихъ въ окружающія явленія; онъ непрерывно трудится надъ этимъ, и если общественный бытъ, среди котораго онъ живетъ, не разрушается, то трудъ его не пропадаетъ даромъ. Человѣкъ, являясь орудіемъ провидѣнія, вноситъ разумъ, нравственность, законность въ окружающій его міръ.

Независимо отъ человѣческаго труда, нельзя не признать существованія божественнаго закона, сходнаго съ тѣмъ, который управляетъ матеріальнымъ міромъ; на основаніи этого закона, существованіе общества невозможно безъ извѣстной мѣры порядка, разумности и справедливости. Изъ самаго факта существованія общества можно заключить, что оно не вполне лишено того элемента разумности, истины, справедливости, который одинъ даетъ жизнь обществамъ. Если, въ добавокъ, общество развивается, становится сильнѣе, могущественнѣе, если условія общественной жизни съ каждымъ днемъ прививаются все большому и большому числу людей,—то это значитъ, что въ общество вводится постепенно все болѣе и болѣе разумности, справедливости, права, и что всѣ общественныя явленія мало помалу начинаютъ сообразоваться съ требованіями истинной законности.

Такимъ образомъ идея политической законности проникаетъ въ міръ, въ умы людей. Основаніемъ, первоначальнымъ источникомъ ея служить—по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени—нравственная законность, справедливость, разумность, истина; потомъ она утверждается временемъ; человѣкъ приучается сознавать, что право руководить общественными явленіями, что истинная законность введена во внѣшній міръ. Въ изучаемую нами эпоху, вы увидите силу и ложь, парящими надъ колы-

белю королевской власти, аристократіи, демократіи, даже самой церкви,—и всюду вы увидите, какъ сила и ложь преобразовываются могучимъ воздѣйствіемъ времени, какъ право и истина завоевываютъ себѣ мѣсто въ цивилизаціи. Вотъ это-то проникновеніе права и истины въ общественный строй и выработало мало по малу идею политической законности, этимъ явственно путемъ она и установилась въ современной цивилизаціи.

Когда такимъ образомъ, идею законности, въ различныя эпохи, пытались превратить въ знамя абсолютной власти, то всегда искажали ея истинное происхожденіе. Она не исключительна, не принадлежитъ никому въ особенности, и рождается всюду, гдѣ только развивается право. Политическая законность соединяется съ свободою точно также, какъ и съ силою,—съ правами личными, какъ и съ условіями, при которыхъ дѣйствуетъ общественная власть. Мы найдемъ эту идею въ самыхъ противоположныхъ общественныхъ устройствахъ: въ феодальной системѣ, въ общинахъ Фландріи и Германіи, въ итальянскихъ республикахъ, въ монархіяхъ. Приступая къ изученію европейской цивилизаціи, мы необходимо должны были вполне усвоить себѣ это свойство, общее всѣмъ ея элементамъ.

Второй фактъ, ясно обнаруживающійся изъ совокупности притязаній, о которыхъ я говорилъ въ началѣ этой лекціи, это истинный характеръ эпохи, которую обыкновенно называютъ варварскою. Каждый изъ элементовъ европейской цивилизаціи претендуетъ, что онъ владѣлъ въ эту эпоху Европою; отсюда ясно, что ни одному изъ нихъ не принадлежало въ ней исключительное господство. Не нужно большихъ усилій, чтобы замѣтить преобладаніе какой-нибудь формы общественнаго устройства. До X столѣтія, мы безъ колебанія признаемъ господство феодализма; столь же рѣшительно мы можемъ утверждать, что въ XVII вѣкѣ преобладающимъ принципомъ былъ принципъ монархическій; изучая фландрскія общины и итальянскія республики, мы тотчасъ же провозгласимъ господство демократическаго принципа. Если въ обществѣ дѣйствительно господствуетъ какое-нибудь начало, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться незамѣченнымъ. Споръ, возникающій между различными элементами европейской цивилизаціи о томъ, которому изъ нихъ принадлежалъ перевѣсъ при самомъ зарожденіи ея, доказываетъ, что всѣ они существовали одновременно и что ни одинъ изъ нихъ не преобладалъ настолько, чтобы придать обществу свою фирму, свое имя.

Таковъ, въ дѣйствительности, характеръ варварской эпохи.

Этотъ хаосъ всѣхъ элементовъ, младенчество всѣхъ системъ, всеобщій беспорядокъ, среди котораго самая борьба не отличалась ни систематичностью, ни постоянствомъ. Разсматривая общественный бытъ этой эпохи со всѣхъ сторонъ, я могъ бы показать вамъ, что въ немъ не представляется ни одного факта, ни одного принципа, сколько нибудь установившагося. Я ограничусь двумя главными пунктами: состояніемъ человѣка и состояніемъ учреждений; этого будетъ достаточно, чтобы набросать картину всего общества.

Въ разсматриваемую эпоху встрѣчается четыре класса людей: 1) свободные люди, т. е. тѣ, которые не знали надъ собою никакого начальника или патрона, которые съ полною свободою распоряжались собою и своимъ имуществомъ, не имѣя никакихъ обязательныхъ отношеній къ другому человѣку; 2) ленники, вѣрные, анструстіоны и др., связанные сначала отношеніями дружишника къ предводителю, затѣмъ отношеніями вассала къ сюзерену, т. е. къ человѣку, которому они обязаны были службою въ замѣнъ уступленныхъ имъ земель или какого либо другаго дара; 3) вольноотпущенники; 4) рабы.

Были ли эти классы рѣзко разграничены между собою? Люди, однажды вступившіе въ одинъ ихъ нѣхъ, оставались ли въ немъ всегда? Взаимныя отношенія различныхъ классовъ были ли хотя сколько нибудь правильны, постоянны? Ничуть. Вы безпрестанно видите, какъ свободные люди оставляютъ свое положеніе, поступаютъ къ кому нибудъ на службу, получаютъ какой либо даръ и переходятъ въ классъ ленниковъ, а иные нисходятъ даже до степени рабовъ. Съ другой стороны, ленники стараются освободиться отъ своего патрона, сдѣлаться независимыми и возвратиться въ классъ людей свободныхъ. Повсюду движеніе, непрерывный переходъ изъ одного сословія въ другое, общее замѣшательство, непрочность во взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ сословій. Ни одинъ человѣкъ не остается въ одномъ и томъ же положеніи, ни одно положеніе не остается неизмѣннымъ.

То же самое относится къ собственности. Вы знаете, что въ то время существовала собственность аллодіальная, или вполнѣ свободная, и собственность бенефициальная, или обремененная извѣстными обязательствами въ отношеніи къ высшему лицу; вамъ извѣстны объясненія, съ помощью которыхъ пытались подвести подъ точную и опредѣленную систему собственность втораго рода: утверждали, что сначала бенефиціи давались на опредѣленное число лѣтъ, потомъ пожизненно, и

что наконецъ онѣ сдѣлались наслѣдственными. Тщетныя попытки: всѣ эти способы владѣнія существовали одновременно, другъ подлѣ друга; въ одно и то же время встрѣчаются бенефиціи срочныя, пожизненныя, наслѣдственныя; одна и та же земля въ пѣсколько лѣтъ проходитъ черезъ всѣ эти различныя состоянія. Въ положеніи земель такое же отсутствіе единства и прочности, какъ и въ положеніи людей. Повсюду чувствуется трудный переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдлой, отъ личныхъ отношеній къ вещественнымъ, т. е. сложнымъ личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ; въ этомъ переходномъ періодѣ все смутно, индивидуально, безпорядочно.

Въ учрежденіяхъ та же неустойчивость, тотъ же хаосъ. Три системы учрежденій существуютъ другъ подлѣ друга: королевская власть, аристократическія учрежденія, или взаимный патронатъ людей и земель, и свободныя учрежденія, т. е. совѣщательныя собранія свободныхъ людей. Ни одна изъ этихъ системъ не владѣетъ обществомъ, не преобладаетъ надъ нимъ. Свободныя учрежденія существуютъ, но лица, имѣющія право участвовать въ собраніяхъ, рѣдко и неохотно собираются. Столь же безпорядочно отправленіе господскаго (сеньоральнаго) суда. Королевская власть—самое простое, легко опредѣляемое учрежденіе—не мѣетъ никакого опредѣленнаго характера: она представляетъ смѣшеніе принциповъ избирательнаго и наслѣдственнаго: иногда сынъ наслѣдуетъ отцу, иногда избирается одинъ изъ членовъ семейства, иногда, наконецъ, избирательный принципъ проявляется въ своемъ простѣйшемъ, чистомъ видѣ—посредствомъ избранія какого нибудь дальняго родственника или даже чужеземца. Ни въ одной системѣ не найдете вы прочности, опредѣленности; всѣ учрежденія, всѣ общественныя положенія существуютъ одновременно, безпрестанно смѣшиваются между собою и измѣняютъ другъ друга.

Въ государствахъ господствуетъ та же подвижность: они создаются и уничтожаются, соединяются и разъединяются. Нѣтъ ни границъ, ни правительствъ, ни народовъ. Повсемѣстное смѣшеніе положеній, принциповъ, фактовъ, расъ, языковъ—такова варварская Европа.

Въ какихъ же предѣлахъ заключена эта странная эпоха? Начало ея отмѣчено весьма ясно—оно совпадаетъ съ паденіемъ Римской имперіи. Но гдѣ она оканчивается? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо понять, откуда проистекалъ такой общественный строй, въ чемъ состояли причины варварства. Мнѣ кажется, что главныхъ причинъ было двѣ: одна матеріаль-

ная, внѣшняя, заключающаяся въ ходѣ событій; другая—нравственная, внутренняя, зависѣвшая отъ природы самаго человѣка.

Матеріальная причина—это продолженіе переселенія народовъ. Не слѣдуетъ думать, что нашествія варваровъ прекратились въ V вѣкѣ. Римская имперія пала, и на ея развалинахъ основались варварскія государства, но этимъ еще не окончилось движеніе варварскихъ народовъ. Оно продолжалось еще долго послѣ паденія имперіи; доказательства очевидны.

Уже первая династія франкскихъ королей вынуждена вести постоянную войну по ту сторону Рейна: Клотарь, Дагоберъ безпрестанно предпринимаютъ походы въ Германію, борятся съ тюрингами, датчанами, саксами, занимавшими правый берегъ Рейна. Почему? Потому, что всѣ эти народы стремятся перейти черезъ рѣку и захватить свою долю изъ остатковъ имперіи. Откуда происходятъ, въ то же время, обширныя вторженія въ Италію франковъ, поселившихся въ Галліи, особенно восточныхъ франковъ? Они бросаются въ Швейцарію, переходятъ Альпы, являются въ Италіи. Почему? Потому что съ сѣверо-востока ихъ тѣснятъ иные народы. Походы ихъ не простые набѣги съ цѣлью грабежа—они вынуждены необходимостью; народъ, тревожимый въ своихъ владѣніяхъ, идетъ искать счастья въ другія страны. На аренѣ историческаго міра является новая германская нація и образуетъ въ Италіи Лонгобардское королевство. Въ Галліи перемѣняется франкская династія: Меровингамъ наследуютъ Карловинги; теперь признано, что эта перемѣна династій въ сущности была ничѣмъ инымъ, какъ новымъ вторженіемъ франковъ въ Италію, движеніемъ народовъ, вслѣдствіе котораго восточные франки вытѣснили западныхъ. Перемѣна совершилась; господствуетъ вторая раса; Карлъ Великій дѣйствуетъ противъ саксовъ точно также, какъ Меровинги дѣйствовали противъ тюринговъ: онъ въ непрерывной войнѣ съ этими за-рейнскими народами. Кто тѣснить ихъ къ нему на встрѣчу? Оботриты, вильтцы, сарабы, богемцы, все славянское племя, тяготящееся надъ германскимъ и заставляющее его, въ промежутокъ времени между VI и IX столѣтіями, отодвинуться далѣе на западъ. Повсюду на сѣверо-востокѣ движеніе народовъ продолжается и имѣетъ рѣшающее вліяніе на ходъ событій.

На югѣ обнаруживается движеніе такого же рода: появляются арабы. Въ то время, когда по теченію Рейна и Дуная другъ друга тѣснятъ германскіе и славянскіе народы, на

берегахъ Средиземнаго моря начинаются набѣги и завоеванія арабовъ. Нашествіе арабовъ носитъ совершенно своеобразный характеръ. Оно соединяетъ въ себѣ духъ завоеванія и духъ прозелитизма. Нашествіе предпринимается съ двоякою цѣлью: покорить территорію и распространить вѣру. Между этимъ движеніемъ и движеніемъ германцевъ весьма важное различіе. Въ христіанскомъ мірѣ духовная сила отдѣлена отъ матеріальной. Потребностью религіозной пропаганды и жаждою завоеваній одушевлены тамъ не одни и тѣ же люди. Германцы, принявъ крещеніе, сохранили свои нравы, чувства, наклонности; земныя страсти и интересы продолжали господствовать въ нихъ; они сдѣлались христіанами, но не миссіонерами. Арабы, напротивъ того, были въ одно и то же время и завоевателями, и миссіонерами; въ однихъ и тѣхъ же рукахъ соединялась у нихъ сила меча и сила проповѣди. Это обстоятельство въ послѣдствіи придадо гибельное направленіе мусульманской цивилизаціи: тираниія, нераздѣльная, по видимому, съ этою цивилизаціею, произошла именно отъ единства властей духовной и свѣтской, отъ сліянія нравственнаго авторитета и матеріальной силы. Въ томъ же, я думаю, заключается и главная причина застоя, въ который повсюду впала мусульманская цивилизація. Но всѣ эти результаты обнаружились не вдругъ. Сначала вторженіе арабовъ отличалось изумительною силою. Руководимое духовными страстями и идеями, оно началось съ блескомъ и величіемъ, чуждыми нашествію германцевъ, развилось съ большою энергіею и энтузіазмомъ, и произвело на умы несравненно болѣе сильное впечатлѣніе.

Таково было, въ промежутокъ между V и IX столѣтіями, положеніе Европы, тѣснимой съ юга магометанами, съ сѣвера—германцами и славянами. Ясно, что противодѣйствіе такому двойному вторженію должно было поддерживать въ европейской территоріи постоянный беспорядокъ. Народы непрерывно мѣняли свое мѣстопробываніе, тѣснили, давили другъ друга; не могло установиться ничего прочнаго; повсюду возобновлялась бродячая жизнь. Между различными государствами существовало, конечно, въ этомъ отношеніи нѣкоторое различіе. Въ Германіи хаосъ былъ больше, чѣмъ въ остальной Европѣ,—Германія была центромъ движенія; Франція волновалась больше, нежели Италія; но общество нигдѣ не могло установиться, успокоиться: варварство продолжалось повсюду, и по той же самой причинѣ, которая положила ему начало,

Вотъ въ чемъ состояла матеріальная причина тогдашняго положенія Европы,—причина, коренившаяся въ самомъ ходѣ событій. Теперь перейдемъ къ другой, не менѣе важной причинѣ,—причинѣ нравственной, заключавшейся во внутренней природѣ человѣка.

Каковы бы ни были внѣшнія событія, міръ создается преимущественно самимъ человѣкомъ; отъ его чувствъ, идей, нравственныхъ и умственныхъ наклонностей зависитъ устройство и движеніе міра; отъ его внутренняго состоянія зависитъ и состояніе общества. При какихъ же условіяхъ люди могутъ основать сколько-нибудь устойчивое, правильное общество? Они очевидно должны имѣть извѣстное число идей, которыя по обширности своей соответствовали бы такому обществу, примѣнялись бы къ его потребностямъ и отношеніямъ. Необходимо, кромѣ того, чтобы эти идеи были распространены среди большинства членовъ общества и чтобы они имѣли нѣкоторую власть надъ ихъ дѣйствіями и волею. Ясно, что если люди не имѣютъ идей, выходящихъ за предѣлы ихъ личнаго существованія, если ихъ умственный кругозоръ ограничивается только собственною личностью, если они преданы случайностямъ своихъ страстей и своей воли, если у нихъ нѣтъ извѣстнаго числа общихъ понятій и чувствъ, которыя ихъ соединяютъ,—ясно, говорю я, что такіе люди не могутъ образовать общество; каждое отдѣльное лицо будетъ причиной смутъ и раздоровъ въ томъ союзѣ, въ который оно вступило.

Тамъ, гдѣ личность господствуетъ почти безусловно, гдѣ человѣкъ сообразуется только съ самимъ собою, гдѣ идеи его не простираются дальше его самого, гдѣ онъ послушенъ только собственнымъ страстямъ,—тамъ общество (т. е. общество сколько-нибудь обширное и устойчивое) невозможно. Таково было въ разсматриваемую нами эпоху нравственное состояніе завоевателей Европы. Въ предыдущей бесѣдѣ я замѣтилъ, что мы обязаны германцамъ могучимъ чувствомъ личной свободы, индивидуальности человѣка. Но въ состояніи крайней грубости и невѣжества чувство это есть не что иное, какъ эгоизмъ во всей звѣрской необузданности. Въ такомъ видѣ является оно у германцевъ отъ V до VIII вѣка. Германецъ заботился только о своихъ собственныхъ интересахъ, о своихъ страстяхъ, о своей волѣ; какимъ же образомъ могъ бы онъ примѣниться къ чему-нибудь похожему на общество? Были попытки ввести германцевъ въ общественную жизнь; они сами пытались вступить въ нее, но тотчасъ же оставляли ее, вслѣд-

ствіе своей непредусмотрительности, недостатка благоразумія или преобладанія дикихъ страстей. Стремленіе общества къ образованію, къ благоустройству, постоянно встрѣчало противодѣйствіе въ самомъ человѣкѣ, въ отсутствіи нравственныхъ условій общественнаго быта.

Таковы были два главныхъ условія варварскаго состоянія Европы. Пока они существовали, существовало и варварство; посмотримъ, какъ и когда они прекратились. Усилія Европы были направлены къ выходу изъ этого состоянія. Желаніе оставаться въ немъ было бы противно природѣ человѣка, хотя бы его паденіе произошло и по собственной его винѣ. Какъ бы онъ ни былъ грубъ, невѣжественъ, преданъ личнымъ интересамъ и страстямъ, въ немъ есть голосъ, инстинктъ, говорящій ему, что онъ созданъ для иной жизни, что онъ имѣетъ иную силу, иное назначеніе. Среди безпорядка, его преслѣдуетъ и мучитъ неодолимое влеченіе къ порядку и прогрессу. Подъ игомъ самаго слѣпаго эгоизма его волнуетъ потребность правосудія, мудрости, развитія. Онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе преобразовать и внѣшній міръ, и общество, и самого себя, не отдавая себѣ даже отчета въ потребности, побуждающей его къ тому. Варвары жаждали цивилизаціи, не будучи способны воспріять ее,—скажемъ болѣе,—питая къ ней ненависть, лишь только становилось ощутительнымъ ея вліяніе.

Кромѣ того, уцѣлѣли еще довольно значительные обломки римской цивилизаціи. Имя имперіи, воспоминаніе объ этомъ великомъ и славномъ обществѣ волновало людей, въ особенности городскихъ сенаторовъ, епископовъ, священниковъ—всѣхъ тѣхъ, самъ которыхъ возникъ еще въ римскомъ мірѣ. Между самими варварами или ихъ предками многіе были свѣдѣтелями величія имперіи; они служили въ ея войскахъ, они покорили ее. Образъ, имя римской цивилизаціи внушали имъ уваженіе; они чувствовали потребность подражать ей, воспроизвести ее, сохранить нѣкоторыя ея остатки. Вотъ еще причина, которая должна была выдвинуть ихъ изъ описаннаго мною состоянія варварства.

Была еще третья причина, ясно представляющаяся всякому: я говорю о христіанской церкви. Церковь была благоустроеннымъ обществомъ, съ своими принципами, правилами, своимъ порядкомъ управленія; она чувствовала пламенное стремленіе распространить свое вліяніе, завоевать своихъ завоевателей. Между христіанами этой эпохи, въ христіанскомъ духовенствѣ, были люди, размышлявшіе о всѣхъ нравственныхъ

политическихъ вопросахъ, имѣвшіе по всѣмъ предметамъ твердо установленныя мнѣнія, пламенные чувства,—люди исполненные желанія распространить эти мнѣнія и чувства, доставить имъ преобладаніе. Усилія, употребленныя христіанскою церковью въ промежутокъ между V и X вѣками, чтобы пріобрѣсти вліяніе на ви́шній міръ и устроить его по своему образцу, превосходятъ все то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи какимъ бы то ни было другимъ обществомъ. Изучая въ частности исторію церкви, мы увидимъ, какъ много она пыталась сдѣлать. Она, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ нападала на варварство, чтобы, господствуя надъ нимъ, цивилизовать его.

Наконецъ, четвертая причина цивилизаціи,—причина, не подлежащая точной оцѣнкѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная,—это появленіе великихъ людей. Никто не можетъ сказать, почему въ извѣстную эпоху является великій человѣкъ, и насколько онъ участвуетъ въ развитіи міра,—это тайна провидѣнія; но самый фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Есть люди, которыхъ поражаетъ и возмущаетъ видъ анархіи или застоя въ обществѣ, которые возстаютъ всей душою противъ незаконности этого факта и чувствуютъ въ себѣ непреодолимую потребность измѣнить его, внести въ окружающій ихъ міръ нѣкоторый порядокъ, нѣчто общее, правильное, прочное. Сила этихъ людей страшна, опасна; она часто обращается въ тираннію, влечетъ за собою тысячи несправедливостей и заблужденій, потому что ее сопровождаютъ человѣческія слабости; но при всемъ томъ она велика и спасительна, потому что она приводитъ человѣческій родъ въ сильное движеніе, заставляетъ его сдѣлать большой шагъ впередъ.

Эти различныя причины, различныя силы, породили, между V и IX столѣтіями, различныя попытки вывести европейское общество изъ состоянія варварства.

Первая изъ нихъ—и хотя она не имѣла важныхъ послѣдствій, но ея нельзя не отмѣтить, потому что она исходила отъ самихъ варваровъ,—это кодификація варварскихъ законовъ. Между VI и VII вѣками почти всѣ законы варварскихъ народовъ были облечены въ письменную форму. До того времени, это были лишь обычаи, которыми управлялись варвары до утвержденія своего на развалинахъ Римской имперіи. Извѣстны законы бургундцевъ, франковъ салическихъ, франковъ рипуарскихъ, вестготовъ, лонгобардовъ, саксовъ, фризовъ, баварцевъ, алемановъ и др. Это было очевидно началомъ ци-

визаціи, попыткою подчинить общество власти общихъ и опредѣленныхъ принциповъ. Успѣхъ этой попытки не могъ быть великъ, потому что кодифицировались законы несуществовавшего уже общества, законы общественного быта варваровъ до водворенія ихъ на римской территоріи,—быта, существовавшего перемѣнѣ бродячей жизни на осѣдную, состоянія кочующихъ воиновъ на состояніе осѣдлыхъ собственниковъ. Кое-гдѣ встрѣчаются, правда, статьи о земляхъ, покоренныхъ варварами, объ отношеніяхъ побѣдителей къ прежнимъ владѣльцамъ страны; кое-гдѣ видны попытки опредѣлять нѣкоторыя явленія новой общественной жизни; но большая часть законовъ относится къ прежней жизни, къ древнему состоянію германцевъ; они не были примѣнимы къ новому обществу и въ развитіи его не играли почти никакой роли.

Въ Италіи и въ южной Галліи въ то же время была сдѣлана другая попытка. Римское общество сохранилось тамъ лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ; въ городахъ было больше порядка и оживленія. Цивилизація попыталась здѣсь подняться. Вглядываясь, напримѣръ, въ королевство остготовъ въ Италіи, при Теодорихѣ, мы видимъ, что даже подъ властью короля-варвара и варварской націи, муниципальное устройство не прекращалось и не оставалось безъ вліянія на общій ходъ событій. Римское общество вліяло на готовъ и до извѣстной степени слилось съ ними. Тотъ же самый фактъ наблюдается и въ южной Галліи. Въ началѣ VI столѣтія вестготскій король Тулузы, Аларихъ, предпринялъ собраніе римскихъ законовъ и обнародовалъ для своихъ римскихъ подданныхъ кодексъ, подъ именемъ *Breviarium Anianum*.

Возстановить цивилизацію въ Испаніи пыталась другая сила — сила церкви. вмѣсто древнихъ германскихъ собраний, собраній мужей, воиновъ, преобладающимъ собраніемъ въ Испаніи является толедскій соборъ,—и въ немъ, несмотря на присутствіе многихъ свѣтскихъ лицъ, первое мѣсто занимаютъ епископы. Откройте законъ вестготовъ — вы увидите, что это не варварскій законъ. Онъ очевидно составленъ тогдашними философами — лицами духовнаго сословія. Онъ исполненъ общихъ идей, теорій — и теорій, совершенно чуждыхъ правамъ варваровъ. Такъ, напримѣръ, вы знаете, что варварское законодательство было законодательствомъ личнымъ, т. е. извѣстный законъ имѣлъ силу только для людей одного и того же племени. Римляне управлялись римскимъ, франки — франкскимъ закономъ. У каждаго народа былъ свой законъ, хотя бы они и были

подчинены одному правительству и жили на одной и той же территории. Вотъ что называется системою личнаго законодательства, въ противоположность системѣ реального законодательства, въ основѣ котораго лежитъ территория. Между тѣмъ, законъ вестготовъ не отличается характеромъ личнымъ: онъ основанъ на территоріи. Всѣ жители Испаніи, римляне или вестготы, подчинены одному и тому же закону. Продолжайте изученіе этого закона—вы встрѣтите еще болѣе ясныя признаки философской идеи. У варваровъ человѣкъ имѣлъ опредѣленную, зависѣвшую отъ положенія его цѣну; варваръ и римлянинъ, свободный человѣкъ и зависимый, цѣнились различно, существовалъ тарифъ на жизнь каждаго изъ нихъ. Въ законахъ вестготовъ принять принципъ равной цѣны всѣхъ людей предъ закономъ. Всмотритесь въ систему судопроизводства: вмѣсто очистительной присяги или судебного поединка, вы найдете систему доказательствъ посредствомъ свидѣтелей, рациональное изслѣдованіе дѣла, т. е. то, что имѣетъ мѣсто въ цивилизованномъ обществѣ. Однимъ словомъ, все вестготское законодательство носитъ на себѣ ученый, систематическій, социальный характеръ. Въ немъ чувствуется работа того же самаго духовенства, которое преобладало на толедскихъ соборахъ и имѣло такое могущественное вліяніе на туземное правительство. Итакъ, въ Испаніи, до вторженія арабовъ, попытка возстановить цивилизацію исходила отъ теократіи.

Во Франціи та же попытка была результатомъ иной силы; она была дѣломъ великихъ людей, въ особенности Карла Великаго. Разсмотрите его правленіе съ разныхъ сторонъ, — вы увидите, что его господствующею идеею была цивилизація народовъ. Возьмемъ сначала его войны; онъ постоянно въ походахъ, на югъ, на сѣверо-востокъ, на Эбро, на Эльбъ, на Везеръ. Вы думаете, что эти походы предприняты были имъ произвольно, въ силу одной только жажды завоеваній? Нисколько. Я не говорю, что Карлъ Великій отдавалъ себѣ полный, строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы въ планахъ его было много дипломатіи и стратегіи; но онъ повиновался крайней необходимости, желанію подавить варварство. Все его царствованіе было занято противодѣйствіемъ двойственному вторженію: мусульманъ съ юга, германцевъ и славянъ съ сѣвера. Таковъ воинственный характеръ царствованія Карла; походы его противъ саксовъ не имѣютъ иной причины, иной цѣли. Переходя отъ войнъ къ внутреннему управленію Карла Великаго, вы различите и тамъ попытку ввести порядокъ, един-

ство въ управленіи всѣми странами, ему принадлежавшими. Я не хочу употребить выраженія: *королевство* или *государство*;—выраженія эти слишкомъ правильны, они возбуждаютъ идею, далеко не соотвѣтствующую обществу, во главѣ котораго стоялъ Карлъ. Несомнѣнно только то, что, будучи властителемъ громадной территоріи, онъ возмущался при видѣ царившаго въ ней безпорядка, анархіи, и старался измѣнить это ужасное состояніе. Средствами къ тому служили прежде всего его *missi dominici*, которыя онъ разсылалъ во всѣ части территоріи съ тѣмъ, чтобы они наблюдали за теченіемъ дѣлъ, исправляли замѣченные недостатки и доносили ему о нихъ; затѣмъ общія собранія, которыя онъ созывалъ съ гораздо болѣею настойчивостью, чѣмъ его предшественники; собиралъ онъ почти всѣхъ знаменитыхъ мужей своей территоріи. Это не были настоящія свободныя собранія; они не представляли ничего похожего на собранія народныхъ представителей въ современномъ значеніи этого слова. Карлъ Великій видѣлъ въ нихъ только средство знакомиться съ текущими дѣлами, вносить нѣкоторую правильность въ хаосъ, царившій среди народонаселенія.

Съ какой бы точки зрѣнія вы ни рассматривали царствованіе Карла Великаго, вы постоянно встрѣтите въ немъ одну и ту же отличительную черту: борьбу съ варварствомъ, стремленіе къ цивилизаціи. Это видно изъ заботъ его объ учрежденіи школъ, изъ расположенія его къ ученымъ, изъ покровительства, которое онъ оказывалъ вліянію церкви и вообще всему, что по его мнѣнію могло дѣйствовать или на все общество, или на единичнаго человѣка.

Подобная попытка была сдѣлана нѣсколько позже, въ Англіи, королемъ Альфредомъ.

Такимъ образомъ, отъ V до IX столѣтія въ различныхъ пунктахъ Европы принимались различныя, исчисленныя мною выше, мѣры для того, чтобы выйти изъ состоянія варварства.

Но все это было безуспѣшно. Карлъ не могъ основать свою обширную монархію и ту систему управленія, которой онъ желалъ дать преобладаніе. Въ Испаніи церкви не удалось установить теократическое начало. Въ Италіи и южной Галліи римская цивилизація хотя нѣсколько разъ и пыталась подняться, но это удалось ей лишь гораздо позже, въ концѣ X столѣтія. До того времени всѣ попытки положить конецъ варварству оставались безъ успѣха: предпринимавшіе эти попытки предполагали людей болѣе развитыми, нежели это было на са-

момъ дѣлѣ, и стремились къ установленію, подѣ различными формами, общества болѣе обширнаго и правильнаго, нежели то было возможно при тогдашнемъ распредѣленіи силъ и состояній умовъ. Однако попытки эти всетаки не прошли безслѣдно: въ началѣ X столѣтія не существовало болѣе ни великой монархіи Карла Великаго, ни славныхъ толедскихъ соборовъ, — но варварство тѣмъ не менѣе близилось къ концу; Европа достигла двухъ важныхъ результатовъ.

Во-первыхъ, вторженія народовъ на сѣверѣ и на югѣ были остановлены; государства, образовавшіяся вслѣдствіи распаденія монархіи Карла Великаго на правомъ берегу Рейна, представляли сильную преграду народамъ, стремившимся еще на западъ. Неопровержимымъ доказательствомъ тому служатъ норманны: до этого времени число морскихъ набѣговъ, за исключеніемъ вторженій, сдѣланныхъ въ Англію, было крайне незначительно. Въ теченіи IX вѣка эти набѣги становятся постоянными и всеобщими. Слѣдовательно, вторженія съ сухаго пути стали весьма затруднительными; общество приобрѣло съ этой стороны болѣе опредѣленные и безопасныя границы. Та часть бродячаго населенія Европы, которая не могла быть отѣснена назадъ, принуждена была искать счастья на морѣ. Какъ ни велико было зло, причиненное западу набѣгами норманновъ, но они были далеко не столь гибельны, какъ сухопутныя нашествія, и несравненно менѣе тревожили зарождавшееся общество. На югѣ мы видимъ то же самое. Арабы водворяются въ Испанію; между ними и христіанами идетъ по прежнему борьба, но она уже не влечетъ за собою переселенія народовъ. Шайки сарациновъ опустошаютъ еще по временамъ берега Средиземнаго моря; но успѣхи ислама очевидно прекратились.

Во-вторыхъ, въ то же время внутри европейской территоріи замѣтно прекращеніе бродячей жизни; народонаселенія становятся осѣдлыми, поземельная собственность принимаетъ опредѣленный видъ, взаимныя отношенія людей не измѣняются уже какъ прежде со дня на день, подѣ вліяніемъ силы и случая. Внутреннее, нравственное состояніе человѣка также начинаетъ измѣняться, его идеи, чувства, какъ и самая жизнь, приобретаютъ нѣкоторую опредѣленность: онъ привязывается къ мѣсту, на которомъ живетъ, къ отношеніямъ, въ которыя вступаетъ, къ своимъ владѣніямъ, которыя уже надѣется передать своимъ дѣтямъ, — привязывается къ жилищу, которое онъ впослѣдствіи называетъ своимъ замкомъ, и къ этому жал-

кому сборищу рабовъ, изъ котораго современемъ образуется селеніе. Повсюду являются маленькія общества, маленькія государства, выкроенныя, такъ сказать, по мѣрѣ идей и мудрости человѣка того времени. Въ эти общества вводится мало по малу связь, начало которой заключается въ варварскихъ правахъ, связь конфедеративная, не нарушающая личной независимости. Съ одной стороны, каждое значительное лицо поселяется въ своихъ владѣніяхъ, вмѣстѣ съ семьєю и слугами; съ другой стороны, между этими собственниками-воинами, разбѣянными по территоріи, устанавливается извѣстная іерархія услугъ и правъ. Это есть феодальная система, развившаяся изъ нѣдръ варварства. Изъ всѣхъ разнообразныхъ элементовъ нашей цивилизаціи, преобладающее вліяніе прежде всѣхъ естественно долженъ былъ получить германскій: на его сторонѣ была сила, онъ покорилъ Европу, отъ него она должна была получить свою первоначальную форму, свое первое общественное устройство. Такъ и случилось. Феодальная система, ея характеръ, роль, которую она играла въ исторіи европейской цивилизаціи, будетъ предметомъ нашей слѣдующей лекціи; въ нѣдрахъ утвердившагося феодализма мы на каждомъ шагѣ будемъ встрѣчаться съ другими элементами нашего общества: съ королевскою властью, церковью, городскими общинами; не трудно предугадать, что этимъ элементамъ не суждено погибнуть подъ феодальною формою, съ которою они сливаются, въ то же время борясь противъ нея и ожидая, что и для нихъ ударить часъ побѣды.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Необходимая связь ученій и фактовъ.—Перевѣсъ селеній надъ городами.—Организація каждаго отдѣльнаго феодальнаго общества.—Вліяніе феодальной системы на характеръ феодальнаго владѣльца и на семейный духъ.—Народная ненависть къ феодальному устройству.—Ничтожное значеніе священника для рабовъ.—Невозможность правильной организаціи феодализма: 1) отсутствіе сильнаго авторитета; 2) отсутствіе общественной власти; 3) затрудненія, сопряженныя съ федеративнымъ устройствомъ.—Идея о правѣ сопротивленія, свойственная феодализму.—Вліяніе феодальной системы: благое—на личное развитіе человѣка, дурное — на общественный порядокъ.

Мы изучили состояніе Европы послѣ паденія Римской имперіи, въ первую эпоху среднихъ вѣковъ, въ эпоху варварства. Мы видѣли, что въ концѣ этой эпохи, въ началѣ X столѣтія, первою системою, развившеюся и овладѣвшею европейскимъ обществомъ, была феодальная система, что изъ нѣдръ варварства прежде всего родился феодализмъ. Я думаю, нѣтъ надобности напоминать, что мы изучаемъ не исторію событій; я не буду рассказывать вамъ о судьбахъ феодализма. Намъ занимаетъ исторія цивилизаціи; цивилизація же есть общій, скрытый фактъ, который мы ищемъ подъ всѣми внѣшними явленіями, скрывающими его. Событія, общественные кризисы, различныя состоянія, чрезъ которыя проходило общество, любопытны для насъ только по отношенію ихъ къ развитію цивилизаціи. Мы должны знать, въ чемъ они противудѣйствовали или способствовали ей, чѣмъ обогатили ее и чего ея лишили. Мы будемъ разсматривать феодальный режимъ исключительно съ этой точки зрѣнія.

Въ началѣ этого курса мы опредѣлили, что такое цивилизація; мы старались распознать ея элементы. Мы видѣли, что съ одной стороны она состоитъ въ развитіи самаго человѣка, отдѣльной личности, человѣчества; съ другой—въ развитіи внѣшняго состоянія людей, т. е. общества. Итакъ, встрѣчаясь съ событіемъ, системою, всемірнымъ явленіемъ, мы должны

каждый разъ задавать себѣ слѣдующій двойственный вопросъ: какое вліяніе имѣло это явленіе на человѣка? какое вліяніе оно имѣло на общество?

Подобныя изысканія неизбѣжно приведутъ насъ къ разсмотрѣнію самыхъ важныхъ вопросовъ нравственной философіи. Когда мы захотимъ узнать степень участія извѣстнаго событія, извѣстной системы въ развитіи лица и общества, намъ необходимо будетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинное развитіе того и другаго, какое развитіе ложно, незаконно, вредить, вмѣсто того, чтобы улучшать, влечетъ за собою регрессъ вмѣсто прогресса. Намъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ отказываться отъ подобнаго изученія; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы искажать факты; кромѣ того, самое настроеніе умовъ, господствующее въ настоящее время, заставляетъ насъ добровольно припятъ это неизбѣжное соединеніе философіи съ исторіею. Это одинъ изъ отличительныхъ признаковъ и, быть можетъ, самая характерная черта нашей эпохи. Мы призваны изучать и двигать впередъ науку и дѣйствительность, теорію и практику,—перездѣльно. До нашего времени эти двѣ силы жили отдѣльною жизнью. Общество привыкло видѣть науку и практику идущими по различнымъ путямъ, не знающими другъ друга или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчающимися между собою. Когда отвлеченныя ученія, общія идеи хотѣли воплотиться въ событіяхъ, дѣйствовать на міръ, имъ удавалось достигнуть этого только въ формѣ фанатизма и съ его помощью. Обладаніе обществами, руководство ихъ дѣлами до сихъ поръ было раздѣлено между двумя вліяніями: съ одной стороны—людей вѣрующихъ, фанатиковъ, приверженцевъ общихъ идей и принциповъ; съ другой стороны—людей чуждыхъ всякому раціональному началу, управляемыхъ единственно силою обстоятельствъ, людей практическихъ, людей минуты (*libertins*, какъ называли ихъ въ XVIII вѣкѣ). Теперь это двойственное состояніе уже прекращается; преобладаніе не можетъ болѣе принадлежать ни фанатикамъ, ни практикамъ. Теперь, чтобы управлять людьми, чтобы руководить ими, необходимо знать и понимать какъ общія идеи, такъ и текущія событія; необходимо обращать вниманіе и на принципы, и на факты; уважать истину и дѣйствительность; избѣгать ослѣпленій фанатиковъ и ослѣпленія практиковъ. Таковъ результатъ развитія человѣческаго разума и общественнаго быта: съ одной стороны, человѣческій разумъ, возвышенный и свободный, лучше понимаетъ совокупность явленій,

научился обнимать однимъ взглядомъ и вводить въ свои соображенія все существующее; съ другой стороны, общество усовершенствовалось до такой степени, что можетъ быть поставлено лицомъ къ лицу съ отвлеченной истиной, что факты могутъ быть сближены съ принципами и, не смотря на всю недостаточность первыхъ, такое сопоставленіе можетъ быть сдѣлано, не вызывая ни въ комъ ни ужаса, ни отчаянья. Будемъ повиноваться естественнымъ стремленіямъ, условіямъ, требованіямъ нашей эпохи и потому будемъ переходить отъ событій къ идеямъ, отъ изложенія фактовъ къ вопросамъ теоретическимъ. Въ современномъ расположеніи умовъ заключается, быть можетъ, еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу такого метода. Съ нѣкоторыхъ поръ господствуетъ у насъ рѣшительная склонность, даже пристрастіе къ фактамъ, къ практической точкѣ зрѣнія, къ положительной сторонѣ человѣческой дѣятельности. Мы до такой степени были поработаны деспотизмомъ общихъ идей, теорій, и они въ иныхъ отношеніяхъ такъ дорого обошлось намъ, что стали для насъ предметомъ нѣкотораго недовѣрія. Мы предпочитаемъ обращаться къ фактамъ, къ частностямъ, къ приложеніямъ общихъ началъ къ жизни. Не будемъ жаловаться на это:—это новый успѣхъ въ нашихъ познаніяхъ и великій шагъ къ открытію истины, если только мы не безусловно подчинимся этой склонности и не позволимъ себѣ слишкомъ увлекаться ею, если мы не забудемъ, что лишь истина имѣетъ право царствовать надъ міромъ, что значеніе фактовъ зависитъ лишь отъ того, на сколько они выражаютъ ее и стремятся все болѣе и болѣе приблизиться къ ней, что истинное величіе событій проистекаетъ отъ величія идей, лежащаго въ ихъ основѣ. Цивилизація нашего отечества имѣетъ тотъ отличительный характеръ, что она никогда не терпѣла недостатка въ умственномъ величіи; она всегда была богата идеями; сила человѣческаго разума во французскомъ обществѣ всегда была велика,—больше, можетъ быть, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Мы не должны лишиться этого прекраснаго преимущества; мы должны предохранить себя отъ того узкаго, матеріальнаго состоянія, въ которое впади инья общества. Разумъ, идеи и въ настоящее время не должны лишиться того высокаго мѣста, которое они всегда занимали во Франціи. Такимъ образомъ мы отнюдь не будемъ избѣгать общихъ, философскихъ вопросовъ; мы не будемъ искать ихъ, но когда насъ натолкнутъ на нихъ факты, то мы приступимъ къ разрѣшенію ихъ безъ смущенія, безъ

колебанія. Мы не разъ будемъ имѣть къ тому случай при разсмотрѣніи феодальнаго устройства въ отношеніяхъ его къ исторіи европейской цивилизаціи.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому, что въ X вѣкѣ феодальное устройство было необходимою и единственно возможною формою общественнаго быта, служить повсемѣстность его. Гдѣ только ни прекращалось варварство, тамъ все принимало феодальную форму. Сначала въ ней видѣли не что иное, какъ торжество хаоса. Всякое единство, всякая цивилизація исчезала; общество повсюду распадалось; возникало множество небольшихъ обществъ, анархическихъ, разьединенныхъ, неустроенныхъ. Въ глазахъ современниковъ, это казалось всеобщимъ разрушеніемъ, всемірною анархіею. Послушайте поэтовъ или лѣтописцевъ того времени: они всѣ убѣждены, что наступаетъ конецъ міра. Между тѣмъ, это было началомъ новаго, настоящаго общественнаго строя,—строя феодальнаго, до такой степени необходимаго, неизбежнаго, тѣсно связаннаго съ предшествовавшимъ состояніемъ, что онъ все поглотилъ собою, всему сообщилъ свою окраску. Даже наиболѣе чуждые этой системѣ элементы: церкви, городскія общины, королевская власть—все по необходимости сообразовалось съ нею: церкви сдѣлались сюзеренами и вассалами, города вошли въ составъ феодальной іерархіи, королевская власть скрылась за властью сюзерена. Все поступило въ ленную зависимость, не только земли, но и права: право рубки лѣса, право рыбной ловли; церкви отдавали въ содержаніе свои случайные доходы: плату за крещеніе, за введеніе въ церковь родильницъ. Вода, деньги—все стало предметомъ леннаго владѣнія. Подобно тому, какъ всѣ элементы общества вошли въ феодальную область, всѣ мельчайшіе факты обыденной жизни подчинились дѣйствию феодализма.

При видѣ повсемѣстнаго распространенія феодальной системы, можно предположить, что вмѣстѣ съ нею утратили самостоятельность и всѣ остальные элементы общественной жизни. Такое предположеніе, было бы однако весьма ошибочно. Облекаясь въ феодальную форму, разнородные элементы и учрежденія не лишались своей самобытности, своихъ притязаній. Феодальная церковь, въ сущности, по прежнему была одушевляема и управляема теократическимъ началомъ, и для возвышенія его она безпрестанно старалась,—съ помощью ли королевской власти, папы, или народа,—уничтожить то самое устройство, котораго ливрею, такъ сказать, она носила. То же

было съ королевскою властью и съ общинами: какъ и прежде, въ первой преобладало монархическое, въ послѣднихъ—демократическое начало. Несмотря на свой феодальный обликъ, эти различные элементы европейскаго общества непрерывно стремились освободиться отъ устройства, несогласнаго съ истинною ихъ природою, и принять форму, соответствующую собственному, коренному ихъ характеру.

Такимъ образомъ, изъ всеобщаго распространенія феодальной формы не слѣдуетъ еще выводить заключеніе о всеобщности феодальнаго принципа и изучать феодализмъ всюду, гдѣ только онъ встрѣчается. Для полнаго пониманія феодальной системы, для разбора и оцѣнки ея вліянія на современную цивилизацію, надо искать его тамъ, гдѣ господствуетъ гармонія между его основнымъ принципомъ и формою; надо изучать его въ іерархіи свѣтскихъ феодальныхъ владыкъ, завоевателей европейской территоріи. Тамъ настоящее мѣстопробываніе феодальнаго общества. Туда мы теперь и обращаемся.

Я недавно говорилъ о важности нравственныхъ вопросовъ и о невозможности обойти ихъ молчаніемъ. Есть еще другой, совершенно иной рядъ соображеній, также по большей части игнорируемый: я говорю о матеріальномъ бытѣ общества, о матеріальныхъ измѣненіяхъ, вводимыхъ въ жизнь и состояніе людей новымъ строемъ или общественнымъ переворотомъ. Это обстоятельство не всегда обращало на себя достаточное вниманіе; изслѣдователи слишкомъ рѣдко задавались вопросомъ, какія видоизмѣненія внесены великими кризисами міра въ матеріальное существованіе людей, въ матеріальную сторону ихъ взаимныхъ отношеній. А между тѣмъ подобныя видоизмѣненія производятъ на общества большее вліяніе, нежели имъ обыкновенно приписываютъ. Извѣстно, какому глубокому изученію подвергался вопросъ о вліяніи климата, и какую важность приписывалъ ему Монтескьё. Непосредственное вліяніе климата на людей, можетъ быть, не столь обширно, какъ полагаютъ: по крайней мѣрѣ, трудно опредѣлить его съ точностью; но косвенное вліяніе климата, результаты, напримѣръ, того обстоятельства, что въ жаркихъ странахъ люди живутъ на открытомъ воздухѣ, а въ холодныхъ внутри жилищъ, что здѣсь пища одна, а тамъ другая,—все это факты первостепенной важности: измѣняя одни только условія матеріальной жизни, они тѣмъ не менѣе могущественно дѣйствуютъ на цивилизацію. Всякій значительный переворотъ влечетъ за собою подобныя измѣненія общественнаго быта, которыя не могутъ и не должны быть оставляемы безъ вниманія.

Устаповленіе феодальнаго устройства произвело одно изъ такихъ измѣненій, важность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію: оно измѣнило распредѣленіе народонаселенія на поверхности европейской территоріи. До того времени владѣльцы территорій,—господствующее населеніе,—жили болѣе или менѣе многочисленными массами, осѣдлыми въ городахъ, или кочующими по всей странѣ. Подъ вліяніемъ феодализма, тѣ же самые люди стали жить каждый отдѣльно, въ своемъ жилищѣ, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Нетрудно предвидѣть, какія послѣдствія должна была имѣть такая переменна въ отношеніи къ характеру и ходу цивилизаціи. Преобладаніе надъ обществомъ, управленіе имъ внезапно перешло изъ городовъ въ селенія; частная собственность приобрѣла перевѣсъ надъ общественною, такъ же какъ и частная жизнь надъ общественною жизнью. Таково было первое, сначала чисто-матеріальное вліяніе торжества феодальной системы. Чѣмъ глубже мы будемъ проникать въ нее, тѣмъ болѣе будутъ развиваться передъ нашими глазами послѣдствія этого факта.

Разсмотримъ феодальное общество въ самомъ себѣ и изслѣдуемъ, какую роль оно играло въ исторіи цивилизаціи. Возьмемъ сначала феодальную систему въ самой простой, первоначальной, основной ея формѣ; познакомимся съ бытомъ отдѣльнаго феодальнаго владѣльца въ его доменахъ; посмотримъ, чѣмъ будетъ небольшое общество, образующееся вокругъ него.

Феодальный владѣлецъ поселяется на уединенномъ, возвышенномъ мѣстѣ, которое старается сдѣлать безопаснымъ, укрѣпленнымъ, на которомъ онъ строитъ то, что называется «замкомъ». Съ кѣмъ же онъ поселяется тамъ? Съ женою, съ дѣтьми; можетъ быть съ нѣкоторыми свободными людьми, которые, не имѣя собственности, присоединились къ нему и продолжаютъ жить съ нимъ, на его иждивеніи. Таковы жители замка. Вокругъ него, внизу, группируется небольшое населеніе рабовъ, обрабатывающихъ поля владѣльца. Среди этого низшаго населенія, религія воздвигаетъ церковь; является священникъ. Въ первыя времена феодальной системы, одно и то же духовное лицо было и капеланомъ замка, и приходскимъ священникомъ; впоследствии, эти должности отдѣляются другъ отъ друга: деревня имѣетъ своего особаго священника, живущаго при церкви. Вотъ первобытное феодальное общество,—если можно такъ выразиться,—феодальная ячейка. Этотъ элементъ мы рассмотримъ раньше всѣхъ другихъ и предложимъ ему два вопроса, съ которыми всегда слѣдуетъ обра-

щаться къ каждому историческому факту: во первыхъ, какое онъ имѣлъ вліяніе на развитіе человѣка, и, во вторыхъ,—на развитіе общества?

Первый фактъ, поражающій насъ при изученіи феодальнаго общества, это—необыкновенное значеніе, которое долженъ былъ пріобрѣсти владѣтель феода, какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всѣхъ, окружавшихъ его. Господствующимъ чувствомъ въ варварской жизни было чувство личности, личной свободы. Здѣсь мы видимъ уже не только свободнаго человѣка, воина, но и собственника, главу семейства, господина. Такое положеніе служило источникомъ неизмѣримаго превосходства, превосходства совершенно своеобразнаго, безпримѣрнаго въ древнихъ цивилизаціяхъ. Дѣйствительно, возьмемъ какое-нибудь высокое аристократическое положеніе въ древнемъ мирѣ, напр., положеніе римскаго патриція. Какъ и феодальный владѣлецъ, римскій патрицій былъ главою семьи, господиномъ, высшимъ лицомъ въ обществѣ. Онъ былъ сверхъ того духовнымъ сановникомъ, первосвященникомъ для своего семейства. Но значеніе священнослужителя давалось ему извнѣ, исходило свыше, и не было личнымъ, индивидуальнымъ его свойствомъ; онъ былъ избранникомъ божества, истолкователемъ относящихся къ этому божеству религіозныхъ вѣрованій. Далѣе, римскій патрицій былъ членомъ государственной корпораціи, членомъ сената. И это значеніе, доставшееся ему извнѣ, отъ корпораціи, значеніе заимствованное, полученное изъ посторонняго источника. Величіе древнихъ аристократовъ, тѣсно связанное съ ихъ религіозною и политическою дѣятельностью, принадлежало болѣе общественному положенію, самой корпораціи, нежели каждому отдѣльному лицу. Напротивъ того, значеніе феодальнаго владѣльца было чисто личное, ни отъ кого не заимствованное; всѣми правами, всею властью онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Онъ не былъ ни духовнымъ сановникомъ, ни членомъ сената; все его значеніе заключалось въ собственной его личности. Вездѣ и всегда онъ дѣйствовалъ отъ своего лица, отъ своего собственного имени. Какъ сильно должно было быть вліяніе подобнаго положенія на того, кто занималъ его! Какая гордость, какая страшная надменность—короче, какая дерзкая самоувѣренность должна была зародиться въ его душѣ! Надъ нимъ нѣтъ высшаго лица, котораго бы онъ былъ представителемъ и органомъ; рядомъ съ нимъ—нѣтъ равныхъ; не существуетъ сильнаго, общаго для

всѣхъ закона, который бы тяготѣлъ надъ нимъ, нѣтъ вышней власти, которая бы могла дѣйствовать на его волю: только предѣлы собственной его силы и близость опасности могутъ обуздать его. Таковъ нравственный результатъ описаннаго нами положенія въ отношеніи къ характеру человѣка, къ развитію человѣческой личности.

Перехожу къ другому послѣдствію, столь же важному, но до сихъ поръ еще слишкомъ мало замѣченному, — къ особому складу феодальной семьи.

Посмотримъ на различныя системы семейнаго устройства; прежде всего, на патріархальную семью, образцы которой представляютъ библія и восточные памятники. Она весьма многочисленна и образуетъ племя. Глава ея, патріархъ, живетъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, внуками, правнуками, родственниками и свойственниками, соединившимися вокругъ него со всею своею роднею и слугами; и не только онъ живетъ вмѣстѣ съ ними, но у него общіе съ ними интересы, занятія, образъ жизни. Не таково ли именно положеніе Авраама, патріарховъ и даже современныхъ арабскихъ родоначальниковъ?

Другая система семейнаго устройства — *кланъ*, т. е. небольшое общество, образецъ котораго можно найти въ Шотландіи и Ирландіи, и чрезъ которое, вѣроятно, прошла большая часть европейскаго міра. Это уже не патріархальная семья. Въ положеніи главы ея и остальныхъ членовъ замѣтно большое различіе. Образъ жизни ихъ не одинъ и тотъ же; большинство членовъ обрабатываютъ землю и несутъ различныя повинности, а глава проводитъ время въ праздности и военныхъ занятіяхъ. Но у нихъ общее происхожденіе; всѣ они носятъ одно и то же имя; родственныя отношенія, старинныя преданія, общія воспоминанія, привязанности — все это утверждаетъ между членами клана нравственную связь, нѣкоторый родъ равенства.

Вотъ два главные типа семьи, представляемые исторіею. Такова ли, спрашивается, феодальная семья? Очевидно, нѣтъ. Съ перваго взгляда мы находимъ въ ней какъ бы нѣкоторое сходство съ кланомъ; но различіе ихъ на самомъ дѣлѣ очень велико. Населеніе, окружающее феодальнаго владѣльца, совершенно чуждо ему; оно не носитъ его имени, между ними нѣтъ ни родства, ни исторической, ни нравственной связи. Это, съ другой стороны, и не патріархальная семья. Образъ жизни и занятія владѣльца отличаются отъ занятій и образа жизни лицъ, окружающихъ его. Онъ — праздный воинъ, они —

земледѣльцы. Феодалъная семья не многочисленна; это не племя, а семья въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. жена и дѣти; эта семья живетъ въ замкѣ, отдѣльно отъ остальнаго населенія. Поселенцы и рабы не входятъ въ ея составъ; происхожденіе ихъ различно, неравенство положеній неизмѣримо. Пять или шесть лицъ, находящихся въ исключительномъ положеніи господъ, вотъ составъ феодалъной семьи. Очевидно, что и характеръ ея долженъ быть совершенно особый. Она узка, сосредоточена въ самой себѣ, непрерывно вынуждена защищаться, подозрѣвать, или по крайней мѣрѣ отдаляться, даже отъ своихъ слугъ. Не трудно предвидѣть, что внутренняя жизнь, домовитость, получить въ ней большое развитіе. Конечно, необузданность страстей, привычка главы семейства къ войнѣ и охотѣ довольно сильно будутъ препятствовать развитію подобной жизни. Но это препятствіе будетъ побѣждено: глава семьи по необходимости будетъ возвращаться въ свой домъ, а возвращаясь, находить тамъ жену и дѣтей; они одни будутъ его постояннымъ обществомъ, одни будутъ раздѣлять и его интересы, и его участь. При такой обстановкѣ, домашняя жизнь естественно пріобрѣтетъ огромное значеніе. Доказательствъ тому не мало. Не въ нѣдрахъ ли феодалъной семьи развилась наконецъ женщина? Во всѣхъ древнихъ обществахъ—я говорю не только о тѣхъ, гдѣ были слабо развиты семейныя начала, но и о тѣхъ, гдѣ они процвѣтали, какъ на примѣръ, въ патриархальномъ бытѣ всѣхъ древнихъ обществъ—женщины занимали далеко не такое мѣсто, какое онѣ пріобрѣли въ Европѣ, въ эпоху феодализма. Этимъ измѣненіемъ, успѣхомъ въ своемъ положеніи онѣ особенно обязаны развитію, естественному преобладанію домашней жизни въ феодалъную эпоху. Были попытки приписать эту перемѣну особенностямъ нравовъ древнихъ Германцевъ, тому національному уваженію, которое они будто бы еще среди лѣсовъ питали къ женщинамъ. На основаніи одной лишь фразы Тацита, германскій патриотизмъ выдумалъ какое то необыкновенное превосходство, какую-то первобытную и неизгладимую чистоту германскихъ нравовъ въ отношеніяхъ одного пола къ другому. Это просто химера! Чувства и обычаи, сходные съ древне-германскими, по описанію Тацита, встрѣчаются въ разсказахъ многихъ наблюдателей дикихъ и варварскихъ народовъ. Здѣсь нѣтъ ничего врожденнаго, ничего исключительно свойственнаго извѣстному племени. Значеніе женщинъ въ Европѣ имѣло своимъ источникомъ развитіе и преобладаніе домашней жизни,

которая весьма рано сдѣлалась отличительнымъ характеромъ феодальнаго быта.

Феодальная семья отличается еще другимъ признакомъ; духомъ паслѣдственности, непрерывности, очевидно господствовавшимъ въ ней. Духъ паслѣдственности нераздѣленъ вообще съ семейнымъ элементомъ; но въ феодализмѣ онъ получилъ особенно сильное развитіе. Это зависѣло отъ самыхъ условій, въ которыя была поставлена феодальная семья. Феоде не былъ обыкновенною собственностью; онъ постоянно нуждался во владѣльцѣ, который бы защищалъ, охранялъ его, исполнялъ сопряженные съ нимъ обязанности и, такимъ образомъ, удерживалъ бы за нимъ мѣсто, однажны имъ занятое въ общемъ союзѣ влaстителей страны. Отсюда нѣкоторая тождественность между настоящимъ владѣльцемъ феода, самимъ феодеи и цѣлымъ рядомъ будущихъ его владѣльцевъ. Это обстоятельство много содѣйствовало скрѣпленію и упроченію семейныхъ узъ, уже столь сильныхъ по самой природѣ феодальной семьи.

Я оставляю теперь жилище владѣльца и перехожу въ среду небольшого населенія, его окружающаго. Здѣсь все измѣняется. Природа человѣка такъ хороша и дѣятельна, что при сколько нибудь устойчивой формѣ общественнаго устройства, лица, сближенные имъ—каковы бы ни были условія этого сближенія—неизбѣжно соединяются между собою нѣкоторою нравственною связью, чувствами покровительства, благосклонности, любви. То же случилось и при феодализмѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что между поселенцами и феодальнымъ владѣльцемъ образовались постепенно нѣкоторыя нравственныя отношенія, нѣкоторая взаимная привязанность, основанная на привычкѣ. Но это произошло вопреки ихъ обоюдному положенію, а отнюдь не подъ вліяніемъ его. Разсматриваемое въ самомъ себѣ, положеніе ихъ страдало коренными недостатками. Строго говоря, не было ничего общаго между феодальнымъ владѣтелемъ и поселенцами; они составляли часть его владѣній, его собственность; и подъ этимъ словомъ «собственность» должно разумѣть, какъ права, которыя мы теперь называемъ державными, такъ и всѣ права частной собственности: право издавать законы, опредѣлять налоги, наказывать, наравнѣ съ правомъ распоряженія и отчужденія. Между владыкой и земледѣльцами его владѣній не было—по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно между людьми—ни правъ, ни гарантій, ни общества.

Вотъ гдѣ, по моему мнѣнію, источникъ той по истинѣ изумительной, непримиримой ненависти, которую постоянно пи-

такъ народъ къ феодальному устройству, къ воспоминаніямъ о немъ, къ его имени. Были примѣры, что люди подвергались игу тяжкаго деспотизма и привыкали къ нему, скажемъ болѣе—добровольно принимали его. Деспотизмъ теократическій, деспотизмъ монархическій не разъ пользовались терпимостью, почти любовью подчиненнаго имъ народоселенія. Феодальный деспотизмъ всегда былъ предметомъ отвращенія и ненависти; онъ тяготѣлъ надъ судьбою людей, но никогда не властвовалъ надъ ихъ душою. Дѣло въ томъ, что въ теократіи и въ монархіи управленіе власти основывается на убѣжденіяхъ, общихъ повелителю и подданнымъ; повелитель является представителемъ, органомъ другой власти, высшей, нежели всѣ человѣческія; онъ говоритъ и дѣйствуетъ во имя Божества или общей идеи, а не во имя собственной своей личности. Феодальный деспотизмъ—совершенно другаго свойства; это просто власть лица надъ лицомъ, господство личной, капризной воли одного человѣка. Вотъ, можетъ быть, единственная тираннія, съ которою—къ чести своей—никогда не примирится человѣкъ. Всякій разъ, когда въ повелителѣ своемъ онъ видитъ только человѣка, а въ гнетущей его волѣ—волю исключительно человѣческую, столь же личную, какъ и его собственная, онъ возмущается духомъ и лишь съ затаенною злобою переносить его. Таковъ былъ настоящій, отличительный характеръ феодальной власти; таковъ внутренній источникъ отвращенія, которое она постоянно внушала народу. Религіозный элементъ, присоединившійся къ этой власти, не въ состояніи былъ облегчить ея гнета. Я не думаю, чтобы въ небольшомъ обществѣ, описанномъ мною, вліяніе священника было значительно, чтобы онъ могъ вносить элементъ законности во взаимныя отношенія подвластнаго населенія и владѣльца. Церковь весьма сильно вліяла на европейскую цивилизацію, но она дѣйствовала косвенно, измѣняя общее настроеніе умовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи небольшого феодальнаго общества, вліяніе священника, какъ посредствующаго лица между владѣльцемъ и рабами, едва замѣтно. По большей части онъ былъ столь же грубъ и ничтоженъ, какъ и рабы, и не имѣлъ ни силы, ни охоты бороться съ надменнымъ владыкой. Правда, онъ одинъ поддерживалъ и развивалъ въ народѣ нравственную жизнь, одинъ утѣшалъ и просвѣщалъ его, насколько то было въ его власти и потому конечно былъ дорогъ и полезенъ народу; но для облегченія его участи, кажется, онъ не могъ сдѣлать почти ничего.

Я разсмотрѣлъ элементарное феодальное общество; я вы-

яснилъ главные послѣдствія, которыя долженъ былъ имѣть такой порядокъ вещей, какъ для владѣльца и его семьи, такъ и для населенія, собравшагося вокругъ послѣдняго. Выйдемъ теперь изъ этого тѣснаго круга. Населеніе отдѣльнаго феода не одно занимаетъ всю территорію; есть другія, сходныя съ нимъ или отличающіяся отъ него общества, съ которыми оно находится въ сношеніяхъ. Какова съ этой точки зрѣнія роль упомянутого мною населенія? Какое вліяніе должно имѣть на цивилизацію цѣлое общество, въ составъ котораго входятъ отдѣльные феоды?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо замѣтить слѣдующее. Правда, феодальный владѣлецъ и священникъ принадлежали обширному обществу; отношенія ихъ простирались далеко, были многочисленны и многообразны. Но не то было съ поселянами, рабами. Ошибочно было бы, для обозначенія какимъ нибудь названіемъ сельскаго населенія той эпохи, употреблять такое выраженіе, съ которымъ соединялось бы понятіе о чемъ-то цѣломъ, объ обществѣ,—напримѣръ, слово «народъ». Населеніе это не составляло общества; дѣятельность его была исключительно мѣстная. Въ занимаемой территоріи, поселяне не были связаны ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ; вся жизнь и дѣятельность ихъ сосредоточивались здѣсь, въ феоде. У нихъ не было ни общей участи, ни общаго отечества; они не составляли народа. Когда говорится о феодальномъ союзѣ въ полномъ его объемѣ, то при этомъ слѣдуетъ разумѣть однихъ лишь феодальныхъ владѣльцевъ.

Посмотримъ, въ чемъ состояли отношенія отдѣльнаго феода къ цѣлому обществу, котораго онъ былъ частью, и каково было вліяніе этихъ отношеній на развитіе цивилизаціи.

Вамъ извѣстно, какія связи соединяли феодальныхъ владѣльцевъ, какія были ихъ поземельныя отношенія, какая существовала обязанность службы съ одной стороны, а съ другой обязанность покровительства. Я не буду входить въ подробности этихъ взаимныхъ обязанностей: для меня достаточно, чтобы вы имѣли о нихъ общее понятіе. Изъ нихъ необходимо должны были проистекать для cadaго феодальнаго владѣльца извѣстныя идеи и чувства: идея долга, чувство привязанности. Очевидно, что принципъ вѣрности, преданности, честности въ исполненіи обязательствъ и другія подобныя чувства развивались и поддерживались взаимными отношеніями феодальныхъ владѣльцевъ.

Это сознаніе долга, эти обязанности и чувства пытались

облечься въ форму права, учрежденія. Извѣстно, что феодальная система стремилась къ законному опредѣленію взаимныхъ обязанностей и услугъ феодальныхъ владѣльцевъ и ихъ сюзерена, случаевъ, въ которыхъ вассалъ обязанъ былъ оказывать сюзерену вооруженную или денежную помощь, формъ, въ которыхъ сюзерень долженъ былъ испрашивать согласіе вассаловъ на услугу, не входившую въ кругъ ихъ ленныхъ повинностей. Были попытки обезпечить уваженіе къ правамъ. Такимъ образомъ, феодальные съѣзды предназначены были для суда между феодальными владѣльцами, по жалобамъ, приносимымъ ими общему своему сюзерену. На томъ же основаніи, всякій сколько нибудь значительный владѣлецъ созывалъ своихъ вассаловъ въ парламентъ, для совѣщанія по дѣламъ, требовавшимъ ихъ согласія или содѣйствія. Словомъ, существовала извѣстная совокупность средствъ политическихъ, военныхъ, юридическихъ, съ помощью которыхъ пытались организовать феодальное устройство, облечь взаимныя отношенія феодальныхъ владѣльцевъ въ форму правъ и учрежденій.

Но эти права и учрежденія были лишены всякой твердой опоры, всякой гарантіи.

Основное условіе всякаго политическаго ручательства или гарантіи состоитъ въ постоянномъ воздѣйствіи въ обществѣ такой воли или такой силы, которая имѣла бы и желаніе, и возможность предписывать законы индивидуальнымъ стремленіямъ, произволу, которая заставляла бы ихъ соблюдать общественныя постановленія, уважать общественное право.

Есть только двѣ возможныя системы политическихъ гарантій. Необходима либо одна воля, одна сила, на столько превосходящая всѣ прочія, чтобы онѣ не могли ей противиться и невольно покорялись ей при первомъ ея появленіи; либо общественная сила и воля, представляющая собою результатъ, выраженіе всѣхъ частныхъ силъ и стремленій, и могущая сдѣлаться для нихъ непреложнымъ закономъ, приобрести всеобщее уваженіе и, прежде всего, всеобщее признаніе.

Таковы двѣ единственно-возможныя системы политическихъ гарантій: деспотизмъ одного лица или одного сословія и свободный образъ правленія. Изслѣдуя самыя разнородныя системы, мы найдемъ, что всѣ онѣ подходятъ подъ одну изъ двухъ указанныхъ нами.

При феодальномъ устройствѣ не могла существовать ни та, ни другая система.

Конечно, не всѣ феодальные владѣльцы были одинаковы;

нѣкоторые были гораздо сильнѣе остальныхъ, многіе другіе были сильны на столько, что имѣли полную возможность угнетать слабѣйшихъ. Но, начиная съ перваго изъ сюзереновъ, съ короля, не было никого, кто бы могъ предписывать законы всѣмъ прочимъ, подчинить всѣхъ своей волѣ. Не было никакихъ постоянныхъ средствъ проявленія власти и вліянія, не было ни постоянныхъ войскъ, ни постоянныхъ налоговъ, ни постоянныхъ судовъ. Общественныя силы, учрежденія должны были словно возобновляться, создаваться каждый разъ, когда представлялась въ нихъ потребность. Надо было организовать судъ для каждой тяжбы, собирать войско при началѣ каждой войны, создавать доходы, когда являлась нужда въ деньгахъ; все зависѣло отъ случайностей, отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ; не было никакихъ условій для упроченія центральнаго, постояннаго, независимаго управленія. Ясно, что при такомъ устройствѣ ни одно лицо не было въ состояніи придать своей волѣ силу закона, распространить и утвердить уваженіе къ общественному праву.

Съ другой стороны, сопротивленіе было также легко, какъ затруднительно его подавленіе. Заключенный въ своемъ жилищѣ, имѣя дѣло съ незначительнымъ числомъ враговъ, легко находя союзъ и помощь у вассаловъ, поставленныхъ въ одинаковое съ нимъ положеніе, феодальный владѣлецъ располагалъ всѣми средствами успѣшной защиты.

Итакъ, первая система политическихъ гарантій—система, основанная на вмѣшательствѣ сильнѣйшаго,—не была совмѣстима съ феодальнымъ строемъ.

Другая система—система свободного образа правленія, общественной власти, общественной силы—точно также не была примѣнима къ феодализму и никогда не могла установиться при немъ. Причина этому очень простая. Когда мы говоримъ объ общественной власти, облеченной такъ называемыми верховными, державными правами—правомъ издавать законы, налагать подати, карать преступниковъ—мы глубоко убѣждены, что эти права не принадлежатъ никакому отдѣльному лицу, что никто, самъ по себѣ, не имѣетъ права наказывать другихъ, налагать на нихъ обязанности, предписывать имъ законы. Права эти принадлежатъ исключительно цѣлому обществу, во имя котораго они и приводятся въ дѣйствіе, хотя общество и не заимствуетъ ихъ отъ самого себя, а получаетъ ихъ свыше. Когда человѣкъ видитъ предъ собою силу, облеченную такими правами, онъ невольно, безсознательно

чувствуетъ себя предъ лицомъ законной общественной власти, призванной къ господству надъ нимъ, и онъ инстинктивно повируется ей. Совершенно не то было въ феодальную эпоху. Феодальный владѣлецъ, среди своихъ земель и въ отношеніи къ людямъ, ему подвластнымъ, пользовался самодержавными правами; права эти были нераздѣльны съ земельнымъ владѣніемъ и составляли предметъ частной собственности. То, что мы называемъ теперь общественными правами, общественною властью, было тогда правомъ частнымъ, частною властью. Феодальный владѣлецъ пользовался, въ качествѣ собственника, всѣми правами верховной власти надъ жителями принадлежащихъ ему земель; поэтому понятно, что, являясь въ собраніе, въ парламентъ, составлявшійся около его сюзерена изъ небольшого числа равныхъ или почти равныхъ ему вассаловъ, онъ не находилъ тамъ и не выносилъ оттуда никакого понятія объ общественной власти. Это понятіе было въ прямомъ противорѣчій со всѣмъ его существованіемъ, со всѣми его дѣйствіями внутри его владѣній. Въ собраніяхъ вассаловъ онъ видѣлъ только людей, облеченныхъ одинаковыми съ нимъ правами, стоявшихъ въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, дѣйствовавшихъ, какъ и онъ, единственно во имя своей личной воли. Ничто не побуждало, не заставляло его признавать въ высшей правительственной сферѣ, въ учрежденіяхъ, которыя мы называемъ общественными, тотъ характеръ всеобщности и превосходства, который нераздѣльно связанъ съ нашимъ понятіемъ о политическихъ властяхъ. И если онъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ собранія, то отказывался содѣйствовать исполненію его, или даже прибѣгалъ къ открытому сопротивленію.

Единственною гарантіею права въ феодальную эпоху была грубая сила, если только такую силу можно назвать гарантіею. Всѣ прибѣгали къ этой силѣ, чтобы достигнуть признанія или уваженія. Но какое учреждение не обладало достаточною силою: поэтому почти вовсе и не обращались къ учрежденіямъ. Если бы феодальные суды и парламенты проявляли какую нибудь дѣятельность, то они гораздо чаще встрѣчались бы въ исторіи и были бы въ ней болѣе замѣтны; но они совершенно ступеваются.

Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: на то есть причина, болѣе глубокая и важная, нежели всѣ тѣ, которыя уже указаны мною.

Изъ всѣхъ правительственныхъ системъ и всѣхъ родовъ политическихъ гарантій, труднѣе всего установить и упро-

чить систему федеративную, систему, предоставляющую каждой отдельной мѣстности, каждому отдельному обществу такую правительственную власть, какую только они могутъ проявить. Одна лишь ничтожная доля этой власти, необходимая для сохраненія цѣлаго общества, переносится въ центръ его и принимаетъ тамъ форму центральнаго правительства. Федеративная система, въ теоріи самая простая, представляется самою сложною на практикѣ. Чтобы согласить допускаемую ею степень мѣстной независимости и свободы съ тою степенью общаго подчиненія, какую она въ извѣстныхъ случаяхъ требуетъ и предполагаетъ, необходимо значительное развитіе цивилизаціи. При слабости принудительныхъ средствъ, которыми располагаетъ федеративная система, установленіе и поддержаніе ея гораздо болѣе зависятъ отъ воли, отъ личной свободы человѣка, нежели установленіе и поддержаніе какой бы то ни было другой системы.

Итакъ, федеративная система очевидно требуетъ отъ общества, къ которому она примѣняется, наибольшей суммы разума, нравственности, цивилизаціи. А между тѣмъ эту-то именно систему и старался установить феодализмъ. Феодальная система была настоящею федераціею. Въ основаніи ея лежали тѣ же начала, на которыхъ утверждается нынѣ, напирѣзъ, федерація сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Она оставляла каждому владѣльцу наибольшую долю правительственной власти, а сюзерена, или общее собраніе бароновъ, облекала только возможно меньшею частью этой власти, да и то лишь на случай необходимости. Отсюда понятна невозможность установить подобную систему среди невѣжества, среди грубыхъ, необузданныхъ страстей, словомъ — среди всѣхъ нравственныхъ несовершенствъ людей въ феодальную эпоху. Свойства такого правительства противорѣчили идеямъ и правамъ тѣхъ самыхъ людей, къ которымъ оно должно было примѣняться. Можно ли удивляться, послѣ этого, неудачѣ подобныхъ попытокъ политической организаціи?

Мы разсмотрѣли феодальное общество сначала въ простѣйшемъ, основномъ его элементѣ, потомъ въ цѣломъ его составѣ. Исходя отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, мы старались найти, что оно сдѣлало, и что оно по самой природѣ своей должно было сдѣлать въ отношеніи къ развитію цивилизаціи. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ два слѣдствія:

1) Феодальная система должна была оказать весьма сильное и, вообще говоря, благотворное вліяніе на внутреннее

развитіе отдѣльной личности. Она возбуждала въ людяхъ идеи, сильныя ощущенія, нравственныя потребности; она послужила къ развитію благородныхъ характеровъ и побужденій.

2) Съ общественной точки зрѣнія, она не могла установить никакого законнаго порядка, никакой политической гарантіи. Она была необходима для возрожденія въ Европѣ общества, до такой степени разстроеннаго варварствомъ, что оно стало окончательно неспособно къ болѣе правильной организаціи; но и феодальная форма, недостаточная въ самыхъ основаніяхъ своихъ, не могла достигнуть ни болѣе правильнаго устройства, ни расширенія. Единственное политическое право, которому феодальное устройство сдѣлало дать силу въ европейскомъ обществѣ—это право сопротивленія. Я говорю не о законномъ сопротивленіи: въ столь неразвитомъ обществѣ о немъ не могло быть и рѣчи. Прогрессъ общества состоитъ именно въ замѣнѣ, съ одной стороны, частнаго произвола общественною властью, съ другой—личнаго сопротивленія законнымъ. Такова высокая цѣль, главное усовершенствованіе общественнаго порядка. Личной свободѣ предоставляется большой просторъ; но когда она заблуждается, когда отъ нея приходится требовать отчета въ дѣйствіяхъ, тогда вступаетъ въ свои права общественное мнѣніе; отъ него исключительно зависитъ рѣшеніе процесса, начатаго противъ индивидуальной свободы. Такова система законнаго порядка и законнаго сопротивленія. Нетрудно понять, что въ феодальную эпоху не было и не могло быть ничего подобнаго. Право сопротивленія, нашедшее себѣ защиту и примѣненіе въ феодальномъ устройствѣ, было правомъ сопротивленія личнаго—право страшное, несовмѣстное съ идеею общества, потому что оно ведетъ къ насилию, къ войнѣ, т. е. къ уничтоженію общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ это право, которое всегда существуетъ въ глубинѣ человѣческой души; совершенное уничтоженіе его было бы равносильно рабству. Сознаніе этого права погибло, подавленное и поруганное, въ римскомъ обществѣ, и не могло возродиться изъ его остатковъ; изъ принциповъ христіанскаго общества оно также не происходило, по крайней мѣрѣ не происходило непосредственно. Оно вновь вошло въ европейскіе нравы при посредствѣ феодальной системы. Сдѣлать право сопротивленія излишнимъ и бесполезнымъ—это задача цивилизаціи; постоянное провозглашеніе его—это заслуга феодализма.

Таковъ, повидимому, результатъ изслѣдованія феодальнаго общества, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, въ своихъ об-

щихъ элементахъ, независимо отъ историческаго развитія его. Подтверждается ли этотъ результатъ фактами, исторіею? Дѣйствительно, случилось то, что должно было случиться; феодальное устройство сдѣлало то, что оно должно было сдѣлать; судьба его соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ. Историческія событія доказываютъ вѣрность всѣхъ предположеній и догадокъ, почерпнутыхъ нами изъ самой сущности феодализма.

Бросимъ бѣглый взглядъ на общую исторію феодальной системы отъ X до XIII вѣка. Нельзя не признать, что она оказала важное и благотворное вліяніе на индивидуальное развитіе человѣка, на развитіе чувствъ, характеровъ, идей. Въ исторіи этого времени мы встрѣчаемся со множествомъ благородныхъ чувствъ, великихъ подвиговъ, прекрасныхъ проявленій человѣческой природы, очевидно составляющихъ послѣдствія феодальныхъ нравовъ. Рыцарство мало сходно съ феодализмомъ, но однако оно порожденіе его. Этотъ идеалъ возвышенности, великодушія, преданности, есть порожденіе феодальной системы, и онъ говоритъ въ ея пользу.

Далѣе, мы видимъ, что подъ покровомъ феодализма, въ феодальныхъ замкахъ, появляются первые проблески европейской фантазіи, первые опыты поэзіи, литературы, первые умственные наслажденія, испытанныя Европою по выходѣ ея изъ состоянія варварства. Для подобнаго развитія, необходимы душевные и жизненные побужденія, необходимъ досугъ, необходимы тысячи другихъ условій, несовмѣстныхъ съ труднымъ, печальнымъ, грубымъ, тяжелымъ существованіемъ низшихъ классовъ народонаселенія. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи съ феодальною эпохою тѣсно связаны первые литературныя воспоминанія, первые умственные наслажденія Европы.

Но съ другой стороны, если мы будемъ вопрошать исторію о вліяніи, которое имѣлъ феодализмъ на общество, мы получимъ отвѣтъ, не менѣе согласный съ нашими предположеніями: повсюду феодальное устройство противилось какъ утвержденію общественнаго порядка, такъ и расширенію свободы. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни рассматривали общественный прогрессъ, феодализмъ всегда представится вамъ препятствіемъ на пути его. Поэтому то съ самаго возникновенія феодальнаго общества, противъ него возстаютъ и непрерывно борются съ нимъ обѣ силы, наиболѣе содѣйствовавшія развитію порядка и свободы: съ одной стороны монархическая власть, съ другой власть народная: короли и народъ. Въ разныя времена были сдѣланы попытки правительственнаго устройства фео-

дальнаго общества на основаніяхъ болѣе законныхъ и менѣе исключительныхъ. Въ Англіи трудились надъ этимъ Вильгельмъ Завоеватель и его сыновья, во Франціи—Людовикъ Святой, въ Германіи—многіе императоры; но всѣ попытки, всѣ усилія ихъ остались тщетными. Самая природа феодальнаго общества отвергала порядокъ и законность. Въ новѣйшее время нѣкоторые историки пытались возвысить феодализмъ, какъ общественную систему; они видѣли въ немъ законное, правильное, прогрессивное состояніе, представляли его золотымъ вѣкомъ. Но спросите ихъ, гдѣ и когда существовало это состояніе, къ какому времени и мѣсту они его относятъ,—вы не получите отвѣта. Феодализмъ—это утопія, не имѣющая подъ собою никакой почвы, это драма, для которой въ прошедшемъ нѣтъ ни театра, ни актеровъ. Причину заблужденія этихъ историковъ открыть не трудно; она же объясняетъ намъ заблужденія тѣхъ, которые не могутъ произнести слово феодализмъ, безъ проклятія. И тѣ и другіе не приняли въ соображеніе двойственности феодализма, не потрудились отличить его вліяніе на умственное развитіе человѣка, на чувства, характеры, страсти, отъ его вліянія на общественный строй. Одни не могли допустить, чтобы общественная система, въ которой было столько благородныхъ чувствъ, доблестей, среди которой родились всѣ литературы, въ которой нравы получили нѣкоторую возвышенность, нѣкоторое величіе,—чтобы эта система была въ то же время такъ дурна и гибельна, какою представляютъ ее. Другіе видѣли только зло, причиненное феодализмомъ массѣ народонаселенія, преграду, поставленную имъ на пути развитія порядка и свободы, и не могли повѣрить, чтобы онъ произвелъ благородные характеры, великія доблести, вообще вызвалъ какой бы то ни было прогрессъ. И тѣ и другіе, повторяю, упустили изъ виду двойственный элементъ цивилизаціи. Они не замѣтили, что цивилизація состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ развитій, изъ которыхъ одно можетъ въ данное время совершаться независимо отъ другаго, хотя по прошествіи вѣковъ, послѣ длиннаго ряда фактовъ, они непременно должны соединиться воедино.

Впрочемъ, феодальная система была тѣмъ, чѣмъ она должна была быть, и сдѣлала то, что должна была сдѣлать. Индивидуальность, энергія личности—таковъ былъ преобладающій характеръ побѣдителей римской имперіи, поэтому, результатомъ общественнаго устройства, основаннаго ими и для нихъ, прежде всего должно было быть ничто иное, какъ развитіе

личности, индивидуальности человѣка. Внутреннія, нравственныя наклонности человѣка, вносимыя имъ въ общественную систему при самомъ установленіи ея, имѣютъ могущественное вліяніе на общественный бытъ; а общественный бытъ, въ свою очередь, дѣйствуетъ на наклонности, укрѣпляетъ и развиваетъ ихъ. Въ германскомъ обществѣ господствовала личность; и феодальное общество, порожденіе германскаго, естественно употребляло все свое вліяніе въ пользу развитія личности. Тотъ же фактъ мы встрѣчаемъ и во всѣхъ другихъ элементахъ цивилизаціи; они остались вѣрны своему принципу; каждый изъ нихъ подвигался впередъ и двигалъ міръ по тому пути, на который вступилъ съ самаго начала. Въ слѣдующемъ нашемъ чтеніи, исторія церкви и ея вліянія на европейскую цивилизацію отъ V до XII вѣка представитъ намъ новое, несомнѣнное доказательство этой же истины.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Религія содержитъ въ себѣ принципъ ассоціаціи.—Принужденіе не составляетъ существеннаго характера правительства.—Условія законнаго правительства: 1, предоставленіе власти достойнѣйшимъ; 2, уваженіе къ свободѣ управляемыхъ.—Церковь, будучи корпораціею, а не кастою, удовлетворяла первому изъ этихъ условий.—Различные роды назначенія и избранія должностныхъ лицъ, дѣйствовавшіе въ церкви.—Она не исполнила втораго условія, незаконно расширивъ начало авторитета и употребивъ во зло матеріальную силу.—Движеніе и свобода умовъ въ нѣдрахъ церкви.—Отношенія церкви къ свѣтскимъ государямъ.—Независимость духовной власти, возведенная на степень принципа.—Притязанія и усилія церкви подчинить свѣтскую власть.

Мы изслѣдовали характеръ и вліяніе феодальной системы; теперь предметомъ нашихъ занятій будетъ христіанская церковь въ промежутокъ между V и XII вѣками. Я говорю: *церковь*, потому что, какъ я уже замѣтилъ, я предполагаю разсмотрѣть не христіанство въ собственномъ смыслѣ слова, какъ религіозную систему, а церковь, какъ церковную организацію, какъ христіанское духовенство.

Въ V вѣкѣ это общество было почти вполне организовано. Конечно, оно подверглось въ послѣдствіи многочисленнымъ, весьма существеннымъ перемѣнамъ; но уже и къ тому времени церковь, разсматриваемая какъ корпорація, какъ правительство христіанскаго народа, достигла полнаго и независимаго существованія.

Достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ огромномъ различіи между состояніемъ церкви и другихъ элементовъ европейской цивилизаціи въ V вѣкѣ по Р. Х. Къ числу основныхъ элементовъ нашей цивилизаціи я отнесъ муниципальное устройство, феодальную систему, королевскую власть и церковь. Въ V вѣкѣ, муниципальное устройство было ничѣмъ инымъ, какъ обломкомъ римской имперіи, призракомъ безъ жизни, безъ опредѣленной формы; феодальная система еще

не выходила изъ хаоса, королевская власть существовала только по названію. Всѣ свѣтскіе элементы поваго общества были или въ упадкѣ, или въ младенчествѣ. Одна только церковь была молода и въ то же время благоустроена; она одна приобрѣла окончательную форму и притомъ сохраняла всю свою первоначальную мощь; она одна соединяла въ себѣ прогрессъ и порядокъ, энергію и т. е. она обладала обоими великими средствами къ вліянію. Не нравственная ли жизнь, не внутреннее ли движеніе, съ одной стороны, и порядокъ, дисциплина, съ другой, помогаютъ учрежденіямъ овладѣвать обществами? Церковь затрогивала, притомъ, всѣ важнѣйшіе вопросы, занимающіе человѣка; она заботилась о рѣшеніи всѣхъ вопросовъ человѣческаго духа, о жизни и участи человѣка. По этому-то и вліяніе ея на европейскую цивилизацію было чрезвычайно велико, больше, можетъ быть, нежели какимъ представляли его самые ярые противники церкви, или самые ревностные ея защитники. Стремящіяся, къ одной цѣли—служить церкви или бороться съ нею—и тѣ, и другіе разсматривали вліяніе ея исключительно съ политической точки зрѣнія и, какъ мнѣ кажется, не могли ни справедливо судить о немъ, ни объять его во всей его обширности.

Церковь представляется въ V вѣкѣ независимымъ, прочно устроеннымъ обществомъ, стоящимъ между властителями міра, государями, обладателями свѣтской власти съ одной стороны, и народонаселеніемъ съ другой. Она служила связующимъ звеномъ между ними и на всѣхъ распространяла свое вліяніе.

Чтобы вполнѣ узнать и понять это дѣйствіе, необходимо, слѣдовательно, разсмотрѣть церковь съ трехъ сторонъ. Сначала нужно изучить ее въ ней самой, отдать себѣ отчетъ въ ея свойствахъ, въ ея внѣшнемъ устройствѣ, въ принципахъ, господствовавшихъ въ ней, въ ея сущности; затѣмъ изслѣдовать ея отношенія къ свѣтскимъ властителямъ: королямъ, феодальнымъ владѣльцамъ и пр.; наконецъ, опредѣлить ея отношенія къ народу. Когда же изъ такого тройственного изслѣдованія мы выведемъ полную картину церкви, ея началъ, ея состоянія, того вліянія, которымъ она должна была отличаться, тогда мы проверимъ наши выводы исторіею; мы разсмотримъ, согласуются ли факты, событія V—XII вѣковъ съ результатами, представляемыми намъ изученіемъ естественныхъ свойствъ церкви и ея отношеній какъ къ свѣтскимъ властителямъ, такъ и къ народу.

Начнемъ съ самой церкви, съ ея внутреннего состоянія, съ ея природы.

Прежде всего насъ поражаетъ фактъ, который, можетъ быть, важнѣе всѣхъ прочихъ: это самое существованіе церкви, существованіе церковнаго правительства, духовенства, духовной корпораціи, сословія священнослужителей, религіи, породившей жречество.

Для многихъ просвѣщенныхъ людей, уже одни эти слова: сословіе священнослужителей, духовная корпорація, церковное правительство, повидимому, рѣшаютъ все. Люди эти убѣждены, что религія, дошедшая до сословія священнослужителей, до законно устроеннаго духовенства, однимъ словомъ религія, сопряженная съ цѣлою правительственною системою, имѣетъ скорѣе вредное, нежели полезное вліяніе. По ихъ мнѣнію, религія есть чисто личное отношеніе человѣка къ Богу, и всякій разъ, когда она теряетъ этотъ характеръ, когда между человѣкомъ и предметомъ религіозныхъ вѣрованій, т. е. Богомъ, становится вышній авторитетъ, всякій разъ религія искажается, и обществу угрожаетъ опасность.

Мы не можемъ оставить безъ разсмотрѣнія этотъ вопросъ. Чтобы понять вліяніе христіанской церкви, надо знать, въ чемъ состоитъ вообще вліяніе церкви, духовенства, по самому свойству этого учрежденія. Необходимо прежде всего опредѣлить, составляетъ ли религія явленіе чисто индивидуальное, вызываетъ ли, пораждаетъ ли она что нибудь, кромѣ интимныхъ отношеній человѣка къ Богу; становится ли она между людьми источникомъ новыхъ отношеній, изъ которыхъ необходимо образуется религіозное общество съ своимъ особымъ правительствомъ.

Если ограничивать религію религіознымъ чувствомъ въ собственномъ смыслѣ слова, вполне реальнымъ, это правда, но въ то же время нѣсколько смутнымъ, нѣсколько неопредѣленнымъ, единственною характеристикою котораго могло бы служить самое его имя, чувствомъ, обращающимся то къ вышней природѣ, то къ затаеннымъ сторонамъ души человѣческой, сегодня къ поэзіи, завтра къ тайнамъ будущаго, чувствомъ, блуждающимъ повсюду, вездѣ ищущимъ себѣ удовольствія и нигдѣ не останавливающимся,—повторяю, если ограничивать религію такимъ чувствомъ, то она по необходимости должна остаться чисто индивидуальною. Подобное чувство можетъ конечно вызвать людей къ мгновенной ассоціаціи; оно можетъ, должно даже, находить наслажденіе въ симпатіи, питаться и укрѣпляться ею; но по своей колеблющейся, измѣнчивой природѣ, оно никогда не сдѣлается началомъ проч-

наго, обширнаго союза, не примѣнится ни къ какой системѣ правилъ, обрядовъ, формъ; однимъ словомъ, не создастъ ни религіознаго общества, ни соотвѣтствующей ему правительственной системы.

Но, если только я не ошибаюсь, такое религіозное чувство не составляетъ полнаго выраженія религіозной природы человѣка. Я думаю, что религія есть нѣчто совершенно иное и притомъ гораздо болѣе важное.

Въ природѣ, въ судьбѣ человѣка есть задачи, разрѣшеніе которыхъ находится внѣ предѣловъ земной жизни, которыя связаны съ порядкомъ вещей, недоступнымъ видимому міру; а между тѣмъ онѣ непреодолимо тревожатъ душу человѣка, стремящагося во чтобы то ни стало къ разрѣшенію ихъ. Разрѣшеніе этихъ задачъ, вѣрованія, догматы, заключающіе или по-крайней-мѣрѣ имѣющіе притязаніе заключать въ себѣ такое разрѣшеніе,—вотъ первый объектъ, первый источникъ религіи.

Къ ней ведетъ еще другая дорога. Для тѣхъ изъ васъ, кто хотя сколько-нибудь изучалъ философію, очевидно, я думаю, что нравственныя идеи существенно отличны отъ религіозныхъ, что понятіе о добрѣ и злѣ, обязанность избѣгать зла и дѣлать добро,—суть законы, которые человѣкъ находитъ въ собственной своей природѣ, подобно законамъ логическимъ; источникъ ихъ—въ самомъ человѣкѣ, примѣненіе ихъ—въ его дѣйствительной жизни. Но изъ этихъ фактовъ необходимо рождается вопросъ: гдѣ происхожденіе нравственности, и къ чему ведетъ она? Эта обязанность дѣлать добро, существующая сама по себѣ, представляетъ ли она независимый отъ всего фактъ, безъ причины и цѣли? Не скрываетъ ли она, или лучше сказать, не указываетъ ли она человѣку на его происхожденіе, на его назначеніе, выходящее за предѣлы этого міра? Вопросъ этотъ является самъ собою, онъ неизбѣженъ; чрезъ него именно нравственность и приводитъ человѣка къ религіи, открываетъ ему ту божественную сферу, съ которою она сама состоитъ въ тѣсномъ единствѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны сама человѣческая природа, съ другой необходимость найти происхожденіе, цѣль нравственности, составляютъ неизсякаемые источники религіи. Область религіи содержитъ въ себѣ не одно только простое чувство, описанное нами; она представляетъ совокупность: 1) ученій, возбужденныхъ вопросами, которые носитъ въ себѣ самъ человѣкъ; 2) правилъ, соотвѣтствующихъ этимъ ученіямъ и дающихъ смыслъ и силу естественной нравственности,

и наконецъ, 3) обѣщаній, обращенныхъ къ надеждамъ чловѣка на будущую жизнь. Вотъ составныя части религіи; вотъ какою она является на самомъ дѣлѣ, представляя нѣчто несравненно большее, нежели простое видоизмѣненіе чувствительности, порывъ воображенія или особый родъ поэтическаго вдохновенія.

Итакъ, по существу своему, по истиннымъ своимъ элементамъ, религія представляется не чисто индивидуальнымъ фактомъ, а могучимъ источникомъ общественности. Будемъ ли мы смотрѣть на нее какъ на систему вѣрованій, догматовъ? Истина не принадлежитъ никому въ особенности; она всемірна, безусловна; люди чувствуютъ въ себѣ потребность общими силами искать и исповѣдывать ее. Обратимся ли мы къ правиламъ, проистекающимъ изъ религіозныхъ ученій? Законъ, обязательный для одного лица, долженъ быть обязательенъ и для всѣхъ; нужно обнародовать его, доставить ему всеобщее господство. То же самое относится и къ обѣщаніямъ, связаннымъ съ религіозными вѣрованіями и правилами: надо распространять ихъ, надо призывать всѣхъ къ пользованію обѣщанными плодами. Такимъ образомъ, изъ существенныхъ элементовъ религіи рождается религіозное общество, и рождается такъ неизбежно, что слово, выражающее самое энергичное изъ общественныхъ чувствъ, самую настоятельную потребность распространенія идей, расширенія общества, есть слово «*прозелитизмъ*», преимущественно прилагаемое къ религіознымъ вѣрованіямъ и повидимому исключительно посвященное имъ.

Когда религіозное общество однажды образовалось, когда соединилось извѣстное число людей съ общими религіозными вѣрованіями и надеждами, подъ дѣйствіемъ общихъ религіозныхъ правилъ,—для нихъ необходимо правительство. Нѣтъ общества, которое могло бы просуществовать одну недѣлю,—что я говорю! —одниъ часъ—безъ правительства. Съ самой первой минуты своего существованія, вслѣдствіе самаго факта этого существованія, общество уже нуждается въ правительствѣ, которое провозглашало бы истину, служащую соединительнымъ звеномъ общества, которое бы объявляло и поддерживало правила, проистекающія изъ этой истины. Необходимость власти, правительства въ религіозномъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, заключается въ самомъ фактѣ существованія общества. Образование правительства происходитъ совершенно естественно. Едва ли возможно доискаться во всѣхъ подробностяхъ, какимъ образомъ, вообще, правительство

водворяется и утверждается въ обществѣ; одно лишь несомнѣнно: при нормальномъ, закономѣрномъ теченіи дѣлъ, не нарушаемомъ вмѣшательствомъ силы, власть достается способнѣйшимъ, лучшимъ людямъ, могущимъ повести общество къ предназначенной цѣли. Идетъ ли дѣло о военномъ предпріятіи? властью овладѣваютъ храбрѣйшіе. Имѣетъ ли общество своимъ предметомъ ученое изслѣдованіе или предпріятіе? главою его является наиболѣе свѣдущій изъ членовъ. Когда міръ представленъ естественному своему теченію, врожденное неравенство людей всюду получаетъ свободное развитіе; каждый занимаетъ то мѣсто, какое способенъ занять. А въ религіозномъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, люди не равны по талантамъ, способностямъ и силамъ. Одинъ изъ нихъ лучше всѣхъ прочихъ умѣетъ представить религіозное ученіе въ истинномъ его свѣтѣ и покорить ему умы людей; другой имѣетъ наиболѣе данныхъ, чтобы утвердить дѣйствіе религіозныхъ правилъ; третій обладаетъ особеннымъ искусствомъ въ поддержаніи и оживленіи религіозныхъ чувствованій и надеждъ. То же неравенство способностей и вліянія, изъ котораго порождается власть въ гражданскомъ обществѣ, порождаетъ ее и въ религіозномъ обществѣ. Миссіонеры появляются и сознаютъ свое призваніе точно также, какъ и полководцы. Итакъ, духовное правительство съ одной стороны возникаетъ изъ самой природы религіознаго общества, а съ другой—естественно развивается въ немъ подъ вліяніемъ человѣческихъ способностей и неравномѣрнаго ихъ распредѣленія. Лишь только въ человѣкѣ зарождается религіозное чувство, какъ развивается и религіозное общество; лишь только является религіозное общество, какъ оно создаетъ свое правительство, т. е. духовенство.

Но тутъ возникаетъ сильное возраженіе. Въ религіозномъ обществѣ, скажутъ мнѣ, нельзя ни приказывать, ни заставлять; никакое принужденіе не можетъ быть въ немъ законнымъ. Въ немъ нѣтъ мѣста правительству, потому что должна существовать полная свобода.

Нѣтъ, мы составимъ себѣ весьма узкое и неправильное понятіе о правительствѣ, если будемъ думать, что оно заключается исключительно или преимущественно въ принудительномъ элементѣ, въ той силѣ, съ помощью которой достигается повиновеніе.

Я оставляю религіозную точку зрѣнія и обращаюсь къ гражданскому правительству. Слѣдите, пожалуйста, вмѣстѣ со мною

за обычнымъ ходомъ событій. Общество существуетъ: во имя его, для его пользы надо совершить какое бы то ни было дѣйствие: издать законъ, сдѣлать распоряженіе. Конечно, для удовлетворенія каждой изъ этихъ общественныхъ потребностей можно найти надлежащее средство; есть средство издать хорошій законъ, принять хорошую мѣру, произвести справедливое рѣшеніе. Какова бы ни была цѣль предпріятія, съ какимъ бы оно ни было сопряжено интересомъ,—во всякомъ случаѣ существуетъ истина, къ открытію которой должно стремиться, и отъ которой долженъ зависѣть способъ исполненія предпріятія.

Первая обязанность правительства состоитъ въ отысканіи этой истины, въ отысканіи того, что справедливо, разумно, полезно для общества. Достигнувъ этой цѣли, правительство провозглашаетъ результатъ своихъ усилій и затѣмъ старается заслужить всеобщее одобреніе, доказать, что оно находится на прямомъ, настоящемъ пути. Есть ли во всемъ этомъ хотя что нибудь принудительное? Рѣшительно ничего. Теперь предположите, что истина, отъ которой зависѣло разрѣшеніе извѣстнаго дѣла, найдена, провозглашена, и что вслѣдъ за тѣмъ всѣ умы убѣждены, всѣ воли покорены ей; всѣ признаютъ, что правительство право,—и добровольно, по собственному побужденію повинуются ему. И тутъ нѣтъ принужденія, нѣтъ повода къ насильственнымъ дѣйствіямъ,—а между тѣмъ, развѣ нѣтъ правительства? Развѣ во всемъ этомъ не видно его участіе? Очевидно, что и здѣсь правительство дѣйствовало, исполняло свою задачу. Принужденіе является только тогда, когда возникаетъ сопротивленіе со стороны индивидуальной воли, когда идея, мѣра, принятая властью, не встрѣчаетъ всеобщаго одобренія и добровольнаго повиновенія. Тогда правительство вынуждаетъ покорность силою: это необходимое послѣдствіе несовершенства человѣческой природы, несовершенства, распространяющагося какъ на власть, такъ и на общество. Вполнѣ обойтись безъ принужденія нельзя никогда; гражданскія правительства, до извѣстной степени, всегда должны будутъ прибѣгать къ силѣ. Несмотря на это, принудительная сила очевидно не составляетъ сущности правительства. Всякій разъ, когда въ ней не предстоитъ необходимости, правительства, къ общему благополучію, дѣйствуютъ безъ нея, и высшее усовершенствованіе правительственной власти заключается именно въ томъ, чтобы по возможности избѣгать принужденія, ограничивалось чисто-правственными средствами, правственнымъ вліяніемъ на людей. Чѣмъ рѣже правительство прибѣгаетъ къ

принужденію, тѣмъ вѣрнѣе оно истинной своей сущности, тѣмъ лучше оно исполняетъ свое призваніе. Оно не отступаетъ, не роняетъ своего значенія—какъ это обыкновенно утверждаютъ,— а дѣйствуетъ иначе, съ несравненно большею силою. Правительства, употребляющія всего чаще принудительную силу, успѣваютъ вообще гораздо менѣе, нежели тѣ, которыя почти вовсе не употребляютъ ее. Обращаясь къ разуму, убѣждая свободную волю, дѣйствуя чисто-нравственными средствами, правительство не только не уменьшаетъ, но расширяетъ, возвышаетъ свое значеніе; тогда именно совершаетъ оно наибольшее дѣло, и притомъ дѣло истинно великихъ. Наоборотъ, безпрерывно употребляя принужденіе, оно стѣсняетъ, суживаетъ сферу своихъ дѣйствій, совершаетъ весьма немногое, да и это немногое совершаетъ дурно.

Итакъ, сущность правительства отнюдь не заключается въ принужденіи, въ употребленіи силы. Для образованія правительства нужна въ особенности такая система средствъ и силъ, которая имѣла бы цѣлью достигнуть наилучшаго разрѣшенія каждаго отдѣльнаго случая, открыть какую либо социальную истину и ввести эту истину въ умы, убѣдить людей къ добровольному принятію ея. Послѣ этого не трудно понять, что правительство можетъ существовать, можетъ быть необходимымъ и въ такомъ обществѣ, въ которомъ нѣтъ повода къ принужденію или даже гдѣ оно безусловно не допускается.

Все сказанное выше примѣняется и къ правительству религіознаго общества. Конечно, оно не должно употреблять принудительной силы; употребленіе ея, съ какою бы то ни было цѣлью, было бы незаконно уже потому, что единственнымъ поприщемъ дѣйствія духовенства есть человѣческая совѣсть; но несмотря на отсутствіе принудительной силы, духовное правительство существуетъ и должно исполнять всѣ тѣ дѣйствія, которыя изложены мною. Оно должно искать, какимъ религіознымъ ученіемъ объясняются загадочныя стороны назначенія человѣка, а если уже есть общая система вѣрованій, въ которой разрѣшены эти вопросы, то открывать и выставять въ истинномъ свѣтѣ послѣдствія системы въ примѣненіи къ каждому отдѣльному случаю. Оно должно провозглашать и поддерживать правила, соответствующія такому ученію, должно проповѣдывать и объяснять ихъ, и, когда общество заблуждается, напоминать ему о нихъ. Тутъ нѣтъ ничего принудительнаго; изысканіе, проповѣдываніе, объясненіе религіозныхъ истинъ, въ случаѣ надобности—увѣщаніе, порицаніе—вотъ въ чемъ заключается

задача и обязанность духовнаго правительства. Уничтожьте всякую возможность принужденія—всѣ существенные вопросы правительственной организаціи не перестанутъ заявлять себя и требовать разрѣшенія. Вопросъ, напримѣръ, о томъ, необходимо ли сословіе духовныхъ должностныхъ лицъ, или же можно довѣриться религіозному вдохновенію каждаго человѣка, вопросъ, спорный между большею частью религіозныхъ обществъ и сектою квакеровъ, всегда будетъ существовать и требовать обсужденія. Если признать необходимость духовенства, тогда возникаетъ другой вопросъ: чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе—системѣ ли равенства, т. е. сословію должностныхъ лицъ, равныхъ между собою и управляющихъ по общему соглашенію, или же іерархическому устройству, допускающему различныя степени власти. И этотъ вопросъ не исчезнетъ, хотя бы духовенство было лишено всякой принудительной власти. Итакъ, ошибочно было бы разрушать религіозное общество для того, чтобы имѣть право уничтожить и духовное правительство; гораздо правильнѣе будетъ признать, что религіозное общество образуется естественно, само собою; что изъ него столь же естественно проистекаетъ духовное правительство, и что главная задача, подлежащая разрѣшенію, состоитъ въ томъ: на какихъ условіяхъ должно существовать это правительство, въ чемъ заключаются его основы, принципы, условія его законности. Вотъ существенный вопросъ, къ которому приводить существованіе духовнаго правительства, столь же необходимого, какъ и всякое другое.

Условія законности одни и тѣ же и для духовнаго правительства, и для всѣхъ другихъ; условія эти сводятся къ двумъ главнымъ: *первое*, чтобы власть всегда находилась—по крайней мѣрѣ на сколько это возможно въ предѣлахъ человѣческаго несовершенства—въ рукахъ лучшихъ и способнѣйшихъ людей; чтобы законное превосходство, разбросанное въ обществѣ, было отыскано, выставлено въ настоящемъ свѣтѣ и призвано къ раскрытію общественнаго права, къ отправленію общественной власти; *второе*, чтобы власть, законно установленная, уважала законную свободу подчиненныхъ ей лицъ. Надлежащая система организаціи власти, надлежащая система гарантій для личной свободы—вотъ два условія, съ которыми связано истинное достоинство всякаго вообще правительства, духовнаго или свѣтскаго. Таковы данныя для произнесенія надъ привѣтельствомъ окончательнаго приговора.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы упрекать церковь,—правитель-

ство христіанскаго міра,—за самос существованіе ея, надобно опредѣлить, какъ было устроено это правительство, соотвѣтствовали ли его принципы двумъ существеннымъ условіямъ всякаго нормальнаго правительства. Разсмотримъ же церковь по отношенію къ этимъ двумъ условіямъ.

Когда говорятъ о порядкѣ возникновенія и передачи власти въ христіанской церкви, то весьма часто обозначаютъ духовенство такимъ словомъ, которое вовсе не подходитъ къ нему и которое пужно устранить; это слово—*каста*. Сословіе церковныхъ должностныхъ лицъ часто называютъ кастою. Выраженіе это невѣрно: идея касты предполагаетъ идею наслѣдственности. Окиньте взглядомъ весь міръ, возьмите всѣ страны, въ которыхъ существовали касты, Индію, Египетъ,—вы увидите, что существеннымъ признакомъ кастъ вездѣ была наслѣдственность, т. е. переходъ одного и того же общественнаго состоянія, одной и той же власти отъ отца къ сыну. Гдѣ нѣтъ наслѣдственности, тамъ нѣтъ и касты, а есть корпорація. Духъ корпораціи имѣетъ свои невыгодныя стороны, но онъ рѣзко отличается отъ духа касты. Къ христіанской церкви непримѣнно названіе касты. Безбрачность священниковъ сдѣлала невозможнымъ обращеніе католическаго духовенства въ касту *).

Вы понимаете, конечно, всѣ послѣдствія такого различія. Съ системою касты, съ фактомъ наслѣдственности неразрывно связано понятіе о привилегіи; оно вытекаетъ изъ самаго опредѣленія слова: *каста*. Когда однѣ и тѣ же должности, одна и та же власть дѣлаются наслѣдственными въ однихъ и тѣхъ же семействахъ,—ясно, что съ этими должностями соединена привилегія, что никто не можетъ пріобрѣсти ихъ независимо отъ своего происхожденія. Такъ дѣйствительно и случилось: тамъ, гдѣ церковное правительство переходило въ руки касты, оно становилось предметомъ привилегіи; оно дѣлалось доступнымъ только для людей, принадлежавшихъ къ кастѣ. Ничего подобнаго не встрѣчается въ христіанской церкви; напротивъ того, она постоянно поддерживала начало равнаго допущенія всѣхъ людей, каково бы ни было ихъ происхожденіе, къ отправленію всѣхъ церковныхъ должностей, къ полученію всѣхъ церковныхъ почестей. Духовное поприще, особенно въ промежутокъ времени между V и XII вѣками, было открыто

*) Хотя безбрачія духовенства не существуетъ въ иныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, но и тамъ не могло возникнуть касты, ибо избраніе любого рода дѣятельности не допускало возникновенія таковой.

для всѣхъ. Ряды духовенства пополнялись изъ всѣхъ классовъ, изъ низшихъ, какъ и изъ высшихъ, и даже преимущественно изъ низшихъ. Вокругъ него все дѣлалось предметомъ привилегіи; оно одно поддерживало начало равенства, конкуренціи; оно одно облакало властью всякое законное превосходство. Вотъ первое важное и естественное послѣдствіе того факта, что церковь была корпораціею, а не кастою.

Переходимъ къ другому послѣдствію того же факта. Каста отличается духомъ неподвижности. Это положеніе не нуждается въ доказательствахъ. Откройте исторію и вы увидите, что духъ неподвижности овладѣваетъ всякимъ обществомъ, въ которомъ господствуетъ каста. Въ извѣстныя эпохи и до извѣстной степени проявлялась, правда, и въ христіанской церкви боязнь прогресса. Но нельзя сказать, чтобы это чувство преобладало въ ней; нельзя сказать, чтобы христіанская церковь оставалась неподвижною въ теченіи вѣковъ; напротивъ, она постоянно находилась въ движеніи, побуждаемая то нападеніями вѣншней оппозиціи, то собственною потребностью въ реформѣ и внутреннемъ развитіи. Вообще говоря, это общество постоянно измѣняющееся, движущееся, имѣющее разнообразную и прогрессивную исторію. Нѣтъ сомнѣнія, что равное допущеніе всѣхъ къ церковнымъ должностямъ, постоянное пополненіе церкви на основаніи принципа равенства, могущественно содѣйствовало поддержанію и непрерывному одушевленію въ ней движенія и жизни и не позволяло восторжествовать духу неподвижности, застоя.

Какимъ же образомъ церковь, доступная для всѣхъ людей, удостовѣрялась въ правѣ ихъ на обладаніе властью? Какимъ образомъ открывалось и выдвигалось впередъ изъ нѣдръ общества всякое законное превосходство, имѣющее право на участіе въ духовномъ правительствѣ?

Два начала господствовали въ церкви: 1) избраніе низшаго высшимъ, выборъ, назначеніе; 2) избраніе высшаго подчиненными, т. е. избирательство въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы теперь его понимаемъ.

Посвященіе въ священники, напримѣръ, право сдѣлать кого-либо священникомъ, принадлежало одному только высшему духовенству; выборъ подчиненнаго въ этомъ случаѣ производился начальникомъ. Точно также, при раздачѣ нѣкоторыхъ церковныхъ бенефицій, связанныхъ съ феодальными обязанностями, назначеніе владѣльцевъ находилось въ рукахъ высшихъ лицъ: короля, папы или сеньора. Въ другихъ случаяхъ,

дѣйствовалъ принципъ избирательства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ разсматриваемую нами эпоху, право избраія епископовъ долго принадлежало всему духовенству; иногда въ этомъ участвовали и міряне. Въ монастыряхъ, аббатъ избирался монахами. Въ Римѣ папы избирались коллегіею кардиналовъ, а до учрежденія этой коллегіи—всѣмъ римскимъ духовенствомъ. Итакъ, въ разсматриваемую нами эпоху, въ церкви существовали и дѣйствовали оба начала, по которымъ можетъ происходить установленіе и признаніе власти: выборъ низшаго высшимъ и избраніе высшаго подчиненными; тѣмъ или другимъ путемъ выдвигались люди, призванные къ обладанію извѣстною долею церковной власти.

Эти два начала не только существовали другъ подлѣ друга, но, существенно различныя между собою, находились въ постоянной борьбѣ. По прошествіи многихъ вѣковъ, послѣ многихъ переворотовъ, назначеніе низшаго высшимъ получило перевѣсъ въ христіанской церкви. Но между V и XII вв. преобладало еще, вообще говоря, противоположное начало—избраніе высшаго подчиненными. Не слѣдуетъ удивляться одновременному существованію двухъ столь различныхъ началъ; взгляните на общество, на естественный ходъ историческихъ и событій: вы увидите, что вездѣ передача власти совершается тѣмъ и другимъ изъ указанныхъ мною способовъ. Церковь не избрѣла ихъ; она нашла ихъ уже выработанными вѣковою дѣятельностью человѣческаго рода и отсюда заимствовала ихъ. И въ томъ, и въ другомъ способѣ есть своя доля истины и пользы. Ихъ соединеніе часто было бы лучшимъ средствомъ къ установленію законной власти. Къ несчастію, одинъ только изъ этихъ способовъ—назначеніе низшаго высшимъ—получилъ преобладаніе въ церкви, хотя впрочемъ и другой никогда не исчезалъ въ ней окончательно. Подъ разными наименованіями, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, онъ появлялся въ ней во всѣ эпохи, съ такою, по крайней мѣрѣ, силою, что могъ протестовать и нарушать теченіе давности.

Въ разсматриваемое нами время, христіанская церковь почерпала неизсякаемую силу въ своемъ уваженіи къ равенству и къ законнымъ превосходствамъ. Это было самое популярное общество, самое доступное, открытое для всѣхъ талантовъ, для всѣхъ благородныхъ стремленій человѣческой природы. Этимъ она въ особенности обязана своимъ могуществомъ, гораздо болѣе, чѣмъ своимъ богатствомъ и незаконнымъ средствамъ, къ которымъ она къ сожалѣнію, слишкомъ часто прибѣгала.

Что касается до втораго условія нормальнаго правитель-ства,—уваженія къ свободѣ,—то съ этой стороны церковь оставляла желать весьма многое.

Въ ней выработалось два дурныхъ начала: одно признан-ное, воплощенное такъ сказать, въ ученіи церкви; другое—введенное въ ея среду человѣческою слабостью, но отнюдь не какъ естественное послѣдствіе христіанскаго ученія.

Первое начало — отрицаніе правъ личнаго разума, притязаніе на передачу вѣрованій сверху внизъ, во все религіозное общество, безъ предоставленія кому бы то ни было права самостоятельной оцѣнки ихъ. Возвести такое притязаніе въ принципіи легче, чѣмъ доставить ему дѣйствительное преобладаніе. Убѣжденіе не входитъ въ разумъ человѣка, если самъ разумъ не пролагаетъ ему къ себѣ дорогу; нужно, чтобы убѣжденіе съумѣло заставить принять себя. Въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, какое бы имя ни носило, разумъ всматривается въ него, и, если оно проникаетъ въ разумъ, то слѣдовательно оно принято имъ. Человѣческій разумъ постоянно дѣйствуетъ, подъ различными формами, на идеи, которымъ стараются подчинить его. Несомнѣнно, впрочемъ, что разумъ можетъ сбиваться съ истиннаго пути; онъ можетъ, до извѣстной степени, отрѣчься отъ своего назначенія, ограничить сферу своей дѣятельности; онъ можетъ быть приведенъ къ злоупотребленію своими силами или къ неполному пользованію ими. Таково было весьма часто послѣдствіе вреднаго начала, принятаго церковью; но что касается до полнаго и совершеннаго дѣйствія этого принципа, то оно никогда не имѣло и не могло имѣть мѣста.

Второе дурное начало—это право принужденія, присвоенное себѣ церковью, право, противорѣчащее самому свойству религіознаго общества, происхожденію церкви, ея первоначальнымъ правиламъ; право, оспаривавшееся многими изъ знаменитѣйшихъ отцевъ церкви, св. Амвросіемъ, св. Гиларіемъ, св. Мартиномъ, но тѣмъ не менѣе приобрѣтавшее перевѣсъ и стремившееся къ преобладанію. Притязаніе вынуждать вѣрованіе—если только эти два слова могутъ быть поставлены другъ подле друга—или матеріально наказывать за вѣрованье, преслѣдованіе ереси, т. е. пренебреженіе законной свободы человѣческой мысли—вотъ заблужденіе, которое проникло въ церковь еще гораздо ранѣе V столѣтія и весьма дорого обошлось ей.

Итакъ, разсматривая церковь въ отношеніи къ свободѣ ея сыновъ, нельзя не признать, что начала ея по этому предмету

были менѣе законны, менѣе благотворны, нежели по предмету образованія церковной власти. Не должно однако думать, что одно дурное пачало влечетъ за собою радикальную порчу учрежденія и что оно дѣйствительно причиняетъ все то зло, которое носить въ самомъ себѣ. Ничто такъ не извращаетъ исторіи, какъ логика: умъ человѣческій, остановившись на одной идеѣ, извлекаетъ изъ нея всѣ возможные послѣдствія. заставляетъ ее произвести все зависящее отъ нея дѣйствіе и въ этомъ видѣ вноситъ ее въ исторію. На самомъ дѣлѣ бываетъ совсѣмъ не то: событія не такъ скоры въ своихъ выводахъ, какъ умъ человѣческій. Во всемъ и вездѣ существуетъ такая глубокая, неизбѣжная смѣсь добра и зла, что куда бы мы ни проникли, во всѣхъ самыхъ сокровенныхъ элементахъ общества или души человѣческой, мы найдемъ одновременное существованіе, одновременное развитіе этихъ двухъ фактовъ, борющихся между собою, но не исключającychъ другъ друга. Человѣческая природа никогда не доходитъ до послѣднихъ предѣловъ добра или зла; она непрерывно переходитъ отъ одного къ другому, возставая въ ту минуту, когда повидимому она всегда ближе была къ паденію, ослабѣвая, когда повидимому шла самыми твердыми стопами. И здѣсь мы встрѣчаемъ тотъ характеръ нестройности, разнообразія, борьбы, который я уже призналъ отличительнымъ признакомъ европейской цивилизаціи. Кромѣ того, есть еще одинъ общій фактъ, свойственный церковному правительству и требующій внимательнаго изученія.

Въ настоящее время, говоря о какомъ бы то ни было правительствѣ, мы знаемъ, что оно имѣетъ притязаніе управлять только внѣшними дѣйствіями человѣка, гражданскими отношеніями людей между собою: этимъ, по собственному признанію правительствъ, ограничивается ихъ обязанность. Что касается до человѣческой мысли, совѣсти, нравственности въ тѣсномъ смыслѣ слова, личныхъ мнѣній и правовъ, то во все это правительства не вмѣниваются; во всемъ этомъ господствуетъ свобода.

Христіанская церковь дѣйствовала и хотѣла дѣйствовать совершенно иначе: она старалась управлять именно человѣческою мыслью, человѣческою свободою, нравами, личными мнѣніями. Она не установила кодекса, подобнаго нашимъ, въ которомъ опредѣлялись бы только проступки, въ одно и то же время противныя нравственности и опасныя для общества,—кодекса, по которому влекли бы за собою наказаніе только

дѣйствія, соединяющія въ себѣ этотъ двойственный характеръ; она составила перечень всѣхъ поступковъ нравственно преступныхъ, т. е. грѣховъ, и для всѣхъ ихъ установила мѣры взысканія и предупрежденія. Словомъ, церковное правительство, въ противоположность новѣйшимъ, обращалось не къ внѣшнему человѣку, не къ чисто гражданскимъ отношеніямъ людей между собою, а къ внутренней природѣ человѣка, къ его мысли, свободѣ, ко всему, что есть въ немъ самаго задушевнаго, свободнаго, непокорнаго принужденію. Итакъ, по самой сущности своей задачи, равно какъ и по смыслу нѣкоторыхъ основныхъ началъ своей правительственной организаціи, церковь легко могла быть увлечена къ тиранинѣ, къ незаконному употребленію силы. Но съ другой стороны, сила эта возбуждала непобѣдимое противодѣйствіе. Какъ бы мало ни оставалось у нихъ простора и движенія, человѣческая свобода и мысль энергически сопротивляются всякой попыткѣ, направленной къ ихъ подчиненію, и безпрестанно заставляютъ тяготящій надъ ними деспотизмъ отречься отъ своихъ притязаній. Это происходило и въ нѣдрахъ христіанской церкви. Мы видимъ преслѣдованіе ереси, осужденіе права личнаго анализа, презрѣніе къ человѣческому разуму, принципъ повелительной передачи ученій путемъ авторитета. А между тѣмъ, найдите общество, гдѣ бы личный разумъ развивался съ большею смѣлостью, нежели въ церкви! Что такое секты, ереси, какъ не плодъ личныхъ, отдѣльныхъ мнѣній? Секты, ереси, вся оппозиціонная партія въ христіанской церкви служатъ неопровержимымъ доказательствомъ господствовавшей въ ней жизни, нравственной дѣятельности,—жизни бурной, трудной, усеянной опасностями, заблужденіями, преступленіями, но благородной и сильной, давшей мѣсто развитію лучшихъ сторонъ ума и воли. Оставьте оппозицію и вступите въ самыя нѣдра церковнаго правительства; вы увидите, что устройство и дѣятельность его далеко не соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ принятымъ въ немъ началамъ. Оно отрицаетъ право изслѣдованія, оно хочетъ уничтожить свободу личнаго разума; а между тѣмъ безпрестанно обращается къ разуму; господствующій въ немъ фактъ—свобода. Въ чемъ состоятъ его учрежденія, его способы дѣйствія? Въ провинціальныхъ, національныхъ, вселенскихъ соборахъ, въ постоянной корреспонденціи, постоянномъ обнародованіи писемъ, увѣщаній, сочиненій. Никакое правительство не прибѣгало такъ часто къ совѣщаніямъ, къ общему обсужденію дѣлъ. Можно подуматъ, что находишься

въ греческой философской школѣ; а между тѣмъ дѣло идетъ не объ ученomъ спорѣ, не объ изысканіи отвлеченныхъ истинъ, — дѣло идетъ о власти, о принятіи административныхъ мѣръ, объ изданіи законовъ, словомъ, о правительствѣ. Но въ пѣдрахъ этого правительства умственная жизнь была такъ сильна и энергична, что она сдѣлалась господствующимъ фактомъ, подчинившимъ себѣ всѣ другіе; вездѣ видно дѣйствіе разума и свободы.

Не смотря на все вышесказанное, я далека отъ той мысли, что дурныя начала, которыя я старался отличить, и которыя, по моему мнѣнію, существовали въ системѣ церковнаго правительства, остались безъ всякихъ послѣдствій. Въ изучаемую нами эпоху, они уже приносили горькіе плоды, а позже принесли плоды еще гораздо болѣе горькіе; но они не сдѣлали всего того зла, которое могли сдѣлать, они не заглушили добра, возраставшаго на той же почвѣ.

Такова была церковь, сама по себѣ, въ своемъ внутреннемъ состояніи, по своей природѣ. Разсмотримъ теперь ея отношенія къ государямъ, къ свѣтскимъ владыкамъ; это вторая точка зрѣнія, съ которой мы должны изучить ее.

Послѣ паденія имперіи, когда вмѣсто древняго римскаго устройства, среди котораго родилась и развилась церковь, съ которымъ она имѣла общіе обычаи, старинныя связи, она увидѣла себя лицомъ къ лицу съ варварскими королями, варварскими военачальниками, скитающимися по всей территоріи и поселившимися въ замкахъ, съ людьми, у которыхъ не было еще ничего общаго съ нею, ни преданій, ни вѣрованій, ни чувствъ, — она почувствовала себя въ большой опасности и невольно была объята ужасомъ.

Одна идея сдѣлалась господствующею въ церкви — овладѣть этими новыми пришельцами, обратить ихъ въ христіанскую вѣру. Сношенія церкви съ варварами сначала не имѣли почти никакой другой цѣли.

Чтобы дѣйствовать на варваровъ нужно было преимущественно обращаться къ ихъ чувствамъ и воображенію. Оттого-то въ то время и увеличивается число, великолѣпіе, разнообразіе религиозныхъ церемоній. Лѣтописи свидѣтельствуютъ о томъ, что этимъ средствомъ церковь всего удачнѣе дѣйствовала на варваровъ; она обращала ихъ красотою представляемыхъ ею зрѣлищъ.

Когда варвары утвердились въ завоеванныхъ земляхъ и приняли крещеніе, когда между ними и церковью установилась

нѣкоторая связь, церковь тѣмъ не менѣе продолжала подвергаться съ ихъ стороны довольно большимъ опасностямъ. Грубость, запальчивость варваровъ были такъ велики, что новыя вѣрованія и чувства, внушенные имъ, имѣли надъ ними очень мало власти. Насиліе легко одерживало верхъ, и церковь, подобно остальному обществу, дѣлалась жертвою его. Для защиты своей, церковь провозгласила начало, выраженное, хотя и не столь опредѣленно, еще во времена имперіи—начало отдѣленія духовной власти отъ свѣтской и ихъ взаимной независимости. Съ помощью этого начала церковь вела свободную жизнь рядомъ съ варварами; она утверждала, что сила не имѣетъ никакого вліянія на систему религіозныхъ вѣрованій, надеждъ, обѣщаній, что духовный міръ и свѣтскій должны существовать совершенно независимо другъ отъ друга.

Отсюда ясно, какія благотворныя послѣдствія проистекли изъ этого начала. Независимо отъ временнаго значенія его для церкви, оно принесло еще ту неоцѣненную пользу, что положило начало, раздѣленію властей, контролированіе одной изъ нихъ другою.

Кромѣ того, поддерживая независимость умственного міра вообще, въ цѣломъ его составѣ, церковь подготовила независимость умственного міровоззрѣнія каждаго отдѣльнаго чловѣка, независимость личной мысли. Церковь утверждала, что система религіозныхъ вѣрованій не можетъ подпасть подъ иго силы; каждое отдѣльное лицо естественно стало примѣнять къ самому себѣ этотъ взглядъ. Принципъ свободного анализа, свободы личной мысли, рѣшительно совпадаетъ съ принципомъ независимости духовнаго авторитета вообще, въ отношеніи къ свѣтской власти.

Къ сожалѣнію, отъ потребности въ свободѣ нетрудно перейти къ жадѣ преобладанія. Это случилось и въ нѣдрахъ церкви: вслѣдствіе естественнаго развитія въ ней честолюбія и гордости, церковь вознамѣрилась утвердить не только независимость, но и господство духовной власти надъ свѣтскою. Не слѣдуетъ однако думать, что единственнымъ источникомъ этого намѣренія была слабость чловѣческой природы; оно имѣло и другія, болѣе глубокія и важныя причины.

Когда въ мірѣ идей господствуетъ свобода, тогда чловѣческая совѣсть и мысль не подчинены власти, которая бы оспаривала у нихъ право свободного обсужденія и рѣшенія, которая бы употребляла противъ нихъ силу; когда нѣтъ внѣшняго, твердо установившагося духовнаго правительства, кото-

рое бы домогалось права предписывать мѣнья и пользовалось этимъ правомъ,—тогда едва ли можетъ возникнуть идея преобладанія духовной власти надъ свѣтскою. Таково, отчасти, современное положеніе. Но когда—какъ это было въ X вѣкѣ—существуетъ правительство духовнаго міра; когда мысль и совѣсть подчинены законамъ, учрежденіямъ, властямъ, присвоившимъ себѣ право приказывать и принуждать; однимъ словомъ, когда духовная власть устроена твердо и прочно, когда она, во имя права и силы, дѣйствительно овладѣла человѣческимъ разумомъ и совѣстью,—тогда она естественно должна предъявить притязанія на господство надъ свѣтскою властью. «Какъ! я имѣю право, имѣю вліяніе на все, что только есть въ человѣкѣ возвышеннаго и независимаго, на его мысль, волю, совѣсть, а между тѣмъ не буду имѣть господства надъ его вышшими, матеріальными, мірскими интересами! Неужели я, органъ справедливости и истины, не могу опредѣлить и свѣтскія, мірскія отношенія сообразно съ справедливостью и истинною?» Въ силу одного этого умозаключенія, духовная власть должна была стремиться къ вторженію въ область свѣтской власти. И это тѣмъ болѣе, что духовный міръ обнималъ собою въ то время рѣшительно всѣ стороны развитія человѣческаго духа. Была только одна наука—богословіе, одинъ духовный міръ—богословскій; всѣ другія науки—риторика, арифметика, даже музыка—были ничѣмъ инымъ, какъ отраслями богословія. Находясь такимъ образомъ во главѣ всей умственной жизни людей, духовная власть естественно должна была стремиться къ общему владычеству надъ міромъ.

Къ тому же влекла ее и другая причина: ужасное состояніе міра, насиліе, неправда, господствовавшія въ гражданскомъ правительствѣ тогдашнихъ обществъ. Въ разсматриваемую нами эпоху, свѣтская власть была грубою силою, неукротимымъ грабежомъ. Церковь, какъ ни несовершенны были еще ея понятія о нравственности и справедливости, стояла несравненно выше такого свѣтскаго правительства; голосъ народовъ постоянно призывалъ ее занять его мѣсто. Когда папы или епископы провозглашали, что такой-то государь потерялъ свои верховныя права, что подданные его разрѣшены отъ данной ими присяги на вѣрность—это вмѣшательство, безъ сомнѣнія, служившее поводомъ къ важнымъ злоупотребленіямъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ нерѣдко бывало законно и благотворно. Вообще, когда люди были лишены свободы, мѣсто ея всегда заступала для нихъ религія. Въ X вѣкѣ на-

роды не были въ состояніи защищать свои права отъ злоупотребленій свѣтской власти; религія принимала ихъ сторону во имя вѣры. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ побѣдамъ теократическаго начала.

Третья, слишкомъ мало, по моему мнѣнію, изслѣдованная причина того же явленія—это положеніе владыкъ церкви, многоразличное значеніе, которое они имѣли въ обществѣ. Съ одной стороны, они были прелатами, членами духовенства, представителями духовной власти и, слѣдовательно, независимы; съ другой стороны, они были вассалами и, въ качествѣ таковыхъ, не чуждыми гражданскаго феодализма. Это еще не все: будучи вассалами, они были и подданными; многое изъ древнихъ отношеній римскихъ императоровъ къ епископамъ перешло въ отношенія духовенства къ варварскимъ государямъ. Вслѣдствіе цѣлаго ряда событій, изложеніе которыхъ потребовало бы слишкомъ много времени, епископы считали варварскихъ государей отчасти преемниками римскихъ императоровъ и наслѣдниками правъ ихъ. Итакъ, высшіе члены духовенства имѣли тройственный характеръ: они были духовными сановниками, вполне независимыми; затѣмъ феодальными владѣльцами, подчиненными извѣстнымъ обязанностямъ и повинностямъ, и наконецъ простыми подданными, повинующимися самодержавному государю. Послѣдствія такого положенія были слѣдующія: свѣтскіе властители, не менѣе епископовъ алчные и честолюбивые, часто пользовались правами своей верховной или феодальной власти для нарушенія духовной независимости и для полученія права раздачи бенефицій, назначенія епископовъ и т. п. Епископы, съ своей стороны, часто прикрывались своею духовною независимостью для того, чтобы отказать отъ исполненія обязанностей, лежавшихъ на нихъ какъ на вассалахъ или подданныхъ; съ обѣихъ сторонъ было сильное искушеніе: для государей—къ уничтоженію духовной независимости, а для верховныхъ членовъ духовенства—къ употребленію духовной независимости, какъ средства къ приобрѣтенію всемірнаго преобладанія.

Этотъ результатъ обнаружился въ фактахъ всѣмъ извѣстныхъ, въ спорѣ объ инвеституру, въ борьбѣ папской власти съ имперіею. Разнообразіе правъ и обязанностей высшихъ духовныхъ лицъ и трудность соглашенія ихъ—вотъ истинный источникъ неопредѣленности и борьбы всѣхъ этихъ притязаній.

Наконецъ, церковь имѣла еще третій родъ отношеній къ государямъ, для нея наиболѣе гибельный. Она имѣла притя-

заніе на право принужденія, она хотѣла стѣснять и карать еретиковъ; но у нея самой не было средствъ къ осуществленію этого намѣренія; она не располагала никакою матеріальною силою; осудивъ еретика, она ничего не могла предпринять для исполненія своего приговора. Какъ же поступала она? Она прибѣгала къ тому, что называлось свѣтскою силою; какъ средство принужденія, она употребляла гражданскую власть. Отношеніе ея къ этой власти становилось вслѣдствіе этого зависимымъ и подчиненнымъ. Печальная необходимость, къ которой привело ее принятіе дурного начала, принципа принужденія и преслѣдованія.

На этомъ мы остановимся; время не позволяетъ намъ исчерпать въ этой лекціи весь вопросъ о церкви. Намъ остается познакомиться съ ея отношеніями къ народу, показать, какіе принципы господствовали въ этихъ отношеніяхъ, какія послѣдствія они должны были имѣть для общей цивилизаціи. Потомъ мы постараемся подтвердить исторією, фактами, церковными и реворотами отъ V до XII вв. тѣ выводы, которые мы сегодня извлекли изъ самаго свойства учреждений и началъ церковнаго устройства.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Отдѣленіе лицъ правящихъ отъ лицъ управляемыхъ въ христіанской церкви.—Вліяніе мірянъ на духовенство.—Наборъ духовенства во всѣхъ классахъ общества.—Вліяніе церкви на общественный порядокъ и на законодательство.—Система духовныхъ наказаній.—Исключительно богословское развитіе чело-вѣческаго духа.—Церковь вообще становится на сторону власти.—Различныя состоянія церкви отъ V до XII вѣка:—1) императорская церковь;—2) варварская церковь; развитіе начала раздѣленія властей; монашескіе ордена;—3) феодальная церковь; попытки организаціи; потребность въ реформѣ; Григорій VII.—Теократическая церковь.—Возрожденіе духа изслѣдованія; Абельяръ. — Движеніе общинъ.

Въ послѣдней нашей лекціи мы успѣли изслѣдовать состояніе церкви отъ V до XII вѣка. Мы убѣдились, что она должна быть разсмотрѣна съ трехъ сторонъ: прежде всего въ самой себѣ, во внутреннемъ ея устройствѣ, въ ея сущности, какъ отдѣльное и независимое общество; затѣмъ въ отношеніяхъ ея къ государямъ, къ свѣтской власти, и наконецъ, въ отношеніяхъ ея къ народамъ; но мы исполнили только первыя двѣ части этой задачи. Теперь намъ остается познакомиться съ церковью въ ея отношеніяхъ къ народамъ. Затѣмъ мы попытаемся опредѣлить, на основаніи этого изслѣдованія,^{ес} общее вліяніе церкви на европейскую цивилизацію отъ V до XII вѣка. Наконецъ мы повѣримъ наши выводы фактами, самою исторіею церкви въ эту эпоху.

Не трудно понять, что, говоря объ отношеніяхъ церкви къ народамъ, мы по необходимости ограничимся самыми общими чертами. Мы не можемъ войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обычаевъ церкви, каждодневныхъ отношеній духовенства къ мірянамъ. Я долженъ представить вамъ только главнѣйшія начала и важнѣйшія послѣдствія системы и образа дѣйствій, кото-рыхъ держалась церковь въ отношеніи къ христіанскому міру.

Весьма характерный фактъ и, можно сказать, коренной недостатокъ отношеній церкви къ народамъ—это отдѣленіе лицъ правящихъ отъ лицъ управляемыхъ, отсутствіе всякаго вліянія со стороны послѣднихъ на первыхъ, независимость христіанскаго духовенства отъ общества вѣрующихъ.

Безъ сомнѣнія, это зло было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того состоянія, въ которомъ находились и человѣкъ, и общество, потому что оно весьма рано появилось въ христіанской церкви. Въ разсматриваемое нами время отдѣленіе духовенства отъ народа совершилось еще не вполне. Въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ при избраніи епископовъ, по крайней мѣрѣ иногда, допускалось еще непосредственное участіе христіанскаго народа. Но это участіе все болѣе и болѣе ослабѣвало, проявлялось все рѣже и рѣже; быстрое, замѣтное ограниченіе его началось уже со втораго вѣка нашей эры. Стремленіе къ отчужденію, къ независимости духовенства составляетъ какъ бы самую исторію церкви, начиная съ ея колыбели.

Нельзя не сознаться, что отсюда возникла бѣлая часть злоупотребленій, которыя уже съ того времени, а тѣмъ болѣе впослѣдствіи, такъ дорого стоили церкви. Не слѣдуетъ однако обвинять ее въ этомъ безусловно, не слѣдуетъ считать стремленіе къ отчужденію свойственнымъ одному только христіанскому духовенству. Въ самой природѣ религіознаго общества есть сильная склонность превозносить правящихъ надъ управляемыми, приписывать первымъ нѣчто особенное, божественное. Это—послѣдствіе самаго призванія ихъ, того значенія, которое они имѣютъ въ глазахъ народа. Но въ религіозномъ обществѣ такое явленіе гибельнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ. Религіозное общество имѣетъ дѣло съ разумомъ, совѣстью, будущею судьбою людей, т. е. съ тѣмъ, что только есть въ нихъ душевнаго, личнаго, свободнаго. Понятно, до извѣстной степени, что человѣкъ можетъ предоставлять вышней власти управленіе своими матеріальными интересами, своею землею участію, хотя и отсюда должно происходить для него не мало зла. Я понимаю того философа, который на извѣщеніе, что въ его домѣ пожаръ, отвѣчалъ: «скажите объ этомъ жентѣ: я не вмѣшиваюсь въ хозяйственные дѣла». Но когда дѣло идетъ о совѣсти и мысли, о внутренней природѣ человѣка, тогда отреченіе отъ права управлять самимъ собою, подчиненіе посторонней власти, есть нравственное самоубійство, рабство, что разъ худшее крѣпостной зависимости.

Таково, между тѣмъ, было зло, которое хотя и не достигло

полнаго развитія, какъ это мы сейчасъ докажемъ, но все болѣе и болѣе усиливалось въ христіанской церкви, въ ея отношеніяхъ къ мірянамъ. Мы уже видѣли, что свобода не была достаточно обезпечена даже въ нѣдрахъ церкви, для самихъ членовъ духовенства. Тѣмъ незначительнѣе были гарантіи свободы внѣ церкви, для мірянъ. Между членами духовенства бывали по крайней мѣрѣ споры, совѣщанія, содѣйствующія развитію умственныхъ силъ; движеніе распрей отчасти замѣняло свободу. Ничего подобнаго не было между духовенствомъ и народомъ. Міряне въ отношеніи къ духовному правительству были почти иными, какъ простыми зрителями. Уже весьма рано родилась и укрѣпилась идея, что богословіе, религіозные вопросы и дѣла составляютъ исключительную принадлежность духовенства, что духовенство одно имѣетъ право заниматься ими, и тѣмъ болѣе рѣшать ихъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны мірянъ. Въ изучаемую нами эпоху эта теорія была уже въ полной силѣ; нужны были цѣлыя столѣтія и страшные перевороты, чтобы разрушить ее, чтобы сдѣлать религіозные вопросы и науку общественнымъ достояніемъ. Итакъ, отдѣленіе духовенства отъ христіанскаго народа совершилось почти вполне, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, еще до XII вѣка.

Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что даже и въ то время христіанскій народъ не имѣлъ никакого вліянія на свое правительство. Онъ терпѣлъ недостатокъ не во вліяніи, а въ правѣ законнаго участія въ дѣлахъ управленія. Совершенная безгласность народа невысказима вообще, а въ особенности при такомъ правительствѣ, которое основано на вѣрованьяхъ, общихъ для правящихъ и управляемыхъ. Вездѣ, гдѣ только развивается такая общность идей, гдѣ одно и то же умственное движеніе увлекаетъ за собою и правительство, и народъ, тамъ устанавливается между ними необходимая связь, которую не можетъ вполне уничтожить никакой недостатокъ правительственной организаціи. Чтобы яснѣе выразить мою мысль, я возьму примѣръ, близкій къ намъ и къ нашему политическому міру: никогда, ни въ какую эпоху своей исторіи французскій народъ не имѣлъ менѣе законнаго вліянія на свое правительство, какъ въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, при Людовикахъ XIV и XV. Всѣмъ извѣстно, что въ это время почти вовсе не было учреждений, которыя могли бы служить органомъ народнаго голоса; не существовало почти никакого прямого и официальнаго вмѣшательства народа въ дѣла правительства. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что народъ пользовался тогда гораздо

большимъ вліяніемъ на свое правительство, нежели въ то время, когда часто созывались генеральныя штаты (*états généraux*), когда парламенты часто вмѣшивались въ политику, когда законное участіе народа въ дѣлахъ управленія было несравненно сильнѣе.

Слѣдовательно, есть сила, которая не заключается въ законахъ и—въ случаѣ необходимости умѣетъ обойтись безъ учреждений: сила идей, разума, общественнаго мнѣнія. Во Франціи, въ XVII и XVIII ст., общественное мнѣніе было несравненно сильнѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было другую эпоху. Не имѣя законныхъ средствъ вліянія, оно вліяло на правительство косвенно—силою идей, раздѣляемыхъ и правящими, и управляемыми, необходимостью, въ которую были поставлены первые обращать вниманіе на мнѣніе послѣднихъ. Подобный фактъ имѣлъ мѣсто въ христіанской церкви между V и XII вѣками. Конечно, христіанскому народу не доставало законныхъ средствъ дѣйствія; но въ области религіи совершалось большое умственное движеніе; это движеніе распространялось въ одно и тоже время и на мірянъ, и на духовенство, и такимъ образомъ давало первымъ возможность дѣйствовать на послѣднее.

Вообще, при изученіи исторіи, слѣдуетъ обращать большее вниманіе на косвенныя вліянія; они гораздо дѣйствительнѣе и иногда несравненно благотворнѣе, нежели обыкновенно думаютъ. Человѣку свойственно желаніе дѣйствовать быстро, открыто, желаніе присутствовать при своемъ собственномъ успѣхѣ, торжествѣ, и наслаждаться своимъ могуществомъ. Исполненіе этого желанія не всегда возможно, даже не всегда полезно. Есть времена, положенія, въ которыхъ одни только косвенныя и невидимыя вліянія бываютъ выгодными и ведутъ къ цѣли. Приведемъ еще примѣръ изъ политическаго міра. Англійскій парламентъ, какъ и многія другія подобныя собранія, неоднократно—напримѣръ въ 1641 г.—требовалъ права непосредственно назначать главнѣйшихъ членовъ высшаго правительства: министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и т. п. Онъ признавалъ такое прямое вліяніе на правительство огромною и вѣрною для себя гарантіею. Иногда онъ и пользовался имъ, но всегда безуспѣшно. Назначенія были неудовлетворительны, дѣла управленія шли плохо. Между тѣмъ, что мы видимъ теперь въ Англіи? Не отъ вліянія ли палатъ зависитъ образованіе министерства, назначеніе всѣхъ высшихъ сановниковъ? Да; но это вліяніе косвенное, а не прямое. Цѣль,

къ которой такъ долго стремилась Англія, достигнута, но другимъ путемъ; первымъ она никогда не могла бы придти къ желаемому результату.

Всему этому есть причина, на которой необходимо нѣсколько остановиться. Прямое вліяніе требуетъ со стороны лицъ, облеченныхъ имъ, гораздо болѣе познаній, осторожности, благоразумія. Кто имѣетъ возможность быстро и неуклонно идти къ своей цѣли, тотъ долженъ быть твердо увѣренъ, что достигнетъ ея. Косвенныя вліянія, наоборотъ, дѣйствуютъ среди затрудненій и испытаній, сдерживаются, исправляются ими. Прежде, нежели достигнуть цѣли, они подвергаются обсужденію, нападеніямъ, повѣркѣ. Самое торжество ихъ бываетъ медленно, условно, неполно. Вотъ почему, когда степень развитія и зрѣлости умовъ еще не позволяетъ вѣрить имъ, съ полною безопасностью, прямое, непосредственное вліяніе и дѣйствіе, нельзя не отдать предпочтенія вліяніямъ косвеннымъ, при всей, во многихъ случаяхъ, неполноты, недостаточности ихъ. Такого именно рода и было вліяніе христіанскаго народа на свое правительство, вліяніе неполное, безъ сомнѣнія, слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и постоянное.

Существовала и другая причина сближенія между христіанскою церковью и мірянами: это распредѣленіе, если можно такъ выразиться, христіанскаго духовенства между всѣми общественными сословіями. Вездѣ, гдѣ церковь получила устройство, независимое отъ управляемаго ею народа, сословіе священнослужителей почти всегда состояло изъ людей, находившихся въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи. Могло и между ними существовать довольно важное неравенство; но, вообще говоря, духовная власть принадлежала корпораціямъ священниковъ, жившихъ одною общею жизнью и изъ глубины храма управлявшихъ народомъ, послушнымъ ихъ закону. Христіанская церковь была организована совершенно иначе. Вездѣ, начиная съ жалкаго жилища колона или раба, у подножія феодальнаго замка, и до королевскаго дворца, вездѣ находился священникъ, членъ духовенства. Духовенство находилось въ тѣсной связи со всѣми сословіями. Такое разнообразіе въ положеніи христіанскихъ священниковъ, раздѣлявшихъ судьбу всѣхъ классовъ общества, было великимъ соединительнымъ началомъ между духовенствомъ и мірянами, началомъ, котораго по большей части лишены церкви, образующія духовное правительство. Кромѣ того, духовныя лица

входили, какъ уже было сказано, въ составъ феодальной организации; они были въ одно и тоже время членами іерархій гражданской и церковной. Отсюда—интересы, обычаи, правы, общіе и свѣтскому, и церковному міру. Часто, не безъ основанія, порицають епископовъ, ходившихъ на войну, священниковъ, которые вели свѣтскій образъ жизни. Несомнѣнно, это было большое зло, но все же менѣе вредное, нежели въ другихъ странахъ, гдѣ духовныя лица никогда не выходили изъ храма, жили совершенно отдѣльно отъ общества. Епископы, до извѣстной степени участвующіе въ гражданскихъ беспорядкахъ, предпочтительны священнослужителямъ, совершенно чуждымъ народу, его занятіямъ и правамъ. Въ христіанскомъ мірѣ, между народомъ и духовенствомъ существовало такое равенство положенія и участи, которое если не устраняло, то, по крайней мѣрѣ, уменьшало вредныя послѣдствія отдѣленія лицъ правящихъ отъ лицъ управляемыхъ.

Теперь, доказавъ дѣйствительность такого отдѣленія и опредѣливъ его предѣлы, посмотримъ, какъ управляла христіанская церковь, какимъ образомъ она дѣйствовала на народы, подчиненные ея власти. Что предпринимала она, съ одной стороны, для умственнаго развитія человѣка, для нравственнаго усовершенствованія отдѣльныхъ лицъ, съ другой—для улучшенія общественнаго быта?

Что касается до развитія отдѣльныхъ лицъ, то оказываетъ ся, что въ разсматриваемое нами время христіанская церковь не много заботилась о немъ: она старалась внушить сильнымъ міра болѣе мягкія чувства, болѣе справедливости, болѣе гуманности въ ихъ отношеніяхъ къ слабымъ; въ слабыхъ она поддерживала правственную жизнь, чувства, надежды, высшія тѣхъ, на которыя обрекла ихъ повседневная ихъ дѣятельность. Но для личнаго развитія въ собственномъ смыслѣ этого слова, для облагороженія и возвышенія духовной природы человѣка, христіанская церковь сдѣлала немного, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ мірянамъ. Все, что она сдѣлала въ этомъ направленіи, ограничивалось только средою церковнаго общества; она много заботилась о развитіи духовенства, объ образованіи священниковъ; для нихъ у нея были школы и всѣ учрежденія, какія только возможны были во время печальнаго состоянія тогдашняго міра. Но это были учрежденія церковныя, предназначенныя для образованія духовныхъ лицъ; въ этой сферѣ, вліяніе церкви на прогрессъ идей и правовъ было косвенно и медленно. Безъ сомнѣнія, христіанская цер-

ковь возбуждала всеобщую умственную дѣятельность открывая широкое поприще для всякаго, кого признавала способнымъ служить ей; но въ этомъ и заключается почти все, что она дѣлала въ то время для умственнаго развитія людей, не принадлежавшихъ къ церковному обществу.

Несравненно обширнѣе и дѣйствительнѣе было, по моему мнѣнію, вліяніе церкви на улучшеніе общественнаго быта. Несомнѣнно, что она упорно боролась съ важнѣйшими недостатками этого быта, напримѣръ съ рабствомъ. Многіе утверждали, что уничтоженіемъ рабства въ новомъ мірѣ мы вполнѣ обязаны христіанству. Я нахожу это мнѣніе преувеличеннымъ: рабство долго существовало въ пѣдрахъ христіанскаго общества, не возбуждая въ немъ большаго удивленія или сильнаго негодованія. Необходима была масса причинъ, сильное развитіе другихъ идей, другихъ основъ цивилизаціи, чтобы уничтожить это страшное зло, эту несправедливость изъ всѣхъ несправедливостей. Однако, и церковь несомнѣнно способствовала ограниченію рабства. Вотъ неопровержимое тому доказательство: въ разныя эпохи, большая часть формулъ отпущенія на волю имѣла религіозное основаніе; освобожденіе рабовъ почти всегда совершалось во имя религіозной идеи, надеждъ на будущее, духовнаго равенства людей.

Усилія церкви направлены были также къ уничтоженію множества варварскихъ обычаевъ, къ улучшенію уголовнаго и гражданскаго законодательства. Вамъ извѣстно, до какой степени это законодательство, несмотря на нѣкоторыя содержавшіяся въ немъ сѣмена свободы, было въ то время нелѣпно и пагубно; вы знаете, что лишеныя смысла пытки, судебный поединокъ, простая присяга нѣсколькихъ лицъ, считались единственными средствами къ обнаруженію истины. Церковь старалась замѣнить ихъ другими, болѣе разумными, болѣе законными способами. Я уже сообщалъ о различіи, которое существуетъ между вестготскими законами, составляющими по большей части произведеніе толедскихъ соборовъ, и законами другихъ варварскихъ народовъ. Сравнивая ихъ, нельзя не замѣтить огромнаго превосходства постановленій церкви въ дѣлѣ законодательства, справедливости, во всемъ, что относится къ отысканію истины, къ улучшенію судьбы человѣческаго рода. Конечно, большая часть этихъ постановленій заимствована изъ римскаго законодательства, но онѣ погибли бы, если бы христіанская церковь не охраняла и не защищала ихъ, еслибы она не заботилась объ ихъ распространеніи. Идетъ ли дѣло,

напримѣръ, объ употребленіи присяги въ судопроизводствѣ, — откройте законъ вестготовъ и вы увидите, съ какою мудростью устанавливается въ немъ этотъ обрядъ.

«Судья, долженъ для лучшаго изученія дѣла, спросить сначала свидѣтелей, а потомъ изслѣдовать письменные документы, чтобы такимъ образомъ истина открылась съ большою достовѣрностью, и чтобы не такъ легко представлялась необходимость въ присягѣ. Отысканіе истины и права требуетъ, чтобы документы обѣихъ сторонъ были разсмотрѣны во всей подробности, и чтобы обрядъ присяги, угрожающій тяжущимся, назначаемъ былъ внезапно и неожиданно. Пускай тяжущіеся призываются къ присягѣ только въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ судья, несмотря на всѣ усилія, не откроетъ ни одного документа, ни одного доказательства, ни одного достовѣрнаго признака истины».

Въ уголовномъ законодательствѣ отношеніе наказаній къ преступленіямъ опредѣлено на основаніи довольно точныхъ философскихъ и нравственныхъ основъ. Оно представляетъ намъ результатъ усилій просвѣщеннаго законодателя, который борется съ грубой силою и дикими нравами варваровъ. Глава *De coede et morte hominum* *), въ сравненіи съ соотвѣствующими законами другихъ народовъ, служить весьма замѣчательнымъ тому примѣромъ. У другихъ народовъ, важность преступленія опредѣлялась почти исключительно происшедшимъ отъ того убыткомъ, и наказаніе состояло въ томъ матеріальномъ вознагражденіи, которое вытекаетъ изъ мировой сдѣлки. У вестготовъ преступленіе приведено къ своему настоящему нравственному элементу, т. е. къ умыслу. Различные отбѣнки виновности — случайное, невольное убійство, убійство по неосторожности, убійство, которому предшествовалъ вызовъ, убійство съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ или непредумышленное, разграничены и опредѣлены съ такою же почти точностью и ясностью, какъ и въ нашихъ кодексахъ, и различные наказанія установлены съ довольно справедливою постепенностью. Правосудіе и справедливость законодателя пошло еще дальше. Онъ пытался если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ смягчить эту неравномѣрность законной оцѣнки людей, которая была принята въ другихъ варварскихъ законодательствахъ. Единственное различіе, сохранившееся въ вестготскихъ законахъ, это — различіе между свободнымъ чело-

*) Объ убіеніи и смерти людей.

вѣкомъ и рабомъ. По отношенію къ свободнымъ людямъ, степень наказанія не зависитъ ни отъ происхожденія, ни отъ званія убитаго, но единственно отъ нравственной виновности убійцы. По отношенію къ рабамъ, не рѣшаясь совсѣмъ отнять у господина право жизни и смерти, законодатель по крайней мѣрѣ хотѣлъ ограничить его, обставляя дѣйствіе его гласностью и правильными формами. Я считаю необходимымъ привести самый текстъ закона:

«Если никакой преступникъ или участникъ въ преступленіи не долженъ оставаться безпаказаннымъ, то не слѣдуетъ ли тѣмъ болѣе наказывать того, кто по злобѣ и легкомыслію убилъ человѣка? А такъ какъ господа, въ гордости своей, асто лишаютъ жизни своихъ рабовъ, безъ всякой вины со стороны послѣднихъ, то необходимо совершенно уничтожить это беззаконіе и постановить, чтобы настоящее правило на вѣчныя времена было соблюдаемо всѣми. Господинъ или госпожа ни въ какомъ случаѣ не могутъ безъ публичнаго суда лишить жизни никого изъ своихъ рабовъ или подчиненныхъ, мужескаго или женскаго пола. Если рабъ, или другой какой-либо слугитель, совершитъ преступленіе, которое можетъ навлечь на него смертный приговоръ, то господинъ или его обвинитель долженъ извѣстить о томъ мѣстнаго судью, или же графа, или герцога. Послѣ обсужденія дѣла, если преступленіе будетъ доказано, то преступникъ да подвергнется, или чрезъ посредство судьи, или чрезъ посредство господина, заслуженной имъ смертной казни, такимъ однако образомъ, что если судья не захочетъ самъ предать смерти преступника, то долженъ произнести надъ нимъ письменно смертный приговоръ, и тогда отъ господина будетъ зависетьъ убить раба или оставить ему жизнь. Правда, если бы рабъ, съпеукротимою дерзостью, сопротивляясь господину, ударилъ или покусился ударить его оружіемъ, или камнемъ, или чѣмъ-либо другимъ, а господинъ, защищаясь, убилъ бы раба въ гнѣвѣ своемъ, то господинъ нисколько не подлежитъ наказанію за убійство. Но должно будетъ доказать, что дѣло происходило именно такимъ образомъ, и доказать свидѣтельствомъ или присягою рабовъ, мужескаго или женскаго пола, присутствовавшихъ при томъ, и присягою самого лица, совершившаго убійство. Но кто по одной только злобѣ, собственною ли рукою или рукою другаго, убьетъ своего раба безъ публичнаго суда, тотъ будетъ объявленъ безчестнымъ, лишень права быть свидѣтелемъ, принужденъ провести остатокъ жизни въ

изгнаніи и раскаяніи, а имущество его перейдетъ къ ближайшимъ родственникамъ, которымъ по закону принадлежитъ право наслѣдства».

Въ учрежденіяхъ церкви, есть фактъ, на который до сихъ поръ, вообще, не обращали еще настоящаго вниманія: это система наказаній, система, въ настоящее время тѣмъ болѣе достойная изученія, что она въ отношеніи къ принципамъ и приложенію уголовного права почти вполне согласна съ идеями новѣйшей философіи. Изучая сущность церковныхъ наказаній, публичнаго покаянія, занимавшаго въ ряду этихъ наказаній главное мѣсто, вы увидите, что главною задачею ихъ было возбужденіе въ душѣ преступника раскаянія, а въ свидѣтеляхъ—правдиваго страха, внушаемаго примѣромъ. Кромѣ того, мы находимъ здѣсь и другую идею, идею искупленія. Я не знаю, вообще говоря, можно ли отдѣлять идею искупленія отъ идеи наказанія, и не содержитъ ли въ себѣ всякое наказаніе, независимо отъ потребности вызвать раскаянье въ преступникѣ и предупредить подобныя преступленія, тайную и постоянную потребность искупить совершенное зло. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нельзя не убѣдиться, что раскаянье и примѣръ—вотъ цѣль, къ которой стремится церковь во всей своей системѣ наказаній. И не такова ли, цѣль истинно философскаго законодательства? Не во имя ли этихъ самыхъ началъ просвѣщеннѣйшіе публицисты прошедшаго столѣтія и нашего времени требовали реформы въ европейскомъ уголовномъ законодательствѣ? Почитайте ихъ сочиненія, Бентама папримѣръ,—васъ поразитъ сходство предлагаемыхъ ими мѣръ наказанія съ мѣрами, которыми пользовалась церковь. Безъ сомнѣнія, публицисты ничего не переняли у церкви, а церковь въ свою очередь едва ли предполагала, что примѣръ ея когда-либо будутъ приводить въ подтвержденіе плановъ наименѣе набожныхъ философовъ.

Наконецъ, она пыталась также всѣми средствами уничтожить въ обществѣ господство силы, постоянныя войны. Всякій знаетъ, что такое былъ «божій миръ» (*la trêve de Dieu*) и множество другихъ мѣръ того же рода, посредствомъ которыхъ церковь боролась съ злоупотребленіемъ силы и старалась ввести въ общество болѣе порядка и гуманности. Эти факты такъ извѣстны, что я считаю лишнимъ входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ.

Таковы главные результаты, которые я могъ показать вамъ, говоря объ отношеніяхъ церкви къ народамъ. Мы раз-

смотрѣли ее съ трехъ сторонъ, указанныхъ мною въ самомъ началѣ: мы познакомились съ нею внутри и извнѣ, въ ея внутреннемъ устройствѣ и въ ея двойственныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Намъ остается съ помощью того, что намъ извѣстно, опредѣлить посредствомъ наведенія, предположенія, общее вліяніе церкви на европейскую цивилизацію. Эта задача, если не ошибаюсь, уже почти рѣшена нами, по крайней мѣрѣ въ главныхъ ея чертахъ; простой перечень фактовъ и господствующихъ принциповъ церкви раскрываетъ и объясняетъ ея вліяніе. Результаты, вмѣстѣ съ причинами, нѣкоторымъ образомъ уже прошли предъ вашими глазами. Если же мы постараемся кратко выразить сущность этихъ результатовъ, то получимъ два слѣдующія общія положенія:

Во первыхъ, церковь должна была имѣть весьма большое вліяніе на нравственную и умственную дѣятельность новой Европы, на общественныя идеи, чувства и нравы. Фактъ этотъ ясенъ; нравственное и умственное развитіе Европы отличалось главнымъ образомъ богословскимъ характеромъ. Возьмите исторію V—XVI столѣтій; духомъ своимъ человѣкъ вполне подчиненъ богословію; вопросы философіи, политики, исторіи, разсматриваются только съ богословской точки зрѣнія. Господство церкви въ умственномъ мірѣ простирается такъ далеко, что даже математическія и физическія науки находятся въ зависимости отъ ея ученія. Богословскій духъ—это какъ бы кровь, протекающая въ жилахъ новой Европы, до появленія Бэкона и Декарта. Бэконъ въ Англіи и Декартъ во Франціи въ первый разъ отвели разумъ съ богословскаго пути.

Тотъ же фактъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ отрасляхъ литературы: и тамъ безпрестанно проявляются богословскіе обычаи, чувства, языкъ.

Вообще говоря, это вліяніе было благотѣльно; оно не только способствовало и воодушевляло умственное движеніе въ Европѣ, но ученія и правила, во имя которыхъ церковь руководила этимъ движеніемъ, несравненно превосходили все то, что было извѣстно древнему міру. Здѣсь было въ одно и то же время и движеніе, и прогрессъ.

Кромѣ того, свойство христіанской церкви сообщило развитію человѣческаго духа въ новомъ мірѣ такую обширность, такое разнообразіе, какого оно до того времени никогда не имѣло. На востокѣ, разумъ находится въ полной зависимости отъ религіи; въ Греціи онъ почти исключительно ограничи-

вается земною жизнью человѣка; на востокѣ пренебрегаютъ, можно сказать, человѣкомъ, его природою, его земнымъ существованіемъ; въ Греціи, главное мѣсто занимаетъ человѣкъ, со своими страстями, наслажденіями, чувствами, мірскими интересами. Въ настоящее время разумъ, въ его новѣйшемъ направленіи, запечатлѣнъ въ одно и то же время и божественнымъ, и человѣческимъ характеромъ. Человѣческія чувства и интересы занимаютъ важное мѣсто въ нашихъ литературахъ; однако въ нихъ на каждомъ шагѣ встрѣчается и религіозное направленіе человѣка, та сторона его существованія, которая соединена съ инымъ, неземнымъ міромъ. Оба великіе источники развитія и прогресса—человѣчество и религія—шли впередъ въ одно и то же время, и вліяніе церкви, несмотря на всѣ тиранническія дѣйствія, сопряженныя съ нимъ, въ умственномъ отношеніи болѣе развивало, чѣмъ сдерживало, болѣе расширяло, чѣмъ стѣсняло развитіе человѣчества.

Съ политической точки зрѣнія, вліяніе церкви представляется намъ совѣтъ въ другомъ видѣ. Конечно способствуя смягченію чувствъ и правовъ, уничтожая множество варварскихъ обычаевъ, церковь могущественно содѣйствовала усовершенствованію общественнаго быта: но собственно въ политическомъ мірѣ, въ отношеніяхъ правительства къ подданнымъ, власти—къ свободѣ, вліяніе ея, вообще говоря, едва ли было благотвельно. Съ этой стороны церковь постоянно являлась представительницею и покровительницею двухъ системъ, или теократической, или римско-императорской, то есть деспотизма либо въ религіозной, либо въ гражданской формѣ. Возьмите всѣ учрежденія, все законодательство церкви, ея постановленія (каноны), судопроизводство, — господствующимъ началомъ всюду представится вамъ либо теократія, либо имперія. Ослабѣвая, церковь обращалась за помощію къ абсолютной власти императоровъ; укрѣпляясь, она гордо требовала этой власти для самой себя, во имя своего духовнаго могущества. Не слѣдуетъ останавливаться на нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ и фактахъ. Конечно, церковь часто держала сторону народныхъ правъ противъ дурнаго управленія государей, часто даже одобряла и вызывала возстаніе. Часто также она защищала предъ государями права и интересы народовъ. Но когда между властью и свободою возгорался споръ о политическихъ гарантіяхъ, когда дѣло шло объ установленіи системы прочныхъ учреждений, которыя бы дѣйствительно оградили сво-

боду отъ насильственныхъ притязаній власти, тогда церковь обыкновенно принимала сторону деспотизма.

Мы не должны слишкомъ сильно возставать противъ человеческой слабости духовенства, или противъ другихъ неизбѣжныхъ недостатковъ церкви. Причина всего этого болѣе глубокая.

Въ чемъ заключаются требованія какой бы то ни было религіи? Ея цѣль управлять человѣческими страстями и волею. Всякая религія есть власть, правительство, сила, остававшаяся и умирляющая человѣка. Во имя божественнаго закона она обуздываетъ человѣческую природу. Слѣдовательно она имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ свободою человѣка: въ этой свободѣ встрѣчается сопротивленіе, ее старается побѣдить она. Такова задача религіи, ея назначеніе, ея надежда.

Правда, направляя свои усилія противъ человеческой свободы, стараясь подчинить себѣ волю человѣка, религія можетъ дѣйствовать на человѣка однимъ только нравственнымъ средствомъ—имъ же самимъ, его волею и свободою. Прибѣгая къ другимъ внѣшнимъ средствамъ, къ силѣ, обольщенію, одними словомъ, къ мѣрамъ, чуждымъ свободному участію и согласію человѣка, религія обходится съ человѣкомъ, какъ съ водою, вѣтромъ, какъ со всякою чисто матеріальною силою; тогда она не идетъ къ своей цѣли, не приобретаетъ власти надъ волею и не управляетъ ею. Для того, чтобы религія дѣйствительно соотвѣтствовала своему назначенію, нужно, чтобы она была принята свободною волею человѣка; нужно, чтобы человѣкъ подчинялся ей добровольно, непринужденно, въ самомъ подчиненіи сохраняя свою свободу. Вотъ двойственная задача, которую должна рѣшить религія.

Но она слишкомъ часто не понимала этой задачи, видѣла въ свободѣ не средство, а препятствіе, забывала свойство той силы, на которую дѣйствовала, и съ душою человѣка обращалась какъ съ матеріальною силою. Вслѣдствіе такого заблужденія, ей почти всегда приходилось принимать сторону власти, деспотизма, противъ свободы человѣка: видя въ этой свободѣ ничто иное, какъ сильнаго врага, она старалась, скорѣе обуздать, нежели обезпечить ее. Если бы церковь отдавала себѣ ясный отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, если бы она не увлекалась естественнымъ, но опаснымъ заблужденіемъ, то она увидѣла бы, что для нравственнаго ограниченія свободы необходимо обезпечить ее, что религія можетъ и должна дѣйствовать одними только нравственными средствами;

она стада бы уважать человѣческую волю, стараясь управлять ею. Она забывала все это, и духовная власть сама потерпѣла отъ того столь же сильно, какъ и свобода.

Этимъ я закончу изслѣдованіе главныхъ послѣдствій вліянія церкви на европейскую цивилизацію; я представилъ ихъ въ слѣдующемъ двойственномъ результатѣ: великое и благотворное вліяніе на умственный и нравственный міръ человѣка, и вліяніе болѣе вредное, чѣмъ полезное, на міръ политическій. Теперь мы должны подтвердить наши положенія фактами, оправдать исторіей то, что вывели изъ самой природы и состоянія церковнаго общества. Посмотримъ, какова была судьба христіанской церкви отъ V до XII вѣка, развивались ли вышеупомянутыя начала и результаты такъ, какъ это предположено мною.

Не предполагайте, чтобы эти начала и послѣдствія появлялись одновременно и съ такою же ясностью, съ какою я изложилъ ихъ. При изученіи давно миновавшихъ вѣковъ, весьма часто впадаютъ въ важную ошибку; забываютъ нравственную хронологію, забываютъ — странная забывчивость! — что отличительный характеръ исторіи сть послѣдовательное развитіе. Возьмемъ жизнь какого-либо великаго человѣка, Кромвелля, Густава Адольфа, кардинала Ришелье. Онъ выступаетъ на историческое поприще, подвигается впередъ, приближается къ цѣли; онъ испытываетъ на себѣ вліяніе великихъ событій и самъ въ свою очередь производитъ вліяніе на нихъ; наконецъ, онъ доходитъ до конца своего поприща; тогда только мы узнаемъ его такимъ, какимъ онъ, словно послѣ долгой работы, вышелъ изъ рукъ Прозидѣнія. Между тѣмъ, въ началѣ своей дѣятельности онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ впослѣдствіи; ни въ одну изъ отдѣльных минутъ его жизни не найдемъ мы въ его характерѣ совершенной полноты и оконченности; онъ образовался, выработался постепенно, послѣдовательно. Люди развиваются въ нравственномъ отношеніи точно также, какъ и въ физическомъ; они измѣняются съ каждымъ днемъ; въ духовной природѣ ихъ безпрестанно совершаются перевороты. Кромвелль 1650 г. не былъ Кромвеллемъ 1640 г. Конечно, индивидуальность человѣка въ извѣстной степени всегда остается вѣрною самой себѣ: но сколько перемѣняется въ насъ идей, чувствъ, желаній! Какъ много мы теряемъ и приобретаемъ! Въ теченіе всей своей жизни человѣкъ ни разу не бываетъ во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ въ концѣ своего жизненнаго поприща.

Между тѣмъ, вотъ ошибка, которая часто встрѣчается у историковъ: составивъ себѣ полное понятіе о человѣкѣ, они видятъ его такимъ во все продолженіе его дѣятельности; для нихъ, Кромвелль, вступающій въ 1628 году въ парламентъ, ничѣмъ не отличается отъ Кромвелля, тридцать лѣтъ спустя умирающаго въ Уайтъ-Галльскомъ дворцѣ. Та же ошибка безпрестанно распространяется и на учрежденія, на общія причины и вліянія. Постараемся избѣгнуть ея. Я представилъ вамъ въ главныхъ чертахъ принципы церкви и происшедшія отъ нихъ послѣдствія; но замѣьте, что исторически эта картина не точна; явленія, указанные мною, совершались отдѣльно, послѣдовательно; они разсѣяны въ пространствѣ и во времени. Въ указанныхъ фактахъ вы не встрѣтите ни цѣлости, ни быстрой систематической послѣдовательности событій. Тамъ возникаетъ одно начало, тамъ другое; все неполно, неровно, разбросано; цѣлость, общность мы увидимъ не ранѣе, какъ въ новѣйшія времена, въ концѣ нашего поприща. Мы познакоимся съ различными состояніями, чрезъ которыя прошла церковь въ промежутокъ времени между V и XII стол. Намъ не удастся найти въ этомъ обзорѣниі полного доказательства указанныхъ мною положеній; однако законность ихъ достаточно подтвердится и тѣмъ, что будетъ здѣсь найдено нами.

Первое состояніе, въ которомъ является церковь въ V вѣкѣ, есть состояніе императорской церкви, церкви римскихъ императоровъ. Во время паденія Римской имперіи церковь была увѣрена, что она достигла своей конечной цѣли, что торжество ея полно и прочно. Ей удалось наконецъ вполне побѣдить язычество. Послѣдній императоръ, припавшій санъ языческаго верховнаго жреца, Граціанъ, умеръ въ концѣ IV вѣка. Граціана называли еще верховнымъ жрецомъ, подобно Августу и Тиверію. Столь же тверда была увѣренность церкви въ побѣдѣ ея надъ еретиками, въ особенности надъ аріанами, главною изъ всѣхъ ересей того времени. Императоръ Θεодосій установилъ противъ аріанъ, въ концѣ IV вѣка, полное и строгое законодательство. Такимъ образомъ церковь господствовала и преобладала надъ обоими величайшими врагами своими. Въ это именно время она утратила поддержку Римской имперіи и увидѣла себя окруженною другими язычниками, другими еретиками — варварами, готами, вандалами, бургундами, франками. Паденіе было ужасно. Намъ не трудно понять, какая горячая привязанность къ имперіи должна была сохраниться въ нѣдрахъ церкви. Дѣйствительно мы видимъ,

что она сильно дорожить послѣдними остатками имперіи — муниципальнымъ устройствомъ и абсолютною властью. И когда ей удалось обратить варваровъ въ христіанство, она пытается возстановить имперію; она обращается къ варварскимъ королямъ, совѣтуетъ имъ сдѣлаться римскими императорами, принять всѣ императорскія права, поставить себя къ церкви въ тѣ же отношенія, въ какихъ прежде была съ нею Римская имперія. Вотъ смыслъ усилій епископовъ V и VI вѣковъ. Таково общій духъ церкви.

Всѣ усилія епископовъ не имѣли успѣха: римское общество не могло быть возстановлено руками варваровъ. Подобно свѣтскому міру, церковь сама впала въ состояніе варварства. Это второй періодъ исторіи церкви. Сравнивая церковныхъ лѣтописцевъ VIII вѣка съ лѣтописцами предшествовавшихъ вѣковъ, нельзя не замѣтить между ними огромнаго различія. Исчезли всѣ остатки римской цивилизаціи, исчезла даже правильность языка: все, такъ сказать, погружается въ варварство. Съ одной стороны, варвары вступаютъ въ духовенство, дѣлаются священниками, епископами; съ другой, — епископы перенимаютъ жизнь варваровъ и, не покидая своей епархіи, становятся начальниками дружинъ, бродятъ по странѣ, грабя и сражаясь, подобно спутникамъ Клодвигъ. По указанію Григорія Турскаго, такимъ образомъ жили многіе епископы, напр. Салонъ и Сагиттарій.

Въ нѣдрахъ варварской церкви развились два важные факта. Первый — это отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, принципъ, развившійся именно въ это время, что и весьма естественно. Не будучи въ состояніи возстановить абсолютную власть римской имперіи, церковь по необходимости должна была искать свою долю могущества въ независимости. Она на каждомъ шагѣ должна была защищаться собственными силами, потому что ей безпрестанно угрожала опасность. Варвары непрерывно вмѣшивались въ дѣла церкви, желая овладѣть ея богатствами, доменами, ея властью. Епископы, священники имѣли одно только средство защиты противъ этихъ нападеній: они принуждены были объявить, что духовный міръ вполне независимъ отъ свѣтскаго, и что никто не имѣетъ права вступаться въ дѣла перваго. Этотъ принципъ вездѣ сдѣлался оборонительнымъ оружіемъ церкви противъ вмѣшательства варваровъ.

Второй важный фактъ, принадлежащій къ тому же времени, есть развитіе монашества на Западѣ. Извѣстно, что

св. Бенедиктъ далъ западнымъ монахамъ уставъ въ началѣ VI вѣка, когда число монаховъ еще не было такъ многочисленно. Послѣ того число ихъ изумительно увеличилось. Сначала монахи не были членами духовенства и считались міряними. Уже и тогда изъ ихъ среды избирались священники, даже епископы; но составною частью духовенства въ собственномъ смыслѣ слова монахи сдѣлались только въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка. Тогда священники и епископы стали переходить въ монашество, въ той увѣренности, что они чрезъ это болѣе успѣютъ въ религіозной жизни. Оттого монашескій міръ внезапно получилъ въ Европѣ сильное развитіе. Монахи несравненно больше, чѣмъ бѣлое духовенство, вліяли на воображеніе варваровъ; ихъ многочисленность внушала уваженіе, равно какъ и особенность ихъ образа жизни. Бѣлое духовенство, епископы и простые священники скоро утратили часть своего вліянія на воображеніе варваровъ, которые привыкли оскорблять, грабить ихъ. Напасть же на монастырь, на это сборище святыхъ людей въ освященномъ мѣстѣ, казалось для варваровъ болѣе важнымъ и труднымъ дѣломъ. Въ эпоху варварства, монастыри были мѣстомъ убѣжища для церкви, подобно тому, какъ самая церковь была мѣстомъ убѣжища для мірянъ. Туда удалялись благочестивые люди, подобно тому, какъ на Востокѣ они удалялись въ Оиваиду, чтобы избѣгнуть свѣтской жизни и испорченности правовъ Константинополя.

Таковы два важные факта, принадлежащіе къ варварской эпохѣ церковной исторіи; съ одной стороны, развитіе принципа отдѣленія духовной власти отъ свѣтской; съ другой — возникновеніе на Западѣ монашествующаго духовенства.

Въ концѣ варварской эпохи совершилось новое поползновеніе возстановить Римскую имперію: это было попытка Карла Великаго. Церковь и свѣтскій государь снова заключили между собою тѣсный союзъ. Это было для папъ временемъ большой покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрого усиленія. Попытка еще разъ не удалась; имперія Карла Великаго пала; но выгоды, полученныя церковью изъ союза съ нею, остались неприкосновенными. Папы окончательно сдѣлались главою христіанства.

По смерти Карла Великаго возобновляется безпорядокъ. Онъ поглощаетъ собою и церковь, наравнѣ съ свѣтскимъ обществомъ; первал, какъ и послѣднее, выходитъ изъ него, вступая въ предѣлы феодальной системы. Это ея третье состояніе. Разрушеніе Карловой монархіи повергло церковь въ

такое же почти положеніе, какъ и свѣтское общество: исчезло всякое единство, все сдѣлалось мѣстнымъ, отдѣльнымъ личнымъ. Тогда въ нѣдрахъ духовенства возникаетъ борьба, небывалая прежде: борьба чувствъ и интересовъ феодальнаго владѣльца съ чувствами и интересами священнослужителя. Верховные владыки церкви поставлены между этими двумя положеніями: одно стремится къ преобладанію надъ другимъ; церковный духъ уже не столь силенъ, не столь всеобъемлющъ; личный интересъ занимаетъ болѣе видное мѣсто; жажда независимости, обычаи феодальной жизни ослабляютъ связи церковной іерархіи. Но въ средѣ самой церкви является попытка предупредить послѣдствія такого разъединенія. Въ различныхъ мѣстахъ мы видимъ усиліе образовать національную церковь, съ помощью феодальной системы, съ помощью собраній и общихъ совѣщаній. Въ это именно время, въ феодальную эпоху, встрѣчается наибольшее число соборовъ, съѣздовъ, церковныхъ собраній, провинціальныхъ или національныхъ. Къ такому церковно-національному единству съ наибольшимъ жаромъ стремились во Франціи. Представителемъ этой идеи можетъ быть признанъ архіепископъ реймскій Гинкмаръ; онъ постоянно старался организовать французскую церковь; онъ придумывалъ и употреблялъ всѣ средства общенія и взаимныхъ сношеній, которыя бы могли возстановить въ феодальной церкви нѣкоторое единство. Гинкмаръ защищалъ независимость церкви, съ одной стороны, отъ свѣтской власти, съ другой—отъ папы. Узнавъ, что папа собирается прибыть во Францію и намѣревается отлучить епископовъ отъ церкви, Гинкмаръ сказалъ: «*Si excommunicaturus venerit, excommunicatus abibit*» *).

Но попытка организовать такимъ образомъ феодальную церковь не достигла своей цѣли, какъ и попытка преобразованія императорской церкви. Невозможно было установить единство въ феодальной церкви. Разъединеніе продолжалось, все болѣе и болѣе усиливаясь. Каждый епископъ, каждый прелатъ, каждый аббатъ уединялся все больше и больше въ своей епархіи или монастырѣ. Отъ той же причины возникали и беспорядки. Это время наибольшихъ злоупотребленій симоніи, время совершенно произвольной раздачи церковныхъ бенефцій, наибольшей безправственности духовенства.

*) Если онъ придетъ съ цѣлью отлучать отъ церкви, то уйдетъ самъ отлученнымъ отъ нея.

Эта безправственность сильно оскорбляла и народъ, и лучшую часть духовенства. Весьма рано зарождается въ церкви духъ реформы, потребность въ авторитетѣ, который бы собралъ всѣ разьединенные элементы и подчинилъ ихъ своему вліянію. Клавдій, епископъ туринскій, Агобардъ, архіепископъ ліонскій, предпринимали въ своихъ епархіяхъ нѣкоторыя попытки подобнаго рода; но дѣло было выше ихъ силъ; изъ всѣхъ церковныхъ властей, съ успѣхомъ могла совершить его только одна — римская курія, папа. Оттого эта власть и не замедлила получить преобладаніе. Въ теченіе XI вѣка церковь вступила въ свое четвертое состояніе, въ состояніе церкви теократической и монашеской. Создателемъ этого новаго положенія церкви — на сколько человѣкъ вообще можетъ быть создателемъ — былъ Григорій VII.

Мы привыкли считать Григорія VII за приверженца неподвижности, противника умственного развитія, общественнаго прогресса, за человѣка, обрекавшаго міръ на состояніе неподвижности или реакціи. Подобное мнѣніе не вѣрно: Григорій VII былъ реформаторъ путемъ деспотизма, подобно Карлу Великому и Петру Великому. Онъ былъ въ церковномъ мірѣ почти тѣмъ же, чѣмъ Карлъ Великій для Франціи, а Петръ Великій для Россіи были въ мірѣ свѣтскомъ. Онъ хотѣлъ преобразовать церковь, а посредствомъ церкви — свѣтское общество, распространить въ нихъ болѣе нравственности, справедливости, благоустройства; орудіемъ этого преобразованія Григорій VII избралъ папскій престолъ, въ пользу котораго оно и было направлено.

Въ то самое время, когда Григорій VII, въ видахъ реформы и прогресса, а никакъ застою и реакціи, стремился подчинить весь міръ церкви, а церковь — папской власти, внутри монастырей происходила подобная же попытка, подобное же движеніе. И тамъ явилась горячая потребность въ порядкѣ, дисциплинѣ, строгой нравственности. Это было время, когда Робертъ Молемскій вводилъ въ Ситѣ свой строгій монастырскій уставъ, время св. Норберта и реформы канониковъ, время реформы въ Кіюни, наконецъ, великой реформы св. Бернара. Въ монастыряхъ господствовало всеобщее движеніе; старые монахи возставали противъ него, находя его весьма вреднымъ, говоря, что это посягательство на ихъ свободу, что необходимо сообразоваться съ духомъ времени, что немыслимо возвращеніе къ первоначальной церкви, и отзываются о всѣхъ реформаторахъ, какъ о безумныхъ, мечтателяхъ, тиранахъ.

Прочтите исторію Нормандіи Ордерика Виталія—вы на каждом шагѣ встрѣтите тамъ подобныя жалобы.

Итакъ, повидимому, все было въ пользу церкви, ея единства и власти. Но въ то самое время, когда папская власть старалась присвоить себѣ управленіе всѣмъ міромъ, когда монастыри перевоспитывали себя въ нравственномъ отношеніи, въ то самое время нѣсколько сильныхъ, хотя и отдѣльно стоявшихъ людей, потребовали для человѣческаго разума право быть чѣмъ-нибудь въ челоуѣкѣ, право управлять его мыслями. Люди эти по большей части не нападали на общепринятые мнѣнія, на религіозныя вѣрованія; они утверждали только, что разумъ имѣетъ право доказывать и опровергать эти мнѣнія и вѣрованія, что недостаточно одно провозглашеніе ихъ авторитетомъ. Іоаннъ Эригенъ, Росцелинъ, Абеляръ—вотъ чрезъ какихъ представителей личный разумъ снова сталъ домогаться своего права; вотъ первые двигатели того стремленія къ свободѣ, которое присоединилось къ преобразовательнымъ стремленіямъ Гильдебранда и св. Бернара. Отыскивая господствующій характеръ этого стремленія къ свободѣ, мы видимъ, что оно не было перемѣною мнѣній, возстаніемъ противъ системы общественныхъ вѣрованій; это было просто заявленіе права разсуждать, принадлежащаго разуму. Воспитанники Абеляра, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ *«Введеніи въ богословіе»*, просили у него «философскихъ аргументовъ», которыми бы могъ удовлетвориться разумъ, умоляя его научить ихъ не только повторять, но и понимать то, что онъ передавалъ имъ, потому что нельзя вѣрить, не понимая, смѣшно проповѣдывать то, чего не постигаютъ ни учитель, ни ученики... Изученіе философіи не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только приводить къ Богу, къ которому все должно стремиться. Для чего же и позволяется вѣрующимъ чтеніе книгъ, разсуждающихъ о мірскихъ дѣлахъ и сочиненій язычниковъ, какъ не для того, чтобы приготовить ихъ къ пониманію истинъ св. Писанія, чтобы развить искусство, необходимое для защиты этихъ истинъ? Вопросы, составляющіе предметъ христіанской вѣры, трудны и сложны: необходимо пользоваться всѣми силами нашего разума, для того, чтобы софизмы враговъ христіанства не нарушили чистоты нашей вѣры».

Церковь скоро поняла всю важность этого перваго порыва къ свободѣ, этого возрожденія духа изслѣдованія и анализа. Озабоченная своими внутренними реформами, церковь тѣмъ не

менѣе начала опасаться и немедленно объявила войну новымъ преобразователямъ, методъ которыхъ былъ для нея гораздо опаснѣе ихъ ученія. Вотъ великій фактъ, появляющійся въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка, въ то время, когда церковь находится въ теократическомъ и монашескомъ состояніи. Къ этому времени принадлежитъ первая серьезная борьба между духовенствомъ и свободными мыслителями. Споры Абеляра и св. Бернара, Суассонскій и Санскій соборы, на которыхъ осужденъ былъ Абельяръ, суть не что иное, какъ выраженіе борьбы, игравшей такую важную роль въ исторіи новѣйшей цивилизаціи. Такова главная отличительная черта состоянія церкви въ XII вѣкѣ, на которомъ мы и остановимся сегодня.

Въ это же самое время происходило другое движеніе, совершалось освобожденіе городскихъ общинъ. Странная непослѣдовательность невѣжественныхъ и грубыхъ нравовъ! Если бы эти горожане, такъ страстно стремившіеся завоевать себѣ свободу, узнали, что есть люди, помогавшіеся признанію правъ человѣческаго разума, права анализа, люди, которыхъ церковь признаетъ еретиками, — то эти люди тутъ же были бы сожжены или побиты камнями. Абельяръ и его приверженцы не разъ подвергались такой опасности. Съ другой стороны, мыслители, боровшіеся за права человѣческаго разума, говорили объ усиліяхъ освобождавшихся горожанъ, какъ объ ужасномъ безпорядкѣ, какъ о разрушеніи общества. Философское и общинное движеніе, освобожденіе политическое и освобожденіе умственное враждовали между собою. Нужны были цѣлыя вѣка, чтобы прекратить вражду между этими двумя великими силами, чтобы заставить ихъ убѣдиться въ общности своихъ интересовъ. Въ XII вѣкѣ у нихъ не было ничего общаго. Мы скоро убѣдимся въ томъ, когда въ слѣдующемъ нашемъ собраніи будемъ разсматривать освобожденіе городскихъ общинъ.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Сравнительная картина городскихъ общинъ въ XII и XVIII вѣкахъ.—Двойной вопросъ.—1) Объ освобожденіи общинъ.—Состояніе городовъ между V и X вв.—Упадокъ ихъ и возрожденіе.—Возстаніе общинъ.—Хартія, данныя имъ.—Соціальныя и нравственныя послѣдствія освобожденія общинъ.—2) О внутреннемъ управленіи общинъ.—Народныя собранія.—Должностныя лица.—Вышняя и низшая буржуазія.—Различное состояніе общинъ въ различныхъ странахъ Европы.

Мы довели до XII вѣка исторію двухъ первыхъ элементовъ новой цивилизаціи — исторію феодальнаго устройства и исторію церкви. Сегодня мы должны заняться третьимъ изъ этихъ основныхъ элементовъ, т. е. городскими общинами, ограничиваясь и здѣсь XII вѣкомъ, какъ предѣломъ, на которомъ мы до сихъ поръ постоянно останавливались.

Въ отношеніи къ общинамъ мы поставлены иначе, нежели въ отношеніи къ церкви или феодальному устройству. Феодализмъ и церковь въ разсмотрѣнный нами промежутокъ времени достигли уже нѣкоторой полноты и оконченности, хотя въ послѣдствіи и получили еще дальнѣйшее развитіе; мы видѣли, какъ они родились, выросли, созрѣли. Ничего подобнаго нельзя сказать объ общинахъ. Онѣ получаютъ мѣсто въ исторіи только въ концѣ изучаемой нами эпохи, въ XI и XII столѣтіяхъ. Конечно, у нихъ и прежде была исторія, достойная изученія; слѣды ихъ существованія встрѣчаются гораздо раньше этого времени; но съ полною ясностью, въ качествѣ важнаго элемента новой цивилизаціи, онѣ являются на великой сценѣ міра только въ XI вѣкѣ. Вотъ отчего, изучая феодальное устройство и церковь въ промежутокъ времени между V и XII столѣтіями, мы видѣли связь между причинами и дѣйствіями, видѣли, какимъ образомъ послѣднія возникали изъ первыхъ; всякій разъ, когда посредствомъ предположенія, догадки, мы выводили изъ принциповъ извѣстные результаты, мы могли доказать свои выводы изслѣдованіемъ

самыхъ фактовъ. При изученіи общинъ мы будемъ лишены такой возможности; мы будемъ присутствовать при ихъ рожденіи, и потому я могу показать вамъ сегодня только причины, происхожденіе ихъ. О послѣдствіяхъ существованія общинъ, о вліяніи ихъ на ходъ европейской цивилизаціи, я буду говорить какъ бы предсказаніями. Мнѣ будетъ невозможно подтвердить слова свои свидѣтельствомъ современныхъ извѣстныхъ фактовъ. Только впослѣдствіи времени, между XII и XV в., мы встрѣтимъ полное развитіе городскихъ общинъ; только тогда учрежденіе принесетъ всѣ плоды свои, а исторія докажетъ справедливость нашихъ выводовъ. Обратите вниманіе на эту особенность нашего положенія, и она заранѣе покажетъ вамъ, какъ много неполнаго и преждевременнаго будетъ представлять картина, которую я собираюсь изложить предъ вами.

Допустимъ, что въ 1789 г., при самомъ возникновеніи страшнаго преобразованія Франціи, среди насъ неожиданно появился бы горожанинъ (буржуа) XII вѣка и прочелъ бы—если бы только умѣлъ читать—одинъ изъ тѣхъ памфлетовъ, такъ сильно волновавшіе умы, напр. памфлетъ Сіейса: *Qu'est-ce que le tiers?* Глаза его съ удивленіемъ останавливаются на слѣдующей фразѣ, составляющей сущность памфлета: «Среднее сословіе—это французскій народъ, за исключеніемъ дворянства и духовенства». Какое впечатлѣніе произвела бы подобная фраза на умъ этого челевѣка? Думаете ли вы, что онъ понялъ бы ее? Нѣтъ, онъ не понялъ бы словъ: *французскій народъ*, потому что они не представляютъ собою ни одного изъ извѣстныхъ, современныхъ ему фактовъ; а если бы онъ и усвоилъ фразу, если бы онъ ясно представилъ себѣ эту власть, приписываемую среднему сословію надъ цѣлымъ обществомъ, онъ, несомнѣнно, пришелъ бы къ такому убѣжденію, что эта мысль безумна и дерзка, потому что она въ сильнѣйшей степени противорѣчила бы всѣмъ его идеямъ и чувствамъ.

Теперь, пусть этотъ удивленный горожанинъ пойдетъ за нами въ одну изъ французскихъ городскихъ общинъ XVIII столѣтія—реймскую, бовескую, ланскую, нойонскую: имъ овладѣетъ удивленіе совершенно другаго рода. Онъ подходитъ къ городу и не находитъ ни башенъ, ни валовъ, ни городской милиціи (*milice bourgeoise*), однимъ словомъ, никакого средства къ защитѣ; все открыто, все предоставлено первому пришлецу, первому, кто захотѣлъ бы занять городъ.

Горожанинъ беспокоится за безопасность общины, она кажется ему слабою, весьма плохо обезпеченною. Онъ входитъ въ самый городъ, справляется о его положеніи, о порядкѣ управленія, объ участи жителей. Ему говорятъ, что внѣ городскихъ стѣнъ существуетъ власть, которая облагаетъ городъ податями по своему произволу, не спрашивая на то его согласія, которая созываетъ милицію и, также безъ ея согласія, посылаетъ ее на войну. Ему говорятъ о должностныхъ лицахъ города, о мерѣ, о членахъ городского совѣта,—и въ то же время онъ узнаетъ, что горожане не сами назначаютъ ихъ. Онъ слышитъ, что дѣла общины рѣшаются не въ ней самой, что ими, независимо отъ нея, издавѣка, управляетъ королевскій чиновникъ, интендантъ. Но это еще не все; ему говорятъ, что жители лишены права собираться и обсуждать сообща свои общественныя дѣла, что церковный колоколъ уже не сзываетъ ихъ на площадь. Горожанинъ XII вѣка не знаетъ, что и думать объ этихъ нововведеніяхъ. Пораженный, уничтоженный величіемъ, значеніемъ, которое приписываетъ себѣ совокупность городскихъ общинъ—среднее сословіе, онъ въ то же самое время находитъ въ внутреннемъ бытѣ городовъ такую слабость, зависимость, такое ничтожество, хуже котораго онъ ничего не можетъ себѣ представить. Онъ переходитъ отъ одного зрѣлища къ другому, противоположному, видитъ буржуазію, съ одной стороны, облеченною правами верховной власти, съ другой—безсильною. Понять, согласить всѣ эти противорѣчія онъ не могъ бы безъ сильнаго умственного потрясенія.

Попробуемъ теперь мы, горожане XIX вѣка, перенестись въ свою очередь въ XII столѣтіе; мы увидимъ подобное же, двойственное зрѣлище, только въ обратномъ смыслѣ. Каждый разъ, когда мы будемъ разсматривать государство, правительство, дѣла высшаго управленія, общество въ цѣломъ его составѣ,—мы не найдемъ буржуазіи, не услышимъ о ней; она ни въ чемъ не принимаетъ участія, она лишена всякаго значенія. Но этого мало: если мы поинтересуемся узнать, что думаютъ и говорятъ сами горожане объ общихъ дѣлахъ страны, какъ они смотрятъ на свои отношенія къ центральному правительству Франціи, и тутъ мы найдемъ, что способъ выраженія ихъ необыкновенно робокъ и униженный. Ихъ прежніе повелители, владѣльцы, отъ которыхъ они силою исторгли свою свободу, обращаются съ ними, по крайней мѣрѣ на словахъ, съ изумительною для насъ надменностью, не возбуждающею, въ горожанахъ ни удивленія, ни негодованія.

Вступимъ теперь во внутренность городской общины, посмотримъ, что дѣлается тамъ. Сцена измѣняется; мы видимъ себя какъ бы въ крѣпости, защищаемой вооруженными горожанами; эти горожане сами облагаютъ себя податями, назначаютъ своихъ должностныхъ лицъ, судятъ, наказываютъ, собираются для обсужденія своихъ дѣлъ; въ этихъ собраніяхъ принимаютъ участіе всѣ городскіе жители. Города имѣютъ свою милицію и ведутъ отъ своего имени войну съ своимъ сеньоромъ; однимъ словомъ, они управляютъ сами собою, пользуются правами верховной власти. Не тотъ ли же это контрастъ, который, во Франціи XVIII вѣка, такъ увидѣлъ горожанина XII вѣка? Здѣсь произошла только перемѣна ролей. Здѣсь *нація горожанъ*—все, отдѣльная община—ничто; тамъ *нація горожанъ*—ничто, община—все.

Конечно, много необыкновенныхъ событій, много переворотовъ должно было совершиться между XII и XVIII ст., чтобы породить столь великую перемѣну въ положеніи одного класса общества. Однако, несмотря на эту перемѣну, среднее сословіе 1789 года, въ политическомъ отношеніи, безъ сомнѣнія является потомкомъ и наслѣдникомъ городскихъ общинъ XII вѣка. Эта надменная, честолюбивая нація, такъ высоко поднимающая свои притязанія и требованія, съ такимъ блескомъ провозглашающая свою державность, желающая не только преобразовать себя, управлять сама собою, но и преобразовать весь міръ и управлять имъ,—эта нація неоспоримо, по крайней мѣрѣ отчасти, получила начало отъ городскихъ общинъ, въ тиши, хотя и отважно возставшихъ въ XII вѣкѣ, съ единственною цѣлью освободиться, въ той или другой части территоріи, изъ-подъ мелкой тираніи нѣкоторыхъ феодальныхъ владѣльцевъ.

Несомнѣнно въ общинахъ XII столѣтія мы не встрѣтимъ объясненія такой метаморфозы; она совершилась между XII и XVIII в.; причины ея заключаются въ послѣдовательныхъ событіяхъ этихъ вѣковъ; тамъ и найдемъ мы ихъ, подвигаясь впередъ въ разсматриваемомъ нами предметѣ. Однако, возникновеніе средняго сословія играетъ важную роль въ его исторіи; оно не раскроетъ намъ всѣхъ тайнъ его судьбы, но покажетъ намъ первоначальныя зародыши ея. Первобытныя свойства средняго сословія отражаются и въ послѣдующей исторіи его, и даже гораздо больше нежели кажется съ перваго взгляда. Я предполагаю, вы убѣдитесь въ этомъ даже изъ неполной картины состоянія городскихъ общинъ въ XII вѣкѣ.

Чтобы вполне усвоить это состояніе, нужно разсмотрѣть общины съ двухъ главныхъ точекъ зрѣнія, разрѣшить два важные вопроса: первый—о самомъ освобожденіи общинъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ произошелъ этотъ переворотъ, какія причины вызвали его, какія измѣненія онъ внесъ въ положеніе горожанъ, какія были его послѣдствія для общества, для другихъ сословій, для государства. Другой вопросъ относится къ управленію общинъ, къ внутреннему быту освобожденныхъ городовъ, къ отношеніямъ горожанъ между собою, къ началамъ, формамъ, правамъ, господствовавшимъ въ городахъ. Изъ этихъ двухъ источниковъ,—съ одной стороны изъ перемѣны, внесенной въ общественное положеніе горожанъ, съ другой—изъ внутренняго управленія и общиннаго состоянія ихъ,—проистекло все вліяніе городскихъ общинъ на новую цивилизацію. Всѣ факты, обязанные своимъ происхожденіемъ этому вліянію, должны быть отнесены къ той или другой изъ названныхъ мною причинъ. Такимъ образомъ изучивъ и усвоивъ вполне, съ одной стороны, освобожденіе общинъ, съ другой—порядокъ управленія ихъ, мы какъ бы овладѣемъ двумя ключами къ ихъ исторіи. Въ заключеніе лекціи, я скажу нѣсколько словъ о различномъ состояніи общинъ въ различныхъ мѣстахъ Европы. Факты, которые я укажу вамъ, не могутъ относиться безразлично ко всѣмъ городскимъ общинамъ XII вѣка,—итальянскимъ, испанскимъ, англійскимъ, французскимъ. Конечно, есть извѣстные факты, общіе всѣмъ странамъ Европы; но каждая изъ нихъ имѣетъ свои существенныя и важныя особенности. Я отмѣчу эти особенности мимоходомъ; мы встрѣтимся еще съ ними впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи, и тогда познакомимся съ ними поближе.

Чтобы дать себѣ отчетъ въ самомъ освобожденіи общинъ, необходимо припомнить, каково было состояніе городовъ отъ V до XI вѣка, со времени паденія Римской имперіи до того момента, когда возникъ общинный переворотъ. И здѣсь представляется много разнообразія: состояніе городовъ было чрезвычайно разнообразно въ различныхъ странахъ Европы: однако есть общіе факты, которые относятся ко всѣмъ почти городамъ; этими фактами и я постараюсь ограничиться. Послѣ этого я перейду къ особенностямъ французскихъ общинъ, преимущественно сѣверныхъ, находящихся выше Роны и Лоары: онѣ будутъ составлять самую выпуклую часть картины, которую я попытаюсь набросать предъ вами.

Послѣ паденія Римской имперіи, между V и X ст., со-

стояніе городовъ не было состояніемъ ни рабства, ни свободы. При употребленіи и выборѣ словъ такъ же легко впасть въ ошибку, какъ и при изображеніи людей и событій, о чемъ я уже говорилъ въ предыдущей лекціи. Въ обществѣ, въ языкѣ, послѣ долгаго существованія ихъ, слова принимаютъ полный, опредѣленный, точный смыслъ, смыслъ нѣкоторымъ образомъ законченный и оффиціальныи. Время внесло въ смыслъ каждаго слова множество идей, пробуждающихся вмѣстѣ съ самымъ произнесеніемъ этого слова; но одни изъ нихъ образовались раньше, другія позже, и потому они не всѣ могутъ быть отнесены къ извѣстному времени. Слова: «рабство» и «свобода», папримѣръ, возбуждаютъ теперь въ нашемъ умѣ идеи гораздо болѣе полныя и точныя, нежели соотвѣтствующіе имъ факты VIII, IX или X вѣка. Если бы мы стали утверждать, что города въ VIII вѣкѣ находились въ состояніи свободы, то мы зашли бы слишкомъ далеко; такъ какъ съ словомъ «свобода» мы соединимъ только такое значеніе, подъ которое вовсе не подходятъ факты VIII вѣка. Мы не менѣе ошиблись, если бы сказали, что города находились въ состояніи рабства; подъ этимъ словомъ подразумѣвается въ данную минуту нѣчто совершенно непохожее на муниципальныя явленія того времени. Повторяю, города не находились тогда въ состояніи ни рабства, ни свободы: они были подвержены всѣмъ бѣдствіямъ, происходившимъ отъ слабости; горожане были жертвою непрерывныхъ притѣсненій, нападеній, грабежей со стороны сильныхъ; однако, не смотря на множество страшныхъ неурядицъ, несмотря на разореніе жителей и уменьшеніе числа ихъ, города удержали за собою нѣкоторое значеніе. Въ большей части городовъ было духовенство, епископъ, обладавшій большою властью, имѣвшій вліяніе на жителей, служившій связью между ними и побѣдителями, поддерживавшій такимъ образомъ въ нѣкоторой степени независимость города и покрывавшій его щитомъ религія. Кромѣ того, въ городахъ остались остатки римскихъ учреждений. Въ это время (какъ видно изъ фактовъ, тщательно собранныхъ Гг. Савиньи, Гулльманомъ, дѣвицею де-Лезардьеръ и др.) часто встрѣчаются засѣданія сената, куріи; упоминается о публичныхъ собраніяхъ, о муниципальных должностныхъ лицахъ. Гражданскія дѣла, завѣщанія, дарственныя записи, множество другихъ актовъ гражданской жизни окончательно совершаются въ куріи, должностными лицами ея, какъ то происходило и въ римскихъ муниципіяхъ.

Правда, эти остатки муниципальной свободы и дѣятельности все уменьшались. Варварство, безпорядки, постоянно увеличивающіяся бѣдствія ускоряли запустѣніе городовъ. Водвореніе владѣльцевъ страны въ селеніяхъ и рождающійся перевѣсъ земледѣльческой жизни стали новою причиною упадка городовъ. Сами епископы, вступивъ въ область феодальной системы, начали мало по малу пренебрегать своею муниципальной дѣятельностью. Наконецъ, послѣ окончательнаго торжества феодальной системы, горожане хотя и не дошли до степени колоновъ, но всѣ безъ исключенія подчинились феодальнымъ владѣльцамъ, вошли въ составъ феоновъ, и лишились при этомъ той доли независимости, которою обладали даже въ наиболѣе варварскія времена, въ первые вѣка послѣ вторженія варваровъ. Такъ что, начиная съ V вѣка до момента полной организациі феодальнаго общества, состояніе городовъ постоянно ухудшалось.

Послѣ окончательнаго установленія феодальной системы, когда каждый человѣкъ занялъ свое опредѣленное мѣсто и приобрѣлъ поземельную осѣдлость, когда прекратилась бродячая жизнь, города начали чрезъ нѣсколько времени вновь приобретать извѣстное значеніе и развивать свою дѣятельность. Вамъ извѣстно, что человѣческая дѣятельность имѣетъ большое сходство съ плодородіемъ земли; лишь только прекращается безпорядокъ, она появляється, подъ вліяніемъ ея все зараждается и процвѣтаетъ. При малѣйшемъ проблескѣ порядка и спокойствія, человѣкъ снова пробуждается къ надеждѣ, а съ надеждою—къ труду. Подобное случилось и съ опустѣвшими городами. Лишь только феодальное устройство сдѣлалось прочнымъ, между феодальными владѣльцами появились новыя потребности, желаніе прогресса, улучшенія. Для удовлетворенія этого желанія, въ городахъ, принадлежавшихъ къ феодамъ, вновь появились, конечно въ небольшомъ объемѣ, торговля и промышленность; богатство, народонаселеніе, хотя и медленно, вернулись въ города. Въ числѣ обстоятельствъ, которыя могли тому содѣйствовать, находится по моему мнѣнію одно, недостаточно еще выясненное—это право убѣжища въ церквахъ. Еще прежде, нежели стѣны и укрѣпленія городовъ были въ состояніи доставлять убѣжище несчастнымъ сельскимъ жителямъ—когда внѣ церкви еще нигдѣ не было безопасности, обстоятельство это само по себѣ привлекало въ города множество гонимыхъ и бѣглецовъ. Они поселялись или въ самой церкви, или вокругъ нея; подобной

защиты искали не только люди низшихъ сословій, рабы, колонны, но часто и важныя лица, богатыя изгнанники. Въ современныхъ лѣтописяхъ можно найти массу подобныхъ примѣровъ. Мы видимъ изъ нихъ, какъ люди, незадолго предъ тѣмъ сильныя, по при нападеніи болѣе сильнаго сосѣда, или даже самаго короля, покидаютъ свои домены, уносятъ все, что могутъ взять съ собою, и, укрываясь въ городѣ, подъ покровительствомъ церкви, вступаютъ такимъ образомъ въ разрядъ горожанъ. Такіе изгнанники, по моему мнѣнію, имѣли не малое вліяніе на развитіе городовъ; они обогатили ихъ и положили начало народонаселенію, превосходящему во всѣхъ отношеніяхъ массу городскихъ жителей. Впрочемъ, гдѣ только однажды образовалось сколько нибудь значительное собраніе туда, какъ извѣстно, всегда стекаются люди,—отъ того ли, что тамъ легче найти безопасность или же подъ вліяніемъ общительности, присущей человѣку.

Благодаря совокупному дѣйствію всѣхъ этихъ причинъ, усиленіе городовъ совершилось одновременно съ окончательнымъ установленіемъ феодальнаго устройства. Безопасность однако возвращалась въ города въ гораздо меньшемъ, противу прежняго, размѣрѣ. Кочевая жизнь, правда, прекратилась; но побѣдители, новые землевладѣльцы, все еще считали эту жизнь лучшимъ средствомъ для удовлетворенія своихъ грубыхъ страстей. Раньше, когда у нихъ являлась необходимость грабить, они предпринимали набѣгъ, отправлялись въ другое мѣсто искать новаго счастья, новыхъ владѣній. Когда каждый достигъ извѣстной осѣдлости, когда необходимо было отказаться отъ этого завоевательнаго бродяжничества, жадность, грубыя потребности, необузданныя желанія оставались еще въ полной своей силѣ. Тяжесть ихъ обрушивалась главнымъ образомъ на несчастныхъ горожанъ. Грабежи устраивались уже не вдали, а вблизи. Насилія феодальныхъ владѣльцевъ надъ горожанами усиливаются въ X вѣкѣ. Всякій разъ, когда собственникъ домена, въ составъ котораго входилъ городъ, чувствовалъ потребность удовлетворить своему алчному вымогательству, онъ нападалъ на городскихъ жителей. Въ это время было особенно много жалобъ горожанъ на совершенное отсутствіе безопасности въ торговлѣ. Послѣ своего обычнаго объѣзда, купецъ не могъ спокойно вернуться въ городъ; на всѣхъ проѣзжихъ мѣстахъ и дорогахъ подстерегали его феодальныя владѣльцы съ своими слугами. Моментъ возрожденія промышленности былъ именно моментомъ

самаго полнаго недостатка безопасности. Ничто такъ сильно не раздражаетъ и не возмущаетъ человѣка, какъ подобная неудача въ его трудѣ, лишаящая его плодовъ, которые онъ ожидалъ получить. Онъ оскорбляется, огорчается этимъ гораздо больше, нежели страданіями, претерпѣваемыми среди устроенной съ давняго времени, однообразной жизни, когда отнимаемая у него блага не составляютъ результатъ его собственнаго труда, когда они не возбуждали въ немъ всѣхъ радостей надежды. Въ прогрессивномъ движеніи, ведущемъ человѣка или цѣлое народонаселеніе къ новой, болѣе счастливой судьбѣ, заключается особенно-энергическое начало сопротивленія насилію и неправдѣ, — начало болѣе сильное, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ общественномъ положеніи.

Вотъ въ какомъ состояніи находились города въ продолженіе X столѣтія. У нихъ было болѣе интересовъ, принадлежавшихъ къ защитѣ и охраненію городовъ; а защита была для нихъ необходимѣе, нежели когда-либо, потому что эти интересы, эти силы, эти богатства все болѣе и болѣе возбуждали зависть феодальныхъ владѣльцевъ. Опасность и зло увеличивались вмѣстѣ съ возможностью противиться имъ. Притомъ, феодальное устройство подавало всѣмъ участвовавшимъ въ немъ постоянный примѣръ сопротивленія; оно не представляло изъ себя организованнаго, грознаго, могущественнаго правительства, способнаго однимъ своимъ внимательствомъ вездѣ водворить порядокъ и повиновеніе. Напротивъ того, вездѣ видно было зрѣлище личной воли, не желающей повиноваться. Таково было положеніе большей части феодальныхъ владѣльцевъ въ отношеніи къ своимъ сюзеренамъ, мелкихъ собственниковъ въ отношеніи къ болѣе значительнымъ. Итакъ, въ то самое время, когда города были подавляемы и притѣсняемы, когда они должны были охранять и защищать новые, болѣе важные интересы свои, — въ это самое время они имѣли предъ глазами постоянный примѣръ возстанія, сопротивленія. Феодальное устройство оказало человѣчеству ту услугу, что безпрестанно представляло людямъ дѣйствія личной воли, появляющейся во всей своей энергіи. Примѣръ этотъ не остался безъ послѣдствій; несмотря на свою слабость, несмотря на чрезвычайное неравенство свое съ феодальными владѣльцами, — города возмутились со всѣхъ сторонъ.

Трудно опредѣлить съ точностью время этого возмущенія. Вообще говорить, что освобожденіе общинъ началось въ XI вѣкѣ; по при всѣхъ великихъ переворотахъ, сколько неиз-

вѣстныхъ, неудачныхъ попытокъ предшествуютъ усилю успѣшному! Провидѣніе, для исполненія своихъ предначертаній, всегда обильно расточаетъ отвагу, доблести, жертвовація—однимъ словомъ, людей; торжество дѣла покупается неопредѣленнымъ числомъ безвѣстныхъ, бесплодныхъ, видимому, трудовъ, цѣною жизни множества мужественныхъ людей, отчаявшихся въ достиженіи желанной цѣли. Несомнѣнно, то же случилось и съ городскими общинами. Въ VIII, IX и X вѣкахъ безъ сомнѣнія было много попытокъ къ сопротивленію, къ освобожденію, но онѣ не имѣли успѣха, и потому остались забытыми, безъ славы. Тѣмъ не менѣе, попытки эти повліяли на слѣдующія событія; онѣ возбуждали, поддерживали духъ свободы; онѣ готовили великое возстаніе XI вѣка.

Я умышленно употребилъ слово: «возстаніе». Освобожденіе общинъ въ XI вѣкѣ было результатомъ настоящаго возстанія, настоящей войны,—войны, объявленной жителями городовъ своимъ феодальнымъ владѣльцамъ. Первый фактъ, постоянно встрѣчающійся въ подобныхъ переворотахъ—это возстаніе вооруженныхъ чѣмъ ни попало горожанъ; это изгнаніе людей владѣльца, совершавшихъ въ городѣ какое нибудь насилие; походъ противъ замка—однимъ словомъ, всѣ признаки войны. Если возстаніе не удалось, что дѣлаетъ побѣдитель? Онъ приказываетъ разрушить укрѣпленія, устроенныя горожанами не только вокругъ города, но даже вокругъ cadaго дома. Когда горожане заключали конфедерацію, когда они давали обѣщаніе дѣйствовать сообща и присягали въ вѣрности общинѣ,—первымъ дѣломъ cadaго горожанина было приготовить себя и свое жилище къ сопротивленію. Общины, имена которыхъ теперь совершенно неизвѣстны, на примѣръ, небольшая община Везеле въ провинціи Ниверне, вели съ своимъ владѣльцемъ продолжительную и упорную борьбу. Везелейскому аббату удалось одержать побѣду. Онъ тотчасъ же приказалъ уничтожить укрѣпленія, возведенныя около городскихъ домовъ. Въ исторіи сохранились имена многихъ горожанъ, укрѣпленные дома которыхъ подверглись такимъ образомъ немедленному разрушенію.

Изучимъ жилища нашихъ предковъ, способъ постройки познакомить насъ съ ихъ образомъ жизни: — все предназначено для войны, все носитъ воинственный характеръ.

Вотъ какова была постройка дома горожанина въ XII вѣкѣ, на сколько теперь можно судить о томъ: обыкновенно онъ

строился въ три этажа, въ каждомъ по одной комнатѣ; комната, расположенная на одномъ уровнѣ съ улицей (*rez-de-chaussée*) служила общей залой; въ ней обѣдало все семейство хозяина. Первый этажъ былъ весьма возвышенъ, въ видахъ безопасности—замѣчательнѣйшее обстоятельство въ постройкѣ цѣлаго зданія. Въ этомъ этажѣ комната, въ которой горожанинъ, хозяинъ дома, жилъ съ своею женою. На верху дома почти всегда находилась угловая башня, по большей части четырехугольная,—еще признакъ военнаго положенія, еще средство къ защитѣ. Во второмъ этажѣ комната, назначеніе которой неизвѣстно; въ ней вѣроятно жили дѣти и остальные члены семейства. На самомъ верху весьма часто помѣщалась небольшая платформа, безъ сомнѣнія служившая обсервационнымъ пунктомъ. Вся постройка дома напоминаетъ военное время. Война—вотъ очевидный, отличительный характеръ, настоящее названіе того движенія, которое породило освобожденіе общинъ.

Когда война продолжалась нѣсколько времени, каковы бы ни были воюющія стороны,—она необходимо влечетъ за собою миръ. Мирные договоры городскихъ общинъ и ихъ противниковъ—это хартіи, грамоты (*les chartes*). Общинныя хартіи не что иное, какъ мирные договоры между горожанами и феодальными владѣльцами.

Возстаніе было повсемѣстно. Подъ этими словами не слѣдуетъ однако понимать какое-либо соглашеніе, союзъ между всѣми горожанами одной и той же страны. Положеніе общинъ почти вездѣ было одинаково; онѣ почти всѣ подвергались одной и той же опасности, страдали отъ однихъ и тѣхъ же бѣдствій. Располагая почти равными средствами сопротивленія и защиты, онѣ употребили ихъ приблизительно въ одно и то же время. Можетъ быть, сила примѣра также имѣла при этомъ нѣкоторое вліяніе, и успѣхъ одной или двухъ общинъ былъ заразителенъ. Хартіи, повидимому, написаны иногда по одному образцу. Нойонская хартія, напримѣръ, служила образцемъ для Бовеской, Сен-Кантепской и др. Однако я сомнѣваюсь, чтобы вліяніе примѣра было такъ сильно, какъ обыкновенно полагаютъ. Сообщенія были затруднительны, рѣдки; слухи неопредѣленны и непродолжительны; гораздо болѣе основанія предполагать, что возстаніе было результатомъ одинаковаго положенія общинъ, самобытнаго, всеобщаго движенія ихъ. Подъ словомъ «всеобщее» я разумѣю только повсемѣстность движенія, потому что, повторяю, въ движеніи этомъ не было ни

единодушія, ни предварительнаго соглашенія; все носило на себѣ характеръ частности, мѣстности: каждая община отъ своего лица возставала противъ своего владѣльца; все зависѣло отъ мѣстныхъ условій.

Велики были превратности счастья въ этой борьбѣ. Не только успѣхъ былъ измѣнчивъ, но даже тогда, когда миръ, повидимому, былъ заключенъ, когда хартія была уже закрѣплена присягою обѣихъ сторонъ, даже тогда хартію эту нарушали при всякомъ удобномъ случаѣ. Короли играли важную роль во все время этой борьбы. Я буду говорить объ этомъ подробно, когда мы коснемся самой королевской власти. Вліяніе ея на освобожденіе общинъ было то восхваляемо и возносимо можетъ быть слишкомъ высоко, то оспариваемо и, по моему мнѣнію, слишкомъ унижаемо. Сегодня я скажу только, что власть эта часто вмѣшивалась въ общинное движеніе, призываемая то общинами, то феодалными владѣльцами; занимала самыя противоположныя роли; дѣйствовала то по одному принципу, то по другому; безпрестанно пзмѣняла свои виды, намѣренія, образъ дѣйствій; но вообще дѣятельность ея была обширна и имѣла болѣе хорошихъ, нежели дурныхъ послѣдствій.—Несмотря на всѣ эти перемѣны счастья, несмотря на непрерывное нарушеніе хартій, освобожденіе городскихъ общинъ въ XII столѣтіи окончательно совершилось. Европа, и въ особенности Франція, которая въ теченіе цѣлаго вѣка, постоянно была театромъ возстаній, теперь приобрѣла хартіи, болѣе или менѣе благоприятныя для общинъ; общины пользовались ими съ большею или меньшею безопасностью, но во всякомъ случаѣ пользовались ими. Фактъ преобладалъ и юридическая сторона его была признана всѣми.

Попытаемся теперь опредѣлить непосредственныя послѣдствія этого великаго факта и измѣненія, внесенныя имъ въ общественное положеніе горожанъ. Прежде всего замѣтимъ, что, по крайней мѣрѣ сначала, онъ нисколько не измѣнилъ отношенія горожанъ къ общему правительству страны, къ тому, что, мы теперь называемъ государствомъ. Они по прежнему не приписывали въ немъ никакого участія; все оставалось мѣстнымъ, заключеннымъ въ предѣлахъ феода. Одно только обстоятельство несогласно съ этимъ общимъ положеніемъ: между горожанами и королемъ начинается съ тѣхъ поръ увеличиваться нѣкоторая связь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, горожане просили у короля помощи противъ сеньора, или ручательства въ исполненіи хартіи, общинной или данной сеньоромъ. Въ

другихъ случаяхъ, сеньоръ прибѣгалъ къ суду короля для разбора споровъ своихъ съ горожанами. По просьбѣ той или другой стороны, и вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ, королевская власть вмѣшивалась въ распри общинъ съ феодальными владѣльцами; отсюда частыя, иногда довольно тѣсныя сношенія горожанъ съ королемъ. Этими сношеніями буржуазія облизилась съ центромъ государства, положила начало своему участію въ общихъ правительственныхъ дѣлахъ.

Хотя освобожденіе общинъ и не уничтожило преобладавшій въ то время характеръ мѣстности, но оно дало начало новому повсюду распространенному классу народа. Между горожанами не было никакого вышшняго союза; какъ сословіе, они не обладали общественной, публичной жизнью. Но страна была покрыта людьми, поставленными въ одинаковое положеніе, имѣвшими одни и тѣ же интересы, права; между ними должна была установиться мало по малу извѣстная связь, извѣстное единство,—и вотъ источникъ, изъ котораго возникла буржуазія. Образованіе великаго общественнаго сословія—буржуазіи—было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мѣстнаго освобожденія горожанъ. Не слѣдуетъ думать, что это сословіе уже тогда было тѣмъ, чѣмъ сдѣлалось позже. Не только положеніе его, но и самые элементы, его составлявшіе, были въ то время совершенно другіе. Въ XII вѣкѣ буржуазія состояла исключительно изъ купцовъ, торговцевъ, производившихъ незначительные обороты, и небольшихъ земле-или домовладѣльцевъ, поселившихся въ городѣ. Три вѣка спустя, буржуазія содержала уже въ себѣ кромѣ того адвокатовъ, медиковъ, ученыхъ всякаго рода (такъ называемыхъ литераторовъ), всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Буржуазія образовалась постепенно, изъ весьма различныхъ элементовъ; въ ея исторіи вообще мало обращали вниманія, какъ на эту постепенность, такъ и на это разнообразіе. Говоря о буржуазіи, предполагали, повидимому, что она во всѣ времена состояла изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ. Подобное предположеніе нелѣпо. Можетъ быть, въ самомъ разнообразіи состава буржуазіи въ различныя эпохи и необходимо искать тайну судьбы ея. Не имѣя среди себя ни должностныхъ лицъ, ни ученыхъ, не будучи тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась въ XVI вѣкѣ, буржуазія не имѣла въ государствѣ ни своего будущаго характера, ни значенія. Чтобы понять всѣ превратности ея могущества и счастья, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ въ ея нѣдрахъ послѣдовательно появлялись новыя отрасли дѣятельности, новыя нравствен-

ныя положенія, новое настроеніе умовъ. Въ XII вѣкѣ она заключала въ себѣ только мелкихъ торговцевъ, которые, сдѣлавъ свои покупки и продажу, возвращались на жительство въ городъ, и изъ небольшихъ земле-и домовладѣльцевъ, поселившихся тамъ постоянно. Таково сословіе горожанъ въ Европѣ, въ его первоначальныхъ элементахъ.

Третій важный результатъ освобожденія городскихъ общинъ—это борьба между сословіями, борьба, наполняющая всю новую исторію. Изъ нея, можно сказать, родилась новѣйшая Европа. Въ другихъ странахъ,—я уже далъ вамъ это замѣтить,—такая борьба привела къ совершенно другимъ результатамъ; въ Азіи, напримѣръ, одно сословіе вполне поработило другое и сословія были замѣнены кастами, и общество сдѣлалось неподвижнымъ. Въ Европѣ, слава Богу, не случилось ничего подобнаго; ни одно сословіе не въ состояніи было ни побѣдить, ни поработить другія; борьба породила не неподвижность, а прогрессъ. Отношенія различныхъ классовъ между собою, необходимость бороться и поочередно уступать другъ другу, разнообразіе ихъ интересовъ и страстей, потребность побѣдить другъ друга и невозможность вполне достигнуть этой цѣли—вотъ откуда, можетъ быть, появилось самое энергическое, самое плодотворное начало развитія европейской цивилизации. Сословія постоянно боролись между собою, ненавидѣли другъ друга; сильное различіе въ положеніи, интересахъ, нравахъ породило между ними глубокую политическую непріязнь; а между тѣмъ они прегрессивно расширялись, сближались между собою, уподоблялись другъ другу; въ каждой странѣ Европы рождался и развивался какой-то общій духъ, какое-то единство интересовъ, идей, чувствъ, которое восторжествовало надъ различіемъ и враждою. Во Франціи, напримѣръ, въ XVII и XVIII ст., общественное и нравственное различіе сословій было еще весьма сильно; однако нѣтъ сомнѣнія, что уже и въ это время сліяніе сдѣлало большіе успѣхи, что уже и въ это время существовалъ французскій народъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—народъ, который не состоялъ исключительно изъ одного какого-либо класса, но обнималъ собою всѣ сословія, одушевленные однимъ общимъ чувствомъ, соединенныя въ одной общественной жизни, наконецъ, глубоко запечатлѣнныя національностью, единствомъ.

Такимъ образомъ, изъ нѣдръ разнообразія, вражды, войны возникло то національное единство, которымъ теперь отличается Европа, и которое, съ увеличивающимся ежедневно успѣхомъ,

не перестаетъ стремиться къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Таковы главнѣйшія изъ виѣшнихъ, видимыхъ, общественныхъ послѣдствій интересующаго насъ переворотъ. Посмотримъ, каковы были его нравственные результаты, какія измѣненія произошли въ душѣ самихъ горожанъ, чѣмъ сдѣлало, чѣмъ должно было сдѣлать ихъ въ нравственномъ отношеніи новое общественное положеніе ихъ.

Одно обстоятельство неизбѣжно поражаетъ насъ, когда мы разсматриваемъ отношенія буржуазіи къ государству вообще, къ государственному правительству, къ общимъ интересамъ страны, не только въ XII вѣкѣ, но и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ: я подразумѣваю изумительную робость горожанъ, униженность ихъ, чрезмѣрную скромность ихъ притязаній, касательно общаго управленія страны, ограниченность требованій ихъ по этому предмету. Ничего не обнаруживаетъ въ нихъ того истинно политическаго духа, который стремится къ вліянію, къ преобразованіямъ, къ власти; ничто не свидѣтельствуетъ о смѣлости ихъ мыслей, объ обширности ихъ честолюбія; они похожи на честныхъ и разсудительныхъ вольноотпущенниковъ. Въ политической сферѣ, есть только два источника, изъ которыхъ можно получить возвышенное честолюбіе и стойкость мысли. Для этого нужно либо сознаніе большаго значенія, большаго вліянія на судьбу другихъ, вліянія дѣйствующаго въ обширныхъ размѣрахъ; либо—энергическое чувство полной личной независимости, увѣренность въ своей личной свободѣ, непризнаніе надъ собою никакой другой воли, кромѣ своей собственной. Отъ этихъ двухъ условій зависятъ смѣлость мысли, возвышенность честолюбія, потребность дѣйствовать въ обширной сферѣ и извлекать изъ своей дѣятельности великіе результаты. Ни то, ни другое изъ этихъ условій мы не находимъ въ положеніи средневѣковыхъ горожанъ. Вы видѣли уже это значеніе, важность ихъ заключалась въ нихъ самихъ; внѣ своего города, въ государствѣ, они не имѣли почти никакого вліянія. Съ другой стороны, они не могли быть одушевлены сильнымъ чувствомъ личной независимости. Тщетно они побѣждали, тщетно получали хартію; горожанинъ, сравнивая себя съ мелкимъ владѣльцемъ, жившимъ близъ города, и незадолго передъ тѣмъ побѣжденнаго имъ, тѣмъ не менѣе чувствовалъ превосходство этого владѣльца надъ собою; ему было неизвѣстно то гордое чувство независимости, которое одушевляло феодальнаго сеньора; свою долю свободы онъ былъ обязанъ не самому себѣ,

а своему союзу съ другими—пособію непрочному и дорогому. Отсюда—тотъ характеръ осторожности, умственной робости, болзливой скромности, приниженности въ языкѣ, даже при твердомъ, рѣшительномъ образѣ дѣйствій, которымъ такъ глубоко запечатлѣна жизнь не только горожанъ XII вѣка, но и ихъ отдаленныхъ потомковъ. Ихъ не тянетъ къ обширнымъ предпріятіямъ; участвуя противъ своей воли въ такихъ предпріятіяхъ, они неспокойны, смущены; ихъ тревожитъ мысль объ отвѣтственности, они чувствуютъ себя внѣ своей сферы и стараются вернуться въ нее; они готовы заключить миръ по дешевой цѣнѣ. Вотъ отчего исторія Европы, а особенно Франціи, представляютъ намъ буржуазію уважаемую, пользующеюся уваженіемъ и вниманіемъ, но не грозною; она рѣдко производила на своихъ противниковъ впечатлѣніе великой и гордой силы, силы истинно политической. Не слѣдуетъ изумляться этой слабости новѣйшей буржуазіи; главная причина этого явленія заключается въ самомъ возникновеніи буржуазіи, въ разсмотрѣнныхъ мною обстоятельствахъ ея освобожденія. Возвышенность честолюбія, независимость отъ общественныхъ условій, обширность и стойкость политической мысли, потребность участвовать въ общихъ дѣлахъ страны, наконецъ, полное сознаніе величія человѣка, какъ человѣка, и власти, принадлежащей ему, когда онъ способенъ ею пользоваться,—всѣ эти чувства, наклонности еще новы въ Европѣ. Они имѣютъ свое начало въ новѣйшей цивилизаціи, они составляютъ результатъ той славной, могущественной всеобщности, которою отличается эта цивилизація, и которая не можетъ не упрочить за обществомъ, въ дѣлахъ управленія страны, такое вліяніе, такой перевѣсъ, какого никогда не имѣли и не могли имѣть наши предки-горожане.

Но съ другой стороны, въ борьбѣ мѣстныхъ интересовъ, происходившей въ тѣсныхъ предѣлахъ общины, горожане приобрѣли и обнаружили небывалую степень энергіи, преданности, терпѣнія и твердости. Трудность предпріятія и опасности, соединенныя съ нимъ, требовали сильнаго развитія личнаго мужества и отваги. Въ наше время распространены весьма ложныя понятія о жизни горожанъ XII и XIII столѣтій. Вы читали въ одномъ изъ романовъ Вальтеръ-Скотта: «Квентинъ Дорвардъ», описаніе литтискаго горожанина XV вѣка: онъ сдѣлалъ изъ него такого буржуа, какихъ мы видимъ въ комедіи, тяжелого на подъемъ, нерѣшительнаго, не имѣющаго ни опытности, ни смѣлости, исключительно занятого тѣмъ,

какъ бы удобнѣе устроить свою жизнь. Нѣтъ, на груди горожанъ того времени всегда была кольчуга, а въ рукѣ пика; ихъ жизнь была почти также бурна, воинственна, сурова, какъ и жизнь феодальныхъ владѣльцевъ, съ которыми они сражались. Въ этихъ непрерывныхъ опасностяхъ, въ борьбѣ со всѣми трудностями дѣйствительной жизни, они приобретали тотъ мужественный характеръ, ту неукротимую энергію, которые отчасти утратились среди мирной дѣятельности новѣйшихъ временъ.

Ни одинъ изъ указанныхъ мною общественныхъ или нравственныхъ результатовъ освобожденія общинъ не достигъ въ XII в. полного своего развитія: они выяснились и сдѣлались замѣтными только въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Но зародышъ ихъ несомнѣнно находился въ первоначальномъ положеніи общинъ, въ способѣ ихъ освобожденія и въ мѣстѣ, которое горожане вслѣдъ за тѣмъ заняли въ обществѣ. Вотъ почему я имѣлъ право познакомить васъ съ этими результатами. Проникнемъ теперь въ самую общину XII вѣка, посмотримъ какъ она управлялась, какія начала и факты преобладали въ отношеніяхъ горожанъ между собою.

Вы помните, что говоря о муниципальномъ устройствѣ, завѣщанномъ Римскою имперіею новому міру, я сообщилъ вамъ что римскій міръ былъ обширнымъ союзомъ муниципій, нѣкогда обладавшихъ верховною властью, подобно самому Риму.

Каждый изъ этихъ городовъ сначала ни чѣмъ не отличался отъ Рима; онъ представлялъ изъ себя небольшую, независимую республику, которая сама заключала миръ, объявляла войну, управляла собою сама, по своему усмотрѣнію. По мѣрѣ того, какъ эти города входили въ составъ римскаго міра, права, образующія сущность верховной власти,—право мира и войны, право давать законы, право налагать подати,—изъ каждаго города переходили въ Римъ и тамъ сосредоточивались. Осталась одна лишь державная муниципія—Римъ, который господствовалъ надъ множествомъ другихъ муниципій, сохранявшихъ только гражданскую жизнь. Характеръ муниципальной системы измѣнился; изъ политическаго правительства, изъ особаго рода устройства верховной власти, она опустилась на степень простаго способа администраціи. Вотъ важный переворотъ, совершившійся подъ владычествомъ римскихъ императоровъ. Муниципальное устройство, какъ способъ администраціи, ограничивалось завѣдываніемъ мѣстныхъ

интересовъ, гражданскихъ дѣлъ города. Въ такомъ именно положеніи паденіе Римской имперіи оставило города и городскія учрежденія. Среди безпорядка, варварства, всѣ идеи, всѣ факты перемѣшались между собою; особенныя свойства верховной власти и администраціи слились въ одно цѣлое. Различіе между ними исчезло; теченіе дѣлъ обуславливалось требованіями необходимости; отъ нея зависѣло появленіе въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ лицъ, облеченныхъ правами верховной и административной власти. Когда города возстали, съ цѣлью обезопасить свое существованіе, они приняли на себя державную власть. Получивъ себѣ право набирать милицію, облагать себя податями на случай войны, назначать своихъ начальниковъ и должностныхъ лицъ,—однимъ словомъ, право самоуправленія, горожане поступали такимъ образомъ не подъ вліяніемъ какой-нибудь политической теоріи, не изъ чувства собственнаго достоинства, но для того, чтобы имѣть возможность сопротивляться феодальнымъ владѣльцамъ, противъ которыхъ они возстали. Самоуправленіе внутри городовъ было средствомъ защиты, необходимымъ условіемъ внѣшней безопасности. Такимъ образомъ, державность возвратилась въ муниципальное устройство, изъ котораго она была изгнана завоеваніями римлянъ. Общины снова сдѣлались державными. Таковъ политическій характеръ ихъ освобожденія. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы державность ихъ была полная. Въ городахъ постоянно оставался какой-нибудь остатокъ внѣшней, чуждой власти; иногда феодальный владѣлецъ удерживалъ за собою право посылать въ городъ чиновника, помощниками котораго служили муниципальныя должностныя лица; иногда онъ сохранялъ право собирать въ свою пользу извѣстные доходы; иногда ему была назначаема извѣстная дань. Иногда наконецъ право внѣшней верховной власти надъ общиною переходило въ руки короля. Вступивъ въ свою очередь въ область феодальной системы, общины пріобрѣли вассаловъ, сдѣлались сюзеренами и вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣли долею верховной власти, принадлежавшею сюзеренамъ. Эти феодальныя права общинъ соединились съ правами, завоеванными во время возстанія; таково было дѣйствительное основаніе державности общинъ.

Какимъ же образомъ совершалось, по крайней мѣрѣ [первоначально, внутреннее управленіе общинъ, насколько можно судить объ этомъ по крайне неточнымъ памятникамъ? Изъ всей совокупности жителей получалось народное собраніе

общины; всѣ, давшіе присягу на вѣрность общинѣ,—а присягу эту обязанъ былъ давать всякій, кто жилъ въ стѣнахъ города,—созываемы были колокольнымъ звономъ въ общее собраніе, которое назначало должностныя лица. Число и форма должностей были весьма измѣнчивы. Выбравъ должностныхъ лицъ, собраніе расходилось, а выбранные сановники почти одни управляли городомъ, съ довольно неограниченнымъ произволомъ, подъ страхомъ одной только отвѣтственности новыхъ выборовъ или же народнаго мятежа—главнѣйшаго средства отвѣтственности того времени.

Мы видимъ, что внутренняя организація общины раздѣляется на два весьма простые элемента: общее собраніе жителей и правительство, облеченное почти неограниченной властью, подъ отвѣтственностью возстанія, бунта. Водвореніе благоустроеннаго правительства, установленіе истинныхъ гарантій порядка и прочности было немыслимо, особенно при тогдашнемъ состояніи нравовъ. Горожане по большей части были до такой степени невѣжественны, грубы, дики, что управлять ими было очень трудно. Черезъ нѣсколько времени въ общинахъ было почти столь же мало безопасности, какъ и прежде въ сношеніяхъ горожанъ съ феодальнымъ владѣльцемъ. Несмотря на то, въ городахъ весьма скоро образовалось новое сословіе, а именно, высшая буржуазія. Причины тому ясны. Состояніе людей и общественныхъ положеній вызвало за собою установленіе законно устроенныхъ промышленныхъ цеховъ, корпорацій. Въ общинахъ получили господство привилегіи, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ сильное неравенство между горожанами. Вскорѣ появилось повсюду извѣстное число богатыхъ горожанъ и рабочее населеніе, болѣе или менѣе многочисленное, имѣвшее, несмотря на свою сравнительную незначительность, большое вліяніе на управленіе общины. Такимъ образомъ, общины распались на высшую буржуазію и низшее населеніе, подверженное всѣмъ заблужденіямъ, всѣмъ недостаткамъ черни. Высшая буржуазія увидѣла себя поставленною между чрезвычайною трудностью управлять такимъ народонаселеніемъ, и постоянными попытками прежняго владѣльца общины вновь захватить утраченную власть. Таково было положеніе общинъ не только въ одной Франціи, но и во всей Европѣ, до XVI вѣка. Въ этомъ, можетъ быть, заключается главная причина, помѣшавшая общинамъ во многихъ странахъ Европы, особенно во Франціи, приобрести то политическое значеніе, которымъ онѣ

могли бы пользоваться. Два различные духа безпрестанно сталкивались въ нихъ: въ низшемъ народонаселеніи—слѣпой, необузданный, дикій демократическій духъ, и наоборотъ, въ высшей буржуазіи—духъ робости, уступчивости, удивительной готовности подчиниться королю или прежнимъ сенъорамъ, съ цѣлью водворить въ общинѣ нѣкоторый порядокъ, нѣкоторое спокойствіе. Ни то, ни другое изъ этихъ стремленій не могло доставить общинамъ важнаго мѣста въ государствѣ.

Всѣ эти явленія не обнаружались еще въ XII вѣкѣ; однако ихъ можно было предвидѣть по характеру возстанія, по самому началу его, по состоянію различныхъ элементовъ городского народонаселенія.

Таковы, если не ошибаюсь, главные отличительныя черты и общіе результаты освобожденія общинъ и затѣмъ внутренняго управленія ихъ. Я уже имѣлъ честь предупредить васъ, что эти явленія не были такъ однообразны, такъ повсемѣстны, какими я ихъ представилъ.

Исторія европейскихъ общинъ представляетъ весьма много разнообразія. Напримѣръ, въ Италіи и въ южной Франціи господствовало римское муниципальное устройство; въ народонаселеніи не было такого разъединенія, такого неравенства, какъ на сѣверѣ. И общинная организація была на югѣ несравненно лучше, подъ вліяніемъ ли римскихъ преданій, или же сравнительнаго благосостоянія народа. На сѣверѣ въ общинной жизни преобладало феодальное устройство. Тамъ, по-видимому, все обусловливается борьбою противъ феодальныхъ владѣльцевъ. Южныя общины гораздо болѣе обращали вниманія на свою внутреннюю организацію, улучшенія, прогрессъ; онѣ были предназначены сдѣлаться независимыми республиками. Судьба сѣверныхъ общинъ, особенно во Франціи, представляется болѣе суровою, неполною; она не содержитъ въ себѣ зачатковъ обширнаго развитія. Если бы мы осмотрѣли общины германскія, испанскія, англійскія, то встрѣтили бы въ нихъ много другихъ особенностей. Я не могу войти въ такія подробности; нѣкоторыя изъ нихъ будутъ указаны нами по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться въ исторіи цивилизаціи. При своемъ возникновеніи, всѣ вещи обладаютъ почти одною и тою же физіономіею; разнообразіе проявляется только въ послѣдовательномъ развитіи вещей. Потомъ наступаетъ новое развитіе, побуждающее общество стремиться къ высокому и свободному единству—великой цѣли всѣхъ усилій и стремленій человѣческаго рода.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Взглядъ на общую исторію европейской цивилизаціи.—Ея отличительный и основной характеръ.—Время, когда этотъ характеръ начинаетъ проявляться.—Состояніе Европы между XII и XVI ст.—Характеръ крестовыхъ походовъ.—Ихъ нравственныя и общественныя причины.—Въ концѣ XIII вѣка эти причины уже не существуютъ.—Вліяніе крестовыхъ походовъ на цивилизацію.

Я еще не представилъ вамъ полный планъ моего курса. Я началъ тѣмъ, что показалъ вамъ предметъ его, а потомъ подвигался все дальше и дальше, не разсматривая европейскую цивилизацію въ полномъ ея составѣ, не указывая вамъ одновременно точку исхода, путь и цѣль, или другими словами, начало, средину и конецъ ея. Теперь мы дошли до того времени, когда общее обозрѣніе, общій очеркъ разсматриваемаго нами міра становится необходимымъ. Эпоха, уже разсмотрѣнная нами, объяснялась какъ-бы сама собою, или ближайшими, ясными результатами своими, но времена, къ которымъ мы теперь приступаемъ, не могутъ быть поняты, не могутъ даже возбудить живаго интереса, если они не будутъ соединены съ самыми косвенными, отдаленными послѣдствіями своими. Въ такой обширной работѣ, какова наша, наступаетъ моментъ, когда трудно рѣшиться идти впередъ, не имѣя предъ собою ничего, кромѣ неизвѣстности и мрака; въ этотъ моментъ становится необходимымъ знать, не только откуда идешь и гдѣ находишься, но и куда направляешь шаги свои. Вотъ потребность, которую мы теперь ощущаемъ. Чтобы понять эпоху, до которой мы достигли, чтобы вполне оцѣнить ея значеніе, необходимо обратить вниманіе на отношенія ея къ повѣйшему времени. Истинный смыслъ ея раскрылся очень поздно.

Намъ уже извѣстны почти всѣ существенные элементы европейской цивилизаціи. Я говорю «почти» потому, что еще не познакомилъ васъ съ королевскою властью. Настоящая ми-

пута для развитія королевской власти наступила лишь въ XII и даже въ XIII вѣкѣ; тогда только учрежденіе это получило правильное устройство и начало занимать мѣсто, окончательно принадлежащее ему въ повѣйшемъ обществѣ. Вотъ почему я не говорилъ до сихъ поръ о королевской власти; она будетъ предметомъ слѣдующей моей лекціи. За исключеніемъ ея, повторяю, намъ извѣстны всѣ важнѣйшіе элементы европейской цивилизаціи: мы присутствовали при колыбели феодальной аристократіи, церкви, городскихъ общинъ; мы видѣли учрежденія, соотвѣтствовавшія этимъ фактамъ,—и не только учрежденія, но и принципы, идеи, которыя были необходимыми послѣдствіемъ фактовъ.

При изученіи феодальной системы, мы увидѣли возникновеніе повѣйшаго семейнаго устройства, домашней жизни; мы поняли чувство личной независимости во всей его силѣ и энергіи, поняли, какое мѣсто должно было принадлежать ему въ нашей цивилизаціи. Разсматривая церковь, мы видѣли появленіе чисто духовнаго общества, отношенія его къ обществу свѣтскому, теократическій принципъ, отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, первыя попытки гоненія, первоначальный голосъ свободы совѣсти. Образованіе городскихъ общинъ показало намъ ассоціацію, основанную на совершенно другихъ началахъ, нежели ассоціаціи феодальная или церковная,—различіе общественныхъ сословій, вражду ихъ, первыя, основныя черты правовъ повѣйшей буржуазіи, умственную робость рядомъ съ энергіей души, демагогическій духъ рядомъ съ духомъ законности. Однимъ словомъ, всѣ элементы, способствовавшіе образованію европейскаго общества, все, чѣмъ оно было, все, что занимало его, уже прошло нѣкоторымъ образомъ предъ вашими глазами.

Перенесемся теперь, въ среду повѣйшей Европы,—я говорю не о современной Европѣ, послѣ изумительнаго переворота, котораго мы были свидѣтелями, но о Европѣ XVII и XVIII столѣтій. Спрашиваю васъ: узнаете ли вы въ ней общество, видѣнное вами въ XII вѣкѣ? Какая огромная разница! Я уже объяснилъ эту разницу въ отношеніи къ городскимъ общинамъ: я старался показать вамъ, какъ среднее сословіе XVIII вѣка было мало похоже на среднее сословіе XII. Примѣните это сравненіе къ феодальной системѣ и къ церкви—васъ поразитъ такое же несходство. Между дворянствомъ двора Людовика XV и феодальною аристократіею такъ же мало сходства, какъ между церковью кардинала Берни и

церковью аббата Сугерія, какъ между среднимъ сословіемъ XVІІІ вѣка и буржуазіею XII. Въ промежутокъ времени между этими двумя эпохами, общество, въ полномъ своемъ составѣ, подверглось коренному преобразованію, хотя главнѣйшіе элементы его были сформированы уже и въ XII вѣкѣ. Я постараюсь различить со всею ясностью общій, существенный характеръ этого преобразованія.

Между V и XII ст. общество содержало въ себѣ все, что мы встрѣтили и описали въ немъ: королей, свѣтскую аристократію, духовенство, горожанъ, колоновъ, власть религіозную, власть свѣтскую,—однимъ словомъ, зачатки всего того, изъ чего могъ образоваться народъ, правительство; а между тѣмъ, въ немъ не было ни народа, ни правительства. Въ изучаемое нами время не было ничего похожаго на націю, на правительство, въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято теперь понимать эти слова. Мы встрѣчали множество частныхъ силъ, отдѣльныхъ фактовъ, мѣстныхъ учрежденій, но не видѣли ничего общаго, публичнаго, не видѣли ни политики въ собственномъ значеніи этого слова, ни истинной народности.

Бросимъ теперь взглядъ на Европу въ XVІІ и XVІІІ столѣтіяхъ; здѣсь, наоборотъ, повсюду мы видимъ правительство и народъ. Дѣйствіе общественной власти на цѣлую страну, вліяніе страны на власть, которая ею управляетъ—вотъ общество, вотъ исторія; содержаніемъ, предметомъ исторіи становятся отношенія этихъ двухъ великихъ силъ, союзъ ихъ или борьба. Дворянство, духовенство, буржуазія, всѣ эти сословія, всѣ эти частныя силы отдвигаются на второй планъ, уподобляются тѣнямъ, бросаемымъ великими тѣлами—народомъ и его правительствомъ.

Вотъ, если не ошибаюсь, существенный признакъ, отличающій новѣйшую Европу отъ прежней; вотъ преобразованіе, совершившееся между XIII и XVI столѣтіями. Въ этихъ столѣтіяхъ, т. е. въ періодѣ времени, которое мы начнемъ изучать, и должно искать тайну великой перемѣны, указанной нами. Отличительный характеръ этого періода состоитъ именно въ томъ, что онъ превратилъ прежнюю Европу, въ новѣйшую; отсюда—его важность и историческое значеніе. Если не изучать его съ этой точки зрѣнія, если не стараться искать въ немъ главнымъ образомъ того, что оно породило, то онъ показался бы не только неяснымъ, но и въ высшей степени утомительнымъ и скучнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемое въ самомъ себѣ, отдѣльно отъ своихъ результатовъ, это

время представляется лишеннымъ всякаго опредѣленнаго характера; замѣшательство растетъ непрерывно, безъ видимыхъ и необходимыхъ причинъ; движенія лишены всякой цѣли; волненія остаются безъ послѣдствій; королевская власть, духовенство, дворянство, среднее сословіе,—все элементы общественнаго быта вращаются какъ бы въ одномъ и томъ же кругѣ, равно неспособныя и къ прогрессу, и къ покою. Совершаются попытки всякаго рода и ни одна изъ нихъ не достигаетъ цѣли; пытаются утвердить правительство, установить политическую свободу; стремятся даже къ религіознымъ реформамъ,—ничто не удается, ничто не ведетъ къ желанной цѣли. Если родъ человѣческій когда-либо казался обреченнымъ на бурную и вмѣстѣ съ тѣмъ неподвижную жизнь, на постоянный, но безплодный трудъ, то такимъ представляется его положеніе, его исторія именно въ промежутокъ времени между XIII и XV столѣтіями.

Мнѣ извѣстно одно только сочиненіе, гдѣ время это воспроизведено съ полною истинною: «Исторія Герцоговъ Бургундскихъ» Баранта. Я говорю не объ истинѣ, которою отличаются картины нравовъ, подробный разсказъ событій, но о той общей истинѣ, которая изъ цѣлой книги дѣлаетъ вѣрный образъ, правдивое отраженіе эпохи, со всею ея дѣятельностью и со всею ея однообразіемъ. Но эта самая эпоха проявляется и оживляется, если изучать ее въ связи съ тѣмъ, что послѣдовало за нею, если видѣть въ ней переходъ отъ прежней Европы къ новѣйшей. Тогда открывается въ ней цѣлость, опредѣленное направленіе, прогрессъ; въ медленной, скрытой работѣ, которою ознаменована она, заключается ея единство, ея значеніе.

Такимъ образомъ исторія европейской цивилизаціи можетъ быть раздѣлена на три главные періода: 1) періодъ, который я назову періодомъ возникновенія, образованія, когда различные элементы нашей цивилизаціи выходятъ изъ хаоса, получаютъ жизнь, и являются въ свойственныхъ имъ формахъ вмѣстѣ съ принципами, одушевляющими ихъ; это время продолжается до XII-го вѣка. 2) Второй періодъ есть время опыта, попытокъ, колебаній; различные элементы общественнаго быта сближаются, соединяются между собою, испытываютъ силы, не имѣя возможности произвести что-либо общее, правильное, прочное. Это состояніе оканчивается не ранѣе XVI вѣка. 3) Наконецъ періодъ развитія въ собственномъ смыслѣ слова, когда общество получаетъ въ Европѣ оконча-

тельную форму, слѣдуетъ опредѣленному направленію, быстро, общими силами идетъ къ ясной и точно-сознанной цѣли; эта эпоха началась въ XVI вѣкѣ и продолжается еще въ настоящее время.

Вотъ какимъ представляется миѣ, въ главныхъ чертахъ, зрѣлище европейской цивилизаціи; въ такомъ именно видѣ я постараюсь представить ее вамъ. Теперь мы вступаемъ во второй періодъ ея. Мы должны опредѣлить важнѣйшіе кризисы этого періода, главные причины общественнаго преобразованія, которое было ихъ послѣдствіемъ.

Первое великое событіе, представляющееся намъ, объясняющее, разсматриваемую нами эпоху—это крестовые походы. Они начинаются въ концѣ XI вѣка и пополняютъ собою XII-й и XIII-й. Событіе это конечно можно назвать великимъ, по-тому что съ тѣхъ поръ, какъ оно совершилось, оно не переставало интересоваться собою историковъ-мыслителей; прежде даже чѣмъ удалось оцѣнить его, всѣ уже инстинктивно чувствовали, что это одно изъ тѣхъ вліяній, которыя измѣняютъ положеніе народовъ и безъ изученія которыхъ нѣтъ возможности понять общій ходъ событій. Повсемѣстность, всеобщность—вотъ первый характеръ крестовыхъ походовъ; въ нихъ участвовала вся Европа, они были первымъ европейскимъ событіемъ. До крестовыхъ походовъ Европа никогда не приводилась въ движеніе однимъ и тѣмъ же стимуломъ, никогда не участвовала въ одномъ и томъ же дѣлѣ; Европы, можно сказать, вовсе не было. Крестовые походы обнаружили существованіе христіанской Европы. Французы составляли главную основу первой арміи крестоносцевъ, по въ рядахъ ея были и германцы, и итальянцы, и испанцы, и англичане. Прослѣдите второй, третій крестовые походы: въ нихъ участвуютъ всѣ христіанскія націи. Это зрѣлище безпримѣрное, невиданное прежде. Но это еще не все: крестовые походы, будучи европейскимъ событіемъ, въ то же время являлись для каждой страны событіемъ народнымъ; въ каждой странѣ, всѣ классы общества одушевлялись однимъ и тѣмъ же чувствомъ, находились подъ вліяніемъ одной и той же идеи, стремились къ одной и той же цѣли. Короли, рыцари, горожане, земледѣльцы—всѣ участвовали въ крестовыхъ походахъ, всѣ одинаково сочувственно относились къ нимъ. Проявилось, такимъ образомъ, нравственное единство націй—фактъ столь же новый, какъ и европейское единство.

Въ юности народовъ, когда они дѣйствуютъ самобытно,

свободно, безъ предварительнаго размышленія, безъ политическихъ намѣреній и соображеній,—событія, подобныя крестовымъ походамъ, называются въ исторіи героическими событіями, героическою эпохою жизни народа. Въ самомъ дѣлѣ, крестовые походы составляютъ героическое событіе новой Европы, движеніе въ одно и тоже время личное и общее, національное, хотя и никѣмъ не управляемое. Что таковъ именно былъ ихъ первоначальный характеръ, это подтверждаютъ всѣ письменныя свидѣтельства, доказываютъ всѣ факты. Изъ ко-го состояло первое, пришедшее въ движеніе войско крестоносцевъ? Изъ народныхъ полчищъ, отправившихся на Востокъ подъ предводительствомъ Петра Пустынника, безъ приготовленій, безъ руководителей и начальниковъ, увлекаемая собою, скорѣй, нежели имѣя во главѣ своей, нѣсколькихъ неизвѣстныхъ рыцарей. Они проходятъ чрезъ Германію, Греческую имперію, и разсѣиваются или погибаютъ въ малой Азіи.

Въ свою очередь, высшій классъ, феодальное дворянство, также устраиваетъ крестовый походъ. Подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго, рыцари и подвластные имъ люди отправляются въ путь, полные энергіи и отваги. Въ Малой Азіи вожди крестоносцевъ становятся внезапно равнодушными, усталыми; они отказываются продолжать свое предпріятіе; у нихъ явилось желаніе завоевать страну и утвердиться въ ней. Но народъ, составляющій войско, возмущается этимъ; онъ хочетъ идти къ Іерусалиму; освобожденіе Іерусалима есть цѣль крестоваго похода; крестоносцы собрались не для того, чтобы доставить княжества Раймунду Тулузскому, Боэмунду, или кому бы то ни было другому. Популярное, національное, европейское стремленіе одерживаетъ побѣду надъ всѣми личными цѣлями; предводители не имѣютъ достаточно власти надъ массами, чтобы подчинить ихъ своимъ собственнымъ интересамъ. Государи, не принимавшіе участія въ первомъ крестовомъ походѣ, вовлечены наконецъ, подобно народамъ, во всеобщее движеніе. Великіе крестовые походы XII вѣка совершаются подъ предводительствомъ королей.

Перехожу теперь прямо къ концу XIII вѣка. Въ Европѣ продолжаютъ говорить еще о крестовыхъ походахъ, съ увлеченіемъ проповѣдуютъ ихъ. Папы побуждаютъ къ нимъ государей и народы, созываютъ соборы, чтобы найти защитниковъ святой земли; но никто уже не идетъ туда, никто не беспокоится о ней. Въ умахъ Европейцевъ, въ европейскомъ обществѣ произошла перемѣна, положившая конецъ крестовымъ по-

ходамъ. Бываютъ еще, правда, отдѣльные походы; нѣсколько рыцарей, нѣсколько пародныхъ полчищъ еще отправляются въ Иерусалимъ; но общее движеніе очевидно прекратилось, не смотря на то, что не исчезла, повидимому, ни необходимость, ни возможность продолжать его. Мусульмане торжествуютъ въ Азіи. Христіанское королевство, основанное въ Иерусалимѣ, покорено ими. Необходимо снова исторгнуть его изъ рукъ ихъ; и для этого имѣется гораздо болѣе средствъ, нежели при началѣ крестовыхъ походовъ. Въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Палестинѣ много живетъ еще довольно могущественныхъ христіанъ. Дорога, образъ военныхъ дѣйствій извѣстенъ болѣе, чѣмъ прежде. При всемъ этомъ, ничто не въ состояніи возобновить крестовые походы. Ясно, что они не соответствуютъ уже желаніямъ обѣихъ великихъ силъ общества: съ одной стороны — государей, съ другой — народовъ. Часто объясняютъ это явленіе усталостью; говорятъ, что Европа утомилась нападеніями на Азію. Но намъ необходимо точно опредѣлить смыслъ слова *усталость*, часто употребляемаго въ подобныхъ случаяхъ: оно далеко не точно. Трудно допустить, что люди могутъ быть утомлены тѣмъ, чего они не дѣлали, утомлены усталостью своихъ предковъ. Усталость — явленіе личное; оно не передается по наслѣдству. Люди XIII вѣка не были утомлены крестовыми походами XII: они находились подъ вліяніемъ другой причины. Въ общественныхъ идеяхъ, чувствахъ, положеніяхъ совершился важный переломъ. Изчезли прежнія потребности, прежнія желанія. Вѣрованія, стремленія перемѣнились. Этимъ политическимъ или нравственнымъ преобразованіемъ, а не усталостью, объясняется различіе въ образѣ дѣйствій преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Изнеможеніе, приписываемое имъ, — это метафора, лишенная всякой истины.

Двѣ важныя причины, одна нравственная, другая общественная, привели Европу къ крестовымъ походамъ.

Нравственная причина вамъ извѣстна: это было внушеніе религіозныхъ вѣрованій и чувствъ. Съ конца VII вѣка христіанство боролось съ исламомъ; послѣ грозившей ему опасности, христіанство одержало побѣду въ Европѣ и успѣло заключить исламизмъ въ предѣлахъ Испаніи; да и оттуда оно непрерывно старалось изгнать его. Крестовые походы признаются иногда случайностью, событіемъ неожиданнымъ, несслышаннымъ, вызваннымъ рассказами пилигримовъ, вернувшихся изъ Иерусалима, и проповѣдью Петра Пустынника. Это не-

вѣрно. Крестовые походы были продолженіемъ, зенитомъ великой борьбы, возгорѣвшейся четыре вѣка тому назадъ между христіанствомъ и ислализмомъ. До этого времени театромъ войны была Европа,—теперь война переносится въ Азію. Если бы я дорожилъ тѣми сравненіями, параллелями, подъ которыя иногда, волею или неволею, подводятся историческіе факты, то я могъ бы показать вамъ, что христіанство въ Азіи шло такимъ же путемъ, подвергалось той же участи, на какую въ Европѣ былъ обреченъ ислализмъ. Магометанство утвердилось въ Испаніи, завоевало и сеновало тамъ королевство, княжество. Тоже самое сдѣлали въ Азіи христіане. Они находились къ магометанамъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ въ Испаніи магометане находились къ христіанамъ. Іерусалимское и Гренадское королевства соотвѣтствуютъ другъ другу. Впрочемъ подобныя сходства не имѣютъ большой важности. Для насъ важенъ фактъ борьбы двухъ религіозныхъ и общественныхъ системъ. Крестовые походы были главнымъ ея кризисомъ. Таковъ ихъ историческій характеръ, такова связь, соединяющая ихъ съ общимъ ходомъ событій.

Другая причина—общественное положеніе Европы въ XI вѣкѣ—не менѣе первой способствовало происхожденію крестовыхъ походовъ. Я уже старался пояснить, почему въ Европѣ, между V и VI ст., не было ничего общаго; я старался представить, какъ все сдѣлалось въ ней мѣстнымъ, частнымъ, какимъ узкимъ горизонтомъ были ограничены государства, жизнь и умственная дѣятельность. Отсюда—побѣда феодальнаго устройства. Нѣсколько времени спустя, этотъ ограниченный горизонтъ оказался не вполне достаточнымъ; мысль и дѣятельность челоѣка почувствовали потребность покинуть эту тѣсную сферу, въ которой были заключены. Кочующая жизнь прекратилась, но не исчезла страсть къ сопряженной съ нею подвижности, къ приключеніямъ. Народы устремились въ крестовые походы, какъ въ новое, болѣе широкое, болѣе разнообразное существованіе, напоминавшее прежнюю свободу временъ варварства и раскрывавшее, вмѣстѣ съ тѣмъ, вдали, картину обширной будущности.

Таковы были, по моему мнѣнію, въ XII вѣкѣ, двѣ главныя, рѣшительныя причины крестовыхъ походовъ. Въ концѣ XIII вѣка не существовала уже ни та, ни другая. Челоѣкъ и общество измѣнились до такой степени, что не чувствовалось болѣе ни того нравственнаго побужденія, ни той общественной потребности, которыя увлекли Европу противъ Азіи.

Не знаю, многіе ли изъ васъ читали современныхъ историковъ крестовыхъ походовъ, и приходило ли кому-либо изъ васъ на мысль сравнить лѣтописцевъ первыхъ крестовыхъ походовъ съ лѣтописцами конца XII и XIII вѣковъ; на примѣръ, Альберта Эскаго (Albert d'Aix), Роберта, Раймунда Ажилъскаго, участвовавшихъ въ первомъ крестовомъ походѣ, съ Вильгельмомъ Тирскимъ и Іаковомъ Витрійскимъ. Сравнивая эти два класса писателей, нельзя не замѣтить разстояніе, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга. Первые—это лѣтописцы, полные жизни, одаренные пылкимъ воображеніемъ; они съ жаромъ, съ страстью рассказываютъ о событіяхъ крестоваго похода. Но умственный кругозоръ ихъ замѣчательно узокъ; у нихъ нѣтъ ни одной идеи, выходящей изъ тѣсной сферы, въ которой они вращаются; они лишены всякихъ познаній, полны предрасудковъ, неспособны критически относиться къ окружающимъ ихъ предметамъ и къ рассказываемымъ ими событіямъ. Раскройте, на оборотъ, исторію крестовыхъ походовъ Вильгельма Тирскаго; вы будете поражены, найдя въ немъ почти новѣйшаго историка, съ развитымъ, обширнымъ, свободнымъ умомъ, съ рѣдкимъ политическимъ пониманіемъ событій, съ общими взглядами, съ умѣньемъ судить о причинахъ и послѣдствіяхъ. Іаковъ Витрійскій представляетъ примѣръ развитія другаго рода; это ученый, не только изучившій все то, что относится къ крестовымъ походамъ, но и занимающійся изученіемъ нравовъ, географіи, этнографіи, естественной исторіи,—ученый, наблюдающій и описывающій міръ. Словомъ, между лѣтописцами первыхъ крестовыхъ походовъ и историками послѣднихъ существуетъ огромная разниа, ясно свидѣтельствующая о происшедшемъ переворотѣ въ умственномъ настроеніи.

Этотъ переворотъ обнаруживается болѣе всего въ способѣ выраженій тѣхъ и другихъ писателей о магометанахъ. Первые лѣтописцы и первые крестоносцы, страшно ненавидѣли магометанъ. Люди, говорящіе о мусульманахъ, очевидно не знаютъ ихъ, не могутъ произнести о нихъ никакого сужденія и рассматриваютъ ихъ единственно съ точки зрѣнія взаимной религіозной вражды: они презируютъ ихъ, сражаются съ ними,—и больше ничего. Вильгельмъ Тирскій, Іаковъ Витрійскій, Бернаръ казначеи (Bernard le trésorier) относятся къ мусульманамъ совершенно иначе. Ясно, что, враждуя съ ними, они уже не видятъ въ нихъ какихъ то чудовищъ, что они до извѣстной степени поняли ихъ идеи, что они жили вмѣстѣ съ ними, вступили съ ними въ сношенія, чувству-

ютъ къ нимъ даже нѣкоторую симпатію. Вильгельмъ Тирскій восхваляетъ Нурредина, Бернаръ — Саладина. Они даже противупоставляютъ иногда правы и жизнь магометанъ правамъ и жизни христіанъ. Описывая магометанъ, они имѣютъ въ виду сатиру противъ христіанъ, подобно тому, какъ Тацитъ изображалъ правы Германцевъ въ противоположность правамъ Римлянъ. Вы видите, какая неизмѣримая перемѣна совершилась въ промежутокъ времени между двумя эпохами: послѣдняя изъ нихъ поражаетъ насъ свободнымъ, безпристрастнымъ взглядомъ на самыхъ враговъ христіанства, на тѣхъ, противъ кого были устроены крестовые походы, — взглядомъ, который несомнѣнно вызвалъ бы у первыхъ крестоносцевъ удивленіе и гнѣвъ.

Таковъ, первый, главный результатъ крестовыхъ походовъ; это важный шагъ впередъ къ эманципациі разума, къ болѣе обширнымъ и свободнымъ идеямъ. Предпринятые во имя религіозныхъ вѣрованій, подъ непосредственнымъ вліяніемъ ихъ, крестовые походы положили конецъ не той долѣ вліянія, которая по праву принадлежитъ религіознымъ идеямъ, но исключительно, деспотическому господству ихъ надъ человѣческимъ духомъ. Такой, несомнѣнно неожиданный результатъ произошелъ отъ многихъ причинъ. Первая изъ нихъ, очевидно, есть новость, обширность и разнообразіе зрѣлища, открывшагося предъ крестоносцами. Съ ними случилось то, что обыкновенно бываетъ съ путешественниками. Всѣмъ извѣстно, что взглядъ путешественниковъ на вещи дѣлается свободнѣе, что привычка наблюдать различныя народности, различныя правы и мнѣнія расширяетъ идеи, очищаетъ разумъ отъ старинныхъ предразсудковъ. То же явленіе повторилось и съ странствующими племенами, которыя мы называемъ крестоносцами; умъ ихъ расширился, возвысился подъ вліяніемъ всѣхъ различныхъ предметовъ, видѣнныхъ ими, подъ вліяніемъ знакомства съ чужими правами. Они вступили въ сношенія съ двумя не только различными, но и болѣе развитыми цивилизаціями; съ одной стороны — съ греческимъ обществомъ, съ другой — съ обществомъ мусульманскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что греческое общество, несмотря на свою обезсиленную, испорченную, умирающую цивилизацію, произвело на крестоносцевъ впечатлѣніе общества болѣе развитого, утопченнаго, просвѣщеннаго, нежели ихъ собственное. Подобное увидѣли они и въ мусульманскомъ обществѣ. Лѣтописи содержатъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ крестоносцами на мусульманъ; послѣдніе смотрѣли на первыхъ какъ на вар-

варовъ, какъ на самыхъ дикихъ, свирѣпыхъ, глупыхъ людей изъ всѣхъ тѣхъ, кого имъ случилось прежде встрѣтить. Крестовосцы съ своей стороны были поражены богатствомъ мусульманъ, изысканностью ихъ нравовъ. За этимъ первымъ впечатлѣніемъ скоро послѣдовали частыя сношенія между обоими народами, сношенія, расширившіяся и сдѣлавшіяся гораздо болѣе важными, нежели обыкновенно думаютъ. Не говоря уже о повседневныхъ сношеніяхъ восточныхъ христіанъ съ мусульманами, Востокъ и Западъ узнали, посѣтили другъ друга, вступили другъ съ другомъ въ взаимную связь. Недавно еще одинъ изъ ученыхъ, прославляющихъ Францію въ глазахъ Европы, Абель Ремюза, открылъ сношенія монгольскихъ хановъ съ христіанскими государями. Къ французскимъ королямъ, между прочимъ къ Людовику Святому, отправляемы были монгольскіе посланники, съ предложеніемъ заключить союзъ и возобновить крестовые походы противъ Турокъ, въ общихъ интересахъ Монголовъ и христіанъ. И такимъ образомъ устанавливались не только дипломатическія, официальные сношенія государей, но и частныя, разнообразныя сношенія самихъ народовъ.—Я приведу буквально слова Г. Абея Ремюза.

«Многимъ итальянскимъ, французскимъ, фламандскимъ монахамъ поручались дипломатическія порученія къ великому хану. Знатные Монголы прѣзжали въ Римъ, Барселону, Валенсію, Ліонъ, Парижъ, Лондонъ, Нортэмптонъ, а францисканецъ, родомъ изъ неаполитанскаго королевства, былъ архіепископомъ въ Пекинѣ. Преемникомъ его былъ профессоръ богословія въ парижскомъ университетѣ. Но сколько другихъ, неизвѣстныхъ лицъ стремилось вслѣдъ за упомянутыми, или въ качествѣ невольниковъ, или въ надеждѣ на обогащеніе, или увлекаемые любопытствомъ въ неизвѣстныя до тѣхъ поръ страны. Случай сохранилъ имена нѣкоторыхъ изъ такихъ лицъ. Первый посланникъ, прибывшій отъ Татаръ къ королю венгерскому, былъ Англичанинъ, изгнанный изъ отечества за преступленіе, скитавшійся по всей Азіи и наконецъ поступившій на службу къ Монголамъ. Фламандскій монахъ изъ ордена кордельеровъ наткнулся въ глубинѣ Татаріи на женщину изъ Меца, по имени *Панетту*, похищенную Венгерцами, встрѣтилъ золотыхъ дѣлъ мастера, братъ котораго торговалъ въ Парижѣ, на новомъ мосту, и молодого челоуѣка изъ окрестностей Руана, находившагося при взятіи Бѣлграда. Опъ встрѣтилъ тамъ также Русскихъ, Вен-

«герцевъ, Фламандцевъ. Пѣвчій, по имени Робертъ, посѣтилъ
«восточную Азію и потомъ, возвратившись въ Шартръ, умеръ
«въ тамошней соборной церкви. Одинъ Татаринъ былъ постав-
«щикомъ племевъ при войскѣ Филиппа Красиваго. Жанъ Плап-
«карпинъ встрѣтилъ близъ Яика русскаго дворянина, по име-
«ни Темера, служившаго тамъ переводчикомъ. Многіе брес-
«лавльскіе, польскіе, австрійскіе купцы сопровождали его въ
«Татарію. Другіе возвратились съ нимъ оттуда черезъ Россію—это были Генуезцы, Пизанцы, Венеціанцы. Два вене-
«ціанскіе купца, которыхъ случай привелъ въ Бухару, по-
«слѣдовали за монгольскимъ посланникомъ, отправленнымъ Ху-
«лагу къ Хубилаю. Они провели нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ и
«въ Татаріи, привезли папѣ письмо отъ великаго хаана, по-
«томъ опять поѣхали къ великому хану, причемъ одинъ изъ
«нихъ взялъ съ собою сына своего, извѣстнаго Марка-Поля,
«и наконецъ еще разъ оставили дворъ Хубилая, чтобы воз-
«вратиться въ Венецію. Подобныя путешествія были часто
«совершаемы и въ слѣдующемъ столѣтіи: таковы путешествія
«Іоанна Мандевилля, англійскаго врача, Ордерика Фриульска-
«го, Пеголетти, Вильгельма Бульдеселльскаго и многихъ дру-
«гихъ. Несомнѣнно, путешествія, оставившія по себѣ какое-
«либо воспоминаніе, составляютъ только небольшую часть всѣхъ
«подобныхъ предпріятій; въ тѣ времена больше было людей,
«готовыхъ совершать дальнее странствованіе, нежели людей,
«способныхъ описать его. Многіе изъ этихъ искателей при-
«ключеній поселялись и умирали въ странахъ, которыя посѣ-
«щали. Другіе возвращались въ отечество, столь же неизвѣ-
«стными, какъ и прежде, но воображеніе ихъ было наполне-
«но всѣмъ тѣмъ, что они видѣли; они рассказывали о томъ
«своей семьѣ, конечно все преувеличивая, но распространяя
«вокругъ себя, вмѣстѣ съ нелѣпыми баснями, и полезныя,
«плодотворныя преданія. Такимъ образомъ въ Германіи, въ
«Италіи, во Франціи,—въ монастыряхъ, среди дворянства и
«даже въ низшихъ классахъ общества заронены были драго-
«цѣнныя сѣмена, которымъ суждено было развиться нѣсколь-
«ко позже. Эти неизвѣстные путешественники, знакомя чу-
«жія страны съ искусствами своего отечества, въ свою оче-
«редь вывозили оттуда другія, не менѣе драгоцѣнныя позна-
«нія и вступали, сами того не зная, въ обмѣнъ гораздо бо-
«лѣе выгодный, нежели всякая торговля. Путешествія эти не
«только расширяли и облегчали торгъ матеріями, фарфоромъ,
«всѣми продуктами Индіи, не только открывали новые пути

«для промышленности и коммерческой дѣятельности, но—что
«гораздо важнѣе, —они познакомили Европейцевъ, заключенныхъ
«со времени паденія Римской имперіи въ слишкомъ тѣсной
«умственной сферѣ, съ чужими правами, съ неизвѣстными на-
«родами, съ необыкновенными произведеніями природы. Тогда
«начали придавать нѣкоторое значеніе прекраснѣйшей, насе-
«леннѣйшей и древнѣйшей по цивилизации части современна-
«го міра. Появилось желаніе изучать искусства, вѣрованья.
«языки народовъ, въ ней обитавшихъ; хотѣли даже учредить
«въ парижскомъ университетѣ каедру татарскаго языка. Раз-
«сказы, сначала нѣсколько опозитизированные, но вскорѣ под-
«вергнушіеся серьезному и глубокому разбору, повсюду служи-
«ли источникомъ болѣе точныхъ и разнообразныхъ познаній.
«Міръ какъ бы расширился со стороны Востока; географія
«сдѣлала огромные успѣхи: страсть къ открытіямъ сдѣлалась
«новою формою, въ которую облекся предприимчивый духъ
«Европейцевъ. По мѣрѣ ближайшаго знакомства съ нашимъ
«полушаріемъ, идея о другомъ полушаріи перестала казаться
«парадоксомъ, лишеннымъ всякой вѣроятности, и Христофоръ
«Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ, отыскивая Ципангри Марка
«Поля».

Вотъ, обширный, новый міръ, открывшійся предъ умомъ
Европейцевъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, подъ вліяніемъ фак-
товъ, составлявшихъ послѣдствіе крестовыхъ походовъ. Безъ
сомнѣнія, это одна изъ могущественнѣйшихъ причинъ разви-
тія и свободы духа, проявляющихся въ Европѣ по окончаніи
крестовыхъ походовъ.

Не меньшаго вниманія достойно еще другое обстоятель-
ство. До крестовыхъ походовъ, римскій дворъ, центръ церк-
ви, вступалъ въ сношенія съ мірянами единственно чрезъ по-
средство духовныхъ лицъ, т. е. легатовъ, посылаемыхъ па-
пою, или же епископовъ и всего вообще духовенства каждой
страны. Правда, бывали и міряне, находившіеся въ непосред-
ственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, но, вообще говоря, посред-
никомъ между нимъ и народами было духовенство. Между
тѣмъ, въ продолженіе крестовыхъ походовъ, Римъ лежалъ на
пути бѣльшей части крестоносцевъ, отправлявшихся въ по-
ходъ или возвращавшихся домой. Множество мірянъ позна-
комились съ его политикою и правами, и открыли роль, за-
нимаемую въ религіозныхъ спорахъ личнымъ интересомъ. От-
крытіе это безъ сомнѣнія снабдило умы небывалою до того
времени смѣлостью. Разсматривая вообще состояніе умовъ въ

концѣ крестовыхъ походовъ, особенно въ отношеніи къ дѣламъ церковнымъ, нельзя не обратить вниманія на одинъ странный фактъ: религіозныя идеи не измѣнились; онѣ не уступили мѣсто противоположнымъ, или даже просто другимъ, несогласнымъ мнѣніямъ. Между тѣмъ, умы приобрѣли несравненно болѣе свободы; религіозныя вѣрованія перестали составлять единственную сферу, въ которой бы вращался человѣческій разумъ: не оставляя ихъ, онѣ уже болѣе не ограничиваются ими и переносятся на другіе предметы. Такимъ образомъ, въ концѣ XIII вѣка уже не существовала нравственная причина крестовыхъ походовъ, или по крайней мѣрѣ самое энергическое побужденіе ихъ; въ нравственномъ состояніи Европы совершилась существенная перемѣна.

Подобное измѣненіе совершилось и съ состояніемъ общественнаго быта. Много разсуждали о томъ, какое вліяніе имѣли въ этомъ отношеніи крестовыя походы. Нашли, что они принудили большую часть феодальныхъ владѣльцевъ продать свои феоды королямъ, или же даровать хартіи городскимъ общинамъ, чтобы приобрести деньги, необходимыя для крестоваго похода. Доказано, что самое отсутствіе феодальныхъ владѣльцевъ значительно уменьшило власть принадлежавшую нѣкоторымъ изъ нихъ. Не входя въ подробное разсматриваніе этихъ вопросовъ, можно, я думаю, представить въ нѣсколькихъ общихъ выводахъ вліяніе крестовыхъ походовъ на общественный бытъ Европы.

Они значительно уменьшили число небольшихъ феодовъ, небольшихъ домовъ, небольшихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Они перенесли собственность и власть въ меньшее количество рукъ. Большіе, могущественные феоды образуются и расширяются во время крестовыхъ походовъ.

Я часто сожалѣлъ, что у насъ нѣтъ карты Франціи, гдѣ бы она была раздѣлена на феоды, подобно тѣмъ картамъ, гдѣ Франція представлена съ раздѣленіемъ своимъ на департаменты, округа, кантоны и общины. Слѣдовало бы отыскать на картѣ всѣ феоды, ихъ границы, ихъ взаимныя отношенія и послѣдовательныя измѣненія. Если бы, съ помощью подобныхъ картъ, мы стали сравнивать состояніе Франціи прежде и послѣ крестовыхъ походовъ, то увидѣли бы, какъ много исчезло феодальныхъ владѣній и до какой степени увеличились большіе и средніе феоды. Это одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, произведенныхъ крестовыми походами. Но и тамъ, гдѣ мелкіе владѣльцы сохранили свои феоды, они уже

не могли жить въ такомъ уединеніи, какъ прежде. Владѣльцы большихъ феодаловъ сдѣлались центрами, около которыхъ сгруппировались мелкіе собственники. Во время крестовыхъ походовъ они по необходимости примыкали къ богатѣйшему, могущественнѣйшему вельможѣ, получали отъ него всякаго рода пособія, жили вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляли его судьбу, участвовали въ однихъ и тѣхъ же предпріятіяхъ. По возвращеніи крестоносцевъ, эта общительность, эта привычка жить подлѣ высшихъ лицъ удержалась, сдѣлалась необходимою. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа большихъ феодаловъ, появившимся послѣ крестовыхъ походовъ, видно какъ владѣльцы этихъ феодаловъ окружаютъ себя внутри своихъ замковъ болѣе значительнымъ дворомъ, содержатъ при себѣ большее число дворянъ, которые хотя и сохраняютъ свои небольшіе домены, но не живутъ уже въ нихъ.

Итакъ, расширеніе большихъ феодаловъ и образованіе извѣстнаго числа общественныхъ центровъ, вмѣсто прежняго разединенія,—вотъ, для нѣдръ феодальной системы, два важнѣйшія послѣдствія крестовыхъ походовъ.

Что касается до горожанъ, то и здѣсь не трудно замѣтить подобное явленіе. Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ образовались большія городскія общины. Мелкая торговля, мелкая промышленность не въ состояніи были создать такихъ общинъ, какими были большіе города Италіи и Фландріи. Они вызваны торговлею въ обширныхъ размѣрахъ, морскою торговлею, преимущественно торговлею Востока съ Западомъ—а усиленію, развитію морской торговли всего болѣе способствовали крестовые походы.

Вообще, взгляды на состояніе общества къ концу крестовыхъ походовъ, нельзя не замѣтить, что предшествовавшее состояніе разединенія, разбросанности въ жизни и въ силахъ, состояніе повсемѣстной, если можно такъ выразиться, локализации,—исчезло и уступило мѣсто противоположному состоянію—стремленію къ централизаци. Вездѣ происходитъ сближеніе; низшія существованія поглощаются высшими или группируются вокругъ нихъ. По этому направленію идетъ общество, къ этой цѣли клонится весь его прогрессъ.

Теперь намъ становится яснымъ, почему въ концѣ XIII и въ XIV ст. народы и государи уже не хотѣли возобновить крестовыхъ походовъ: они уже не нуждались въ нихъ и не чувствовали къ нимъ никакого влеченія. Крестовые походы начались подѣ вліяніемъ религіознаго чувства, при исключи-

тельномъ господствѣ религіозныхъ идей надъ всѣмъ существомъ человѣка; теперь это господство утратило свою силу. Крестовые походы были также источникомъ новой жизни, болѣе широкой, болѣе разнообразной, болѣе разумной; теперь подобная жизнь становилась возможною въ самой Европѣ, въ развитіи общественныхъ отношеній. Въ это именно время предъ королями открывается поприще политическаго возвышенія. Къ чему было идти въ Азію, чтобъ искать тамъ королевства, когда можно было завоевать его у себя дома? Филиппъ Августъ неохотно отправился въ крестовый походъ—это весьма естественно: ему надобно было сдѣлаться королемъ французскимъ. Въ такомъ же положеніи находились народы. Предъ ними открывалась возможность обогащенія: они отказывались отъ приключеній, чтобы посвятить себя труду. Приключенія для государей замѣнялись политикой, для народовъ—трудомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Страсть къ приключеніямъ осталась въ одномъ только классѣ общества, въ той части феодальнаго дворянства, которая не имѣла права болѣе мечтать о политическомъ возвышеніи, и, не чувствуя наклонности къ труду, удержала за собою свое прежнее положеніе, свои прежніе права. И она по прежнему устремлялась въ крестовые походы, нѣсколько разъ пыталась возобновить ихъ.

Таковы, по моему мнѣнію, великія, несомнѣнныя неизбѣжныя послѣдствія крестовыхъ походовъ; съ одной стороны—увеличеніе идей, освобожденіе умовъ отъ неподвижности, съ другой—болѣе обширная общественная жизнь, обширная сфера, открытая для дѣятельности всякаго рода: они закрѣпили въ одно и то же время и личную свободу, и политическое единство. Они способствовали и не зависимости отдѣльныхъ лицъ, и централизаціи общества. Многіе заняты были вопросомъ о томъ, какія средства цивилизаціи прямо заимствованы были во время крестовыхъ походовъ отъ Востока; говорили, что большая часть великихъ открытій, породившихъ въ XIV и XV столѣтіяхъ развитіе европейской цивилизаціи,—компасъ, книгопечатаніе, порохъ,—были извѣстны Востоку, и что крестоносцы могли принести ихъ оттуда. Это до извѣстной степени справедливо; но многія предположенія такого рода представляются сомнительными. Безспорно только общее вліяніе, общее дѣйствіе крестовыхъ походовъ на разумъ человѣческій, съ одной стороны, на общество—съ другой; они перевели европейское общество съ прежней, узкой колѣи его на новую, несравненно болѣе широкую дорогу; они положили основаніе сліянію

различныхъ элементовъ европейскаго общества, въ правитель-ства и народы, — сліянію, составляющему выдающійся при-знакъ повѣйшей цивилизаціи. Къ тому же самому времени относится развитіе одного изъ учрежденій, наиболѣе содѣй-ствовавшихъ этому великому дѣлу, — королевской власти. Ея исторія, отъ происхожденія новыхъ европейскихъ государствъ до XIII вѣка, будетъ предметомъ моей слѣдующей лекціи.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

Важное значеніе королевской власти въ европейской и во всемирной исторіи.—Настоящія причины этого значенія.—Двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ должно разсматривать королевскую власть.—1) Собственная, неизмѣнная ея природа.—Королевская власть въ коей олицетвореніе правомѣрной верховной власти, въ ея границахъ.—Ея измѣнчивость и разнообразіе.—Королевская власть въ Европѣ, какъ результатъ различныхъ родовъ власти.—Власть: Варварская, императорская, религіозная, феодальная.—О современной королевской власти въ собственномъ смыслѣ слова и ея истинномъ характерѣ.

Въ послѣдней лекціи я старался опредѣлить отличительный характеръ новѣйшаго общества, сравнительно съ первоначальнымъ европейскимъ обществомъ; характеръ этотъ, по моему мнѣнію, выражается въ томъ, что всѣ составныя части общественнаго строя, сначала столь многочисленныя и разнообразныя, сведены къ двумъ главнымъ элементамъ: правительству съ одной стороны, народу—съ другой. Господствующими факторами, первенствующими дѣятелями исторіи уже не являются феодальные дворяне, духовенство, короли, горожане, поселенцы, рабы; въ новѣйшей Европѣ мы встрѣчаемъ только двѣ великія силы, которыя однѣ руководятъ исторіею: правительство и народъ. Если въ этомъ заключается результатъ, выработанный европейскою цивилизаціею, то такова и цѣль, къ которой мы должны стремиться, къ которой должны привести насъ наши изслѣдованія. Мы должны прослѣдить возникновеніе и постепенное развитіе этого великаго результата. Мы вступили въ эпоху, къ которой можно отнести его зачатки: мы уже видѣли, что между XII и XVI вѣками совершалась въ Европѣ медленная, скрытая работа, которая привела наше общество къ окончательному состоянію его. Мы изучили также первое, по моему мнѣнію, великое событіе, быстро подвинувшее Европу по этому пути,—крестовые походы. Къ той же эпохѣ, а именно ко времени первыхъ крестовыхъ походовъ, относится первоначальное развитіе учреж-

денія, наиболѣе, можетъ быть, содѣйствовавшаго образованію европейскаго общества, сліянію всѣхъ общественныхъ элементовъ въ двѣ силы—правительство и народъ. Это учрежденіе—королевская власть.

Королевская власть очевидно играла огромную роль въ исторіи европейской цивилизаціи; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно одного бѣглаго обзора фактовъ; развитіе ея долго шло, такъ сказать, однимъ шагомъ съ развитіемъ общества,—прогрессъ ихъ совершался одинаково и одновременно. Этого мало: каждый разъ, когда общество приближается къ своему окончательному виду, королевская власть видимо усиливается и процвѣтаетъ; такъ что, когда въ главнѣйшихъ странахъ Европы важное, рѣшительное вліяніе на событія сосредоточилось почти исключительно въ рукахъ правительства и народа,—правительствомъ является королевская власть. И это случилось не въ одной только Франціи, но и въ болѣе части европейскихъ государствъ; нѣсколько раньше или нѣсколько позже, подъ болѣе или менѣе различными видоизмѣненіями, такой же результатъ представляетъ намъ исторія общества въ Англіи, въ Испаніи, въ Германіи. Въ Англіи, напримѣръ; когда происходитъ перерожденіе старинныхъ элементовъ общественнаго быта, когда они уступаютъ мѣсто системѣ общественныхъ властей? При Тюдорахъ,—т. е. во время наисильнѣйшаго развитія королевской власти. То же самое было и въ Германіи, въ Испаніи, во всѣхъ большихъ европейскихъ государствахъ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ Европу и обратимся къ другимъ частямъ свѣта, то мы и здѣсь встрѣтимъ подобное явленіе; повсюду королевская власть занимаетъ важное мѣсто; она является самымъ прочнымъ учрежденіемъ, которое весьма трудно избѣгнуть тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, и уничтожить тамъ, гдѣ оно уже существуетъ. Азіею оно владѣетъ съ незапамятныхъ временъ. При открытіи Америки, всѣ существовавшія тамъ большія государства подчинены были, въ различныхъ формахъ, монархическому режиму. Проникая во внутренность Африки, мы встрѣчаемъ преобладаніе этой формы правленія вездѣ, гдѣ только обитаютъ сколько-нибудь многочисленные народы. Королевская власть не только проникла всюду, но приспособилась къ самымъ разнороднымъ состояніямъ: къ цивилизаціи и къ варварству, къ самымъ мирнымъ правамъ, какъ напр. въ Китаѣ, и къ преобладанію воинственнаго духа. Она устанавлилась и среди кастъ, при строжайшей обособленности

сословій, и среди гражданскаго равенства, въ обществахъ, наиболѣе чуждыхъ всякой законной и опредѣленной классификаціи. Будучи перѣдко деспотическою и притѣснительною, она иногда благопріутствовала развитію цивилизаціи и даже свободы. Она подобна головѣ, которая можетъ быть приставлена ко множеству различныхъ туловищъ, или плоду, который можетъ произростать на самыхъ разнообразныхъ растеніяхъ. Изъ этого факта мы могли бы извлечь нѣсколько важныхъ и любопытныхъ выводовъ; ограничусь только двумя. Прежде всего, невозможно допустить, чтобы такое явленіе было простою случайностью, было продуктомъ одной только силы или насильственнаго присвоенія власти: между сущностью королевской власти, какъ учрежденія, и сущностью природы чело-вѣка или чело-вѣческаго общества неизбѣжно должно существовать сильное, глубокое сходство. Конечно, сила участвуетъ въ происхожденіи королевской власти, и въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ его прогрессу; но когда великое событіе развивается, воспроизводится въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, среди самыхъ разнородныхъ положеній, когда исторія учрежденія представляетъ такой результатъ, какой я указалъ въ исторіи королевской власти,—то не приписывайте никогда это событіе, это учрежденіе дѣйствию одной только силы. Матеріальная сила играетъ важную роль, въ обыденныхъ дѣлахъ чело-вѣка: но она не высшій двигатель ихъ; надъ тою ролью, которую она играетъ, всегда возвышается нравственная причина, рѣшающая общее направленіе его дѣятельности. Сила въ исторіи развитія государствъ—то же самое, что тѣло въ исторіи развитія чело-вѣка. Конечно, тѣло имѣетъ огромное значеніе въ жизни чело-вѣка; но оно не составляетъ принципа ея. Жизнь обуславливается тѣломъ, но не опредѣляется имъ. То же явленіе повторяется и въ обществѣ: какую бы роль ни играла въ немъ сила,—не она управляетъ имъ, не она руководитъ его судьбою; подъ проявленіями силы скрываются идеи, нравственныя вліянія, которыя и управляютъ прогрессомъ общества. Такого рода причины, а не матеріальная сила, безъ сомнѣнія, и рѣшили судьбу королевской власти.

Второй, не менѣе важный фактъ, это гибкость учрежденія, способность его видоизмѣняться, приспособляться ко множеству разнородныхъ обстоятельствъ. Замѣьте, какая противоположность: форма учрежденія—одна, постоянная, простая; она не представляетъ того изумительнаго разнообразія, кото-

рымъ отличаются нѣкоторыя другія учрежденія, — а между тѣмъ она усвоивается самыми разнородными обществами. Отсюда ясно, что она можетъ существовать при весьма разнородныхъ условіяхъ, что она соотвѣтствуетъ, въ природѣ человѣка и общества, многимъ, весьма различнымъ элементамъ и принципамъ. Роль королевской власти во всемірной исторіи, ея свойства, ея послѣдствія не всегда понимались какъ слѣдуетъ и часто подвергались неправильной оцѣнкѣ. Причина такихъ ошибокъ заключается въ томъ, что институтъ королевской власти не всегда разсматривался во всемъ своемъ объемѣ, съ соотвѣтствующихъ ему двухъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, не всѣ проникали до основнаго принципа королевской власти, до существенныхъ свойствъ ея, независящихъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ она проявляется; съ другой стороны, не обращали достаточнаго вниманія на всѣ превращенія, допускаемыя ею, на всѣ принципы, съ которыми она можетъ вступать въ союзъ. Наша цѣль — рѣшить эту двойную задачу и такимъ образомъ дать себѣ полный отчетъ въ результатахъ, принесенныхъ королевскою властью новѣйшей Европѣ, т. е. въ дознаніи, проистекають ли эти результаты изъ существенныхъ началъ самаго учрежденія, или же изъ видоизмѣненій, которымъ оно подвергалось.

Сила королевской власти, нравственное могущество, служащее ея истинной основой, безъ сомнѣнія заключается не въ собственной, личной волѣ человѣка, въ данное время облеченнаго королевскимъ саномъ. Народы, принимая королевскую власть какъ учрежденіе, философы, поддерживая ее, какъ систему, — безъ сомнѣнія не думали, не хотѣли признавать надъ собою господства личной воли одного человѣка, по самому существу своему узкой, произвольной, прихотливой, невѣжественной.

Королевская власть нисколько не соотвѣтствуетъ личной волѣ человѣка, хотя и проявляется въ ея формѣ. Она есть олицетвореніе правовой державности, верховной власти по праву, т. е. той существенно разумной, просвѣщенной, справедливой, безпристрастной, самобытной воли, которая выше всякой отдѣльной личной воли, и потому имѣетъ право управлять людьми. Таково значеніе королевской власти въ понятіи народовъ, такова причина, по которой они подчиняются ей. Но существуетъ ли такая правовая верховная власть, есть ли такой высшій законъ, который имѣетъ право управлять людьми? Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что люди вѣрятъ въ сущест-

вованіе такой власти, такого закона; они стараются, постоянно старались и не могут не стараться подчинить себя ему. Представимъ себѣ, не говорю народъ, но хотя бы самое пезначительное собраніе людей, подчиненное властителю не по праву, а только фактически, властителю, право котораго есть право сильнаго, который въ управленіи своемъ нимало не руководствуется ни разумомъ, ни справедливостью, ни истиною. Человѣческая природа возстаетъ противъ такого предположенія; для нея необходимо вѣрить въ право. Она ищетъ себѣ властителя по праву, лишь ему одному добровольно повинуются человѣкъ. Что такое исторія, какъ не проявленіе этого всеобщаго факта? Что такое ббольшая борьба, волнующая жизнь народовъ, какъ не страстное стремленіе къ правовой верховной власти, стремленіе встать подъ руководство ея? И не только народы, но и мыслители твердо вѣрятъ въ существованіе такой власти, неутомимо ищутъ ее. Что такое всѣ системы политической философїи, какъ не изысканіе правовой верховной власти? Не обсуждается ли въ нихъ именно вопросъ о томъ, кто имѣетъ право управлять обществомъ? Возьмите системы теократическую, монархическую, аристократическую, демократическую; представители ихъ глубоко убѣждены, что открыли сущность правомѣрной верховной власти; всѣ они обѣщаютъ даровать обществу законнаго владыку. Такова, повторяю, цѣль какъ мыслителей, такъ и народовъ, предметъ усилій и тѣхъ, и другихъ.

Да и какъ не вѣрять въ существованіе правовой верховной власти, какъ не искать ея? Возьмемъ самый простой случай: предположимъ, что нужно совершить какое-нибудь дѣйствіе, касающееся либо цѣлаго общества, либо нѣсколькихъ его членовъ, либо одного чѣловѣка. Совершеніе этого дѣйствія, безъ сомнѣнія, всегда подлежитъ извѣстнымъ правиламъ; всегда существуетъ законная воля, которою слѣдуетъ руководствоваться, которую должно осуществить на самомъ дѣлѣ. Проникните ли вы въ мельчайшія подробности общественной жизни, возвыситесь ли вы до самыхъ важныхъ ея событіяхъ—вездѣ вы найдете истину, требующую приведенія ея въ извѣстность, найдете справедливую, разумную идею, требующую практическаго примѣненія. Вотъ сущность правомѣрной верховной власти, къ которой не перестаютъ и не могутъ перестать стремиться мыслители и народы.

Въ какой мѣрѣ чловѣческая сила и воля могутъ олицетворять собою правомѣрную верховную власть, въ истинномъ

смыслъ этого слова? Есть ли въ этомъ предположеніи что либо неизбѣжно опасное и ложное? Какъ судить въ особенности объ олицетвореніи правоваго единодержавія во образѣ королевской власти? При какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ можно допустить такое олицетвореніе? Вотъ важные вопросы, которыхъ намъ не придется разбирать здѣсь въ подробности; но мы по необходимости должны были указать на нихъ; а теперь, мимоходомъ, скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Я утверждаю,—и въ этомъ отношеніи слова мои подтверждаются здравымъ смысломъ,—что верховная власть по праву полная и неизмѣнная, никому принадлежать не можетъ, что всякое присвоеніе ея какой либо единичной силѣ опасно и ложно въ самымъ коренныхъ основаніяхъ своихъ. Отсюда проистекаетъ необходимость ограниченія всякой власти, каково бы ни было ея имя, ея форма; отсюда—неизбѣжная незаконность всякой абсолютной власти, каково бы ни было ея происхожденіе—завоеваніе ли, наслѣдственность или избраніе. Можно не соглашаться въ средствахъ изысканія правомѣрной верховной власти: они измѣняются, смотря по времени и мѣсту; но никогда и нигдѣ никакая сила не можетъ законно быть признана единственнымъ источникомъ, представителемъ этой власти.

При всей справедливости этого принципа, королевская власть, въ какой бы системѣ она ни проявлялась, представляетъ собою олицетвореніе державности по праву. Обратитесь къ теократической системѣ: вы увидите, что король—образъ Божій на землѣ, другими словами, что онъ олицетворяетъ собою верховную справедливость, истину, благо. Предложите тотъ же вопросъ юристамъ: они отвѣтятъ вамъ, что король—это живой законъ, другими словами, что король есть олицетвореніе правомѣрной верховной власти, олицетвореніе закона, имѣющаго право управлять обществомъ. Спросите, наконецъ, самую королевскую власть, въ системѣ такъ называемой абсолютной монархіи: она назоветъ себя олицетвореніемъ государства, общественнаго интереса. Въ какой бы системѣ, въ какомъ бы положеніи вы ни разсматривали королевскую власть, всегда и вездѣ вы встрѣтитесь съ притязаніемъ ея представлять собою ту правомѣрную верховную власть, которая одна только способна законно управлять обществомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ чемъ заключаются отличительныя признаки верховной власти по праву, свойства, проистекающія изъ самой сущности ея? Прежде всего, это власть

единственная въ своемъ родѣ; истина, справедливость—только одна, а слѣдовательно можетъ быть только одна правомѣрная верховная власть. Далѣе, она постоянна, неизмѣнна, какъ и сама истина; она стоитъ выше всѣхъ превратностей, случайностей этого міра; она не имѣетъ ничего общаго съ ними; она относится къ міру, какъ зритель и судья: таково назначеніе ея. Эти естественныя свойства правомѣрной державности виѣшнимъ образомъ всѣ соединяются въ королевской власти; она представляется самою наглядною формою, самымъ вѣрнымъ изображеніемъ ихъ. Прочтите сочиненіе Бенжамена Констана, въ которомъ онъ такъ остроумно представилъ королевскую власть нейтральною, посредническою силою, возвышающеюся надъ случайностями, надъ волненіями общества, и принимающею участіе только въ важнѣйшихъ кризисахъ его. Такая картина не напоминаетъ ли вамъ положенія правомѣрной верховной власти въ управленіи обществомъ? Въ этой идеѣ есть, безъ сомнѣнія, нѣчто поразительное для ума, потому что она съ чрезвычайною быстротою перешла изъ книгъ въ факты. Одинъ государь сдѣлалъ ее даже—въ бразильской конституціи—основаніемъ своего престола; въ этой конституціи королевская власть является посредникомъ, возвышающимся надъ дѣйствующими властями въ качествѣ зрителя и судьи въ политической борьбѣ.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали королевскую власть, сравнивая ее съ идеею правомѣрной державности, вы найдете между ними большое виѣшнее сходство, которое не могло не поразить умы людей. Вотъ почему каждый разъ, когда воображеніе или мысль людей обращалась предпочтительно къ созерцанію или изученію правомѣрной верховной власти, ея природы, ея отличительныхъ признаковъ—люди склонялись на сторону королевской власти. Когда перевѣсъ принадлежалъ религіознымъ идеямъ, постоянное размышленіе о Богѣ, о божественныхъ свойствахъ приводило людей къ монархической системѣ. Когда въ обществѣ преобладали юристы, привычка изучать, подъ именемъ законовъ, сущность правомѣрной верховной власти, благопріятствовала развитію ученія объ олицетвореніи этой власти въ королевскомъ санѣ. Внимательное, напряженное размышленіе о природѣ и свойствахъ правомѣрной державности всегда давало силу и вѣсъ королевской власти, отражавшей въ себѣ эту державность,—если только тому не препятствовали другія причины. Бываютъ, кромѣ того времена, особенно благопріятствующія такому оли-

цетворенію,—времена наибольшаго развитія индивидуальных силъ, со всѣми своими случайностями и прихотями, времена всеобщаго господства эгонизма, основаннаго либо на цѣлѣжествѣ и грубости, либо на испорченности нравовъ. Въ такое время, общество, отданное на жертву личнымъ силамъ и лишенное возможности возвыситься, съ помощью добровольнаго содѣйствія этихъ силъ, до общей воли, соединяющей и укрощающей ихъ,—общество, говорю я, страстно жаждетъ верховной власти, которой принуждены были бы подчиниться всѣ частныя лица; и лишь только является какое нибудь учрежденіе, носящее въ себѣ нѣкоторые признаки правомѣрной верховной власти, обѣщающее установить дѣйствіе этой власти,—общество страстно примыкаетъ къ такому учрежденію, подобно изгнаннику, укрывающемуся въ церковной обители.

Такія явленія нерѣдки во времена юности народовъ, въ эпохи подобныя той, которую мы недавно изучали. Королевская власть вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ эпохамъ броженія, когда общество жаждетъ правильной организаци, устройства, но не умѣетъ воспользоваться для этого согласнымъ и свободнымъ содѣйствіемъ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ силъ. Бываютъ и другія эпохи, когда польза королевской власти обуславливается совершенно иными причинами. Почему республиканскій Римъ, до такой степени близкій къ распаденію, существовалъ еще пятнадцать столѣтій подъ именемъ имперіи, которая въ сущности была не чѣмъ инымъ, какъ систематическимъ упадкомъ, продолжительною агоніею? Это было дѣломъ монархической власти; она одна только могла поддерживать общество, которому угрожалъ разрушеніемъ эгонизмъ. Императорская власть пятнадцать вѣковъ предупреждала паденіе Рима. Итакъ, въ извѣстныя времена одна только королевская власть можетъ замедлить распаденіе общества; бываютъ и другія времена, когда она одна можетъ ускорить возникновеніе общества,—въ обоихъ случаяхъ потому именно, что она яснѣе, сильнѣе всякой другой формы правленія представляетъ собою идею правомѣрной верховной власти и пользуется вліяніемъ, свойственнымъ этой власти. Въ какую бы эпоху мы ни разсматривали королевскую власть, мы увидимъ, что ея существенный характеръ, нравственное начало, истинное ея значеніе, ея внутренняя сила, заключается въ слѣдующемъ: она есть образъ, олицетвореніе, ви́днѣйшій представитель той единственной, высшей, несомнѣнно законной воли, которая одна имѣетъ право управлять обществомъ.

Разсмотримъ теперь королевскую власть съ другой точки зрѣнія, т. е. въ ея измѣчивости, въ разнообразіи исполненныхъ ею ролей и произведенныхъ ею послѣдствій; мы должны дать себѣ отчетъ въ этомъ явленіи и опредѣлить его причины.

При этомъ анализѣ мы немедленно можемъ возвратиться къ исторіи, и именно къ занимающей насъ исторіи европейской цивилизаціи. По странному стеченію обстоятельствъ, королевская власть въ новѣйшей Европѣ проявилась во всѣхъ тѣхъ формахъ, въ какихъ представляетъ ее вообще всемірная исторія. Если бы можно было употребить математическое выраженіе, то я сказалъ бы, что королевская власть въ Европѣ была какъ бы производною всѣхъ возможныхъ родовъ королевской власти. Я изложу ея исторію между V и XII вв.; вы увидите, сколько различныхъ формъ она принимала, и до какой степени проявился въ ней характеръ разнообразія, сложности, борьбы, свойственный вообще всей европейской цивилизаціи.

Въ V вѣкѣ, въ эпоху вторженія германцевъ, двѣ королевскія власти стоятъ одна противъ другой: власти варварская и императорская—власть Хлодвига и власть Константина—весьма различны какъ въ своихъ началахъ, такъ и въ результатахъ. Варварская королевская власть по существу своему есть власть избирательная: германскіе короли были избираемы, хотя избраніе ихъ, совершалось и не въ тѣхъ формахъ, съ которыми мы теперь привыкли соединять эту идею; это были военачальники, власть которыхъ должна была быть свободно признана множествомъ товарищей, дружинниковъ, повинующихся храбрѣйшему, искуснѣйшему изъ ихъ среды. Избраніе—вотъ источникъ варварской королевской власти, ея первоначальный, существенный характеръ. Но уже въ пятомъ вѣкѣ этотъ характеръ королевской власти нѣсколько измѣнился: въ составъ ея уже въ то время вошли другіе, разнородные элементы. Начальники нѣкоторыхъ племенъ властвовали довольно долго: одни семейства сдѣлались болѣе вліятельными, могущественными, богатыми, нежели другія. Отсюда начало наслѣдственности: военачальниковъ стали избирать почти исключительно изъ этихъ семействъ. Вотъ первый посторонній элементъ, присоединившійся къ господствовавшему избирательному началу. Другая идея, другой элементъ также проникъ въ институтъ королевской власти,—это элементъ религіозный. У нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ, напр. у Готовъ, существовало убѣжденіе, что семейства королей

происходятъ отъ семействъ боговъ, или героевъ, признанныхъ богами, какъ напр. Одина. Въ такомъ же положеніи находились цари, описываемые Гомеромъ: они также происходили отъ боговъ и полубоговъ, и потому пользовались особымъ религіознымъ почитаніемъ, несмотря на всю ограниченность ихъ власти.

Такова варварская королевская власть въ V вѣкѣ, уже успѣвшая сдѣлаться разнохарактерною и неопредѣленною, хотя въ ней и господствуетъ еще первоначальный ея принципъ.

Перехожу къ римской императорской, монархической власти. Она представляется въ совершенно другомъ видѣ: она — олицетвореніе государства, преемница державныхъ правъ и величія римскаго народа. Взгляните на монархію Августа, Тиберія: императоръ — это представитель сената, коммисъ, цѣлой республики, онъ наследуетъ ей; она сосредоточивается въ его лицѣ. Не доказывается ли это скромностью рѣчей первыхъ императоровъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были люди со смысломъ и понимали свое положеніе? Они чувствовали себя въ присутствіи народа, незадолго предъ тѣмъ еще обладавшаго державностью, а теперь отрекшагося отъ нея въ ихъ пользу; они говорили съ нимъ какъ его представители, уполномоченные, но на самомъ дѣлѣ пользовались съ ужасающею силою всею властью народа. Такое преобразование для насъ весьма понятно; мы сами были свидѣтелями подобнаго явленія; мы видѣли, какъ верховная власть отъ народа перешла къ одному человѣку: это исторія Наполеона. И онъ былъ олицетвореніемъ державнаго народа; онъ безпрестанно вспоминалъ о томъ. Онъ говорилъ: «Кто, подобно мнѣ, былъ избранъ 18 милліонами людей? Кто, подобно мнѣ, былъ истиннымъ представителемъ народа?» И когда на его монетахъ вычеканено было съ одной стороны «*Французская республика*», а съ другой «*Наполеонъ Императоръ*», не подходило ли это къ вышеизложенному факту, не было ли это олицетвореніемъ народа, сдѣлавшагося монархомъ?

Таковъ былъ основной характеръ императорской монархической власти; она удержала его въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ имперіи, и даже не ранѣе, какъ при Діоклетіанѣ, выработала окончательную форму свою. Но уже въ это время она была близка къ велпкой перемѣнѣ: уже зарождался новый видъ королевской власти. Въ теченіе трехъ вѣковъ христіанство старалось ввести въ имперію религіозный элементъ. При Константинѣ ему удалось доставить этому элементу, если не преобладающее, то по крайней мѣрѣ важное значеніе.

Здѣсь монархическая власть представляется съ совершенно другой стороны; происхожденіе ея не на землѣ; государь уже не представитель общественной верховной власти: онъ образъ Божій, представитель, посланникъ Божества. Власть нисходитъ къ нему сверху внизъ, между тѣмъ какъ въ императорской монархіи власть восходила снизу вверхъ. Положенія эти совершенно несходны между собою; столь же различны и послѣдствія ихъ. Съ принципомъ религіозной королевской власти трудно совмѣстить свободу и политическія гарантіи, но самый принципъ—возвышенный, нравственный, благотворный. Вотъ идея, сложившаяся о королѣ въ VII вѣкѣ, подъ вліяніемъ системы религіозной королевской власти;—мы видимъ ее въ положеніяхъ толедскаго собора:

«Король зовется королемъ (*rex*) отъ того, что онъ управляетъ справедливо (*recte*). Дѣйствуя справедливо, онъ законно обладаетъ именемъ короля; но дѣйствуя безъ справедливости, онъ презрѣнно теряетъ его. Поэтому предки наши не безъ причины говорили: *rex ejus eris si resta facis; si autem non facis, non eris*. (Дѣйствуя справедливо, будешь ихъ королемъ; дѣйствуя несправедливо—не будешь), Двѣ главныя королевскія доблести суть—справедливость и истина.

«Королевская власть, какъ и народы, обязана уважать законы. Повинуясь волѣ небесъ, мы даемъ самимъ себѣ, наравнѣ съ нашими подданными, мудрые законы, которымъ наше собственное величество и величество нашихъ преемниковъ обязано повиноваться, подобно тому, какъ повинуются имъ все народонаселеніе нашего королевства.

«Богъ, создатель всего міра, организуя человѣческое тѣло, вверху его поставилъ голову, и оттуда провелъ первыя во всѣ части его. Онъ помѣстилъ въ головѣ и свѣтильникъ очей, съ тѣмъ, чтобы она могла различать все вредное. Онъ установилъ силу разума, возложивъ на нее управленіе всѣми частями тѣла и мудрое распоряженіе ихъ дѣйствіями. Поэтому нужно прежде всего опредѣлить то, что касается государей, озаботиться о безопасности ихъ, оградить ихъ жизнь, и потомъ устроить все то, что относится къ народамъ, такимъ образомъ, чтобы обезпечивая какъ слѣдуетъ безопасность королей, обезпечить вмѣстѣ съ тѣмъ и безопасность народовъ¹⁾.»

Но въ систему религіозной королевской власти съ теченіемъ времени всегда входитъ другой, независимый отъ нея

¹⁾ Forum judicium.

элементъ. Рядомъ съ нею появляется новая сила, болѣе нежели самая королевская власть приближенная къ Богу, т. е. къ источнику этой власти. Между Богомъ и королями, между королями и народами становится духовенство, церковная власть; такъ что королевская власть, образъ Божества на землѣ, подвергается опасности спизойти на степень орудія земныхъ истолкователей божественной воли. Новая причина колебанія самаго учрежденія.

Вотъ различные роды королевской власти, проявлявшіеся въ V вѣкѣ на развалинахъ Римской имперіи: власть варварская, власть императорская и власть религіозная,—послѣдняя еще въ самомъ началѣ своего развитія. Участъ ихъ столь же разнородна, какъ и ихъ начала. Во Франціи, варварская королевская власть преобладаетъ во все время царствованія первой династіи. Были, правда, попытки духовенства сообщить ей императорскій или религіозный характеръ; но господствующимъ принципомъ ея тѣмъ не менѣе остается избраніе изъ среды королевскаго семейства, съ нѣкоторою примѣсью наследственности и религіозныхъ идей.

Въ Италіи, у остготовъ, императорская королевская власть обуздываетъ варварскіе обычаи. Теодорихъ признаетъ себя преемникомъ императоровъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно прочесть сочиненія Кассіодора.

Въ Испаніи королевская власть представляется болѣе религіозною, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Верховная власть или, по крайней мѣрѣ, преобладающее вліяніе принадлежитъ толедскимъ соборамъ; поэтому, религіозный характеръ господствуетъ, если не собственно въ управленіи вестготскихъ королей, то въ законахъ, въ принципахъ, которые внушаетъ имъ духовенство.

Въ Англіи, у саксовъ, почти вполнѣ сохраняются варварскіе нравы. Королевства гентархіи суть ничто иное, какъ владѣнія различныхъ дружинъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего начальника. Военное избраніе здѣсь очевидно, чѣмъ гдѣ-либо. У англо-саксовъ мы находимъ коренной типъ варварской королевской власти.

Такимъ образомъ, между V и VI вв., въ ту эпоху, когда обнаруживаются всѣ три рода королевской власти, каждый изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, получаетъ перевѣсъ въ одномъ изъ различныхъ государствъ Европы.

Царившій въ то время хаосъ былъ такъ великъ, что не могло утвердиться никакого общаго, постояннаго учрежденія.

Переходя отъ одной превратности къ другой, королевская власть достигла VIII столѣтія, не выработавъ никакого опредѣленнаго характера.

Около половины VIII вѣка, одновременно съ торжествомъ второй династіи франкскихъ королей, событія обобщаются, уясняются; они совершаются въ болѣе большихъ размѣрахъ и потому легче могутъ быть поняты; послѣдствія ихъ становятся болѣе замѣтными. Въ короткій промежутокъ времени всѣ роды королевской власти смѣняютъ другъ друга, смѣшиваются, оставляя очевидные слѣды своего существованія.

Когда Карловинги заступаютъ мѣсто Меровинговъ, то при этомъ происходитъ замѣтное возвращеніе къ принципу варварской королевской власти; опять проявляется избирательное начало, Пипина Короткаго избираютъ въ Суассонѣ. Первые Карловинги, надѣляя своихъ сыновей королевствами, заботятся о томъ, чтобы важнѣйшія лица назначаемыхъ государствъ признали новыхъ королей; производя раздѣлы, они не упускаютъ изъ виду утвержденіе его народными собраніями. Словомъ, избирательное начало, въ формѣ народнаго согласія, снова получаетъ нѣкоторое значеніе. Припомнимъ, что воцареніе династіи Карловинговъ было до нѣкоторой степени новымъ нашествіемъ германцевъ на западъ Европы и принесло съ собою какъ бы призракъ ихъ древнихъ учрежденій, древнихъ правовъ.

Въ то же время, религіозное начало яснѣе прежняго входитъ въ составъ королевской власти и начинаетъ играть въ ней болѣе важную роль. Пипинъ признанъ и посвященъ папою; онъ нуждается въ религіозной санкціи; папская власть уже могущественная сила, и потому онъ заискиваетъ въ ней. У Карла Великаго та же забота; религіозная королевская власть развивается все болѣе и болѣе. Однако, не она является господствующею отличительною чертою царствованія Карла Великаго; онъ очевидно стремится къ восстановленію императорской монархической власти. Хотя онъ и вступаетъ въ союзъ съ духовенствомъ, но не служитъ орудіемъ его, а скорѣе употребляетъ его для своихъ цѣлей. Идея обширнаго государства, сильной политической единицы, восстановленіе Римской имперіи—вотъ любимая идея, любимая мечта Карла Великаго.

Онъ умираетъ; ему наследуетъ Людовикъ Благочестивый. Всѣмъ извѣстно, какимъ характеромъ облеклась на время королевская власть: король подпадаетъ вліянію духовенства, которое судитъ его, низлагаетъ, снова восстанавливаетъ, управ-

леть имъ; повидимому, религіозная королевская власть готовится окончательно снизойти на степень власти подчиненной. Итакъ, между серединою VIII и серединою IX вѣка, проявляются три различные рода королевской власти.

По смерти Людовика Благочестиваго, при томъ раздѣленіи, въ которое впадаетъ Европа, всѣ три рода королевской власти исчезаютъ почти совершенно; все смѣшивается въ одну нестройную массу. Черезъ нѣсколько времени, когда феодальное устройство получаетъ преобладаніе, является четвертый родъ королевской власти, отличный отъ всѣхъ, до этихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами,—это феодальная королевская власть. Она весьма сложна и съ трудомъ поддается опредѣленію. Говорили, что король, въ феодальной системѣ, былъ сюзереномъ изъ сюзереновъ, сеньоромъ изъ сеньоровъ, что онъ находился въ прочной, іерархической связи съ цѣлымъ обществомъ, и что, собирая вокругъ себя своихъ вассаловъ, потомъ вассаловъ своихъ вассаловъ, и т. д.,—онъ собиралъ весь народъ и являлся королемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, такова теорія феодальной королевской власти; но это чистая, отвлеченная теорія, никогда не имѣвшая приложенія на практикѣ. Это общее вліяніе короля чрезъ посредство іерархической организаціи, эта связь, соединявшая королевскую власть съ цѣлымъ феодальнымъ обществомъ,—все это не что иное, какъ мечты историковъ. На самомъ дѣлѣ, большинство феодальныхъ владѣльцевъ были въ эту эпоху совершенно независимы отъ королевской власти; многіе изъ нихъ едва знали ее по имени и имѣли съ нею весьма мало сношеній, а иногда и вовсе не имѣли ихъ. Всѣ власти были мѣстные, независимыя. Имя короля, носимое однимъ изъ феодальныхъ владыкъ, представляло собою скорѣе воспоминаніе, нежели фактъ.

Вотъ состояніе королевской власти въ X и XI вѣкахъ. Въ XII вѣкѣ, въ царствованіе Людовика Толстаго, положеніе дѣлъ начинаетъ измѣняться; чаще слышится имя короля; вліяніе его проникаетъ въ такія мѣста, которыя были для него прежде недоступны; роль его въ обществѣ становится болѣе дѣятельною. Если мы спросимъ себя, на основаніи какого права совершилось такое преобразование, то не узнаемъ ни одного изъ правъ, во имя которыхъ до тѣхъ поръ дѣйствовала королевская власть. Теперь она расширяется и укрупняется уже не какъ наслѣдіе римскихъ императоровъ, не во имя императорской монархіи и не въ силу избирательнаго

права, а также не въ силу права Божественнаго. Всякіе признаки избирательнаго права исчезли: принципъ наслѣдственности престола восторжествовалъ окончательно, и хотя религія и освящаетъ еще воцареніе королей, но никто, повидимому, не обращаетъ больше вниманія на религіозный характеръ королевской власти. Новый элементъ, небывалый прежде, проявляется въ королевской власти; она вступаетъ въ новый періодъ своего существованія.

Общество, какъ уже сказано, находилось въ то время въ состояніи анархическомъ; оно было жертвою безпрестанныхъ насилій. Оно само не обладало никакими средствами къ выходу изъ этого печальнаго состоянія, оно не могло возстановить въ своей средѣ никакой правильности, никакого единства. Феодальныя учрежденія, парламенты бароновъ, сеніоріальныя суды, всѣ формы, подъ которыми въ новѣйшее время выставляли феодализмъ, какъ систематическую и правильную организацію,—все это въ дѣйствительности было лишено силы и не могло служить къ водворенію порядка и справедливости. Среди общественныхъ бѣдствій, не знали, къ кому прибѣгнуть, чтобы прекратить вопіющую несправедливость, загладить великое зло, словомъ,—чтобы устроить государство. Оставалось имя короля; его носилъ феодальный владѣлецъ,—къ нему и обратились въ этой крайности. Различныя права, которыми до того времени обладала королевская власть, не имѣли большого значенія, но память о нихъ сохранялась во многихъ умахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, впрочемъ, давали себя чувствовать. Къ королю начали прибѣгать, когда нужно было остановить возмутительное насиліе, водворить нѣкоторый порядокъ въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ королевскою резиденціею, прекратить какой-либо продолжительный споръ. На разрѣшеніе короля стали поступать дѣла, не имѣвшія прямого отношенія къ его собственнымъ интересамъ; онъ началъ дѣйствовать, какъ покровитель общественнаго порядка, какъ посредникъ, какъ гонитель неправды. Властью этою, увеличивавшеюся все болѣе и болѣе, онъ былъ обязанъ нравственному авторитету, съ которымъ не переставало соединяться его имя.

Таковъ характеръ, который носитъ королевская власть со временъ Людовика Толстаго и аббата Сугерія. Въ первый разъ зарождается въ умахъ—хотя и слабо, неполно, неопредѣленно—идея общественной власти, отличной отъ всѣхъ мѣстныхъ властей, въ рукахъ которыхъ находится общество,—власти, предназначенной воздавать справедливость тѣмъ, кто не мо-

жетъ получить ее обыкновенными средствами, способной установить или, по крайней мѣрѣ, узаконить порядокъ; зарождается идея высшей власти, существенное призваніе которой— поддерживать и возстановлять спокойствіе, покровительствовать слабымъ, разрѣшать споры, которымъ никто не можетъ положить конца. Вотъ совершенно иной характеръ, который, съ XII вѣка, въ Европѣ, и особенно во Франціи, становится принадлежностью королевской власти. Она уже не можетъ быть признана ни религіозною, ни варварскою, ни императорскою; сила ея ограничена, неполна, случайна; это какъ бы власть (я не знаю болѣе точнаго выраженія) высшаго мирового судьи въ государствѣ.

Таково истинное происхожденіе новѣйшей королевской власти, ея жизненный принципъ, развившійся въ ея дѣятельности и, скажу не колеблясь, рѣшившій успѣхъ ея. Въ различные эпохи исторіи мы встрѣчаемся вновь съ различными, описанными мною, родами королевской власти; каждый изъ нихъ по очереди пытается возратить себѣ утраченное господство. Такъ, напримѣръ, духовенство постоянно проповѣдывало религіозную королевскую власть; юристы старались воскресить императорскую монархію; дворянство иногда обнаруживало желаніе возстановить избирательную или поддерживать феодальную королевскую власть. И не только духовенство, юристы, дворянство старались дать перевѣсъ той или другой королевской власти, но и она сама пользовалась всѣми ими для расширенія своего могущества. Короли называли себя то посланными отъ Бога, то наслѣдниками императоровъ, то первыми дворянами страны, смотря по надобности или по духу времени; они незаконно присвоивали себѣ эти различные качества, ни одно изъ которыхъ не составляетъ настоящаго могущества новѣйшей королевской власти, не служить источникомъ преобладающаго ея вліянія. Она явилась предъ народами, повторяю, какъ охранительница и покровительница общественнаго порядка, общей справедливости и общей пользы, какъ высшая общественная функція, какъ центръ и связь общества; въ силу этого она была принята народами, въ силу этого она соединила въ себѣ всѣ народныя силы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какимъ образомъ это свойство новѣйшей королевской власти, возникшее, повторяю, въ XII вѣкѣ, при Людовикѣ Толстомъ, будетъ расти, укрѣпляться и наконецъ, въ политическомъ отношеніи, сдѣлается отличительною чертою ея. Этимъ именно королевская власть

и содѣйствовала великому результату, характеризующему нынѣ европейскія общества,—соединенію всѣхъ общественныхъ элементовъ въ двѣ силы: правительство и народъ.

Итакъ, съ началомъ крестовыхъ походовъ Европа вступила на тотъ путь, который долженъ былъ привести къ настоящему ея состоянію; вы видѣли, какую роль королевская власть играла въ этомъ великомъ преобразованіи. Въ слѣдующей лекціи мы рассмотримъ различныя попытки политической организаціи, совершившіяся между XII и XVI вв., съ цѣлью устроить и поддержать это преобразованіе, несмотря на усилія феодализма, церкви и городскихъ общинъ, старавшихся устроить общество на основаніи его прежнихъ первообразныхъ началъ, и тѣмъ отстоять или вѣрнѣе вернуть свои утраченныя привилегіи.

ЛЕКЦІЯ ДЕСЯТАЯ.

Попытки согласить различные элементы новой Европы, сосредоточить ихъ въ одномъ и томъ же обществѣ, подъ одною и тою же центральною властью.—1) Попытка теократической организаціи.—Почему она не удалась.—Четыре главные препятствія.—Ошибки Григорія VII.—Реакція противъ господства церкви: со стороны народовъ; со стороны государей.—2) Попытки республиканской организаціи.—Итальянскія республики.—Ихъ недостатки.—Города южной Франціи.—Крестовый походъ Альбигойцевъ.—Швейцарскій союзъ.—Фландрскія и рейнскія городскія общины.—Ганзейскій союзъ.—Борьба феодальнаго дворянства и городскихъ общинъ.—3) Попытки смѣшанной организаціи.—Генеральные штаты во Франціи.—Испанскіе и португальскіе кортесы.—Англійскій парламентъ.—Особенность состоянія Германіи.—Безуспѣшность всѣхъ этихъ попытокъ.—Причины ея.—Общія стремленія Европы.

Прежде всего намъ необходимо съ точностью опредѣлить предметъ настоящей лекціи. Вспомнимъ, что одинъ изъ первыхъ фактовъ, указанныхъ мною,—это разнообразіе, разьединеніе, независимость элементовъ первобытнаго европейскаго общества. Феодальное дворянство, духовенство, городскія общины имѣли совершенно различное положеніе, различные законы и нравы; каждое изъ этихъ учреждений было какъ бы отдѣльнымъ обществомъ, управлялось собственными средствами и властью, по своимъ особымъ законамъ. Они находились между собою въ сношеніяхъ, въ соприкосновеніи, но не въ истинномъ единствѣ; они не составляли, строго говоря, ни государства, ни націи.

Сліяніе всѣхъ этихъ обществъ въ одно совершилось; оно, какъ мы уже видѣли, является отличительнымъ признакомъ новѣйшаго общества. Прежніе общественные элементы сведены къ двумъ: правительству и народу; различіе исчезло, сходство привело къ единству. Но прежде, нежели совершился этотъ результатъ, было много попытокъ предупредить его, дать всѣмъ отдѣльнымъ элементамъ общую жизнь и дѣятель-

ность, не уничтожая ни различія, ни независимости ихъ. Хотѣли соединить ихъ въ одно государство, образовать изъ нихъ одно національное тѣло, связать ихъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ, не касаясь ни положенія, ни привилегій ихъ, ни особенныхъ свойствъ ихъ. Ни одна изъ этихъ попытокъ не имѣла успѣха. Доказательствомъ тому служить именно упомянутый мною результатъ — единство новѣйшаго общества. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы еще сохранились остатки прежняго разнообразія общественныхъ элементовъ; такъ напримѣръ, въ Германіи есть еще настоящее феодальное дворянство, настоящая буржуазія; въ Англіи національная церковь имѣетъ еще общественные доходы и особый порядокъ судопроизводства; но отдѣльная жизнь всѣхъ этихъ учреждений существуетъ только повидимому; въ политическомъ отношеніи они всѣ слились въ одно общество, вошли въ составъ государства, управляются общественными властями, подчиняются одной и той же системѣ, увлекаются потокомъ однихъ и тѣхъ же идей и правовъ. Повторяю, даже тамъ, гдѣ еще существуетъ форма прежнихъ общественныхъ элементовъ, раздѣленіе и независимость ихъ не имѣютъ уже болѣе никакого реальнаго значенія.

Несмотря на то, попытки привести въ порядокъ общественные элементы, не измѣняя ни самой сущности ихъ, ни разнообразія, играли важную роль въ исторіи Европы; къ нимъ относится значительная часть событій разсматриваемой нами эпохи, которою первобытная Европа отличается отъ новѣйшей, эпохи, въ которой совершилось преобразование европейскаго общества. Онѣ не только играли изъ ней важную роль, но имѣли сильное вліяніе и на послѣдующія событія, на способъ приведенія всѣхъ общественныхъ элементовъ къ двумъ — правительству и народу. Вотъ почему весьма важно изучить и понять попытки политической организаціи, имѣвшія мѣсто въ промежутокъ времени между XII и XVI вѣк. съ цѣлью создать народы и правительства, не уничтожая различія восторженности обществъ, боровшихся между собою. Такова задача настоящей лекціи — задача очень трудная.

Не всѣ попытки политической организаціи были задуманы и совершены съ добрымъ намѣреніемъ: многія изъ нихъ сдѣланы были исключительно въ видахъ эгоизма и тираниі. Нѣкоторыя однако были вполне безкорыстны, и дѣйствительно имѣли предметомъ нравственное и общественное благо людей. Состояніе разъединенія, насилія, неправды, въ которомъ на-

ходило тогдaшнее общество, было невыносимо для великихъ умовъ, для возвышенныхъ сердець, и заставляло ихъ безпрестанно искать средствъ къ выходу изъ него. Но даже самыя лучшія изъ этихъ благородныхъ попытокъ не имѣли успѣха; столько мужества, жертвъ, усилій, доблестей не привели къ желанной цѣли: не печальное ли это зрѣлище? Но въ дѣйствительности оно еще печальнѣе. Эти попытки общественнаго усовершенствованія не только остались безъ успѣха, но къ нимъ присоединилась огромная масса заблужденій и зла. Вопреки благому намѣренію, опѣ по большей части были бессмысленны и свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи разума и справедливости, о глубокомъ непониманіи правъ человѣческаго рода и условій общественнаго быта; виновники попытокъ заслуживали своей неудачи. Итакъ, мы видимъ, здѣсь не только бѣдственную судьбу человѣческаго рода, но и нравственную немощь его. Мы видимъ, до какой степени самая малая доля истины можетъ поразить величайшіе умы, до какой степени она заставляетъ ихъ совершенно забыть все окружающее, дѣлаетъ ихъ слѣпыми для всего того, что не входитъ въ тѣсный кругъ ихъ излюбленной идеи; мы видимъ также, какъ одна хорошая сторона предпріятія можетъ затмить всѣ несправедливости, заключающіяся въ немъ и допускаемая имъ. Это доказательство порочности и несовершенства человѣка наводитъ на насъ еще большую грусть, чѣмъ всѣ бѣдствія его земной жизни; заблужденія его ужаснѣе его страданій. Попытки, о которыхъ я буду говорить, богаты и заблужденіями, и страданіями; рѣшимся взглянуть на это зрѣлище, сохраняя полное безпристрастіе къ этимъ людямъ, къ этимъ вѣкамъ, которые такъ часто заблуждались, потерпѣли такія страшныя неудачи, но тѣмъ не менѣе обнаружили столь великія доблести, выказали столь благородныя усилія и заслужили столь громкую славу.

Попытки политической организаціи, совершившіяся между XII и XVI вв., были двухъ родовъ: однѣ имѣли предметомъ доставить преобладаніе одному изъ общественныхъ элементовъ, — духовенству, феодальному дворянству или городскимъ общинамъ, — подчинить ему всѣ другіе, и этою цѣною купить единство. Другія — старались согласить всѣ отдѣльные элементы и дать имъ общую дѣятельность, гарантируя каждому изъ нихъ свободу и обезпечивая за нимъ извѣстную долю вліянія,

Попытки перваго рода больше возбуждаютъ подозрѣніе въ эгоизмъ и тиранин. Дѣйствительно, опѣ чаще носили въ себѣ

эти недостатки; онѣ по самой природѣ своей, должны были прибѣгать къ исключительно тираническимъ способамъ дѣйствія; однако многія изъ нихъ могли быть и на самомъ дѣлѣ были предприняты безкорыстно, въ видахъ блага и прогресса человѣческаго рода. Раньше всѣхъ другихъ представляется попытка теократической организаціи, т. е. стремленіе подчинить всѣ различныя общества началамъ и власти церкви.

Припомнимъ, что было сказано объ исторіи церкви. Я старался объяснить, какія начала развивались въ ея нѣдрахъ, въ какой степени законно было каждое изъ нихъ, какимъ образомъ они возникли изъ естественнаго хода событій, какія оказали услуги, какое причинили зло. Мы познакомились съ характерными чертами разныхъ состояній, чрезъ которыя прошла церковь между VIII и XII ст.; мы рассмотрѣли церковь императорскую, варварскую, феодальную, наконецъ теократическую. Предполагая, что все это свѣжо въ памяти, мы попытаемся теперь указать, что сдѣлало духовенство для приобрѣтенія господства надъ Европой, и почему оно не имѣло въ томъ успѣха.

Попытка теократической организаціи является очень раннею и обнаруживается какъ въ дѣйствіяхъ римскаго престола, такъ и вообще въ дѣйствіяхъ духовенства; она естественно происходила изъ политическаго и нравственнаго превосходства церкви; но съ первыхъ же шаговъ, она встрѣтила препятствія, которыхъ не могла преодолѣть даже во времена развитія своей наибольшей силы.

Первое препятствіе заключалось въ самой сущности христіанской вѣры. Рѣзко отличался въ этомъ отношеніи отъ большинства религіозныхъ вѣрованій, христіанство установилось путемъ убѣжденія чисто нравственнаго; оно не было при самомъ возникновеніи своемъ вооружено силою; въ первые вѣка своего существованія, оно покоряло исключительно словомъ и обращалось только къ душѣ человѣка. Вотъ почему церковь, даже послѣ торжества своего, при всѣхъ своихъ богатствахъ, при всемъ значеніи, не была облечена непосредственною правительственною властью. Въ дѣйтельности ея отражалось ея чисто нравственное происхожденіе. Обширно было ея вліяніе, но не власть. Она проникла въ муниципальныя учрежденія; могущественно дѣйствовала на императоровъ, на всѣхъ императорскихъ агентовъ; но положительное завѣдываніе общественными дѣлами, т. е. правительство въ собственномъ смыслѣ слова, не находилось въ рукахъ церкви. Но

косвеннымъ путемъ, путемъ простаго вліянія не можетъ установиться ни одна правительственная система, ни теократическая, ни какая либо другая; правительство должно судить, распоряжаться, повелѣвать, собирать подати, располагать доходами, однимъ словомъ управлять, фактически господствовать надъ обществомъ. Дѣйствуя убѣжденіемъ на народы и правительства, можно сдѣлать многое, можно приобрести сильное вліяніе, но нельзя управлять, нельзя основать систему, нельзя овладѣть будущимъ. Таково было положеніе христіанской церкви въ силу самаго ея происхожденія. Она всегда стояла рядомъ со свѣтскимъ правительствомъ, но никогда не могла устранить или замѣнить его. Вотъ серьезное препятствіе, котораго не могла преодолѣть попытка теократической организаціи.

Съ ранняго времени она встрѣчается также съ другимъ препятствіемъ. Послѣ паденія Римской имперіи, послѣ основанія варварскихъ государствъ, христіанская церковь находилась въ ряду побѣжденныхъ. Прежде всего она должна была выйти изъ этого положенія; она должна была начать обращеніемъ побѣдителей въ христіанскую вѣру и такимъ образомъ возвыситься на одинъ уровень съ ними. Достигнувъ этой цѣли и помышляя о преобладаніи, церковь столкнулась съ надменностью феодальнаго дворянства. Свѣтскій феодализмъ оказалъ при этомъ Европѣ огромную услугу; въ XI вѣкѣ народы были почти совершенно покорены церковью; государи едва могли защищаться противъ нея: одно феодальное дворянство никогда не подчинялось игу духовенства, никогда не унижалось предъ нимъ. Изучая общій характеръ среднихъ вѣковъ, нельзя не замѣтить странную смѣсь надменности и повиновенія, слѣпаго вѣрованья и свободы духа, господствовавшую въ отношеніяхъ свѣтскихъ феодальныхъ владыкъ къ духовенству. Припомнимъ замѣчанія наши о происхожденіи феодализма, о первоначальныхъ составныхъ частяхъ его, о способѣ образованія элементарнаго феодальнаго общества вокругъ феодальнаго владѣльца. Я выяснилъ, до какой степени священникъ въ этомъ обществѣ стоялъ ниже владѣльца. Среди феодальнаго дворянства навсегда сохранилось воспоминаніе такого положенія; оно постоянно считало себя не только независимымъ отъ церкви, но и вышимъ, пежели она; оно признавало лишь за собою право обладать, управлять страной; оно желало жить въ добромъ согласіи съ духовенствомъ, но съ тѣмъ, чтобы назначать ему его долю вліянія, а не принимать отъ него свою собственную. Въ те-

ченіи многихъ вѣковъ независимость общества отъ церкви была поддерживаема свѣтскою аристократіею; она гордо защищалась въ то время, когда смирились и короли, и народы, Она раньше всѣхъ другихъ общественныхъ силъ воспротивилась попыткѣ теократической организаціи и всего болѣе, быть можетъ, содѣйствовала неудачѣ этой попытки.

Третье обстоятельство, противодѣйствовавшее попыткѣ теократической организаціи, не обращало на себя, вообще говоря, должнаго вниманія, а послѣдствія его нерѣдко даже подвергались неправильной оцѣнкѣ. Вездѣ, гдѣ только духовенство овладѣвало обществомъ и подчиняло его теократической организаціи, власть всегда доставалось духовенству, допускавшему въ своихъ нѣдрахъ брачную жизнь, т. е. сословію священнослужителей, пополнявшемуся изъ своей собственной среды, воспитывавшему дѣтей своихъ для того же положенія, въ которомъ родились они. Пересмотрите исторію, обратитесь къ Азіи, къ Египту: всѣ великія теократіи были произведеніемъ духовенства, составлявшаго само по себѣ полное общество, почерпавшаго въ самомъ себѣ всѣ элементы своей силы и ничего не заимствовавшаго извнѣ. Христіанское духовенство, какъ безбрачное, находилось въ совершенно другомъ положеніи; чтобы продолжать свое существованіе, оно должно было постоянно прибѣгать къ свѣтскому обществу, обращаться для своего пополненія ко всѣмъ сословіямъ. Тщетно сословный духъ напрягалъ свои силы, чтобы подчинить себѣ эти чуждые ему элементы; въ новыхъ пришельцахъ всегда оставались нѣкоторые слѣды ихъ происхожденія; и горожане, и дворяне всегда сохраняли извѣстныя черты своего прежняго духа, своего первобытнаго состоянія. Безбрачіе священниковъ безъ сомнѣнія содѣйствовало отчужденію католическаго духовенства отъ прочихъ сословій; оно ставило его въ совершенно особенное положеніе, чуждое интересамъ и общественной жизни другихъ людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно принуждало его безпрерывно вступать въ сношенія съ свѣтскимъ обществомъ, обновлять, пополнять себя съ его помощью, принимать, переносить часть совершившихся тамъ нравственныхъ переворотовъ. Я не колеблюсь утверждать, что эта постоянно возрождающаяся необходимость причинила попыткѣ теократической организаціи гораздо болѣе вреда, нежели могъ принести ей пользы сословный духъ, поддерживаемый безбрачіемъ духовенства.

Наконецъ въ самыхъ нѣдрахъ духовенства встрѣтились могущественные противники этой попытки. Часто говорить о

единствѣ церкви; дѣйствительно, она постоянно стремилась къ нему, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благополучно достигла его. Не будемъ однако увлекаться ни блескомъ словъ, ни блескомъ отдѣльныхъ фактовъ. Въ какомъ обществѣ болѣе внутреннихъ раздоровъ, болѣе партій, нежели въ духовенствѣ? Какая нація раздѣлялась, волновалась, измѣняла свое направленіе чаще, нежели теократическая нація? Національныя церкви большей части европейскихъ государствъ почти безпрерывно борются съ римскимъ престоломъ, соборы съ папами; ереси безчисленны и безпрестанно возрождаются; постоянно есть поводъ къ расколу; нигдѣ не видно такого различія въ мнѣніяхъ, такого упорства въ борьбѣ, такого раздробленія власти. Внутренняя жизнь церкви, смуты, перевороты, обуревавшіе ее, были, можетъ быть, важнѣйшимъ препятствіемъ успѣху той теократической организаціи, которой она стремилась подчинить общество.

Всѣ эти препятствія становятся замѣтными уже въ V вѣкѣ, при самомъ зарожденіи великой попытки, разсматриваемой нами. Однако они не помѣшали продолженію ея, не помѣшали даже успѣху ея въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Наиболѣе знаменательнымъ ея моментомъ, рѣшительнымъ ея кризисомъ было правленіе Григорія VII, въ концѣ XII вѣка. Мы уже видѣли, что преобладающею идеею этого великаго человѣка было подчиненіе всего міра духовенству, духовенства—папской власти, Европы—обширной и благоустроенной теократіи. Въ стремленіи своемъ къ этой цѣли, Григорій VII, по моему мнѣнію и на сколько можно судить о столь отдаленныхъ событіяхъ, сдѣлалъ двѣ ошибки: одну какъ теоретикъ, другую—какъ революціонеръ. Первая состояла въ томъ, что онъ громко и ясно объявилъ о своемъ планѣ, систематически изложилъ свои убѣжденія о свойствахъ и правахъ духовной власти и заранѣе, съ желѣзною логикою, извлекъ изъ нихъ самыя отдаленныя заключенія. Такимъ образомъ, не обезпечивъ еще за собою средствъ къ побѣдѣ, онъ грозилъ нападеніемъ всѣмъ свѣтскимъ государямъ Европы. Въ дѣлахъ человѣческихъ успѣхъ не достигается такимъ самовластнымъ образомъ дѣйствій. Кромѣ того, Григорій VII впалъ въ ошибку, свойственную всѣмъ революціонерамъ: онъ пытался сдѣлать болѣе, нежели могъ исполнить, онъ не хотѣлъ принять возможное замѣру и предѣлъ своихъ усилій. Чтобы ускорить торжество своихъ идей, онъ вступилъ въ борьбу съ имперіею, со всѣми государями, даже съ духовенствомъ. Онъ не отказался ни отъ

одного вывода изъ своей теоріи, не пощадилъ ни чьихъ интересовъ; онъ громогласно объявилъ, что хочетъ властвовать и надъ царствами и надъ умами, и такимъ образомъ возстановилъ противъ себя съ одной стороны всѣ свѣтскія власти, утраченные неминуемою опасностью, съ другой—свободныхъ мыслителей, которые начинали появляться и уже чуждались тиранніи, тяготѣвшей надъ мыслью. Вообще, Григорій VII больше повредилъ, нежели помогъ осуществленію имъ задуманнаго предпріятія.

Однако, предпріятіе это продолжалось еще, и безъ успѣха, къ теченіе всего XII и до половины XIII вѣка. Это время величайшаго могущества церкви. Не думаю, чтобы она въ это время сдѣлала собственно значительный шагъ впередъ. До конца правленія Иннокентія III, она болѣе пользовалась своею славою и могуществомъ, нежели расширяла ихъ. Въ минуту наибольшаго, повидимому, успѣха своего, въ большей части Европы обнаруживается противъ нея народная реакція. На югѣ Франціи появляется ересь Альбигойцевъ, распространившаяся на цѣлое общество, обширное и сильное. Около того же времени на сѣверѣ, во Фландріи, также зарождаются подобныя идеи и желанія. Нѣсколько позже, въ Англіи, могущество церкви съ большою энергіею подрывается Виклефомъ, основателемъ секты, которой не суждено было погибнуть. На этотъ путь, вслѣдъ за народами, вскорѣ вступаютъ и государи. Въ началѣ XIII вѣка могущественнѣйшіе и искуснѣйшіе европейскіе государи—императоры Гогенштауфенскаго дома, погибаютъ въ борьбѣ съ папскою властью; но еще ранѣе конца того же столѣтія, Людовикъ Святой, благочестивѣйшій изъ королей объявляетъ независимость свѣтской власти и обнародываетъ первую прагматическую санкцію, послужившую основаніемъ всѣхъ прочихъ. Въ началѣ XIV вѣка завязывается споръ между Филиппомъ Красивымъ и Бонифациемъ VIII; столь же непокорнымъ Риму является и король англійскій Эдуардъ I.

Попытка теократической организаціи очевидно не удалась; съ тѣхъ поръ церковь принимаетъ оборонительное положеніе; она уже не надѣется покорить Европу и заботится единственно объ удержаніи прежнихъ приобрѣтеній своихъ. Эманципація свѣтскаго европейскаго общества относится къ концу XIII вѣка; съ этого времени церковь перестаетъ стремиться къ преобладанію надъ нимъ. Она еще ранѣе отказалась отъ этого стремленія къ той сферѣ, гдѣ повидимому должна была

имѣть наибольшій успѣхъ. Въ самомъ центрѣ церкви вокругъ ея престола, въ Италіи, теократія давно уже потерпѣла окончательную неудачу и уступила мѣсто совершенно другой системѣ—той демократической организаціи, типъ которой мы видимъ въ итальянскихъ республикахъ, и которая играла въ Европѣ столь блестящую роль, между XI и XVI вѣками.

Вы помните, сказанное мною объ исторіи городскихъ общинъ и о способѣ образованія ихъ. Въ Италіи онѣ развились раньше и были могущественнѣе, нежели въ другихъ странахъ; города Италіи были гораздо многочисленнѣе и богаче, чѣмъ города Галліи, Англіи, Испаніи; римское муниципальное устройство сохранило въ ней болѣе жизни и правильности. Итальянскія поля не представляли удобнаго мѣста жительства для новыхъ завоевателей. Они повсюду были обработаны, высушены, воздѣланы; они не были покрыты лѣсами; варвары не могли предаваться тамъ охотѣ въ обширныхъ размѣрахъ, не могли вести той жизни, какую вели въ Германіи. Притомъ, часть итальянской территоріи вовсе не принадлежала имъ. Южная Италія, Римъ и окрестности его, Равенна—по прежнему зависѣли отъ греческихъ императоровъ. Благодаря отдаленію государя и превратностямъ войны, въ этой части Италіи весьма рано утвердилось и развилось республиканское устройство. И не только Италія не вся принадлежала варварамъ, но самые варвары, завоевавшіе ее, не остались спокойными и окончательными ея владѣльцами. Остготы были разбиты и уничтожены Велизаріемъ и Нарциссомъ. Не лучше утвердилось и Лонгобардское королевство: оно было разрушено франками, и хотя Пипинъ и Карлъ Великій и пощадили лонгобардское народонаселеніе, но они поняли, что для борьбы съ недавно побѣжденными лонгобардами необходимо соединиться съ коренными жителями Италіи. Итакъ, въ противоположность прочимъ странамъ Европы, варвары не были исключительными, мирными владѣльцами итальянской территоріи, итальянскаго общества. Вотъ отчего по ту сторону Альпъ феодальные владѣльцы были слабы, малочисленны, безъ всякой связи между собою. Перевѣсъ по прежнему остался за городами, не переходя къ обитателямъ селъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Галліи. Когда такое положеніе дѣлъ обнаружилось съ полною ясностью, то большая часть феодальныхъ владѣльцевъ, добровольно или въ силу необходимости, оставили сельскую жизнь и переселились въ города. Варвары-дворяне сдѣлались горожанами.

Понятно, какую силу, какое превосходство, благодаря одному этому факту, приобрѣли итальянскіе города надъ другими городскими общинами Европы. Въ послѣднихъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, населеніе отличалось своею униженностью и робостью. Жителей ихъ мы сравнили съ вольноотпущенниками, съ трудомъ сопротивляющимися постоянно угрожающему имъ господину. Судьба итальянскихъ горожанъ была другая; здѣсь въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ смѣшались и побѣдители, и побѣжденные: города не имѣли надобности защищаться отъ сосѣднихъ владѣльцевъ; городскіе жители, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, были искони свободными гражданами, отстаивавшими свою независимость противъ чужеземныхъ, отдаленныхъ государей—то противъ франкскихъ королей, то противъ германскихъ императоровъ. Отсюда это огромное и раннее превосходство итальянскихъ городовъ; въ то время, какъ въ другихъ странахъ съ величайшимъ трудомъ образовались жалкія общины, здѣсь развились и утвердились республики, государства. Вотъ чѣмъ объясняется успѣхъ попытки республиканской организаціи въ этой части Европы. Республика здѣсь издавна обуздывала феодальный элементъ, и сдѣлалась господствующей формой общества. Но по самому свойству своему, она не могла ни утвердиться, ни распространиться въ немъ: она заключала въ себѣ весьма мало зародышей усовершенствованія, составляющихъ необходимое условіе развитія и прочности.

Всматриваясь въ исторію итальянскихъ республикъ отъ XI до XV вѣка, нельзя не обратить вниманіе на два факта, повидимому противорѣчащіе другъ другу, но тѣмъ не менѣе безспорные. Мы видимъ удивительное развитіе отваги, дѣятельности, генія—развитіе, влекущее за собою значительную степень благосостоянія; мы замѣчаемъ движеніе и свободу, которыхъ недостаетъ остальной Европѣ. Но спросимъ себя, какова была дѣйствительная судьба жителей, какъ проходила ихъ жизнь, сколько счастья выпадало на ихъ долю? Тогда представляется намъ совершенно другое зрѣлище. Нѣтъ, быть можетъ, исторіи болѣе печальной, болѣе мрачной; нѣтъ, быть можетъ, страны, въ которой жизнь людей подвергалась такимъ бурямъ, такимъ печальнымъ случайностямъ, въ которой было бы больше раздоровъ, преступленій, несчастій. Въ то же время насъ поражаетъ и другой фактъ: въ политическомъ устройствѣ большей части этихъ республикъ свобода постепенно уменьшается. Недостатокъ безопасности такъ чувствителенъ, что

партіи неизбѣжно должны искать убѣжища въ менѣ бурной, менѣ демократической системѣ, нежели та, при которой возникло государство. Возьмите исторію Флоренціи, Венеціи, Генуи, Милана, Пизы,—вездѣ вы увидите, что общій ходъ событій не только не развивалъ свободу, не расширялъ сферу политическихъ учрежденій, но, напротивъ того, клонился къ стѣсненію ихъ, къ сосредоточенію власти въ рукахъ меньшинства. Однимъ словомъ, этимъ столь энергичнымъ, блестящимъ, богатымъ республикамъ не доставало двухъ необходимыхъ благъ: безопасности—перваго условія общественнаго быта, и усовершенствованія политическихъ учрежденій.

Отсюда развилось новое зло, воспрепятствовавшее распространенію попытки республиканской организаціи. Величайшая опасность угрожала Италіи извнѣ, со стороны государей. Но и эта опасность никогда не могла примирить итальянскія республики, не могла побудить ихъ къ общей, совокупной дѣятельности: онѣ никогда не умѣли общими силами сопротивляться общему врагу. Вотъ почему многіе изъ просвѣщеннѣйшихъ итальянцевъ, лучшихъ патріотовъ нашего времени, оплакиваютъ средневѣковое республиканское устройство Италіи, какъ настоящую причину, по которой она не сдѣлалась націею: она раздробилась, по ихъ мнѣнію, на множество небольшихъ народовъ, недостаточно возвышавшихся надъ своими страстями, и потому не сумѣвшихъ образовать союзъ и соединиться въ одно государственное тѣло. Они сожальютъ, что отечество ихъ не прошло, подобно остальной Европѣ, чрезъ деспотическую централизацию, которая бы образовала изъ него народъ, и сдѣлала бы его независимымъ отъ иноземцевъ.

Итакъ, республиканская организація, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не содержала въ себѣ время началъ прогресса, прочности, расширенія; у нея не было будущности. Организацию Италіи въ средніе вѣка до извѣстной степени можно сравнить съ организаціей древней Греціи. Греція также состояла изъ небольшихъ республикъ, всегда соперничавшихъ между собою, часто враждебныхъ другъ другу, иногда соединявшихся для достиженія одной общей цѣли. Въ такомъ сравненіи, все преимущество на сторонѣ Греціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Аѣнахъ, въ Спартѣ, въ Оивахъ, не смотря на множество обнаруживаемыхъ исторіею несправедливостей, было гораздо болѣе порядка, безопасности, правосудія, нежели въ итальянскихъ республикахъ. Не смотря на это, какъ не продолжительно было политическое существованіе Греціи, ка-

кимъ источникомъ слабости служило для нея раздѣленіе территоріи и власти! Лишь только Греція вступила въ соприкосновеніе съ сосѣдними большими государствами, съ Македоніей и съ Римомъ,—она потеряла свою самостоятельность. Эти небольшія, столь славныя и недавно еще цвѣтущія республики не могли соединиться для противудѣйствія общему врагу. То же самое тѣмъ болѣе должно было случиться въ Италіи, гдѣ общество и человѣческій разумъ были гораздо менѣе развиты, менѣе сильны, нежели у грековъ.

Если республиканская организація не могла надолго утвердиться въ Италіи, гдѣ она сначала имѣла успѣхъ и одержала верхъ надъ феодальнымъ устройствомъ, то тѣмъ скорѣе она должна была пасть въ другихъ странахъ Европы. Бросимъ бѣглый взглядъ на судьбу ея въ этихъ странахъ.

Южная Франція и сосѣднія съ нею провинціи Испаніи—Каталонія, Наварра, Бискаія, во многомъ были сходны съ Италіей. И тамъ общины получили большое развитіе, приобрѣли значеніе и богатство. Съ горожанами соединились многіе небольшіе феодальные владѣльцы; на сторону ихъ перешла также часть духовенства; однимъ словомъ, положеніе этихъ провинцій довольно близко подходило къ положенію Италіи. Въ теченіи XI и въ началѣ XII вѣка города Прованса, Лангедока, Аквитаніи стремились приобрѣсти политическое значеніе, сдѣлаться независимыми республиками, подобно городамъ, лежавшимъ по ту сторону Альпъ. Но южная Франція находилась въ соприкосновеніи съ весьма сильнымъ феодализмомъ, феодализмомъ сѣверной Франціи. Появилась альбигойская ересь. Между Франціею феодальною и Франціею муниципальною возгорѣлась война. Вамъ извѣстна исторія крестоваго похода противъ альбигойцевъ, предпринятаго подъ предводительствомъ Симона Монфортскаго. Это была борьба сѣвернаго феодализма съ южною демократическою организаціею. Несмотря на усилія южнаго патріотизма, торжество осталось на сторонѣ сѣвера. Югу недоставало политическаго единства; цивилизація его еще не достигла той степени, при которой внѣшнее единство можетъ быть замѣнено единодушіемъ. Попытка республиканской организаціи была побѣждена, и крестовый походъ возстановилъ въ южной Франціи феодальное устройство.

Нѣсколько позже, республиканская попытка увѣнчалась большимъ успѣхомъ въ горахъ Швейцаріи. Театръ ея здѣсь былъ очень узокъ; ей предстояла борьба только съ чужеземнымъ государемъ, хотя болѣе сильнымъ, нежели Швейцарцы,

но не принадлежавшихъ къ числу могущественнѣйшихъ европейскихъ монарховъ. Борьба эта была ведена съ большою отвагою. Большинство швейцарскаго феодальнаго дворянства соединилось съ городами; эта поддержка во многомъ содѣйствовала революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ исказила ея значеніе, сообщивъ ей такой аристократическій и неподвижный характеръ, какимъ она повидимому не должна была бы отличаться.

Перехожу къ сѣверной Франціи, къ городскимъ общинамъ Фландріи, береговъ Рейна и Ганзейскаго союза. Здѣсь въ городахъ вполнѣ восторжествовала демократическая организація; но съ самаго начала видно, что ей не было суждено распространяться, не было суждено овладѣть всѣмъ обществомъ. Сѣверныя общины были окружены и стѣснены феодализмомъ, такъ что постоянно должны были находиться въ оборонительномъ положеніи. Ясно, что онѣ не могли и думать о завоеваніяхъ: онѣ заботились только о своей собственной защитѣ, по мѣрѣ силъ своихъ. Онѣ удерживаютъ свои привилегіи, но остаются заключенными въ свихъ стѣнахъ. Внутренностью городовъ и ограничивается здѣсь демократическая организація; она не идетъ далѣе, и мы напрасно стали бы искать ее гдѣ-либо еще.

Вотъ какова была судьба республиканской попытки: она торжествуетъ въ Италіи, но съ немногими задатками развитія и прочности; она побѣждена въ южной Франціи; она побѣждаетъ на небольшой аренѣ—въ швейцарскихъ горахъ, на сѣверѣ же, въ общинахъ Фландріи, береговъ Рейна и ганзейскаго союза, она лишена возможности выйти за предѣлы городскихъ стѣнъ. Но и въ такомъ положеніи, при очевидномъ неравенствѣ силъ ея съ силами другихъ общественныхъ элементовъ, она возбуждала въ феодальномъ дворянствѣ чрезвычайныя опасенія. Феодальные владѣльцы завидовали богатству городскихъ общинъ и страшились ихъ могущества; демократическій духъ проникалъ въ деревни и села, возстанія крестьянъ становились все чаще и упорнѣе. Почти во всей Европѣ, въ нѣдрахъ феодальнаго дворянства образовался обширный союзъ противъ городскихъ общинъ. Силы обѣихъ сторонъ были далеко не равномѣрны; городскія общины стояли отдѣльно другъ отъ друга; между ними не было ни связи, ни сношеній; дѣятельность ихъ была чисто-мѣстная. Конечно между горожанами различныхъ странъ существовала извѣстная симпатія; успѣхъ или неудача фландрскихъ городовъ въ борьбѣ ихъ съ бургундскими герцогами безъ сомнѣнія возбуждали живое уча-

стіе въ французскихъ городахъ; но между городами не устанавливалось ни дѣйствительной связи, ни единства; общины не оказывали никакой помощи другъ другу. Поэтому феодальная система имѣла предъ ними неизмѣримое преимущество; но, будучи сама разрознена и непослѣдовательна, она не могла уничтожить значеніе общинъ. Когда, послѣ продолжительной борьбы, феодальные владыки убѣдились въ невозможности полной, совершенной побѣды, то они поневолѣ рѣшились признать эти небольшія муниципальныя республики, вступить съ ними въ переговоры и принять ихъ въ число государственныхъ элементовъ. Тогда начался новый порядокъ, новая попытка политической организаціи: попытка смѣшанной организаціи, имѣвшая предметомъ согласить между собою всѣ общественные элементы — феодальное дворянство, городскія общины, духовенство, государей, дать имъ общую жизнь и дѣятельность. Намъ остается теперь рассмотретьъ эту послѣднюю попытку.

Всѣмъ конечно извѣстно, что такое генеральные штаты во Франціи, кортесы въ Испаніи и Португаліи, парламентъ въ Англіи, сеймъ въ Германіи. Вы знаете также, изъ какихъ элементовъ состояли эти различные собранія; они представляли сближеніе феодальнаго дворянства, духовенства и городскихъ общинъ, имѣвшихъ цѣлью соединиться въ одно общество, въ одно государство, подъ однимъ закономъ и одною властью. Вездѣ, подъ различными именами, мы видимъ одно и то же стремленіе, одну и ту же цѣль. Какъ образецъ этой попытки я приведу фактъ, наиболѣе занимательный для насъ и наиболѣе намъ извѣстный—генеральные штаты во Франціи.

Никто, въ настоящее время, не могъ бы сказать, что было опредѣленнаго, постояннаго въ генеральныхъ штатахъ Франціи, сколько числилось въ нихъ членовъ, что было предметомъ разсужденій ихъ, когда они созывались и какъ долго продолжались ихъ засѣданія. Все это рѣшительно неизвѣстно; исторія не даетъ по этому предмету никакихъ ясныхъ и твердыхъ указаній. Собранія эти съ перваго взгляда представляются простою случайностью, крайнею мѣрою, какъ для народовъ, такъ и для королей; для королей—когда у нихъ нѣтъ денегъ и они не знаютъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія; для народовъ—когда они не знаютъ какъ избавиться отъ тяготѣющаго надъ ними зла. Дворянство, духовенство засѣдаютъ въ генеральныхъ штатахъ, но являются туда съ нѣкоторою безпечностью; они хорошо понимаютъ, что не здѣсь главное поприще дѣятельности ихъ, что не этимъ способомъ они достигнуть пре-

обладающаго значеніе въ правительствѣ. Да и сами горожане оказываютъ не болѣе сочувствія къ генеральнымъ штатамъ; они видятъ въ нихъ не драгоценное право, но крайнюю необходимость. Обратимъ вниманіе на характеръ политической дѣятельности этихъ собраній. Они то совершенно ничтожны, то ужасны. Если сила на сторонѣ короля, то униженіе, покорность ихъ доходятъ до крайности; если же положеніе верховной власти затруднительно, если она необходимо пужается въ содѣйствіи штатовъ, тогда они становятся мятежными, дѣлаются орудіемъ какой-нибудь аристократической интриги или нѣсколькихъ честолюбцевъ. Однимъ словомъ, иногда это не болѣе, какъ совѣщательное собраніе потаблей, т. е. почетныхъ лицъ государства, иногда—настоящій конвентъ. Вотъ почему дѣла ихъ почти всегда исчезаютъ вмѣстѣ съ ними; они многое обѣщаютъ, многое начинаютъ, но ничего не исполняютъ. Изъ генеральныхъ штатовъ не вышло ни одной важной мѣры, которая имѣла бы рѣшительное вліяніе на французское общество, ни одной значительной реформы въ правительствѣ, въ законодательствѣ, въ администраціи. Не слѣдуетъ однако думать, что они не приносили никакой пользы, не оставляли никакихъ послѣдствій; они имѣли нравственное дѣйствіе, на которое, говоря вообще, обращаютъ слишкомъ мало вниманія; они были періодическимъ протестомъ противъ политическаго рабства, насильственнымъ провозглашеніемъ нѣкоторыхъ охранительныхъ принциповъ, напр. права страны подавать голосъ относительно платимыхъ ею налоговъ, принимать участіе въ своихъ дѣлахъ, подвергать отвѣтственности агентовъ правительства. Если эти принципы никогда не погибали во Франціи, то этому значительно содѣйствовали генеральные штаты; а поддерживать въ правахъ народа и оживлять въ его мысляхъ воспоминанія о свободѣ и о сопряженныхъ съ нею правахъ, значитъ оказывать народу немаловажную услугу. Генеральные штаты имѣли это достоинство; но они никогда не были правительственною системою, никогда не входили въ составъ политической организаціи, никогда, однимъ словомъ, не достигали той цѣли, съ которою были созываемы,—они не достигали сліянія въ одно цѣлое различныхъ обществъ, раздѣлявшихъ между собою господство въ странѣ.

Испанскіе и португальскіе кортесы представляютъ тотъ же конечный результатъ, среди множества самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Важность кортесовъ зависѣла отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Въ Аррагоніи, Бискайѣ, среди спо-

ровъ о наслѣдствѣ престола или во время борьбы съ маврами, они собирались чаще и пользовались большею силою. Иногда дворянство и духовенство вовсе не были призываемы въ кортесы, напр. въ Кастиліи въ 1370 и 1373 гг. При болѣе подробномъ изученіи событій, мы должны были бы обратить вниманіе на множество частности; но ограничиваясь, по необходимости, общими чертами, мы можемъ сказать положительно, что испанскіе кортесы, подобно генеральнымъ штатамъ во Франціи, были простою случайностью, а не системою, не политическою организаціею, не благоустроенною формою правленія.

Не то совершилось въ Англіи. Я не войду въ подробное разсмотрѣніе этого предмета. Я скажу только нѣсколько словъ о причинахъ, по которымъ Англія получила совершенно другое направленіе, нежели континентальная Европа. Прежде всего должно замѣтить, что въ Англіи не было могущественныхъ вассаловъ, не было подданныхъ, которые были бы въ состояніи лично бороться съ королевскою властью. Бароны и главнѣйшіе феодальные владыки Англіи издавна принуждены были соединяться для общей защиты и сопротивленія. Такимъ образомъ въ высшей аристократіи получили преобладаніе начала ассоціаціи и истинно политическіе права. Кромѣ того, англійскіе феодалы, владѣльцы небольшихъ феодаловъ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда событій, были принуждены къ союзу съ горожанами, и вмѣстѣ съ ними стали засѣдать въ палатѣ общинъ, которая такимъ образомъ получила гораздо большее значеніе, нежели континентальныя общины,—значеніе вполне достаточное для вліянія на правительство страны. Вотъ состояніе британскаго парламента въ XIV вѣкѣ: палата лордовъ была высшимъ совѣтомъ короля, совѣтомъ, дѣятельно участвовавшимъ въ управленіи государствомъ. Палата общинъ, составленная изъ депутатовъ отъ мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ и отъ горожанъ, не принимала почти никакого непосредственнаго участія въ правительствѣ; но она устанавливала права и весьма энергически защищала частные и мѣстные интересы. Парламентъ, разсматриваемый въ цѣломъ его составѣ, не имѣлъ еще правительственной власти, но былъ уже благоустроеннымъ учрежденіемъ, средствомъ правленія, признаннымъ въ теоріи и часто необходимымъ на практикѣ. И—такъ, попытка сближенія и союза между различными общественными элементами, съ цѣлью образовать изъ нихъ одно политическое тѣло—государство, удалась въ Англіи, потерпѣвъ неудачу на материкѣ Европы.

О Германіи скажемъ лишь пѣсколько словъ. Попытки сліянія, единства, общей политической организаціи не возбуждали въ ней большаго участія. Различные общественные элементы остались въ ней гораздо болѣе разрозненными и независимыми другъ отъ друга, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Доказательства этому можно найти даже въ новѣйшія времена. Германія была единственною страной Европы, гдѣ феодальный порядокъ избранія долгое время игралъ роль въ образованіи монархической власти—я не говорю ни о Польшѣ, ни о другихъ славянскихъ племенахъ, такъ поздно вступившихъ въ систему европейской цивилизаціи. Въ одной только Германіи сохранились также духовные государи, свободные города, облеченные верховною властью въ настоящемъ, политическомъ значеніи этого слова. Ясно, что попытки соединить въ одно цѣлое первобытные элементы европейскаго общества имѣли тамъ меньше значенія, нежели въ другихъ странахъ, и остались почти безъ послѣдствій.

Я указалъ на важнѣйшіе опыты политической организаціи, произведенные въ Европѣ до конца XIV и начала XV вѣка. Вы видѣли, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха. Я попытался мимоходомъ объяснить причины такой неудачи,—собственно говоря, всѣ эти причины сводятся къ одной: общество не было еще достаточно развито для того, чтобы достигнуть единства; все было еще слишкомъ мѣстно, разрозненно, узко, разнообразно, какъ въ жизни, такъ и въ убѣжденіяхъ людей. Не было ни общихъ интересовъ, ни общихъ мнѣній, которые могли бы одержать верхъ надъ частными интересами и мнѣніями. Самые возвышенные и смѣлые умы не имѣли никакого понятія объ администраціи и судѣ въ настоящемъ, общественномъ значеніи ихъ. Очевидно, что прежде всего дѣятельная, сильная цивилизація должна была смѣшать, сравнивать, соединить всѣ эти безсвязные элементы; интересы, законы, нравы, идеи должны были подвергнуться дѣйствию могущественной централизаціи; однимъ словомъ, должна была образоваться общественная власть, общественное мнѣніе. Мы вступаемъ въ эпоху, когда наконецъ совершилось это великое дѣло. Первые признаки его, состояніе умовъ и нравовъ въ теченіи XV вѣка, стремленіе ихъ къ образованію центральнаго правительства и общественнаго мнѣнія—таковъ будетъ предметъ слѣдующей лекціи.

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Особый характер XV вѣка.—Постепенная централизація народовъ и правительствъ.—1) Франція.—Возникновеніе національнаго французскаго духа.—Образъ правленія Людовика XI.—2) Испанія.—3) Германія.—4) Англія.—5) Италія.—Начало внѣшнихъ сношеній между государствами.—Движеніе религіозныхъ идей.—Попытки аристократической реформы.—Констанцскій и Базельскій соборы.—Попытка популярной реформы.—Іоаннъ Гусъ.—Возрожденіе литературы.—Благоговѣніе предъ древностью.—Классическая школа или школа свободныхъ мыслителей.—Общая дѣятельность.—Путешествія, открытія, изобрѣтенія.

Мы достигли порога новой исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, до порога того общества, которое, съ своими учрежденіями, мнѣніями, правами, сорокъ лѣтъ тому назадъ существовало еще во Франціи, понынѣ существуетъ въ остальной Европѣ и, несмотря на переворотъ, совершенный нашею революціею, все еще оказываетъ на насъ могущественное вліяніе. Я уже имѣлъ случай объяснить, что начало новѣйшаго общества относится, собственно говоря, къ XVI вѣку. До вступленія въ эту новую сферу, возобновимъ въ нашей памяти весь пройденный нами путь.

Мы различили, среди развалинъ Римской имперіи, всѣ существенные элементы нашей Европы; мы видѣли, какъ они отдѣлились другъ отъ друга, развивались каждый самъ по себѣ, независимо отъ прочихъ. Въ продолженіе первой исторической эпохи, мы замѣтили постоянное стремленіе этихъ элементовъ къ раздѣльности, замкнутости въ самихъ себѣ, къ мѣстному, узкому существованію. Но едва только эта цѣль повидимому была достигнута, едва только феодализмъ, городскія общины, духовенство, приняли каждый свою обособленную форму, заняли свое отдѣльное мѣсто, они немедленно направили свои усилія къ тому, чтобы сблизиться, соединиться, сложиться въ одно общество, образовать изъ себя націю, правительство. Съ этою цѣлью европейскія государства обращались ко всѣмъ разнороднымъ системамъ, одновременно существовавшимъ въ

Европѣ; принципъ общественнаго единства, политическую и нравственную связь они искали и въ теократіи, и въ аристократіи, и въ демократіи, и въ королевской власти. Но ни одна изъ этихъ попытокъ пока еще не имѣла успѣха; ни одной системѣ, ни одному вліянію не удалось завладѣть обществомъ, вдохнуть въ него общественную дѣятельность и жизнь. Причину такой неудачи мы нашли въ отсутствіи общихъ интересовъ и общихъ идей; мы признали, что все было слишкомъ индивидуально и мѣстно; что безъ продолжительнаго и могучаго дѣйствія централизующей силы, общество не могло расшириться и укрѣпиться, сдѣлаться въ одно и то же время обширнымъ и благоустроеннымъ—цѣль, къ которой оно по необходимости стремится. Вотъ въ какомъ положеніи мы оставили Европу въ концѣ XIV вѣка. Конечно, она понимала свое положеніе далеко не такъ ясно, какъ мы понимаемъ его въ настоящее время. Она не сознавала съ полною отчетливостью, чего ей недоставало, къ чему она должна стремиться. Однако она дѣйствовала такъ, какъ будто хорошо знала цѣль своихъ дѣйствій. Въ концѣ XIV вѣка, послѣ неудачнаго окончанія всѣхъ важнѣйшихъ попытокъ организаціи, Европа естественно и какъ бы инстинктивно вступила на путь централизаціи. Отличительнымъ характеромъ XV вѣка является постоянное стремленіе къ такому результату, стараніе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить духъ замкнутости, мѣстности, установить единство въ матеріальной и умственной дѣятельности людей, возвысить ее на одинъ общій уровень, образовать наконецъ то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ,—образовать правительства и народы. Появленіе этого факта относится къ XVI и XVII столѣтіямъ, но приготовленіе его—къ XV вѣку. Предметомъ изученія нашего будетъ теперь именно это приготовленіе, это тайное, скрытое стремленіе къ централизаціи, какъ въ общественныхъ отношеніяхъ, такъ и въ идеяхъ,—стремленіе, появившееся безъ предварительнаго размышленія, безъ опредѣленной цѣли, подъ вліяніемъ естественнаго хода событій.

Такимъ образомъ человѣкъ содѣйствуетъ исполненію плана, не имъ созданнаго, даже неизвѣстнаго ему; онъ разумный и свободный исполнитель чужаго дѣла, значеніе котораго онъ узнаетъ и пойметъ уже гораздо позже, когда оно проявилось въ дѣйствительности, во внѣшнемъ мірѣ; да и тогда онъ понимаетъ его далеко неполно и несовершенно. Тѣмъ не менѣе это дѣло совершается человѣкомъ, развитіемъ его ума,

его свободы. Представьте себѣ обширную машину, общая мысль которой доступна одному уму, а отдѣльныя части ввѣрены различнымъ работникамъ, разбросаннымъ, чуждымъ другъ другу; никто изъ нихъ не знакомъ со всѣмъ ея объемомъ, съ окончательнымъ, общимъ результатомъ, къ которому должны привести всѣ отдѣльныя усилія; но несмотря на это, каждый работникъ исполняетъ возложенное на него дѣло съ сознаниемъ и свободою, дѣйствуетъ обдуманно и добровольно. Вотъ какимъ образомъ осуществляются въ мірѣ руками человѣческими виды Провидѣнія; вотъ почему въ исторіи цивилизаціи одновременно проявляются два факта: съ одной стороны, то, что въ ней есть роковаго, недоступнаго человѣческому пониманію и волѣ; съ другой—то, что производится въ ней разумомъ и свободою человѣка, что онъ вноситъ въ нее собственною мыслию и желаніями.

Чтобы вполнѣ познакомиться съ XV вѣкомъ, чтобы дать себѣ ясный и подробный отчетъ въ этомъ, такъ сказать, преддверьи новѣйшаго общества, мы различимъ два главные рода фактовъ. Сначала мы рассмотримъ факты политическіе, перевороты, содѣйствовавшіе образованію націй или правительствъ. Потомъ мы перейдемъ къ нравственнымъ фактамъ, къ измѣненіямъ, происшедшимъ въ идеяхъ и правахъ, къ выработавшемуся подъ ихъ вліяніемъ общественному миѣнію. Для простѣйшаго и быстрѣйшаго обзорѣнія политическихъ фактовъ, мы рассмотримъ главнѣйшія страны Европы и покажемъ, что далъ имъ XV вѣкъ, въ какомъ положеніи онъ принималъ, въ какомъ оставилъ ихъ.

Начнемъ съ Франціи. Вторая половина XIV и первая половина XV вѣка были временемъ великихъ національных войнъ ея съ Англіей, временемъ борьбы, происходившей за независимость французской территоріи, французскаго имени противъ чужеземнаго владычества. Стоитъ только раскрыть исторію, чтобы увидѣть, съ какимъ жаромъ, несмотря на неоднократные раздоры и измѣны, всѣ сословія французскаго общества принимали участіе въ этой борьбѣ, какой патриотизмъ овладѣлъ тогда феодальнымъ дворянствомъ, буржуазіей, даже крестьянами. О народномъ характерѣ борьбы болѣе нежели достаточно свидѣтельствуетъ хотя бы одна исторія Іоанны д'Аркъ. Іоанна д'Аркъ вышла изъ народа; ее вдохновляли и поддерживали чувствованія, вѣрованія и страсти народа. Придворные, предводители войска смотрѣли на нее съ недовѣріемъ, ироніею, даже непріязнью, но солдаты и на-

родъ были на ея сторонѣ. На помощь жителямъ Орлеана она была послана лотарингскими крестьянами. Въ этомъ обстоятельстве всего яснѣе выражаются народный характеръ войны и сочувствіе, которое она возбуждала въ цѣлой странѣ. Вотъ какимъ образомъ было положено начало французской національности.

До восшествія на престолъ династіи Валуа, во Франціи господствуетъ феодальный характеръ; нѣтъ еще ни французской націи, ни французскаго духа, ни французскаго патріотизма. Съ династіей Валуа начинается Франція въ собственномъ смыслѣ слова. Война съ Англіей и всѣ превратности ея въ первый разъ соединили дворянство, буржуазію и крестьянъ одною нравственною связью—связью общаго имени, общей чести, общаго желанія побѣдить чужеземныхъ враговъ. Напрасно, впрочемъ, было бы искать въ эту эпоху истинно политическаго духа, великаго, сознательнаго единства въ правительствѣ и въ учрежденіяхъ, какъ мы теперь понимаемъ ихъ. Для Франціи того времени единство заключалось въ ея національной чести, въ существованіи національной королевской власти, какова бы она не была, лишь бы только въ ней не участвовали иноземцы. Въ этомъ именно смыслѣ борьба съ Англіей могущественно содѣйствовала образованію французской націи и стремленію ея къ единству.

Въ это время, когда созидалось нравственное могущество Франціи, развитіе ея національнаго духа,—въ это самое время она слагалась, такъ сказать, и матеріально, т. е. территорія ея устроивалась, расширялась, укрѣплялась. Это время присоединенія большей части провинцій, изъ которыхъ она составила. При Карлѣ VII, послѣ изгнанія англичанъ, почти всѣ принадлежавшія имъ провинціи—Нормандія, Ангумоа, Турень, Пуату, Септонжъ и др. окончательно сдѣлались французскими. При Людовикѣ XI, къ Франціи присоединены были еще десять провинцій, изъ которыхъ три впослѣдствіи были снова утрачены ею: Руссильонъ и Серданья, Бургундія, Франшъ-Конте; Пикардія, Артуа, Провансъ, Мень, Анжу и Першь. При Карлѣ VIII и Людовикѣ XII послѣдовательное супружество Анны Бретанской съ этими двумя королями доставило намъ Бретань. Такимъ образомъ въ одно и то же время и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же событій образовались и территорія, и національный духъ; Франція нравственная и Франція матеріальная вмѣстѣ приобрѣли силу и единство.

Перейдемъ отъ націи къ правительству: мы увидимъ, что

и здѣсь совершаются подобные факты, готовится подобный же результатъ. Никогда французское правительство не было до такой степени лишено внутренней связи, единства, силы, какъ при Карлѣ VI и въ первые времена царствованія Карла VII. Въ концѣ этого царствованія положеніе дѣлъ совершенно измѣняется. Власть очевидно укрѣпляется, расширяется, организуется; всѣ главнѣйшія правительственныя силы — налоги, войска и правосудіе — создаются въ обширныхъ размѣрахъ и съ нѣкоторымъ единствомъ. Это время образованія постоянныхъ войскъ, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ. Съ помощью этихъ войскъ Карлъ VII возстановилъ нѣкоторый порядокъ въ провинціяхъ, разоренныхъ насиліемъ и вымогательствомъ военныхъ людей, которые продолжали тяготѣть надъ страной даже и по окончаніи военного времени. Всѣ современные писатели удивляются изумительному дѣйствію вновь учрежденныхъ конныхъ отрядовъ. Съ того же времени прямой налогъ одинъ изъ главныхъ королевскихъ доходовъ, становится постояннымъ; это было тяжкимъ посягательствомъ на свободу народа, но могущественно содѣйствовало благоустройству и силѣ правительства. Въ то же время организуется и другое важное орудіе власти — судебная администрація; число парламентовъ умножается; въ весьма короткое время учреждается пять новыхъ парламентовъ: при Людовикѣ XI въ Греноблѣ (1451), Бордо (1462) и Дижонѣ (1477); при Людовикѣ XII въ Руанѣ (1499) и въ Э (1501). Парижскій парламентъ получаетъ гораздо болѣе постоянства и значенія, какъ въ отправленіи правосудія, такъ и въ завѣдываніи, полицейскою частью своего округа.

Итакъ, въ отношеніи къ войскамъ, налогамъ и судопроизводству, т. е. ко всѣмъ существеннымъ элементамъ своимъ, французское правительство приобрѣло въ XV вѣкѣ небывалый до того времени характеръ единства, правильности, определенности; общественная власть окончательно заступаетъ мѣсто феодальныхъ учрежденій. Къ этому же времени относится и другая перемѣна, менѣе замѣтная, менѣе обращающая на себя вниманіе историковъ, но можетъ быть, еще гораздо болѣе важная: это перемѣна, произведенная Людовикомъ XI съ способъ пользованія правительственною властью.

Много и часто говорятъ о борьбѣ Людовика XI съ высшими лицами королевства, объ униженіи ихъ, о расположеніи этого короля къ буржуазіи и къ людямъ низшихъ сословій. Въ этомъ есть доля правды, хотя многое и преувеличено; об-

разъ дѣйствій Людовика XI въ отношеніи къ различнымъ общественнымъ сословіямъ чаще смущалъ государство, чѣмъ приносилъ ему пользу. Но онъ совершилъ другое, несравненно важнѣйшее дѣло. До него правительство дѣйствовало почти исключительно силою, матеріальными средствами. Роль убѣжденія, ловкости, умѣнье обращаться съ умами, пользоваться ими для своихъ видовъ, т. е. роль политики въ собственномъ смыслѣ слова—политики лжи и обмана, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожности и умѣренности—была незначительна. Людовикъ XI замѣнилъ въ правительствѣ матеріальныя средства—умственными, силу—хитростью, политику феодальную—политикою итальянскою. Сравните людей, соперничество которыхъ наполняетъ эту эпоху нашей исторіи: Карла Смѣлаго и Людовика XI. Карлъ—представитель прежняго образа правленія; онъ дѣйствуетъ только насиліемъ, безпрестанно прибѣгаетъ къ войнѣ; для него невыносимо терпѣніе, ожиданіе; онъ не умѣетъ обращать умы людей въ орудіе своего успѣха. Наоборотъ, удовольствіе Людовика XI состояло въ томъ, чтобы избѣгать употребленія силы, овладѣвать людьми порознь, въ разговорѣ съ ними, посредствомъ искуснаго воздѣйствія на ихъ умы и интересы. Онъ измѣнилъ не учрежденія, не внѣшнюю систему правленія, но тайный образъ дѣйствій, тактику власти. Новѣйшимъ временамъ предоставлено было предпринять еще болѣе важный переворотъ—введеніе въ политическія средства и цѣли справедливости вмѣсто эгоизма, гласности вмѣсто обмана. Но тѣмъ не менѣе, отказаться отъ безпрестаннаго употребленія силы, обращаться преимущественно къ умственному превосходству, управлять съ помощью нравственнаго вліянія, а не вмѣшательства въ матеріальную жизнь, также значило сдѣлать большой шагъ впередъ. Этотъ именно шагъ и былъ въ первый разъ сдѣланъ Людовикомъ XI, который при всѣхъ своихъ преступленіяхъ и ошибкахъ, при всей испорченности своей природы, обладалъ свѣтлымъ умомъ и, благодаря ему, совершилъ указанную нами перемену.

Отъ Франціи переходу къ Испаніи, представляющей намъ подобное же зрѣлище. Національное единство Испаніи также образуется въ XV вѣкѣ. Въ это время прекращается, завоеваніемъ Гренадскаго королевства, продолжительная борьба христіанъ съ арабами; тогда же централизуется территорія; посредствомъ супружества Фердинанда Католическаго и Изабеллы, соединяются подъ одною властью два главные испанскія королевства: Кастилія и Арагонія. Какъ и во Франціи, коро-

левская власть расширяется и крѣпнѣтъ; опорой ей служатъ учрежденія болѣе суровыя, посящія болѣе мрачныя названія: вмѣсто парламентовъ является инквизиція. Она заключала въ себѣ зародыши всего того, чѣмъ сдѣлалась въ послѣдствіи; но въ началѣ она отличалась другимъ характеромъ, скорѣе политическимъ, нежели религіознымъ; она должна была болѣе поддерживать порядокъ, чѣмъ защищать вѣру. Аналогія между обѣими странами простирается далѣе учреждений — мы находимъ ее даже въ лицахъ. Фердинандъ Католическій близко подходитъ къ Людовику XI какъ къ личному характеру своему, такъ и по правительственной системѣ; онъ уступаетъ ему только въ тонкости, подвижности ума, въ безнокойной, суетливой дѣятельности. Я не приверженецъ произвольныхъ сближеній и параллелей; но здѣсь сходство глубокое какъ въ общихъ фактахъ, такъ и въ подробностяхъ.

Такіе же аналогичные факты находимъ мы и въ Германіи. Въ срединѣ XV вѣка, въ 1438 г., австрійскій домъ становится во главѣ имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ императорская власть приобретаетъ небывалую дотолѣ опредѣленность. Съ этого времени избраніе служить только къ подтвержденію наслѣдственности. Въ концѣ XV вѣка, Максимилианъ I окончательно утверждаетъ преобладаніе своего дома и правильную организацію центральной власти. Во Франціи, Карль VII первый образовалъ войско для поддержанія порядка; Максимилианъ, въ наслѣдственныхъ земляхъ своихъ, первый достигаетъ той же цѣли съ помощью того же самаго средства. Людовикъ XI установилъ во Франціи почту для писемъ — Максимилианъ I ввелъ ее въ Германію. Повсюду успѣхи цивилизаціи одинаково обращаются въ пользу центральной власти.

Исторія Англіи въ XV вѣкѣ представляетъ два главныхъ событія: внѣ государства — борьбу съ Франціею, внутри — войну алой и бѣлой Розы; другими словами — войну внѣшнюю и войну междоусобную. Эти столь различныя войны привели къ одному и тому же результату. Борьба съ Франціею страстно поддерживалась англійскимъ народомъ, но этою страстностью воспользовалась одна только королевская власть. Этотъ народъ, болѣе всѣхъ другихъ искусный и твердый въ защитѣ своихъ силъ и богатствъ, отдавалъ ихъ тогда безъ мѣры и безъ расчета королямъ. Въ царствованіе Генриха V, королю предоставленъ былъ пожизненно, съ самаго начала его правленія, одинъ изъ значительнѣйшихъ налоговъ — таможенный

сборъ. По окончаніи или по крайней мѣрѣ по прекращеніи виѣшней войны, междоусобная война, сначала соединенная съ виѣшнею, продолжалась независимо отъ нея: дома Йоркскій и Ланкастерскій оспариваютъ другъ у друга престолъ. Когда же наступилъ конецъ и этой кровавой распри, высшая англійская аристократія увидѣла себя раззоренною, малочисленною, лишенную возможности удержать свою прежнюю власть. Союзъ бароновъ уже не могъ господствовать надъ королями; на престолъ вступаютъ Тюдоры, и съ Генрихомъ VII, въ 1485 г., начинается эра политической централизаціи, торжество королевской власти.

Королевская власть не установилась въ Италіи, по крайней мѣрѣ подъ своимъ настоящимъ именемъ; но общій результатъ событій вслѣдствіе этого нисколько не измѣнился. Въ XV вѣкѣ падаютъ итальянскія республики; тамъ даже, гдѣ сохраняется это названіе, власть сосредоточивается въ рукахъ одной или нѣсколькихъ фамилій; республиканская жизнь исчезаетъ. Въ сѣверной Италіи, почти всѣ ломбардскія республики сливаются въ Миланскомъ герцогствѣ; въ 1434 г. Флоренція подпадаетъ подъ власть Медичей; въ 1464 г. Генуя подчиняется Милану. Большая часть республикъ, большихъ и малыхъ, уступаютъ мѣсто самодержавнымъ домамъ. Вслѣдъ за тѣмъ возникаютъ притязанія иностранныхъ державъ на сѣверъ и на югъ Италіи, на Миланское герцогство съ одной, и на Неаполитанское королевство съ другой стороны.

На какомъ бы европейскомъ государствѣ мы ни остановились, какую бы часть исторіи ни рассматривали,—вездѣ, какъ въ народахъ, такъ и въ правительствахъ, въ учрежденіяхъ и въ территоріяхъ, мы видимъ приближеніе къ концу прежнихъ элементовъ, прежнихъ формъ общества. Вѣковыя права и вольности исчезаютъ; возникаютъ новыя власти, болѣе правильныя и сосредоточенныя. Есть что-то глубоко грустное въ этой картишѣ паденія древнихъ европейскихъ вольностей; оно внушало современникамъ самыя горькія чувства. Во Франціи, въ Германіи, и особенно въ Италіи, патріоты XV столѣтія съ жаромъ сопротивлялись нововведеніямъ и отчаянно оплакивали совершающійся переворотъ, благодаря которому возникло то, что они имѣли право называть деспотизмомъ. Нужно удивляться мужеству ихъ и сочувствовать ихъ горю; но въ то же время слѣдуетъ понять, что этотъ переворотъ былъ не только неизбеженъ, но и полезенъ. Первоначальной системѣ Европы, древнимъ феодальнымъ и общиннымъ вольностямъ

не удалось дѣло общественной организаціи. Безъ безопасности и прогресса невозможна общественная жизнь. Всякая система, не дающая порядка въ настоящемъ и движенія къ будущему, оказывается недостаточною и скоро замѣняется другою. Такова была въ XV вѣкѣ участь древнихъ политическихъ формъ и вольностей Европы. Онѣ не могли дать обществу ни безопасности, ни прогресса: общество стало искать этихъ благъ въ другой системѣ, обратилось къ другимъ началамъ и средствамъ. Вотъ смыслъ всѣхъ фактовъ, которые я сегодня изобразилъ предъ вами.

Къ той же эпохѣ относится начало другого факта, занимающаго важное мѣсто въ политической исторіи Европы. Въ XV вѣкѣ взаимныя сношенія правительствъ сдѣлались болѣе частыми, правильными, постоянными. Тогда въ первый разъ образовались обширные союзы, то съ мирною, то съ воинственною цѣлью, изъ которыхъ въ послѣдствіи произошла система политическаго равновѣсія. Дипломатія существуетъ въ Европѣ съ XV столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ этого столѣтія главные континентальныя властители Европы — папы, миланскіе герцоги, венеціанцы, германскіе императоры, испанскіе и французскіе короли — сближаются, договариваются между собою, дѣйствуютъ заодно, заключаютъ союзы, уравниваютъ другъ друга. Такимъ образомъ, когда Карлъ VIII предпринимаетъ походъ для завоеванія Неаполитанскаго королевства, противъ него образуется обширный союзъ между Испаніею, папою и венеціанцами. Нѣсколько позже (1508 г.) составляется Камбрейскій союзъ противъ венеціанцевъ. Въ 1511 г. онъ уступаетъ мѣсто священному союзу, направленному противъ Людовика XII. Всѣ эти союзы возникли изъ итальянской политики, изъ желанія различныхъ государей сохранить свою долю итальянской территоріи и изъ опасенія, чтобы одинъ изъ нихъ не овладѣлъ ею исключительно и не упрочилъ тѣмъ самымъ за собою чрезвычайный перевѣсъ надъ прочими.

Этотъ новый порядокъ вещей былъ крайне благопріятенъ для развитія королевской власти. Съ одной стороны, внѣшнія сношенія государствъ, по самой природѣ своей, должны быть ведены только однимъ лицомъ или немногими лицами, и при томъ съ соблюденіемъ извѣстной тайны. Съ другой стороны, народы были настолько предусмотрительны, что не обращали вниманія на послѣдствія подобныхъ сдѣлокъ; они не видѣли въ нихъ непосредственнаго для себя интереса, мало заботи-

лись о нихъ, и представляли ихъ центральной власти. Вотъ почему дипломатія при самомъ рожденіи своемъ досталась въ руки королей; убѣжденіе, что она принадлежитъ имъ исключительно, что народъ, даже свободный, даже имѣющій право опредѣлять свои налоги и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, не можетъ вступаться въ дѣла внѣшнія, — убѣжденіе это, говорю я, утвердилось въ умахъ всѣхъ почти европейцевъ, какъ общепринятый принципъ, какъ положеніе общенароднаго права. Раскройте исторію Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ; вы увидите, какъ сильна была эта идея, и какою преградой она служила англійской свободѣ въ правленіе Елизаветы, Іакова I, Карла I. Абсолютная власть постоянно защищается противъ правъ народа во имя того принципа, что миръ и война, торговые сношенія, всѣ внѣшнія дѣла принадлежатъ къ сущности королевской прерогативы. Народы робко оспариваютъ эту часть прерогативы; и такая робость обошлась имъ тѣмъ дороже, что начиная съ эпохи, разсмотрѣніе которой теперь предстоитъ намъ, т. е. съ XVI столѣтія, европейская исторія становится по преимуществу дипломатическою. Въ продолженіе почти трехъ вѣковъ, внѣшнія сношенія составляютъ важнѣйшій фактъ этой исторіи. Внутренняя жизнь страны устривается правильнѣе; дѣла внутренняго управленія, по крайней мѣрѣ на материкѣ Европы, не производятъ уже сильныхъ потрясеній; не поглощаютъ всей общественной дѣятельности. Внѣшнія сношенія, войны, договоры, союзы обращаютъ на себя вниманіе и пополняютъ исторію, такъ что важнѣйшая часть судьбы народовъ предоставляется королевской центральной власти.

Это впрочемъ и должно было случиться почти неизбежно. Для того, чтобы общество съ успѣхомъ могло принимать участіе въ дѣлахъ такого рода, необходима высокая степень цивилизаціи, сильное развитіе политическаго такта и пріемовъ. Между XVI и XVIII вв., народы далеко не соответствовали этимъ условіямъ. Посмотрите, что происходило въ Англіи въ началѣ XVII вѣка, въ царствованіе Іакова I. Зять его, избранный въ короли Богеміи, потерялъ свою корону и лишился даже своихъ наслѣдственныхъ владѣній — палатината. Весь протестантскій миръ былъ заинтересованъ въ его дѣлѣ, и Англія принимала въ немъ живое участіе. Общественное мнѣніе возстало, чтобы принудить Іакова заступиться за зятя, возвратитъ ему палатинатъ. Парламентъ яростно требовалъ войны, обѣщая всѣ нужныя для того средства. Іаковъ не желалъ

войны: онъ медлитъ, пытался вступитъ въ переговоры, послалъ часть войска въ Германію и потомъ объявилъ парламенту, что для поддержанія борьбы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ необходимо 900,000 ф. ст. Никто не возразилъ, что расчетъ этотъ преувеличенъ, да и не было основанія сомнѣваться въ его вѣрности. Но парламентъ съ удивленіемъ и ужасомъ отступилъ предъ такимъ бременемъ, и не безъ труда назначилъ 70,000 фунт. ст. для возстановленія государя и завоеванія государства въ 300 миляхъ отъ Англіи. Таково было политическое невѣжество общества. Оно дѣйствовало безъ знанія фактовъ, вовсе не помышляя объ отвѣтственности. Вотъ главная причина, по которой внѣшнія сношенія сосредоточились въ рукахъ центральной власти: она одна только могла вести ихъ, не скажу въ видахъ общественной пользы,—на этотъ предметъ далеко не всегда было обращено должное вниманіе,—но съ нѣкоторою послѣдовательностью и здравымъ смысломъ.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали политическую исторію Европы въ эту эпоху,—во внутреннемъ ли состояніи государствъ или во внѣшнихъ сношеніяхъ ихъ между собою, въ военномъ устройствѣ, въ судопроизводствѣ, въ налогахъ,—ездѣ мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же характеръ, одно и то же стремленіе къ централизациі, къ единству, къ образованію и преобладанію общихъ интересовъ, общественной власти. Такова скрытая работа XV вѣка, работа не имѣвшая сначала никакого видимаго результата, не совершившая никакой замѣтной перемѣны, но приготовившая всѣ будущіе перевороты. Теперь я изложу факты другого рода—факты нравственные, относящіеся къ развитію человѣческаго разума, общихъ идей. И здѣсь мы увидимъ то же самое явленіе и придемъ къ тому же самому результату.

Начнемъ съ церкви. До XV вѣка, однѣ только религіозныя идеи имѣли въ Европѣ общее, могущественное значеніе и производили вліяніе на массу. Одна только церковь облечена была властью приводить ихъ въ порядокъ, обнародывать ихъ, дѣлать ихъ обязательными. Правда, нерѣдко проявлялись стремленія къ независимости, даже къ отдѣленію и церковь не безъ большаго труда побуждала эти стремленія; но какъ бы то ни было, она побуждала ихъ; вѣрованья, отвергнутыя церковью, не получали общаго и постояннаго господства надъ умами; даже Альбигойцы были уничтожены ею. Въ нѣдрахъ церкви постоянно существовали несогласія и распри, но онѣ не имѣли рѣшительныхъ и видимыхъ послѣдствій. Въ началѣ XV вѣка

обнаруживается фактъ совершенно другаго свойства. Новыя идеи, общія, всѣми признанныя потребности въ перемѣнахъ, въ реформахъ волнуютъ самую церковь. Конецъ XIV и начало XV вѣка ознаменованы великимъ западнымъ расколомъ, возникшимъ вслѣдствіе перенесенія папскаго престола въ Авіньонъ и появленія двухъ папъ—въ Авіньонѣ и въ Римѣ. Борьба обоихъ папъ и извѣстна именно подъ названіемъ великаго раскола. Онъ начался въ 1378 г. Въ 1409 г., пизанскій соборъ, съ цѣлью прекратить его, низлагаетъ обоихъ папъ и назначаетъ третьяго, Александра V. Въмѣсто того, чтобы усмириться, расколъ разгарається еще съ большею силою: папъ уже не двое, а трое. Беспорядки и злоупотребленія непрерывно возрастаютъ. Въ 1414 году, по вызову императора Сигизмунда, собирается констанцскій соборъ. Онъ памѣревается не только избрать новаго папу, но и предпринять церковную реформу. Прежде всего онъ провозглашаетъ неприкосновенность вселенскаго собора, его превосходство надъ папскою властью; онъ рѣшается сдѣлать эти начала преобладающими въ церкви и уничтожить вкравшіяся въ нее злоупотребленія, въ особенности же вымогательства, посредствомъ которыхъ римскій престоль добывалъ себѣ деньги. Съ этою цѣлью соборъ назначаетъ то, что мы теперь назвали бы слѣдственною коммисіею, т. е. реформаторскую коллегію изъ членовъ собора, принадлежавшихъ къ различнымъ народностямъ. На коллегію эту возлагается обязанность раскрыть злоупотребленія, оскверняющія церковь, отыскать средства къ уничтоженію зла и затѣмъ донести о томъ собору, который озаботится исполненіемъ предположенныхъ мѣръ. Но пока соборъ занятъ этою работою, ему предлагаютъ вопросъ: можно ли приступить къ исправленію злоупотребленія безъ видимаго участія главы церкви, безъ утвержденія папы. Вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно, подъ вліяніемъ римской партіи, поддержанной благонамѣренными, но робкими людьми. Соборъ, въ 1417 году, избираетъ новаго папу, Мартина V. Папа въ свою очередь представляетъ планъ церковной реформы. Этотъ планъ не принять, соборъ расходится. Въ 1431 году съ тою же цѣлью собирается соборъ въ Базелѣ. Онъ продолжаетъ преобразовательную работу констанцскаго собора, но также не имѣетъ успѣха. Внутри собора и въ христіанскомъ мірѣ обнаруживается расколъ. Папа переноситъ соборъ изъ Базеля въ Феррару, потомъ во Флоренцію. Часть прелатовъ отказывается папѣ въ повиновеніи и остается въ Базелѣ. Подобно тому, какъ прежде было двое

папъ, теперь является два собора. Базельскій соборъ продолжаетъ проектировать реформы, избираетъ своего папу, Феликса V, по прошествіи нѣкотораго времени переносится въ Лозанну, и въ 1449 году расходится, ничего не сдѣлавъ.

Итакъ, перевѣсъ остался на сторонѣ папской власти; она удержала за собою поле сраженія и управленіе церковью. Соборъ не могъ исполнить то, что предпринималъ, но онъ сдѣлалъ то, чего не предпринималъ, и что пережило его. Въ то время, когда базельскій соборъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ преобразовательныхъ попыткахъ, свѣтскіе государи присвоили себѣ провозглашенныя имъ идеи и указанныя имъ учрежденія. Во Франціи, на основаніи декретовъ базельскаго собора, Карлъ VII составилъ прагматическую санкцію и обнародовалъ ее въ Буржѣ, въ 1438 году. Она установила избраніе епископовъ, уничтоженіе аннатъ, исправленіе важнѣйшихъ злоупотребленій, вкравшихся въ церковь. Прагматическая санкція объявлена была государственнымъ закономъ Франціи. Майнскій сеймъ въ 1439 г. возвелъ ее на степень основнаго закона и для Германской имперіи. Что не удалось духовной власти, то повидимому намѣревалась совершить свѣтская власть.

Но и здѣсь преобразовательные проекты подверглись новой неудачѣ. Подобно тому какъ и соборъ, прагматическая санкція не достигла своей цѣли. Она скоро упала въ Германіи; сеймъ отступилъ отъ нея въ 1448 г., по договору съ Николаемъ V. Въ 1516 году Францискъ I точно также отказался отъ нея и замѣнилъ ее конкордатомъ съ Львомъ X. Реформа государей удалась не лучше реформы духовенства; но она погибла не вполнѣ. Если соборъ не остался вовсе безъ послѣдствій, то и прагматическая санкція имѣла результаты, пережившіе ее, игравшіе важную роль въ новой исторіи. Принципы, провозглашенные базельскимъ соборомъ, были могучи и плодотворны. Они были приняты и поддержаны людьми высокихъ дарованій, и энергичнаго характера. Іоаннъ Парижскій, д'Алльи, Жерсонъ и многіе другіе замѣчательные люди XV вѣка посвятили себя ихъ защитѣ. Тщетно распускается соборъ, тщетно уничтожается прагматическая санкція, — общее ученіе о церковномъ правительствѣ, о необходимыхъ реформахъ, укоренилось, утвердилось во Франціи, перешло въ парламенты, пріобрѣло множество приверженцевъ и породило сначала янсенизмъ, а затѣмъ галликанизмъ. Весь этотъ рядъ усилій, клонившихся къ преобразованію церкви, начиная съ констанцскаго собора и до четырехъ положеній Боссюэ, истекаетъ изъ одного и того

же источника и направленъ къ одной и той же цѣли. Попытка законной реформы XV вѣка не имѣла успѣха въ иѣдрахъ церкви; но она тѣмъ не менѣе заняла мѣсто въ развитіи цивилизаціи и оказала косвенно огромное вліяніе на ходъ ея.

Соборы не безъ основанія стремились къ законной реформѣ; она одна только могла предотвратить революцію. Въ то же почти время, когда пизанскій соборъ предпринималъ прекращеніе великаго западнаго раскола, а констанцскій соборъ—преобразование церкви, въ Богеміи появились первыя насильственные попытки народной религіозной реформы. Проповѣди и успѣхи Іоанна Гуса относятся къ 1404-му году, когда онъ началъ поучать въ Прагѣ. Итакъ, двѣ реформы идутъ другъ подлѣ друга: одна въ иѣдрахъ самой церкви, предпринятая церковною аристократіею—реформа осторожная, робкая, нерѣшительная; другая—въгъ церкви и противъ нея, реформа насильственная, страстная. Между обѣими силами, между обоими стремленіями завязывается борьба. Соборъ вызываетъ Гуса и Іеронима изъ Праги въ Констанць и осуждаетъ ихъ на сожженіе, какъ еретиковъ и революціонеровъ. Теперь эти событія для насъ совершенно ясны; мы очень хорошо понимаемъ эту одновременность двухъ отдѣльныхъ реформъ, предпринятыхъ одна—правительствами, другая, народами, реформъ, враждебныхъ другъ другу, но тѣмъ не менѣе проистекающихъ изъ одной причины, стремящихся къ одной цѣли и, при всей видимой противоположности своей, содѣйствующихъ одному и тому же окончательному результату. Это именно и произошло въ XV вѣкѣ. Народная реформа Іоанна Гуса на время была подавлена; возстаніе гуситовъ началось чрезъ три или четыре года послѣ смерти учителя ихъ; оно было продолжительно и упорно; но имперія наконецъ восторжествовала надъ нимъ. Однако, такъ какъ реформа, предпринятая соборами, не имѣла успѣха, такъ какъ цѣль ея не была достигнута, то броженіе народной реформы не прекратилось: она выжидала перваго удобнаго случая и нашла его въ началѣ XVI вѣка. Если бы реформа, предпринятая соборами, привела къ желанному результату, то это можетъ быть предупредило бы народную реформу; но одна изъ нихъ непременно должна была увѣичаться успѣхомъ, потому что совпаденіе ихъ свидѣлствуетъ о ихъ необходимости.

Вотъ состояніе религіозныхъ вѣрованій, въ которомъ XV вѣкъ оставилъ Европу: аристократическая реформа, оставшаяся безъ послѣдствій, и популярная реформа предпринятая, подав-

ленная, но постоянно готовая возобновиться. Броженіе умовъ не ограничивалось однако сферою религіозныхъ вѣрованій. Въ теченіе XIV вѣка греческая и римская древность была, такъ сказать, возстановлена въ Европѣ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ жаромъ Дантъ, Петрарка, Боккачю и всѣ современники ихъ отыскивали греческія и латинскія рукописи, обнародывали, распространяли ихъ, и какой говоръ, какой восторгъ возбуждало малѣйшее открытіе въ этомъ родѣ. Среди этого движенія, въ Европѣ возникла школа, игравшая въ развитіи человѣческаго ума гораздо болѣе важную роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—школа классическая. Съ этимъ словомъ не слѣдуетъ его современное значеніе; тогда дѣло шло совсѣмъ не о литературной системѣ или борьбѣ. Классическая школа того времени была воспламенена удивленіемъ не только къ сочиненіямъ древнихъ писателей, напр. Варгилія и Гомера, но и ко всему древнему обществу, къ его учрежденіямъ, мнѣніямъ, философіи, точно также, какъ и къ его литературѣ. Нельзя не согласиться, что въ политическомъ, философскомъ и литературномъ отношеніяхъ древность стояла гораздо выше Европы XIV и XV столѣтій. Поэтому неудивительно, что она имѣла въ то время такое сильное вліяніе, что большая часть возвышенныхъ, дѣятельныхъ, утонченныхъ и разборчивыхъ умовъ питали отвращеніе къ грубымъ нравамъ, спутаннымъ идеямъ, варварскимъ формамъ своего времени и страстно предавались изученію другого, болѣе правильнаго и болѣе развитаго общества, доходя до поклоненія ему. Такимъ путемъ образовалась школа свободныхъ мыслителей, появившаяся въ началѣ XV вѣка и соединявшая въ себѣ прелатовъ, юристовъ и ученыхъ.

Среди этого движенія послѣдовало взятіе Константинополя турками, паденіе Восточной имперіи, наплывъ бѣжавшихъ отъ туда грековъ въ Италію. Они принесли съ собою новое познаніе древности, многочисленныя рукописи, тысячи новыхъ средствъ къ изученію древней цивилизаціи. Попятно, какимъ усиленнымъ рвеніемъ воодушевилась классическая школа. Это было время самаго блестящаго процвѣтанія церкви, особенно итальянской, не въ отношеніи къ политическому могуществу, но въ дѣлѣ роскоши, богатства; она съ гордостью предавалась всѣмъ удовольствіямъ изысканной, утонченной, праздной, чувственной цивилизаціи, литературѣ, искусствамъ, общественнымъ и матеріальнымъ наслажденіямъ. Взгляните на образъ жизни людей, имѣвшихъ въ это время важное политическое и литературное значеніе, напр. на кардинала Бембо:

вы удивитесь этой смѣси сибаритства и высокаго умственнаго развитія, изнѣженныхъ правовъ и смѣлости мысли. Изучая эту эпоху, разсматривая ея идеи, ея общественныя отношенія, невольно переносишься во Францію половины XV вѣка. Та же страсть къ умственному движенію, къ новымъ идеямъ, къ мирной, пріятной жизни; та же изнѣженность и распущенность правовъ, тотъ же недостатокъ политической энергіи и нравственныхъ убѣжденій, еодиненный съ необыкновенною откровенностью и дѣятельностью умовъ. Ученые XV вѣка находятся въ такихъ же отношеніяхъ къ высшимъ духовнымъ сановникамъ, какъ литераторы и философы XV вѣка къ вельможамъ того времени; у нихъ одни и тѣ же мнѣнія, одни и тѣ же нравы; они спокойно живутъ другъ подле друга и не замѣчаютъ готовящихся вокругъ нихъ переворотовъ. Прелаты XV вѣка, начиная съ кардинала Бембо, конечно, столь же мало предвидѣли появленіе Лютера и Кальвина, какъ придворные XV столѣтія—французскую революцію. А между тѣмъ эти эпохи во многомъ сходны между собою.

Итакъ, нравственный міръ представляетъ въ XV вѣкѣ три главнѣйшіе факта: съ одной стороны—попытка церковной реформы, предпринятая самою церковью; съ другой—народная религіозная реформа, и наконецъ—умственный переворотъ, образующій школу свободныхъ мыслителей. Эти преобразованія совершаются посреди величайшей политической перемѣны, когда-либо до тѣхъ поръ происходившей въ Европѣ,—среди централизующаго стремленія всѣхъ народовъ и правительствъ.

Но это еще не все: XV вѣкъ—время наибольшей внѣшней дѣятельности человѣка, время путешествій, предпріятій, открытій, изобрѣтеній всякаго рода. Это время экспедицій португальцевъ вдоль береговъ Африки, время открытія Васкоде-Гамою пути въ восточную Индію, мимо мыса Доброй Надежды, время открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ, время чрезвычайнаго расширенія европейской торговли. Появляется тысяча новыхъ изобрѣтеній, другія, уже извѣстныя, но только тѣсному кругу, становятся популярными и общепотребительными. Порохъ измѣняетъ всю систему войны; компасъ—всю систему мореплаванья. Живопись масляными красками развивается и покрываетъ Европу образцовыми произведеніями искусства; гравированіе на мѣди, изобрѣтенное въ 1460 г., размножаетъ и распространяетъ ихъ. Писчая бумага дѣлается обыкновенною. Наконецъ, между 1436 и 1452 г.

изобрѣтается книгопечатаніе—предметъ столь многихъ восторговъ и общихъ фразъ, которыя однако всѣ недостаточны для выясненія его заслугъ и послѣдствій.

Вы видите, какимъ величіемъ, какою дѣятельностью отличается это столѣтіе: величіемъ еще мало замѣтнымъ, дѣятельностью, результаты которой еще не очевидны для человѣка. Бурныя реформы повидимому не удаются, правительства крѣпнуть; народы умирятся. Общество какъ будто готовится наслаждаться лучшимъ порядкомъ, среди болѣе быстраго прогресса. Но великія революціи XVI вѣка уже близки; ихъ подготовилъ пятнадцатый вѣкъ. Обзоръ ихъ будетъ предметомъ слѣдующей нашей лекціи.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Затруднительность различать общіе факты въ новой исторіи.—Картина Европы въ XVI столѣтіи.—Опасность слишкомъ поспѣшныхъ общихъ выводовъ.—Различныя причины, которыми объясняютъ реформацію.—Отличительный характеръ ея—возстаніе человѣческаго духа противъ абсолютной власти въ умственномъ мірѣ.—Доказательства этого факта.—Оудьба реформаціи въ разныхъ европейскихъ государствахъ.—Слабая сторона ея.—Иезуиты.—Сходство революцій въ религіозномъ и гражданскомъ обществахъ.

Мы часто указывали на безпорядокъ, хаосъ европейскаго общества; мы жаловались на затрудненія, сопряженныя съ изученіемъ и описаніемъ такого разбросаннаго, безсвязнаго, разъединеннаго общества. Мы нетерпѣливо приближались къ эпохѣ общихъ интересовъ, порядка, общественнаго единства. Мы дошли до этого времени; мы вступаемъ въ эпоху порядка и единства, въ эпоху общихъ фактовъ и общихъ идей. Но здѣсь мы встрѣчаемъ затрудненіе другаго рода. Прежде мы съ трудомъ могли найти связь между фактами, поставить ихъ въ зависимости другъ отъ друга, различить общія черты ихъ, образовать изъ нихъ одно цѣлое. Въ новой Европѣ, напротивъ того, все состоитъ въ взаимной связи; всѣ элементы, всѣ случайности общественной жизни видоизмѣняютъ другъ друга дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ своимъ. Взаимныя отношенія людей многочисленнѣе и сложнѣе; то же самое должно замѣтить и объ отношеніяхъ ихъ къ правительству, и объ отношеніяхъ государствъ между собою, и объ идеяхъ и произведеніяхъ человѣческаго духа. Въ разсмотрѣнныя нами времена множество фактовъ являлись и исчезали отдѣльно, независимо другъ отъ друга, безъ взаимнаго вліянія. Теперь уже нѣтъ болѣе такой отдѣльности; все смѣшивается, соприкасается и, соприкасаясь, видоизмѣняется. Какъ трудно въ такомъ разнообразіи найти настоящее единство, опредѣлить направление такого обширнаго и сложнаго движенія, предста-

вить въ краткихъ чертахъ это необыкновенное множество различныхъ и тѣсно связанныхъ между собою фактовъ, обозначить наконецъ общій, господствующій фактъ, соединяющій въ себѣ длинную цѣпь фактовъ, характеризующій эпоху, служащій вѣрнымъ выраженіемъ ея вліянія, ея роли въ исторіи цивилизаціи!

Мы тотчасъ же поймемъ всю важность этого затрудненія.

Въ XII вѣкѣ мы встрѣтили событіе религіозное, если не по свойству своему, то по происхожденію,—я говорю о крестовыхъ походахъ. Несмотря на грандіозность и продолжительность этого событія, несмотря на разнообразіе сопряженныхъ съ нимъ фактовъ, мы безъ труда различили его общее значеніе и довольно точно опредѣлили его внутреннее единство и вліяніе. Теперь мы должны разсмотрѣть религіозную революцію XVI вѣка, которую принято называть реформаціею. Замѣчу мимоходомъ, что я буду употреблять слово *реформація*, какъ простой и общепринятый терминъ, какъ синонимъ *религіозной революціи*, не соединяя съ нимъ собственнаго мнѣнія. Очень трудно распознать истинный характеръ этого великаго кризиса и опредѣлить общее значеніе, и послѣдствія его.

Его слѣдуетъ искать между началомъ XVI и серединою XVII вѣка; въ этомъ періодѣ заключается сущность переворота, его начало и окончаніе. Всѣ историческія событія имѣютъ какъ бы опредѣленную арену; послѣдствія ихъ безконечны; они стоятъ въ связи со всѣмъ прошедшимъ и со всѣмъ будущимъ; но тѣмъ не менѣе справедливо, что у нихъ есть собственное, ограниченное существованіе, что они возникаютъ, растутъ, наполняютъ извѣстный промежутокъ времени, потомъ постепенно суживаются и, удаляясь съ исторической сцены, уступаютъ мѣсто какому-нибудь новому событію.

Намъ не нужно знать съ точностью времени, къ которому относятъ происхожденіе реформаціи: началомъ ея можно признать 1520 г., когда Лютеръ публично сжегъ въ Виттенбергѣ осуждавшую его буллу Льва X и такимъ образомъ открыто отдѣлился отъ римской церкви. Жизненный періодъ реформаціи заключается, собственно говоря, между этою эпохою и серединою XVII вѣка, т. е, 1648 годомъ, временемъ вестфальскаго мира. Вотъ доказательство. Первымъ и главнѣйшимъ послѣдствіемъ религіозной революціи было образованіе въ Европѣ двухъ разрядовъ государствъ: государствъ католическихъ и государствъ протестантскихъ и начало борьбы между ними. Эта борьба продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ

отъ начала XVI до середины XVII вѣка. По вестфальскому миру, въ 1648 году, католическія и протестантскія государства наконецъ обоюдно признали другъ друга, согласились взаимно на существованіе одни другихъ и обѣщали жить въ сообществѣ и мирѣ, независимо отъ различія вѣроисповѣданія. Начиная съ 1648 года, различіе вѣроисповѣданій перестало быть господствующимъ принципомъ классификаціи государствъ, ихъ внѣшней политики, ихъ отношеній и союзовъ. До этого времени, несмотря на весьма существенныя измѣненія, Европа раздѣлялась на лигу католическую и лигу протестантскую. Послѣ вестфальскаго мира такое раздѣленіе исчезаетъ, государства соединяются и разъединяются по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ религіозными вѣрованіями. Здѣсь именно и оканчивается преобладаніе, историческое значеніе реформациі, хотя результаты ея и послѣ того не перестали развиваться.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на это значеніе и выяснимъ сущность его, ограничиваясь простымъ наименованіемъ событій и дѣйствующихъ лицъ. По одному этому указанію, по одной сухой и неполной поменклатурѣ, мы можемъ убѣдиться, какъ трудно представить въ краткихъ чертахъ рядъ столь разнообразныхъ, сложныхъ фактовъ,—какъ трудно привести ихъ къ одному общему факту, раскрыть истинный характеръ религіозной революціи XVI вѣка, опредѣлить ея роль въ исторіи нашей цивилизаціи.

Въ самый моментъ своего проявленія, реформація совпадаетъ съ великимъ политическимъ кризисомъ—съ борьбою Франциска I и Карла V, Франціи и Испаніи,—борьбою, завязавшеюся сначала за обладаніе Италіею, потомъ продолжавшеюся за обладаніе Германіей и, наконецъ, за преобладаніе въ Европѣ. Это время возвышенія австрійскаго дома и господствующаго вліянія его на Европу. Въстѣ съ тѣмъ Англія при Генрихѣ VIII принимаетъ въ континентальной политикѣ болѣе правильное, постоянное и обширное участіе, чѣмъ прежде.

Прослѣдимъ событія XVI столѣтія во Франціи. Его наполняютъ великія религіозныя войны протестантовъ и католиковъ; онѣ становятся средствомъ, поводомъ новой попытки высшаго дворянства захватить ускользающую изъ рукъ его власть и пріобрѣсти господство надъ королями. Таковъ политическій смыслъ религіозныхъ войнъ, лиги, борьбы Гизовъ съ Валуа, окончившейся воцареніемъ Генриха IV.

Въ Испаніи, въ царствованіе Филиппа II, возгарается революція соединенныхъ провинцій. Тамъ, подъ именами герцога Альбы и принца Оранскаго, вступаетъ въ борьбу съ инквизиціею гражданская и религіозная свобода. Свобода торжествуетъ въ Голландіи, благодаря твердости и здравому смыслу ея жителей, и погибаетъ въ Испаніи, гдѣ господствуетъ абсолютная власть, какъ свѣтская, такъ и духовная.

Въ Англіи царствуетъ Марія и возгорается борьба Елизаветы, представительницы протестантизма, съ Филиппомъ II; вступаетъ на престолъ Іаковъ Стюартъ: начинаются великіе раздоры королевской власти съ англійскимъ народомъ.

Въ то же время на сѣверѣ образуются новыя государства. Швеція возстановляется Густавомъ Вазою въ 1523 г. Пруссію создаетъ секуляризація тевтонскаго ордена. Сѣверныя государства получаютъ въ европейской политикѣ мѣсто, котораго до тѣхъ поръ не занимали, и важность котораго скоро должна обнаружиться въ тридцатилѣтней войнѣ.

Перехожу опять къ Франціи. Царствованіе Людовика XIII; измѣненіе внутренней французской администраціи кардиналомъ Ришелье; сношеніе его съ Германіею и поддержка, оказанная протестантской партіи,—вотъ, что мы видимъ тамъ. Въ Германіи, въ концѣ XVI вѣка возгарается борьба съ турками и въ началѣ XVII—тридцатилѣтняя война, величайшее событіе въ исторіи новѣйшей центральной Европы; являются Густавъ Адольфъ, Валленштейнъ, Тилли, герцогъ Брауншвейгскій, герцогъ Веймарскій, славнѣйшія имена Германіи.

Въ то же время во Франціи воцаряется Людовикъ XIV, начинается фронтъ; въ Англіи начинается революція, низвергнувшая съ престола Карла I.

Вы могли замѣтить, что я беру только самыя крупныя историческія событія, которыя всѣмъ извѣстны по имени; вы видите, какъ они многочисленны, разнообразны и важны. Обращаясь къ событіямъ другого рода, менѣе видимымъ, менѣе выражающимся въ собственныхъ именахъ,—мы увидимъ, что и такими событіями эта эпоха чрезвычайно богата. Это время величайшихъ перемѣнъ въ политическихъ учрежденіяхъ почти всѣхъ народовъ, время преобладанія чистой монархіи въ большей части первоклассныхъ государствъ, между тѣмъ какъ въ Голландіи образуется могущественнѣйшая въ Европѣ республика, а въ Англіи окончательно или почти окончательно торжествуетъ конституціонная монархія. Въ церкви, въ это время, древніе монашескіе ордена теряютъ почти всякое по-

литическое значеніе и замѣняются новымъ, рѣзко отличающимся отъ нихъ орденомъ, который, ошибочно можетъ быть, считается болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему, — орденомъ іезуитовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ тріентскій соборъ уничтожаетъ почти все, что могло уцѣлѣть отъ вліянія соборовъ констанцкаго и базельскаго, и даетъ римскому престолу рѣшительную побѣду въ церковномъ мірѣ.

Перейдемъ теперь отъ церкви къ философіи, къ свободной дѣятельности человѣческаго духа. Здѣсь являются два человѣка: Бэконъ и Декартъ, виновники величайшей философской революціи, когда-либо совершившейся въ новѣйшемъ мірѣ, вожди двухъ школъ, оспаривающихъ другъ у друга владычество надъ этимъ міромъ. къ тому же времени относится процвѣтаніе итальянской литературы, начало литературъ французской и англійской, наконецъ основаніе важнѣйшихъ колоній и дѣятельнѣйшее развитіе меркантильной системы.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали эту эпоху, мы найдемъ въ ней болѣе разнообразныхъ и важныхъ событій — политическихъ, церковныхъ, философскихъ, литературныхъ — нежели въ какомъ бы то ни было изъ предшествовавшихъ столѣтій. Дѣятельность человѣческаго духа обнаруживается во всемъ: въ отношеніяхъ людей между собою, въ отношеніяхъ ихъ къ власти, въ взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, въ чисто-умственномъ трудѣ; однимъ словомъ — это время великихъ людей и великихъ дѣлъ. Но величайшее событіе этого времени — религіозная революція, которою мы теперь занимаемся; она — господствующій фактъ всей эпохи, фактъ, дающій ей имя, опредѣляющій ея характеръ. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ явленій, игравшихъ тогда такую важную роль, реформація самое многозначительное; соприкасаясь со всѣми остальными, она измѣняла ихъ и въ свою очередь была измѣняема ими. Итакъ, задача наша состоитъ въ правильной оцѣнкѣ и точномъ изображеніи факта, господствовавшего надъ всѣми другими, важнѣйшими событіями этого времени, — причины, которая была богаче всего послѣдствіями въ эту эпоху.

Чрезвычайно трудно привести столь разнообразные, обширные и тѣсно связанные между собою факты ко всеобщему историческому единству. Однако это необходимо; когда событія совершились, когда они вошли въ область исторіи, человѣкъ ищетъ въ нихъ преимущественно общихъ фактовъ, старается найти связь причинъ и дѣйствій. Это самая важ-

ная и, если можно такъ выразиться, безсмертная часть исторіи, къ которой по необходимости должны обращаться всѣ, чтобы уразумѣть свое прошедшее и понять самихъ себя. Такое стремленіе къ общимъ, разумнымъ результатамъ представляетъ собою наиболѣе могущественную и достойную похвалы умственную потребность; но удовлетвореніе ея не слѣдуетъ искать въ слишкомъ поспѣшныхъ общихъ выводахъ. Конечно, легко увлечься и съ перваго взгляда опредѣлять общій характеръ, существенныя послѣдствія эпохи или событія. Духъ человѣческій, какъ и воля, постоянно жаждетъ дѣятельности, тяготится препятствіями, домогается свободы и спѣшитъ къ окончательному результату; онъ легко забываетъ факты, которые стѣсняютъ и задерживаютъ его; но, забывая, онъ не уничтожаетъ ихъ: они остаются, чтобы рано или поздно изобличить его заблужденіе. Для человѣческаго духа есть только одно средство избѣжать этой опасности: сначала окончить, мужественно и терпѣливо, изученіе фактовъ, а потомъ уже извлечь изъ нихъ общіе, окончательные выводы. Факты для мысли то же самое, что правила нравственности для воли. Для мысли необходимо знать факты, признавать надъ собою ихъ силу; только тогда, когда она исполнила эту обязанность, во всей ея полнотѣ и обширности, — только тогда она можетъ развернуть свои крылья и подняться на высоту, съ которой обнимаются всѣ событія въ общей ихъ связи и со всѣми ихъ послѣдствіями. Если же она поднимется слишкомъ быстро, не ознакомившись предварительно со всею мѣстностью, которую увидитъ въ своемъ полетѣ, то она подвергнется неисчислимымъ вѣроятностямъ заблужденія и неудачи. Въ арифметическомъ счетѣ первая ошибка ведетъ за собою множество другихъ, до безконечности. Точно также и въ исторіи, если изслѣдователь одинъ разъ упустилъ изъ виду извѣстные факты, одинъ разъ позволилъ себѣ увлечься страстью къ слишкомъ поспѣшнымъ общимъ выводамъ — трудно представить себѣ, до чего можетъ довести его эта первая ошибка.

Высказывая такія мысли, я нѣкоторымъ образомъ предубѣждаю васъ противъ самого себя. Въ этомъ курсѣ я ограничивался и по необходимости долженъ былъ ограничиваться одними только попытками обобщенія, общими выводами изъ фактовъ, которыхъ мы вмѣстѣ съ вами не изучали въ подробности. Теперь мы дошли до эпохи, въ которую такое предпріятіе становится гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, и легче можетъ подать поводъ къ ошибкамъ; вотъ почему я счелъ

долгомъ предостеречь васъ противъ моего собственнаго труда. Затѣмъ, возвращаясь къ реформаци, я постараюсь сдѣлать то же самое, что уже дѣлалъ при разсмотрѣннн другихъ событій: я постараюсь распознать главнѣйшій фактъ ея, опредѣлить ея общій характеръ, однимъ словомъ — указать мѣсто и роль этого великаго событiя въ исторiи европейской цивилизацiи.

Мы помнимъ, въ какомъ положенiи мы оставили Европу въ концѣ XV вѣка. Мы видѣли въ продолженiе его двѣ замѣчательныя попытки религiозной революцiи или реформы: одну—законную, посредствомъ соборовъ, другую—революционную, со стороны богемскихъ русситовъ. Мы убѣдились, что хотя ни та, ни другая не имѣли успѣха, но въ то же время самое событiе предупредить было невозможно; оно должно было осуществиться въ той или другой формѣ; XVI вѣкъ неизбежно долженъ былъ совершить то, на что XV только покушался. Я не буду разсматривать подробностей религiозной революцiи XVI вѣка: я предполагаю ихъ почти общеизвѣстными и обращаю вниманiе только на общее отношенiе самаго факта къ судьбѣ человѣчества.

Изыскивая причины этого великаго событiя, противники реформаци приписывали его несчастнымъ случайностямъ, встрѣтившимся на пути развитiя цивилизацiи, — тому, напримѣръ, что продажа индульгенцiй была поручена доминиканцамъ, къ общей зависти августинцевъ; Лютеръ былъ августинскимъ монахомъ — и вотъ существенная причина реформаци. Другiе объясняли ее честолюбіемъ свѣтскихъ государей, соперничествомъ ихъ съ духовенствомъ, жадностью свѣтской аристократiи, желавшей завладѣть церковными имуществами. Словомъ — религiозную революцiю старались объяснить исключительно дурною стороною людей и человѣческихъ дѣлъ—частными интересами и личными страстями.

Съ другой стороны, приверженцы, друзья реформаци пытались объяснить ее исключительно потребностью преобразовать на самомъ дѣлѣ злоупотребленiя, существовавшiя въ церкви. Они представляли ее удовлетворенiемъ всеобщихъ жалобъ на духовенство, предпрiятiемъ, задуманнымъ и исполненнымъ съ одною только цѣлью: возстановить церковь въ ея чистомъ, первобытномъ видѣ. Ни одно изъ этихъ объясненiй не можетъ быть, кажется, признано основательнымъ. Второе справедливѣе перваго, по крайней мѣрѣ, оно болѣе соотвѣтствуетъ обширности и важности событiя; однако я и его

не считаю вполне точнымъ. По моему мнѣнію, реформація не была ни случайнымъ результатомъ какого-нибудь отдѣльнаго событія или личнаго интереса, ни простымъ стремленіемъ къ религіозному усовершенствованію, ни утопическимъ порывомъ къ гуманности и истинѣ. Причина ея была гораздо важнѣе; и эта причина господствовала надъ всѣми частными побужденіями. Реформація была порывомъ свободы человѣческаго духа, новою потребностью судить и мыслить независимо, собственными средствами и силами, о такихъ фактахъ и идеяхъ, которые до того времени Европа получала или принуждена была получать изъ рукъ авторитета. Это — великая попытка освобожденія человѣческой мысли или — чтобы назвать дѣло его настоящимъ именемъ — возстаніе человѣческаго духа противъ абсолютной власти въ духовномъ мірѣ. Таковъ, по моему мнѣнію истинный смыслъ и общій характеръ реформаціи.

Разсматривая съ одной стороны состояніе человѣческаго духа въ ту эпоху, съ другой — состояніе духовной власти, церкви, въ которой сосредоточивалось управленіе человѣческимъ духомъ, мы замѣчаемъ слѣдующее. Со стороны человѣческаго духа мы видимъ небывалую до тѣхъ поръ дѣятельность и жажду развитія и власти. Эта новая дѣятельность была результатомъ различныхъ причинъ, накопившихся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Бывали вѣка, когда одна за другой порождались ереси, игравшія нѣкоторую роль въ исторіи; онѣ падали, уступая свое мѣсто новымъ; въ другіе вѣка подобное же развитіе получали философскія ученія. Въ промежутокъ между XI и XVI вѣками, накопилась значительная масса умственныхъ произведеній, какъ въ религіозной, такъ и въ философской сферѣ: наступила пора, когда это накопленіе должно было привести къ какому-нибудь результату. Кромѣ того, всѣ средства къ образованію, созданныя или покровительствуемыя самою церковью, также принесли плоды свои. Изъ учрежденныхъ въ прежнія столѣтія школъ выходили люди съ нѣкоторыми познаніями; число такихъ людей увеличивалось изо дня въ день; они захотѣли наконецъ мыслить сами собою, съ полною независимостью, потому что чувствовали себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, человѣческій духъ обновился возрожденіемъ древности; возникъ классицизмъ.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, сообщали человѣческой мысли, въ началѣ XVI вѣка, весьма энергичное движеніе, настоящую потребность въ прогрессѣ.

Въ совершенно другомъ положеніи находилось духовное правительство. духовная власть; она впала въ состояніе инерціи, неподвижности. Политическое значеніе церкви, римскаго престола значительно уменьшилось; европейское общество уже перестало принадлежать церкви и подпало господству свѣтскихъ государей. Однако духовная власть сохраняла всѣ свои притязанія, весь свой блескъ, все свое наружное значеніе. Она подверглась обыкновенной участи устарѣвшихъ правительствъ: большая часть жалобъ, направляемыхъ противъ нея, перестали почти въ то время быть основательными. Было бы несправедливо утверждать, что римскій престолъ въ XVI вѣкѣ отличался особенною тираніею, что злоупотребленія его, въ собственномъ смыслѣ слова, были многочисленнѣе, непростительнѣе, нежели прежде. Напротивъ, никогда можетъ быть, церковное правительство не было такъ сговорчиво, снисходительно, безпечно; оно было равнодушно ко всему, лишь бы только никто не оспаривалъ его законности и давнишнихъ правъ, изъ которыхъ многія уже утратились, лишь бы только по прежнему обезпечено было существованіе его и получались прежніе доходы. Оно охотно оставило бы въ покоѣ человѣческій умъ, лишь бы только и умъ въ свою очередь оказалъ ему ту же услугу. Но когда правительства ослабѣваютъ и дѣлаютъ меньше зла, тогда именно они и подвергаются нападеніямъ, которыя тутъ только становятся возможными, а прежде были неудобоисполнительными.

Этотъ бѣглый очеркъ состоянія человѣческаго духа и духовнаго правительства достаточно подтверждаетъ справедливость сказаннаго нами о характерѣ реформаци; она была произведена порывомъ свободы, великимъ возстаніемъ человѣческаго разума. Вотъ, безъ сомнѣнія, главная ея причина, господствующая надъ всѣми прочими, надъ всѣми отдѣльными интересами народовъ и государей, наконецъ, надъ потребностью въ преобразованіяхъ, въ исправленіи недостатковъ, на которые жаловались въ то время.

Предположимъ, что по прошествіи первыхъ лѣтъ реформаци, когда она объявила всѣ свои притязанія, ясно высказала всѣ поводы недовольства существующимъ порядкомъ. предположимъ, что духовная власть внезапно согласилась съ нею и сказала: «Хорошо: я сдѣлаю всѣ нужныя преобразованія. я возвращусь къ болѣе законному, болѣе религіозному порядку. Я уничтожу притѣсненія, произволъ, налоги; даже въ отношеніи къ догматамъ, я допущу измѣненія, объясненія, об-

рашусь къ первоначальному ихъ смыслу. Но, исправивъ такимъ образомъ всѣ недостатки, я сохраню свое положеніе, останусь по прежнему правительствомъ человѣческаго духа, съ тою же властью, съ тѣми же правами». Удовольствовалась ли бы этимъ религіозная революція и остановилась ли бы она въ своемъ развитіи? Не думаю; я твердо убѣжденъ, что она продолжала бы свой путь и, потребовавъ сначала реформы, теперь требовала бы свободы. Кризисъ XVI вѣка былъ не только реформаціоннымъ, но и существенно революціоннымъ. Нельзя отнять у него характера и сопряженныхъ съ нимъ достоинствъ и недостатковъ: реформація носила въ себѣ всѣ признаки революціи.

Бросимъ взглядъ на судьбу реформаціи: посмотримъ, что она прежде всего сдѣлала въ различныхъ странахъ, въ которыхъ развивалась. Развитіе ея происходило при весьма различныхъ условіяхъ и весьма неравнымъ даннымъ успѣха. Если мы замѣтимъ, что несмотря на такое различіе и неравенство, она повсюду стремилась къ одной и той же цѣли, приводила къ одному и тому же результату, сохраняла одинъ и тотъ же характеръ, то мы убѣдимся, что этотъ характеръ, устоявшій противъ всего различія положеній, всего неравенства условій, есть основной характеръ событія, что результатъ, всегда однородный, есть тотъ, къ которому она преимущественно стремилась.

Вездѣ, гдѣ только имѣла нѣкоторый успѣхъ религіозная революція XVI вѣка, она, если не вполне освободила человѣческій духъ, то, по крайней мѣрѣ, доставила ему новую, значительную долю свободы. Правда, она оставила мысль въ зависимости отъ случайностей большей или меньшей свободы политическихъ учрежденій; но она уничтожила или обезоружила духовную власть, систематическое и насильственное управленіе человѣческою мыслью. Таковъ былъ результатъ реформаціи при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Въ Германіи вовсе или почти вовсе не было политической свободы; она не была введена туда и реформаціею, которая скорѣе усилила, чѣмъ уменьшила власть государей, скорѣе противудѣйствовала свободнымъ средневѣковымъ учрежденіямъ и благопріятствовала ихъ развитію. Однако она возбудила и поддержала въ Германіи свободу мысли, большую можетъ быть, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Въ Даніи абсолютная власть господствовала, какъ въ муниципальныхъ такъ и въ общихъ государственныхъ учрежденіяхъ; но и тамъ, подъ вліяніемъ реформаціи, мысль сбросила съ себя оковы и свободно устремилась по всѣмъ направленіямъ. Въ республи-

канской Голландіи, въ конституціонно-монархической Англіи одинаково совершилась эманципация человѣческаго духа, несмотря на долговременную и суровую религіозную тираннію. Наконецъ, даже во Франціи, при условіяхъ, повидимому, наименѣе благопріятствовавшихъ вліянію религіозной революціи, она, хотя и побѣжденная, тѣмъ не менѣе сдѣлалась основой умственной независимости и свободы. До 1685 года, т. е. до отмѣны нантскаго эдикта, реформація имѣла во Франціи законное существованіе. Въ теченіи этого продолжительнаго періода, протестанты писали, спорили въ защиту своихъ имѣній и вызывали къ тому же своихъ противниковъ. Одинъ этотъ фактъ, одна эта война между старыми и новыми мнѣніями, въ которой оружіемъ служили памфлеты и конференціи, распространила во Франціи свободу, гораздо болѣе существенную и дѣйствительную, нежели обыкновенно думаютъ,—свободу, послужившую на пользу учености нравственности, послужившую къ чести французскаго духовенства, точно также, какъ и къ пользѣ человѣческой мысли. Бросьте взглядъ на конференціи Боссюэ и Клода, на всю религіозную полемику того времени, и подумайте, допустилъ ли бы Людовикъ XIV такую свободу въ обсужденіи какого бы то ни было другаго предмета. Всего болѣе свободы во Франціи XVII вѣка проявлялось именно въ борьбѣ реформаціи съ противоположною партіей. Религіозная мысль въ это время была гораздо смѣлѣе, приступала къ спорнымъ вопросамъ съ большею откровенностью, нежели политическая мысль самого Фенелона въ *«Телемакъ»*. Отмѣна нантскаго эдикта положила конецъ такому порядку вещей. Но между 1685 годомъ и великимъ порывомъ человѣческаго духа въ XVIII вѣкѣ не прошло и сорока лѣтъ; едва только перестала дѣйствовать на пользу умственной свободы религіозная революція, какъ началось уже дѣйствіе революціи философской.

Итакъ, вездѣ, гдѣ только дѣйствовала реформація, гдѣ она играла важную роль, чѣмъ бы эта роль ни окончилась—побѣдою или пораженіемъ,—вездѣ общимъ, господствующимъ, постояннымъ результатомъ ея былъ прогрессъ въ дѣятельности и свободѣ мысли, въ эманципации человѣческаго духа.

Реформація не только имѣла этотъ результатъ, но и удовлетворялась имъ: достигнувъ его, она не стремилась ни къ чему другому, потому что въ этомъ заключалась сущность событія, его первоначальный и основной характеръ. Такимъ образомъ, въ Германіи она не только не домогалась политической сво-

боды, но покорно переносила, если не политическое рабство, то по крайней мѣрѣ отсутствіе свободы. Въ Англіи она допустила іерархическое устройство духовенства и существованіе церкви столь же несовершенной, какъ римская, но менѣе независимой. Почему же реформація, въ извѣстныхъ случаяхъ столь страстная и непреклонная, показала себя здѣсь такою сговорчивою и гибкою? Потому что она достигла главнаго результата, къ которому стремилась,—уничтоженія духовной власти, освобожденія человѣческаго духа. Повторяю: тамъ, гдѣ реформація достигла этой цѣли, она безъ труда примѣнилась ко всякому положенію, ко всякому порядку вещей.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ вопроса; посмотримъ, что произошло въ тѣхъ странахъ, куда не проникла религіозная революція, гдѣ она рано была подавлена и не могла имѣть никакого развитія. Исторія показываетъ, что въ этихъ странахъ не былъ освобожденъ человѣческій духъ; подтвержденіемъ тому служатъ двѣ великія страны, Италія и Испанія. Тамъ, гдѣ реформація играла важную роль, человѣческій духъ, въ послѣдніе три вѣка, воспріялъ небывалую прежде дѣятельность и свободу; а въ тѣхъ странахъ Европы, куда не проникла религіозная революція, онъ впалъ въ состояніе бездѣйствія и застоя. Итакъ, обѣ стороны вопроса, разсмотрѣнныя одновременно, привели насъ къ одному и тому же результату.

Порывъ мысли, уничтоженіе абсолютной власти въ духовномъ мірѣ—вотъ существенный характеръ реформаціи, общій результатъ ея вліянія. Въ исторіи реформаціи эманципація человѣческаго духа представляется скорѣе фактомъ, чѣмъ принципомъ, скорѣе результатомъ, чѣмъ причиною. Я думаю, что въ этомъ отношеніи реформація сдѣлала больше, нежели предполагала, даже можетъ быть больше, нежели желала сдѣлать. Въ противоположность многимъ другимъ революціямъ, въ которыхъ далеко не была достигнута желанная цѣль, и событія значительно уступали мысли,—послѣдствія реформаціи превзошли ея собственныя надежды; какъ событіе, она выше, нежели система; она не сознавала вполнѣ своихъ дѣйствій и, если бы сознавала, то затруднилась бы признать ихъ.

Какими упреками постоянно осыпають реформацію ея противники? Какіе результаты ея бросаютъ ей, если можно такъ выразиться, въ глаза, чтобы принудить ее къ молчанію?

Такихъ результатовъ два: 1) умноженіе сектъ, чрезмѣрная вольность умовъ, уничтоженіе всякаго духовнаго авторитета, разединеніе религіознаго общества, взятаго въ полномъ его

составѣ; 2) тиранія, гоненіе. «Вы побуждаете къ вольности, говорили реформаторамъ, производите ее, а когда она началась, вы хотите сдержать, подавить ее. И какъ же вы ее подавляете? Самыми суровыми, насильственными мѣрами. Вы точно также преслѣдуете ересь, но во имя незаконнаго авторитета».

Пересмотрите всѣ главнѣйшія нападенія, направленные противъ реформациі, соедините ихъ въ одно цѣлое, устраняя чисто догматическіе вопросы: вы увидите, что всѣ они могутъ быть приведены къ этимъ двумъ основнымъ упрекамъ.

Они ставили протестантскую партію въ весьма неловкое положенію. Когда ее упрекали за множество сектъ, то вмѣсто того, чтобы признать ихъ и защищать законность ихъ свободнаго развитія, она проклинала ихъ, приходила въ отчаяніе и какъ бы извинялась въ ихъ существованіи. Когда ее упрекали за гоненіе, она оправдывалась, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, и ссылалась на требованія необходимости; она приписывала себѣ полное право подавлять и карать заблужденія. потому что истина въ ея рукахъ, потому что одни только ея вѣрованія и учрежденія законны; если она не признавала за римскою церковью права наказывать протестантовъ, то потому только, что не на сторонѣ этой церкви была истина и справедливость.

Когда господствующую въ реформациі партію упрекали въ нетерпимости не враги, а собственныя чада ея, когда гонимыя и проклинаемыя ею секты говорили ей: «мы дѣлаемъ то же самое, что и вы дѣлали; мы отдѣляемся, какъ и вы отдѣлились», — она еще больше затруднялась въ отвѣтъ, и очень часто отвѣчала однимъ только удвоеніемъ строгости.

Въ самомъ дѣлѣ, стремясь къ уничтоженію абсолютной власти въ духовномъ мірѣ, религіозная революція XVI вѣка не знала истинныхъ принциповъ умственной свободы; она освобождала человѣческой духъ, и все еще требовала отъ него повиновенія своимъ законамъ; на дѣлѣ она доставляла торжество праву свободнаго изслѣдованія, а въ теоріи хотѣла только замѣнить законною властью власть незаконную. Она не возвышалась до первоначальной причины, не писходила до окончательныхъ послѣдствій своего дѣла. Такимъ образомъ она впала въ двойную ошибку: съ одной стороны, она не понимала и не уважала права человѣческой мысли, нарушала ихъ въ то самое время, когда требовала ихъ для самой себя; съ другой—не сумѣла опредѣлить право авторитета въ духовномъ мірѣ. Я говорю не объ авторитетѣ принудительномъ, у котораго въ этомъ мірѣ

нѣтъ и не должно быть никакихъ правъ; но объ авторитетѣ чисто нравственномъ, дѣйствующемъ только на умы, исключительно путемъ вліянія. Въ большей части протестантскихъ государствъ замѣтенъ какой-то недостатокъ въ организаціи умственного общества, въ дѣйствіи общепринятыхъ, освященныхъ временемъ мнѣній. Они не съумѣли согласить права и потребности преданія съ правами и потребностями свободы, а причина этого явленія безъ сомнѣнія заключается въ томъ обстоятельстве, что реформація не поняла и не усвоила себѣ вполнѣ ни своихъ принциповъ, ни ихъ послѣдствій. Отсюда и та непослѣдовательность, узость взглядовъ, которою такъ часто и удачно пользовались въ своихъ нападеніяхъ противники реформаціи. Въ противоположность реформаціи, враги ея очень хорошо сознавали сущность и цѣль своихъ поступковъ; они восходили къ самому источнику своего образа дѣйствій и открыто признавали всѣ его послѣдствія. Невозможно указать правительство болѣе послѣдовательное, болѣе систематическое, нежели римская церковь. На практикѣ, римскій престолъ часто вступалъ въ соглашенія и дѣлалъ уступки гораздо чаще, чѣмъ реформація; но въ теоріи онъ гораздо тверже держался своей системы и гораздо тщательнѣе сообразовалъ съ нею свои дѣйствія. Въ этомъ полномъ сознаніи того, что дѣлаешь, чего хочешь, въ этомъ безусловномъ и разумномъ принятіи извѣстнаго ученія или намѣренія, заключается великая сила. Лучшимъ доказательствомъ тому служить ходъ религіозной революціи XVI вѣка. Извѣстно, что главною силою, созданною для борьбы съ реформаціею, былъ орденъ іезуитовъ. Бросимъ взглядъ на исторію іезуитовъ; они повсюду терпѣли неудачи; вездѣ, гдѣ только они имѣли обширный кругъ дѣйствій, они приносили несчастіе тому дѣлу, на сторону котораго становились. Въ Англіи они погубили королей, въ Испаніи—цѣлыя народы. Общій ходъ событій, развитіе повѣйшей цивилизаціи, свобода человѣческаго духа, всѣ эти силы, борются съ которыми было назначеніе іезуитовъ, возстали противъ нихъ и побѣдили ихъ. И не только іезуиты терпѣли неудачи, но вспомните, къ какимъ средствамъ они принуждены были прибѣгать. Они не достигали ни славы, ни величія; они не совершали блистательныхъ событій, не приводили въ движеніе могущественныхъ массъ людей; они шли подземными, темными, низкими путями, ничѣмъ не съумѣли поразить воображеніе, не съумѣли расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, которое невольно сочувствуетъ всѣмъ великимъ дѣламъ, безъ

различія ихъ принципа и цѣли. Противная сторона, на оборотъ, не только побѣдила, но побѣдила со славою, совершила великія дѣла великими средствами: она привела въ движеніе народы, породила въ Европѣ великихъ людей, измѣнила открыто, при дневномъ, если можно такъ выразиться, свѣтѣ, судьбу и форму государствъ. Однимъ словомъ, все было противъ іезуитовъ—и внутренняя, и внѣшняя неудача; ихъ дѣятельностью не удовлетворится ни здравый смыслъ, требующій успѣха, ни воображеніе, нуждающееся въ блескѣ. А между тѣмъ, судьба ихъ конечно не лишена величія; съ ихъ именемъ, вліяніемъ, исторіею соединена великая идея. Отчего? Оттого, что они отдавали себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, сознавали съ полною ясностью принципы, которыми руководствовались, цѣль, къ которой стремились; оттого, что они обладали величіемъ мысли, величіемъ воли, которое и спасло ихъ отъ осмѣянія, возбуждаемаго постоянными неудачами и презрѣнными способами дѣйствій. Напротивъ того, тамъ, гдѣ исполненіе уступаетъ мысли, гдѣ, повидимому не сознаны глубочайшіе принципы и окончательныя послѣдствія дѣла, тамъ всегда остается нѣчто неполное, непослѣдовательное, низменное, унижающее въ умственномъ отношеніи самихъ побѣдителей и отражающееся иногда въ самомъ ходѣ событій. Вотъ, по моему мнѣнію, слабая сторона реформаци въ борьбѣ новаго порядка вещей противъ прежняго духовнаго міра; вотъ что нерѣдко затрудняло реформацию и препятствовало ей защищаться такъ, какъ бы слѣдовало ей защищаться по праву.

Я могъ бы разсмотрѣть религіозную революцію XVI вѣка съ нѣсколькихъ другихъ точекъ зрѣнія. Я ничего не сказалъ и не могъ сказать о чисто догматической сторонѣ ея, о томъ, что она совершила собственно въ религіи, въ отношеніяхъ души человѣческой къ Богу и къ будущей, вѣчной жизни; я могъ бы показать ее въ разнообразіи ея отношеній къ общественному быту, куда она внесла результаты неизмѣримой важности. Напримѣръ, она возвратила религію въ среду мірянъ, въ общество вѣрныхъ; до того времени религія была, можно сказать, исключительнымъ достояніемъ духовенства, церковнаго сословія; оно раздавало плоды ея, но въ сущности одно располагало ею и почти одно пользовалось правомъ говорить о ней. Реформация ввела религіозныя вѣрованія въ общій оборотъ идей; она открыла мірянамъ поприще вѣры, прежде недоступное для нихъ. Въ то же время, она имѣла и другой

результатъ: она вовсе или почти вовсе изгнала религію изъ политики, возстановила независимость свѣтской власти. Сдѣлавшись, если можно такъ выразиться, достояніемъ мірянъ, религія вмѣстѣ съ тѣмъ перестала входить въ составъ общественнаго правительства. Въ протестантскихъ странахъ, не смотря на все различіе церковнаго устройства, — даже въ самой Англіи, гдѣ это устройство наиболѣе приближается къ прежнему порядку вещей, духовная власть уже не имѣетъ серьезныхъ притязаній на управленіе свѣтскою властью.

Я могъ бы исчислить многія другія послѣдствія реформации; но пора остановиться, и я довольствуюсь тѣмъ, что успѣлъ представить вамъ отличительный характеръ ея — эманципацию человѣческаго духа и уничтоженіе абсолютной власти въ духовномъ мірѣ, уничтоженіе безъ сомнѣнія неполное, но тѣмъ не менѣе являющееся важнѣйшимъ шагомъ впередъ, совершеннымъ до нашего времени на этомъ пути.

Въ заключеніе прошу замѣтить, какое поразительное сходство представляется, въ новой исторіи, между обществами религіознымъ и гражданскимъ, въ отношеніи къ переворотамъ, которымъ они оба подверглись.

Христіанское общество (мы видѣли это, когда я говорилъ о церкви) сначала было обществомъ совершенно свободнымъ, образованнымъ исключительно во имя общаго вѣрованія, безъ постоянныхъ учреждений, безъ правительства въ собственномъ смыслѣ этого слова; оно управлялось одною только нравственною властью, измѣнявшеюся смотря по потребностямъ времени. Подобно тому началось въ Европѣ и гражданское общество; оно было основано, по крайней мѣрѣ отчасти, отдѣльными союзами варваровъ и отличалось полною свободою; члены его оставались въ немъ исключительно по доброй волѣ и не знали ни законовъ, ни благоустроенныхъ властей. По выходѣ изъ такого положенія, не совмѣстимаго съ широкимъ общественнымъ развитіемъ, религіозное общество подчинилось правительству по преимуществу аристократическому; управленіе сосредоточилось въ рукахъ духовнаго сословія — епископовъ, соборовъ, церковной аристократіи. Такое же явленіе видимъ мы и въ гражданскомъ обществѣ, по выходѣ его изъ варварства; и въ немъ получаетъ преобладаніе аристократія, свѣтскій феодализмъ. Далѣе, религіозное общество оставляетъ аристократическую форму и принимаетъ форму чистой монархіи: это время побѣды римскаго престола надъ соборами и европейскою церковною ари-

стократією. Тотъ же переворотъ совершается и въ гражданскомъ обществѣ; и въ немъ преобладаніе и господство надъ европейскимъ міромъ пріобрѣтаетъ королевская власть, на развалинахъ свѣтской аристократіи. Въ XVI вѣкѣ, въ нѣдрахъ религіознаго общества обнаруживается возстаніе противъ системы чистой монархіи, противъ абсолютной власти въ духовномъ мірѣ. Этотъ переворотъ ведетъ за собою, утверждаетъ, освящаетъ въ Европѣ право свободного изслѣдованья. Подобное событіе видѣли мы, въ нашу эпоху, и въ гражданскомъ мірѣ: для гражданской абсолютной власти также настало время борьбы и пораженія. Итакъ, оба общества подвергались тѣмъ же измѣненіямъ, тѣмъ же переворотамъ;—но религіозное общество всегда предшествовало гражданскому на этомъ пути.

Теперь мы ознакомились съ однимъ изъ великихъ фактовъ новѣйшаго общества: съ свободою изслѣдованья, свободою человѣческаго духа. Въ то же время мы видимъ повсемѣстное почти преобладаніе политической централизаціи. Въ слѣдующей лекціи я разсмотрю англійскую революцію, т. е. то событіе, которое представляетъ собою первое столкновеніе свободного анализа и абсолютной монархіи, одинаково обязанныхъ своимъ происхожденіемъ развитію европейской цивилизаціи.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Общій характеръ англійской революціи. — Главныя причины ея. — Направленіе ея, болѣе политическое, нежели религіозное. — Три главныя партіи, послѣдовательно мѣняющія другъ друга: 1) партія законной реформы; 2) партія политической революціи; 3) партія социальной революціи. — Ни одна изъ нихъ не имѣетъ успѣха. — Кромвель. — Реставрація Стюартовъ. — Легальное министерство. — Министерство Кабалы. — Национальное министерство. — О революціи 1688 года въ Англіи и въ Европѣ.

Мы видѣли, что въ продолженіе XVI вѣка всѣ элементы прежняго европейскаго общества привели къ двумъ весьма важнымъ фактамъ: къ свободному изслѣдованію и къ централизациі власти. Одинъ изъ нихъ получилъ преобладаніе въ религіозномъ обществѣ, другой — въ гражданскомъ. Въ Европѣ въ одно и то же время торжествовали и эманципациа челоѣческаго духа, и абсолютная монархія.

Рано или поздно непременно должна была разгорѣться борьба между этими двумя, столь противоположными другъ другу фактами. Одинъ изъ нихъ былъ пораженіемъ абсолютной власти въ духовномъ мірѣ, другой — торжествомъ ея въ мірѣ гражданскомъ; одинъ склонялъ къ упадку древнюю церковную монархію, другой довершалъ уничтоженіе древнихъ феодальныхъ и общинныхъ вольностей. Ихъ одновременность, какъ вы уже видѣли, произошла отъ того, что перевороты въ религіозномъ обществѣ совершались скорѣе, нежели въ гражданскомъ; первое уже дошло до освобожденія мысли, тогда какъ другое находилось уже на степени сосредоточенія всѣхъ властей въ одной общей власти. Итакъ, совпаденіе обоихъ фактовъ происходило вовсе не отъ однородности ихъ и нимало не уменьшало ихъ противоположности. Каждый изъ нихъ былъ шагомъ впередъ въ цивилизациі; но шаги эти были совершены подъ вліяніемъ различныхъ условій и, близкіе по времени, далеко отстояли другъ отъ друга по внутреннему значенію своему. Соглашеніе ихъ между собою не могло обойтись безъ предварительнаго столкновенія и борьбы.

Первое враждебное соприкосновение ихъ произошло въ Англіи. Стремленіе свободнаго изслѣдованья, порожденнаго реформаціею, къ восстановленію политической свободы, павшей подъ ударами чистой монархіи, попытка уничтожить абсолютную власть въ гражданскомъ, какъ и въ духовномъ мірѣ, — таковъ смыслъ англійской революціи, такова роль ея въ развитіи цивилизаціи.

Отчего это стремленіе проявилось именно въ Англіи? Отчего въ этой странѣ перевороты политическаго міра болѣе, нежели на материкѣ, совпадали съ переворотами міра нравственнаго?

Королевская власть въ Англіи подверглась тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и на континентѣ: въ правленіе Тюдоровъ она достигла небывалой прежде степени сосредоточенности и энергіи. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы деспотизмъ Теодоровъ на самомъ дѣлѣ отличался большимъ произволомъ и стоилъ Англіи дороже, чѣмъ деспотизмъ ихъ предшественниковъ, При Платагенетахъ, по моему мнѣнію, совершаемо было столько же тиранническихъ дѣйствій, притѣсненій, несправедливостей какъ и при Тюдорахъ, — можетъ-быть даже и больше. И на континентѣ образъ правленія абсолютной монархіи въ это время, по всей вѣроятности, былъ суровѣе и произвольнѣе, нежели въ Англіи. Новое явленіе, являющееся въ Тюдорахъ, заключается въ томъ, что абсолютная власть возводится на степень системы; короли предъявляютъ притязанія на самостоятельную, независимую, верховную власть; они говорятъ языкомъ, котораго до тѣхъ поръ не употребляли. Притязанія Генриха VIII, Елисаветы, Іакова I, Карла I, рѣзко отличаются отъ притязаній Эдуарда I или Эдуарда III, хотя власть двухъ послѣднихъ королей на практикѣ была не менѣе произвольна и обширна. Повторяю, въ XVI вѣкѣ измѣняется скорѣе рациональная система, нежели дѣйствительное могущество англійской королевской власти; короли открыто домогаются неограниченныхъ правъ и ставятъ себя выше всѣхъ законовъ, даже тѣхъ, на которые сами соглашались не посягать.

Съ другой стороны, религіозный переворотъ совершился въ Англіи совсѣмъ не такъ, какъ на материкѣ Европы; онъ былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, дѣломъ самихъ англійскихъ королей. Правда, и въ Англіи издавна уже совершались попытки народной реформы, которая не замедлила бы, безъ сомнѣнія, обнаружиться съ полною силою. Но Генрихъ VIII предупредилъ ее; революція была предпринята самою королевскою властью. Вслѣдствіе этого, англійская реформація, какъ унич-

тоженіе церковныхъ злоупотребленій и тиранин, какъ освобожденіе человѣческаго духа, сначала была далеко не такъ радикальна, какъ реформація континентальная. Она, какъ и слѣдовало ожидать, совершилась въ пользу инициаторовъ ея. Король и сохраненные имъ епископы раздѣлили между собою богатства и власть, оставшіяся послѣ предшественника ихъ, папы. Такой образъ дѣйствій не остался безъ послѣдствій. Реформа, какъ утверждали, совершилась, но большая часть побужденій, заставлявшихъ желать ея, по прежнему существовали. Она проявилась снова, въ народномъ духѣ; она потребовала отъ епископовъ того, чего прежде домогалась отъ римскаго престола; она обвиняла ихъ за то, что власть каждого изъ нихъ равнялась папской власти. Каждый разъ, когда общая судьба религіозной революціи была въ опасности, каждый разъ, когда дѣло шло о борьбѣ съ прежнею церковью, всѣ протестантскія партіи соединялись между собою и вмѣстѣ сопротивлялись общему врагу. Но съ окончаніемъ опасности возобновлялась внутренняя борьба; народная реформа снова вступала въ борьбу съ реформою королевскою и аристократическою, раскрывала ея злоупотребленія, жаловалась на ея тиранин, требовала исполненія ея обѣщаній и возставала противъ желанія ея подражать низвергнутой ею же самою власти.

Въ то же время, въ гражданскомъ обществѣ Англіи обнаружилось стремленіе къ освобожденію, потребность въ политической свободѣ, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстная или по крайней мѣрѣ безсильная. Въ теченіе XVI вѣка коммерческое благосостояніе Англіи возростало съ необыкновенною быстротою, а поземельная недвижимая собственность переходила по большей части отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Возрастающее раздробленіе англійскихъ земель въ XVI вѣкѣ—фактъ недостаточно еще изслѣдованный; оно зависѣло отъ раззоренія феодальной аристократіи и отъ многихъ другихъ причинъ, исчислять которыя было бы теперь слишкомъ долго. Всѣ документы показываютъ намъ чрезвычайное увеличеніе числа поземельныхъ собственниковъ и переходъ большей части земель въ руки джентри, т. е. низшаго дворянства и буржуазіи. Высшее дворянство, засѣдавшее въ палатѣ лордовъ, въ началѣ XVII вѣка было далеко не такъ богато, какъ члены палаты общинъ. Итакъ, одновременно съ усиленнымъ развитіемъ промышленнаго богатства, совершалась важная перемѣна въ богатствѣ поземельномъ. Вслѣдъ за этими двумя фактами, появился и третій—новое движеніе умовъ. Царствованіе Ели-

саветы составляет, можетъ быть, эпоху наибольшей литературной и философской дѣятельности въ Англіи, эпоху плодотворныхъ и смѣлыхъ мыслей. Пуритане не колеблясь исчерпывали до послѣднихъ результатовъ свое узкое, но могучее ученіе. Другіе, менѣе правдивые, но болѣе свободные, чуждые всякому принципу, всякой системѣ, съ жаромъ воспринимали всѣ идеи, обѣщавшія какое-нибудь удовлетвореніе ихъ любопытству, какую-нибудь пищу ихъ умственнымъ потребностямъ. Тамъ, гдѣ умственное движеніе составляетъ живое наслажденіе, свобода скоро дѣлается потребностью, и такъ же скоро изъ общественнаго мнѣнія переходитъ въ государство.

На материкѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ, куда проникла реформація, точно также появилась склонность того же рода, извѣстная потребность къ политической свободѣ; но этой новой потребности не доставало данныхъ для преуспѣянія; она ни въ чемъ не находила поддержки, не находила точки опоры ни въ учрежденіяхъ, ни въ правахъ; она оставалась смутною, не увѣренною въ самой себѣ, и напрасно искала средствъ къ достиженію своей цѣли. Въ Англіи положеніе дѣлъ было совершенно другое; тамъ духъ политической свободы, вновь проявившійся въ XVI вѣкѣ подъ вліяніемъ реформаціи, нашелъ готовую точку опоры и средства къ дѣйствію въ прежнихъ учрежденіяхъ, во всемъ общественномъ строѣ страны.

Всѣмъ извѣстно первоначальное происхожденіе свободныхъ учрежденій въ Англіи; всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ въ 1215 году союзъ высшихъ бароновъ исторгнулъ у короля Іоанна великую хартію (Magna Charta). Менѣе извѣстно то, что хартія эта отъ времени до времени была подтверждаема большинствомъ королей. Между XIII и XVI вв. насчитывается болѣе тридцати такихъ подтвержденій. Кромѣ того, къ ней прибавлялись новые статуты, которыми она поддерживалась и развивалась. Поэтому она жила, такъ сказать, безъ перерывовъ и безъ промежутковъ. Въ то же время образовалась палата общинъ и заняла мѣсто въ верховныхъ учрежденіяхъ государства. Собственно говоря, она укоренилась въ Англіи еще при Плантагенетахъ, хотя и не играла при нихъ особенно важной роли; управленіе государствомъ еще не принадлежало ей, не падало даже подъ ея вліяніемъ; она принимала въ немъ участіе только по приглашенію короля, и то нерѣшительно, неохотно, опасаясь запутаться и навлечь на себя нареканіе, почти не желая увеличить свою власть. Но когда дѣло шло о защитѣ частныхъ правъ, достоянія или домашняго спо-

коиствія гражданъ,—однимъ словомъ, личной свободы,—тогда палата общинъ съ величайшею энергіею и настойчивостью исполняла свой долгъ, и полагала начало тѣмъ принципамъ, которые легли въ основаніе англійской конституціи.

Послѣ Плантагенетовъ, и въ особенности при Тюдорахъ, палата общинъ, или лучше сказать весь парламентъ, представляется въ совершенно иномъ видѣ. Опъ уже не такъ успѣшно, какъ при Плантагенетахъ, защищаетъ личную свободу гражданъ. Произвольные аресты, нарушенія частныхъ правъ встрѣчаются гораздо чаще, и чаще остаются безъ протеста. За то въ общемъ управленіи страны парламентъ занимаетъ гораздо болѣе видное мѣсто. Чтобы измѣнить государственную религію, чтобы установить порядокъ наслѣдованія, Генрихъ VIII нуждался въ орудіи, въ общественной опорѣ; такимъ орудіемъ послужилъ для него парламентъ, и въ особенности палата общинъ. При Плантагенетахъ она была центромъ сопротивленія, гарантіею частныхъ правъ; при Тюдорахъ она сдѣлалась средствомъ управленія, общей политики. Вотъ причина, по которой такъ усилилось значеніе палаты общинъ, несмотря на всѣ виды тиранніи, которымъ она подчинялась, которымъ она даже служила. Къ концу XVI столѣтія положены уже были основанія настоящей ея власти,—той власти, на которой, собственно говоря, и основывается представительное правительство.

Итакъ, свободныя учрежденія Англіи въ концѣ XIII вѣка, представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1) издревле существующія правила, принципы свободы, которыхъ никогда не теряли изъ виду ни населеніе, ни законодательство; 2) примѣры, воспоминанія свободы, смѣшанные, правда, съ примѣрами и воспоминаніями противоположными, но достаточные для того, чтобы узаконить и поддержать народныя требованія, чтобы служить опорой для защитниковъ свободы въ борьбѣ съ произволомъ и тиранніею; 3) мѣстныя, частныя учрежденія, богатые зародышами свободы: судъ присяжныхъ, право соединяться, носить оружіе, независимость муниципальной администраціи и суда; 4) наконецъ, парламентъ и его сила, въ которой больше, нежели когда-либо, нуждалась королевская власть, расточившая большую часть своихъ независимыхъ доходовъ, доменъ и феодальныхъ правъ, и принужденная обращаться, для собственнаго содержанія своего, къ содѣйствію страны.

Изъ этого видно, что политическое состояніе Англіи въ

XVI вѣкъ значительно отличалось отъ состоянія материка. Несмотря на тиранію Тюдоровъ, несмотря на систематическое торжество абсолютной монархіи, Англія не лишилась твердой точки опоры, надежнаго способа дѣйствій для вновь появившагося въ ней духа свободы.

Въ Англіи въ эту эпоху совершилось, слѣдовательно, одновременное развитіе двухъ національных потребностей: съ одной стороны, въ нѣдрахъ начавшейся реформации проявлялась потребность религіознаго переворота, религіозной свободы; съ другой стороны, успѣхи абсолютной монархіи возбуждали потребность въ политической свободѣ; и потребности эти, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, могли ссылаться на то, что было уже сдѣлано ранѣе въ этомъ направленіи. Онѣ вступили между собою въ тѣсный союзъ. Партія, стремившаяся къ религіозной реформѣ, увидѣла въ политической свободѣ средство защиты своей вѣры и совѣсти противъ короля и епископовъ. Друзья политической свободы въ свою очередь стали искать поддержки въ народной реформѣ. Обѣ партіи соединились для борьбы съ абсолютною властью, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ,—властью, вполне сосредоточенною въ рукахъ короля. Таково происхожденіе, таковъ смыслъ англійской революціи.

Итакъ, она преимущественно имѣла въ виду защиту или завоеваніе свободы. Для религіозной партіи свобода была средствомъ, для политической—цѣлью; но для обѣихъ все дѣло шло только о ней, и по необходимости онѣ соединили свои силы, чтобы достигнуть ея. Между партіями епископальною и пуританскою не было религіозной распри въ строгомъ смыслѣ слова; борьба завязалась не изъ-за догматовъ, не изъ-за предметовъ, относившихся къ самой вѣрѣ. Конечно мнѣнія ихъ различались между собою по многимъ весьма существеннымъ пунктамъ; но не въ этомъ заключался главный поводъ спора. Политическая свобода—вотъ что пуританская партія хотѣла исторгнуть у партіи епископальной, вотъ что было причиною и предметомъ борьбы. Существовала и другая религіозная партія, желавшая положить основаніе особой системы, доставить преобладаніе своимъ догматамъ и обрядамъ, своему особому церковному устройству: это была партія пресвитеріанская; но несмотря на всѣ усилія, она не могла собственными средствами достигнуть исполненія своихъ желаній. Поставленная въ оборонительное положеніе, тѣсняемая епископами, она ничего не могла сдѣлать безъ дѣйствія политическихъ рефор-

маторовъ, ея естественныхъ вождей и союзниковъ; господствующимъ интересомъ ея также была свобода. Итакъ, свобода—вотъ общая мысль, общая цѣль всѣхъ партій, участвовавшихъ въ движеніи, какъ бы велико ни было ихъ взаимное различіе. Поэтому, англійская революція, рассматриваемая съ общей точки зрѣнія представляется событіемъ по преимуществу политическимъ; она совершилась среди религіознаго народа, въ религіозномъ вѣкѣ, дѣйствовала съ помощью религіозныхъ идей и страстей; но первоначальное побужденіе и окончательная цѣль ея одинаково запечатлѣны политическимъ характеромъ; воздѣ преобладаетъ стремленіе къ свободѣ, къ уничтоженію всякой абсолютной власти.

Разсмотримъ теперь различныя фазисы этой революціи, изучимъ тѣ великія партіи, которыя одна за другою участвовали въ ней; затѣмъ укажемъ связь ея съ общимъ ходомъ событій въ Европѣ и опредѣлимъ ея мѣсто и значеніе въ европейской цивилизаціи. Подробное разсмотрѣніе фактовъ, точно также какъ и бѣглый обзоръ ихъ покажетъ вамъ, что англійская революція была первымъ столкновеніемъ свободнаго изслѣдованія съ абсолютною монархіею, первымъ взрывомъ борьбы между этими двумя великими силами.

Въ замѣчательномъ кризисѣ, занимающемъ насъ, проявляются три главныя партіи, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы три революціи, послѣдовательно выступавшія на сцену историческаго міра. Въ каждой партіи, въ каждой революціи соединяются и дѣйствуютъ за одно двѣ партіи—политическая и религіозная; первая стоитъ во главѣ движенія, вторая слѣдуетъ за нею, но обѣ необходимы другъ для друга, такъ что двойственный характеръ событія отражается на всѣхъ фазисахъ его.

Первою по времени партіею, подъ знаменемъ которой сначала шли всѣ остальные, была партія законной реформы. При началѣ англійской революціи, когда въ 1640 г. созванъ былъ долгій парламентъ, всѣ говорили, и многіе думали, что достаточно только одной законной реформы, что въ старинныхъ законахъ и обычаяхъ страны существуютъ средства для искорененія всѣхъ злоупотребленій, для установленія правительственной системы, вполне сообразной съ требованіями народа. Эта партія громко порицала и чистосердечно желала предупредить противузаконные поборы, произвольное взятіе гражданъ подъ стражу, однимъ словомъ, всѣ дѣйствія, несоглас-

ныя съ дѣйствующими законами страны. Въ идеяхъ этой партіи скрывалось вѣрованіе въ верховную державность короля, т. е. въ абсолютную власть его. Тайное, инстинктивное чувство конечно говорило ей, что въ этомъ началѣ есть что-то ложное и опасное; поэтому она и старалась никогда не упоминать о немъ; но доведенная до крайности и вынужденная къ рѣшительному объясненію, она допускала въ королевскомъ санѣ власть, стоящую выше всякаго человѣческаго происхожденія, всякаго контроля и, въ случаѣ необходимости, защищала эту власть. Она думала вмѣстѣ съ тѣмъ, что власть, абсолютная по своему принципу, должна дѣйствовать по извѣстнымъ правиламъ, въ извѣстныхъ формахъ и предѣлахъ, и что эти правила, формы, предѣлы достаточно опредѣлены и обезпечены великою хартіею, подтвердительными къ ней статутами и вообще древнимъ законодательствомъ. Таковы были ея политическія вѣрованія. Въ религіозномъ отношеніи, партія законной реформы была того мнѣнія, что епископы слишкомъ расширили кругъ своихъ дѣйствій и присвоили себѣ слишкомъ большое политическое значеніе, что юрисдикція ихъ слишкомъ обширна, что необходимо ограничить ее и наблюдать за ея отправленіемъ. Однако она твердо держалась епископскаго сана, не только какъ церковнаго учрежденія, церковной правительственной системы, но и какъ необходимой опоры для королевской прерогативы, какъ средства защищать и поддерживать преобладающее вліяніе короля въ дѣлахъ религіозныхъ. Въ политическомъ мірѣ—верховная власть короля, дѣйствующая съ соблюденіемъ законныхъ формъ и въ законныхъ предѣлахъ; въ религіозномъ мірѣ—преобладаніе власти короля, примѣняемой и поддерживаемой епископами,—такова была двойственная система партіи законной реформы, главнѣйшими вождями которой были Кларендонъ, Кольнепперъ, лордъ Кэпелъ, даже лордъ Фольклэндъ, самый горячій приверженецъ общественной свободы. Въ рядахъ этой партіи находились почти всѣ члены высшаго дворянства, чуждые рабской преданности двору.

За нею слѣдовала другая партія, которую мы назовемъ партіей политической. Она находила, что древнія гарантіи, законныя ограниченія недостаточны, что необходимо произвести существенную перемѣну, революцію не въ формахъ, а въ самой организаціи правительственной власти; что король и его совѣтъ должны лишиться всякой независимости и передать свое политическое преобладаніе палатѣ общинъ; что правительство, въ собственномъ смыслѣ этого слова, должно при-

надлежать этому собранію и вождемъ его. Она сознавала свои идеи и цѣли не въ такомъ ясномъ, систематическомъ видѣ, въ какомъ мы теперь представляемъ ихъ; но такова была сущность ея ученія, ея политическихъ стремленій. Въмѣсто абсолютнаго самодержавія короля, вмѣсто чистой монархіи, она вѣрила въ верховную власть палаты общинъ, какъ представительницы страны. Подъ этимъ понятіемъ скрывалась идея народной державности—идея, значеніе которой было далеко не вполне понятно для партіи, столь же мало понимавшей и всѣ послѣдствія ея; верховная власть палаты общинъ—вотъ форма, въ которую была облечена эта идея.

Съ партіею политической революціи стояла въ тѣсной связи религіозная партія пресвитеріанъ. Пресвитеріане желали произвести въ церкви такую же революцію, какую союзники ихъ замыслили въ государствѣ. Они желали, чтобы церковь управлялась собраніями, чтобы религіозная власть принадлежала цѣлой іерархіи собраній, соединенныхъ между собою, подобно тому, какъ ихъ союзники хотѣли предоставить политическую власть палатѣ общинъ. Но пресвитеріанская революція отличалась большею смѣлостью и ясностью требованій, потому что она домогалась измѣненія какъ формъ, такъ и сущности церковнаго правительства, тогда какъ политическая партія стремилась только къ перемѣщенію центра тяжести и преобладанія, и не замышляла при этомъ никакого переворота въ формѣ учреждений.

Вотъ почему не всѣ вожди политической партіи были расположены въ пользу пресвитеріанской организаціи церкви. Многіе изъ нихъ, напримѣръ Гэмиденъ и Голлисъ, предпочитали епископовъ съ умѣренной властью, ограничленною чисто церковными обязанностями, и не препятствующею развитію свободы совѣсти. Однако они вскорѣ отказались отъ осуществленія этой мысли, потому что не могли обойтись безъ своихъ фанатическихъ союзниковъ.

Третья партія требовала гораздо большаго: она утверждала, что необходимо одновременно измѣнить и сущность, и форму правительства; что вся политическая конституція неправильна и вредна. Эта партія отдѣлялась отъ прошедшаго Англіи, отрекалась отъ народныхъ учреждений и воспоминаній, чтобы положить основаніе новому правительственному строю, согласно съ отвлеченною теоріею, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась реформаторамъ. Они замышляли не простой переворотъ правительственный, но социальную

революцію. Вторая изъ указанныхъ нами партій, т. е. партія политической революціи, хотѣла ввести существенныя измѣненія въ отношенія парламента къ престолу; она хотѣла расширить власть обѣихъ палатъ, въ особенности палаты общинъ, предоставить имъ право избранія въ высшія общественныя должности и высшее руководство государственными дѣлами; но этимъ и ограничивались предложенныя ею нововведенія. Она нисколько не заботилась объ измѣненіи избирательной, судебной, административной и муниципальной системъ, дѣйствовавшихъ въ государствѣ. Республиканская же партія замышляла всѣ эти измѣненія, провозглашала ихъ необходимость, однимъ словомъ—хотѣла преобразовать не только государственныя учрежденія, но и гражданскія отношенія, распределение частныхъ правъ.

Подобно предыдущей, эта партія также слагалась изъ отѣнковъ религіознаго и политическаго. Къ политическому отѣнку принадлежали республиканцы въ собственномъ смыслѣ слова, теоретики: Людло, Гаррингтонъ, Мильтонъ и другіе. Рядомъ съ ними стояли республиканцы по обстоятельствамъ и личнымъ выгодамъ, главные начальники арміи—Айртонъ, Кромвель, Ламбертъ, болѣе или менѣе чистосердечные въ первыхъ своихъ порывахъ, но потомъ подчинившіеся личнымъ видамъ и условіямъ своего положенія. Вокругъ нихъ собиралась религіозная республиканская партія, всѣ фанатическія секты, которыя признавали одну только законную власть—власть Иисуса Христа, и въ ожиданіи Его пришествія желали правительства Его избранниковъ. Наконецъ, вслѣдъ за этою партіею шло довольно значительное число второстепенныхъ вольнодумцевъ и мечтателей, изъ которыхъ одни надѣялись достигнуть вольности, другіе имущественнаго равенства и всеобщей подачи голосовъ.

Къ 1653 году, послѣ двѣнадцатилѣтней борьбы, всѣ эти партіи одна за другою окончили свою роль, и окончили ее безуспѣшно; таково было по крайней мѣрѣ всеобщее убѣжденіе, съ которымъ должны были бы согласиться и сами члены партій. Партія законной реформы, скоро оставшаяся позади всѣхъ, сдѣлалась свидѣтельницею того, какъ древняя конституція, древніе законы пришли въ полный упадокъ, какъ побѣда, повсюду осталась за нововведеніями. Партія политической революціи увидѣла паденіе парламентарныхъ формъ въ новой сферѣ дѣятельности, въ которую она хотѣла ввести ихъ; она увидѣла, какъ послѣ двѣнадцатилѣтняго господства палата общинъ, за послѣдова-

тельнымъ изгнаіемъ роялистовъ и пресвитеріанъ, сильно уменьшилась въ своемъ составѣ, навлекла на себя презрѣніе и ненависть общества и сдѣлалась неспособною къ управленію страной. Республиканская партія, повидимому, имѣла болѣе успѣха; за нею осталось и поле сраженія, и власть; въ палатѣ общинъ считалось не болѣе ста членовъ, и всѣ они были республиканцы; они могли признать и провозгласить себя обладателями страны. Но страна безусловно отказывала имъ въ повиновеніи; они нигдѣ не могли дѣйствовать по своему усмотрѣнію и не имѣли никакого вліянія ни на армію, ни на народъ. Не было ни общественной связи, ни безопасности; управленіе суда остановилось, или по крайней мѣрѣ перестало быть правосудіемъ; судьи руководствовались своими страстями, личными видами, духомъ партій. Недостатокъ безопасности ощущался не только въ личныхъ сношеніяхъ гражданъ, но и на большихъ дорогахъ: онѣ кишели ворами и разбойниками; всюду царил анархія, матеріальная и нравственная; палата общинъ и республиканскій государственный совѣтъ оказались безсильными для прекращенія ея.

Итакъ, три великія революціонныя партіи послѣдовательно остановились во главѣ движенія и старались управлять страной по своему разумѣнію и по своей волѣ,—и ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха въ этомъ дѣлѣ. Всѣ три потерпѣли совершенную неудачу и окончательно растратили свои силы. «Тогда, говоритъ Боссюэ, появился человѣкъ, который ничего не предоставлялъ случаю и по возможности все извлекалъ изъ-подъ власти судьбы, расчетомъ и предусмотрительностью;»—выраженіе въ высшей степени ошибочное, опровергаемое всѣми фактами исторіи. Никогда и никто больше Кромвеля не полагался на свое счастье, никогда и никто не рисковалъ больше чѣмъ онъ, не подвигался впередъ съ такою отвагой, безъ намѣренія, безъ цѣли, но съ полной рѣшимостью предаться судьбѣ, куда бы она ни повела его. Безграничное честолюбіе, удивительное умѣнье извлекать изъ каждаго дня, изъ каждаго обстоятельства какую-либо новую выгоду, искусство пользоваться случаемъ, безъ всякаго притязанія управлять имъ,—таковы отличительныя свойства Кромвеля. Онъ достигъ того, что можетъ быть никогда не удавалось подобнымъ людямъ: онъ умѣлъ принаровиться ко всѣмъ, самымъ разнообразнымъ фазисамъ революціи; сначала предводитель возстанія, поборникъ анархіи, самый горячій изъ англійскихъ революціонеровъ,—потомъ человѣкъ антиреволюціонной ре-

акціи, возстановленнаго порядка, новой общественной организации. Въ немъ одномъ совместились всѣ роли, которыя въ теченіе революціи обыкновенно раздѣляются между величайшими дѣятелями ея. Нельзя сказать, чтобы Кромвель былъ Мирабо: ему не доставало краснорѣчія; при всей своей дѣятельности, онъ ничѣмъ не отличился въ первые годы долгаго парламента. Но онъ былъ послѣдовательно Дантономъ и Бонапартомъ. Онъ больше всѣхъ содѣйствовалъ низверженію власти, и онъ же возстановилъ ее, потому что никто, кромѣ него, не сумѣлъ овладѣть и воспользоваться ею. А между тѣмъ правительство было необходимо; онъ имѣлъ успѣхъ тамъ, гдѣ всѣ терпѣли неудачу,—и вотъ его право на владычество. Сдѣлавшись главою правительства, этотъ человѣкъ, до тѣхъ поръ столь ненасытно честолюбивый, постоянно стремившійся впередъ, съ неизмѣннымъ счастьемъ и съ твердымъ намѣреніемъ никогда не остановиться,—обнаружилъ такой здравый смыслъ, такое вѣрное пониманіе возможнаго и невозможнаго, что обуздалъ самыя сильныя страсти свои. Онъ питалъ чрезвычайное влеченіе къ абсолютной власти, страстное желаніе возложить на себя корону и передать ее своему семейству; но онъ отказался отъ послѣдняго намѣренія, потому что своевременно увидѣлъ его опасность. Что касается до абсолютной власти, то хотя онъ и пользовался ею на самомъ дѣлѣ, но всегда понималъ, что она противна духу времени, что революція, въ которой онъ принималъ участіе, за которою слѣдилъ во всѣхъ ея фазисахъ, была направлена противъ деспотизма, и что неизмѣнное желаніе Англіи—быть управляемою посредствомъ парламента и съ соблюденіемъ парламентарныхъ формъ. Вотъ почему онъ самъ—деспотъ и по природѣ, и на дѣлѣ—рѣшился поставить рядомъ съ собою парламентъ и раздѣлить съ нимъ управленіе Англіею. Онъ обращался послѣдовательно ко всѣмъ партіямъ; онъ пытался составить парламентъ изъ религіозныхъ энтузіастовъ; изъ республиканцевъ, изъ пресвитеріантъ, изъ офицеровъ арміи. Онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы образовать парламентъ, который имѣлъ бы желаніе и силу дѣйствовать за одно съ нимъ самимъ. Но усилія его были тщетны; каждая партія, призванная засѣдать въ Вестминстерѣ, старалась исторгнуть изъ его рукъ правительственную власть и, въ свою очередь, присвоить себѣ господство надъ страной. Конечно, первою мыслью Кромвеля были его различныя выгоды, личныя страсти. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ отказался отъ власти, то на другой день онъ

безъ сомнѣнія, былъ бы вынужденъ снова принять ее. Никто, кромѣ Кромвеля, не могъ въ это время управлять съ нѣкото-рою правильностью и справедливостью: ни пуритане, ни роя-листы, ни республиканцы, ни офицеры. Это было доказано событіями. Невозможно было предоставить парламентамъ, т. е. партіямъ, засѣдавшимъ въ парламентахъ, власть, которую они не могли удержать за собою. Таково было положеніе Кром-веля: его правительственная система, по собственному убѣж-денію его, не соотвѣтствовала желаніямъ страны; необходи-мость его власти была очевидна, но она никѣмъ не призна-валась добровольно. Ни одна партія не видѣла въ его господствѣ окончательнаго правительства. Роялисты, пресвитеріане, рес-публиканцы, самая армія, т. е. партія, повидимому, всего бо-лѣе преданная Кромвелю,—все были убѣждены, что управ-леніе его не что иное, какъ переходное состояніе для Англіи. Въ сущности, онъ не властвовалъ надъ умами; онъ всегда былъ крайнимъ, за неимѣніемъ лучшаго, средствомъ, времен-ною необходимостью. Протекторъ, неограниченный повелитель Англіи, принужденъ былъ постоянно и всеми силами заботиться объ удержаніи за собою власти; ни одна партія не могла за-ступить его мѣсто въ правительствѣ, но все одинаково чу-ждались его, все одновременно угрожали ему.

Послѣ смерти Кромвеля, одни только республиканцы имѣли возможность посягнуть на правительство: они и овладѣли имъ, но не лучше прежняго сумѣли воспользоваться своею властью. Причиною этому было не отсутствіе самоувѣренности, по край-ней мѣрѣ, со стороны фанатическихъ членовъ партіи. Одна изъ брошюръ Мильтона, обнародованная около того времени, написанная въ высшей степени талантливо и увлекательно, носитъ слѣдующее заглавіе: *«Легкое и быстрое средство уста-новить республику»*. Вы видите, каково было ослѣпленіе этихъ людей. Они весьма скоро обнаружили такую же неспособность къ управленію, какою отличались прежде. Мункъ сдѣлался двигателемъ событія, котораго ожидала вся Англія: рестав-раціи Стюартовъ.

Реставрація эта была для Англіи событіемъ вполне націо-нальнымъ. Она соединяла въ себѣ повидимому достоинства правительства древняго, основаннаго на преданіяхъ и воспо-минаніяхъ страны, съ преимуществами правительства новаго, еще не испытаннаго страной, еще не обрушившагося на нее своими ошибками, всею своею тяжестью. Прежняя монархія была единственною правительственною системою, которая въ

теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ не повредила себѣ въ общественномъ мнѣніи своими недостатками и неудачами. Отъ этихъ двухъ причинъ и зависѣла популярность реставраціи; противниками ея были только крайніе члены мятежныхъ партій; все населеніе непритворно приняло ея сторону. Оно видѣло въ ней единственную возможность, единственное средство установленія законнаго правительства, составлявшаго предметъ самыхъ пламенныхъ желаній страны. Въ этомъ именно смыслѣ даны были и обѣщанія; реставрація старалась облечься въ форму законнаго правительства.

Дѣйствительно, послѣ возвращенія Карла II, управленіе государствомъ прежде всего досталось въ руки той части роялистской партіи, которую, мы назовемъ законною или легальною. Представителемъ этой партіи былъ искуснѣйшій вождь ея, канцлеръ Кларендонъ. Какъ извѣстно, съ 1660 по 1667 гг. Кларендонъ былъ первымъ министромъ и вліятельнѣйшимъ лицомъ въ Англіи. Система Кларендона и его приверженцевъ была системою прежней партіи законной реформы. Они стремились къ установленію верховной власти короля, ограниченной законными предѣлами: въ отношеніи налоговъ—палатами, въ отношеніи личной свободы и частныхъ правъ—судебными учрежденіями. Но что касается до правительства въ собственномъ смыслѣ слова, то въ этомъ отношеніи они присвоили королевской власти почти совершенную независимость и рѣшительное преобладаніе, не стѣсняясь большинствомъ голосовъ въ палатахъ, особенно въ палатѣ общинъ, или даже дѣйствуя наперекоръ этому большинству. Присоедините ко всему этому нѣкоторое уваженіе къ законному, установленному порядку, нѣкоторую заботливость объ интересахъ страны, нравственное достоинство, заслуживающее уваженія—и вы получите характеристику семилѣтней администраціи—Кларендона.

Но основныя начала этой администраціи—неограниченное самодержавіе короля, правительство, поставленное внѣ преобладающаго вліянія палатъ,—устарѣли и утратили свою силу. Несмотря на реакцію первыхъ временъ реставраціи, двадцать лѣтъ парламентскаго господства, враждебнаго королевской власти, окончательно разрушили подобныя мечты. Въ нѣдрахъ роялистской партіи скоро проявился новый элементъ: люди свободномыслящіе, хитрые, развращенные, знакомые съ идеями своего времени, понимали, что вся сила заключалась въ палатѣ общинъ и, пренебрегая законнымъ порядкомъ, неограниченною властью короля, заботились только объ успѣхѣ, по-

всюду искали средствъ добиться вліянія и власти. Они образовали партію, которая, соединяясь съ недовольными приверженцами партіи національной, низвергла министерство Кларендона.

Тогда возникла новая правительственная система—система того отдѣла партіи роялистовъ, характеристику котораго мы только что изложили; люди развращенные, хитрые, чувственные, образовали министерство, извѣстное подъ именемъ Кабалы, и нѣсколько другихъ послѣдующихъ администрацій. Вотъ характеръ этой правительственной системы: пренебреженіе къ принципамъ, правамъ, законамъ, отсутствіе всякой мысли о справедливости и истинѣ. Особенное вниманіе было обращено на средства достиженія успѣха въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; если успѣхъ зависѣлъ отъ палаты общинъ—то сообразно съ этимъ и были принимаемы нужныя мѣры; если требовалось обмануть палату, поступить наперекоръ ея желанію, то въ этомъ смыслѣ и дѣйствовали, съ тѣмъ чтобы на другой день испросить прощеніе палаты. Сегодня испытывали подкупъ, завтра льстили народному духу; не заботились ни объ общихъ интересахъ страны, ни о ея достоинствахъ и чести; однимъ словомъ, это было правительство въ высшей степени эгоистическое и безправственное, чуждое всякой общей мысли, всякой общественной цѣли, но въ сущности и въ дѣлахъ практическихъ довольно разсудительное и либеральное. Вотъ отличительныя свойства Кабалы, министерства графа Дэнби и всего англійскаго правительства съ 1667 по 1679 г. Несмотря на безправственность его, на презрѣніе къ убѣжденіямъ и истиннымъ интересамъ страны, это правительство было далеко не такъ ненавистно и антипопулярно, какъ министерство Кларендона; почему? Потому что оно больше соотвѣтствовало духу времени, лучше понимало народныя чувства, хотя и издѣвалось надъ ними. Оно не было дряхло и антинаціонально, какъ министерство Кларендона, и хотя оно причинило странѣ гораздо больше вреда, но съ меньшимъ отвращеніемъ было терпимо.

Наступило однако время, когда продажность, низкопоклонность, пренебреженіе народныхъ правъ и чести, постоянно увеличиваясь, сдѣлались рѣшительно невыносимыми для народа. Противъ правительства придворной партіи произошло всеобщее возстаніе. Въ палатѣ общинъ образовалась партія, носившая названіе національной. Ея предводителей король рѣшилъ назначить своими совѣтниками. Тогда власть перешла въ руки лорда Эссекса, отецъ котораго, лордъ Кэмпель, былъ однимъ

изъ добродѣлнѣйшихъ роялистскихъ мучениковъ во время междоусобной войны, лордъ Уильямъ Россель и лордъ Шефтсбюри, который, не имѣя нравственныхъ качествъ Эссекса и Росселя, превосходилъ ихъ въ политическомъ искусствѣ. Но принявъ на себя управленіе страной, національная партія оказалась неспособною къ этому. Она не сумѣла овладѣть нравственными силами страны и не сумѣла избѣжать столкновенія съ интересами, привычками, предразсудками короля, придворныхъ и другихъ людей, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Ни королю, ни народу она не внушила высокаго мнѣнія о своей энергіи и ловкости; послѣ кратковременнаго владычества она потерпѣла окончательную неудачу. Доблести ея предводителей, мужество ихъ, геройская смерть вызвысили память ихъ въ исторіи, и по всей справедливости дали имъ въ ней почетное мѣсто; но политическія способности лучшихъ людей этой партіи не соотвѣтствовали добродѣтели ихъ. Они не знали, какъ воспользоваться властью, обольщенія которой не могли испортить ихъ; имъ не удалось доставить торжество дѣлу, за которое они лишь сумѣли умереть.

Мы видимъ, въ какомъ положеніи находилась англійская реставрація послѣ этой послѣдней неудачи. Подобно революціи, реставрація испытала всѣ партіи, всѣ министерства—законное, кабальное, національное, и ни одно изъ нихъ не имѣло успѣха. Положеніе страны и престола напоминало положеніе Англіи въ 1653 году, во концѣ революціонной бури. Исходъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же; то, что Кромвель сдѣлалъ въ пользу революціи, то же самое Карлъ II предпринялъ въ пользу престола: онъ вступилъ на путь абсолютной власти.

Іаковъ II наследовалъ своему брату. Тогда къ вопросу объ абсолютной власти присоединился еще другой—вопросъ религіозный. Іаковъ II хотѣлъ, чтобы папизмъ восторжествовалъ одновременно съ деспотизмомъ, точно также, какъ и въ началѣ революціи противъ правительства возгорѣлась двойственная борьба—политическая и религіозная. Часто возникалъ вопросъ: что случилось бы въ Англіи, если бы не было Вильгельма III, и если бы онъ вмѣстѣ съ своими голландцами не положилъ конецъ раздору между Іаковомъ II и англійскимъ народомъ? Я твердо убѣжденъ, что случилось бы то же самое. Вся Англія, за исключеніемъ весьма небольшой партіи, соединилась въ это время противъ Іакова II и безъ сомнѣнія произвела бы революцію 1688 года, подъ той или другой

формой. Но причины этого кризиса заключались не въ одномъ только внутреннемъ состояніи Англіи. Онъ совершался въ Европѣ также, какъ и въ самой Англіи. Здѣсь именно англійская революція и присоединяется къ общему ходу европейской цивилизаціи, силою самыхъ событій и независимо отъ вліянія, которое могъ имѣть примѣръ ея.

Въ то время, когда въ Англіи происходила описанная нами борьба абсолютной власти съ гражданскою и религіозною свободою, на материкѣ Европы также завязалась борьба, на другомъ поприщѣ, съ другими дѣятелями, въ другихъ формахъ, но въ сущности однородная съ первою и обязавшая своимъ происхожденіемъ одной и той же причинѣ. Абсолютная монархія Людовика XIV стремилась превратиться во всемірную,—по крайней мѣрѣ она давала поводъ къ подобнымъ опасеніямъ и дѣйствительно внушала ихъ Европѣ. Для противодействія такому стремленію, образовался союзъ между различными политическими партіями, и во главѣ его всталъ представитель религіозной и гражданской свободы въ континентальной Европѣ—Вильгельмъ, принцъ Оранскій. Протестантская республика, Голландія, руководимая Вильгельмомъ, рѣшилась сопротивляться абсолютной монархіи, представителемъ и вождемъ которой былъ Людовикъ XIV. Повидимому, дѣло шло не о гражданской и религіозной свободѣ внутри государствъ, а о внѣшней независимости ихъ. Людовикъ XIV и его противники въ своей борьбѣ ни мало не думали о вопросѣ, волновавшемъ въ то время Англію. Участниками борьбы были не партіи, а государства; орудіями ея была война и дипломатія, а не политическія движенія и революціи. Но въ сущности, дѣло шло все объ одномъ и томъ же вопросѣ.

Итакъ, возобновленная Іаковомъ II въ Англіи распря между абсолютною властью и свободою совпадаетъ съ всеобщей европейскою борьбою, происходившею между Людовикомъ XIV и принцемъ Оранскимъ. Они были представителями двухъ великихъ системъ, враждебно столкнувшихся другъ съ другомъ и на берегахъ Шельды, и на берегахъ Темзы. Европейскій союзъ противъ Людовика XIV былъ такъ силенъ, что участниками его,—явно или тайно, но во всякомъ случаѣ весьма энергично,—сдѣлались государи, какъ нельзя болѣе чуждые интересамъ гражданской и религіозной свободы. Вильгельма III поддерживали противъ Людовика XIV императоръ германскій и папа Иннокентій XI. Вильгельмъ предпринялъ свою экспедицію въ Англію не столько въ видахъ внутреннихъ интере-

исторія цивилизаціи въ Европѣ.

совъ страны, сколько для того, чтобы вовлечь ее въ борьбу съ Людовикомъ XIV. Онъ смотрѣлъ на реставрированное королевство, какъ на новую силу, въ которой онъ нуждался, и которую до тѣхъ поръ обращалъ противъ него его соперникъ. Въ царствованіе Карла II и Іакова II, Англія принадлежала Людовику XIV, онъ располагалъ ею и почти постоянно вооружалъ ее противъ Голландіи. Англія была отторгнута отъ партіи абсолютной, всемірной монархіи и сдѣлалась орудіемъ и опорою партіи религіозной свободы. Такова европейская сторона революціи 1688 года; вотъ какимъ образомъ она заняла мѣсто между общеевропейскими событіями, независимо отъ значенія, которое имѣлъ ея примѣръ, и вліянія, которое она оказала на умы въ слѣдующемъ столѣтіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что истинный смыслъ, существенный характеръ англійской революціи, — какъ уже было сказано въ началѣ, — есть несомнѣнно попытка уничтожить абсолютную власть и въ гражданскомъ, и въ духовномъ мірѣ. Эта черта встрѣчается во всѣхъ фазисахъ революціи, съ перваго періода ея до реставраціи, и притомъ какъ во внутреннемъ развитіи ея, такъ и въ отношеніяхъ ея вообще къ Европѣ. Намъ остается изучить то же самое великое событіе на материкѣ Европы, т. е. борьбу абсолютной монархіи и свободнаго изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, причины этой борьбы и признаки, предшествовавшіе наступленію ея. Этимъ мы займемся въ нашей слѣдующей послѣдней лекціи.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Различіе и сходство цивилизаціи англійской и цивилизаціи европейскаго континента. — Перевѣсъ Франціи въ Европѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ: въ XVII-мъ — чрезъ посредство французскаго правительства, въ XVIII-мъ — чрезъ посредство самой страны. — Правленіе Людовика XIV. Его войны, дипломатія, администрація, законодательство. — Причины его быстрого упадка. Франція въ XVIII вѣкѣ. — Существенный характеръ философской революціи. — Заключеніе.

Въ предыдущей лекціи мы старались опредѣлить истинный характеръ, политическій смыслъ англійской революціи. Мы видѣли, что она была первымъ столкновеніемъ двухъ великихъ фактовъ, къ которымъ, въ продолженіе XVI вѣка, привела вся цивилизація Европы — абсолютной монархіи съ одной стороны, и свободнаго изслѣдованья съ другой. Эти двѣ силы впервые столкнулись между собою въ Англии. Отсюда нѣкоторые выводятъ заключеніе о радикальномъ несходствѣ общественнаго быта Англии съ бытомъ континентальныхъ европейскихъ государствъ, отрицаютъ возможность сравненія между странами, столь разнородными по своей участи; утверждаютъ, что англійскій народъ и въ нравственномъ отношеніи жилъ также уединенно, какъ и въ матеріальномъ.

Правда, между англійскою цивилизаціею и цивилизаціею континентальныхъ государствъ существуетъ важное различіе, требующее внимательнаго изученія. Въ Англии развитіе различныхъ общественныхъ принциповъ и элементовъ совершалось нѣкоторымъ образомъ одновременно и совокупно, — по крайней мѣрѣ гораздо болѣе, чѣмъ на материкѣ Европы. Стараясь опредѣлить отличительныя черты европейской цивилизаціи, въ сравненіи съ цивилизаціями древними, азіатскими, я показалъ вамъ, что первая изъ нихъ разнообразна, богата, многосложна, что она заключала въ себѣ всѣ различные элементы общественнаго быта, боровшіеся между собою, видоизмѣнявшіе другъ друга, безпрестанно вынуждаемые къ

взаимнымъ уступкамъ, и по необходимости соединявшіеся въ одной общей жизни. Фактъ этотъ, вообще свойственный европейской цивилизаціи, въ особенности проявляется въ цивилизаціи Англіи; здѣсь онъ выразился съ наибольшею послѣдовательностью и очевидностью; здѣсь развивались и возрастали другъ подлѣ друга, какъ одно общее цѣлое, міръ гражданскій и міръ религіозный, аристократія, демократія, королевская власть, мѣстныя и центральныя учрежденія, политическая и нравственная дѣятельность народа. Всѣ эти элементы развивались, если не съ равною быстротою, то по крайней мѣрѣ всегда въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ царствованіе Тюдоровъ, напримѣръ, среди самыхъ блестящихъ успѣховъ королевской власти, пробивается наружу и крѣпнеть демократическое начало, народная власть; эти противоположные факты совершаются почти одновременно. Наступаетъ революція XVII вѣка; она носитъ на себѣ и религіозный, и политическій характеръ. Феодальная аристократія является въ ней ослабѣвшею, со всѣми признаками упадка; однако она еще не лишена возможности принять участіе въ революціи, занять въ ней свое мѣсто, играть свою роль и выговорить себѣ долю въ результатахъ ея. То же самое видимъ мы во всемъ ходѣ англійской исторіи; ни одинъ древній элементъ не разрушается вполнѣ, ни одинъ отдѣльный принципъ не достигаетъ исключительнаго преобладанія. Вездѣ и всегда одновременное развитіе различныхъ силъ, взаимное соглашеніе между ихъ притязаніями и интересами.

Въ континентальныхъ государствахъ прогрессивное движеніе цивилизаціи отличалось меньшею сложностью и полнотою. Различные элементы общества—міръ религіозный, міръ гражданскій, монархія, аристократія, демократія, развивались не вмѣстѣ, не другъ подлѣ друга, а послѣдовательно. У каждаго начала, у каждой системы была какъ бы своя очередь. Одно столѣтіе, напримѣръ, принадлежитъ—не скажу исключительно, это было бы преувеличеніемъ, но преимущественно и весьма замѣтно феодальной аристократіи; другое—монархическому принципу, третье—демократическому. Сравнимъ средневѣковую Францію съ средневѣковою Англіею XI, XII и XIII вѣковъ нашей исторіи съ тѣми же вѣками по другую сторону Ламанша. Во Франціи въ это время вы найдете почти неограниченное феодальное самодержавіе; королевская власть и демократическій принципъ почти уничтожены. Въ Англіи преобладаніе также принадлежитъ феодаль-

ной аристократіи, но королевская власть и демократія не лишены силы и значенія. Въ Англіи королевская власть торжествуетъ при Елизаветѣ, какъ во Франціи при Людовикѣ XIV; но какую осторожность она должна была соблюдать, какимъ ограниченіямъ подвергаться то со стороны аристократіи, то со стороны демократіи! И въ Англіи каждое начало, каждая система имѣла свое время могущества и успѣха; но успѣхъ этотъ никогда не былъ такъ полонъ и исключителенъ, какъ на континентѣ; побѣдитель всегда былъ принужденъ переносить присутствіе своихъ соперниковъ и каждому изъ нихъ предоставлялъ извѣстную долю участія и вліянія.

Съ этимъ различіемъ въ развитіи обѣихъ цивилизацій соединены и выгоды, и неудобства, дѣйствительно обнаруживающіяся въ исторіи Англіи и континентальныхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что одновременное развитіе различныхъ общественныхъ элементовъ много способствовало Англіи достигнуть, прежде всѣхъ другихъ континентальныхъ государствъ, цѣли всякаго общества, то есть установленія правительства благоустроеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свободнаго. Правительство, по самому свойству своему, должно заботиться о всѣхъ интересахъ общества, должно соглашать ихъ, вдыхать въ нихъ жизнь и доставлять благосостояніе. Таково именпо, благодаря стеченію многихъ причинъ, и было направленіе различныхъ элементовъ англійскаго общества; вотъ почему въ его нѣдрахъ съ меньшимъ трудомъ могло установиться общее, достаточно благоустроенное правительство. Съ другой стороны, сущность свободы состоитъ въ одновременномъ проявленіи и дѣйствіи всѣхъ интересовъ, всѣхъ правъ и силъ, всѣхъ общественныхъ элементовъ. Слѣдовательно, Англія ближе подходила къ свободѣ, нежели большая часть другихъ государствъ. По тѣмъ же причинамъ, раньше могъ проявиться въ ней здравый смыслъ народа, ясное пониманіе общественныхъ дѣлъ. Здравый смыслъ въ области политики—это не что иное, какъ умѣнье принимать во вниманіе всѣ факты, оцѣнивать ихъ по достоинству и указывать каждому изъ нихъ его значеніе и мѣсто. Такое умѣнье было въ Англіи потребностью общественнаго строя, естественнымъ послѣдствіемъ развитія цивилизаціи.

Съ другой стороны, въ континентальныхъ государствахъ, гдѣ каждая система, каждое начало по очереди достигало болѣе полнаго, болѣе исключительнаго преобладанія,—самое развитіе ихъ совершилось въ болѣе большихъ размѣрахъ, прояви-

лось съ бѣльшимъ блескомъ. Королевская власть—и феодальная аристократія, на примѣръ, на сценѣ континентальной Европы дѣйствовали съ гораздо большею смѣлостью и свободой. Всякій политическій опытъ, если можно такъ выразиться, получалъ тамъ болѣе простора и оконченности. Отсюда и та высокая степенъ, которой достигли политическія идеи и ученія (я говорю объ общихъ идеяхъ, а не о здоровомъ смыслѣ въ приложеніи къ государственнымъ дѣламъ), та рациональная сила, которою отличается ихъ развитіе. Каждая система появлялась какъ бы отдѣльно на историческое поприще и долго занимала его, такъ что можно было обозрѣть ее въ цѣломъ ея составѣ, возвыситься до основныхъ началъ ея, снизить до ея послѣднихъ результатовъ и вполне разобрать теорію ея. Внимательно изучая духъ англійскаго народа, нельзя не замѣтить слѣдующихъ двухъ свойствъ его: съ одной стороны, непогрѣшимость здраваго смысла, практическую опытность; съ другой—отсутствіе общихъ идей, умственного величія въ теоретическихъ вопросахъ. Въ произведеніяхъ англійскихъ историковъ, юристовъ, или какихъ бы то ни были другихъ писателей, рѣдко встрѣчается объясненіе основной, высшей причины событій. Во всемъ, и особенно въ политическихъ наукахъ, отвлеченная теорія, философія, наука въ собственномъ смыслѣ слова, достигали бѣльшаго развитія на континентѣ, чѣмъ въ Англій, —по крайней мѣрѣ, порывы ихъ отличались тамъ большею смѣлостью и силою. Главную причину этого явленія конечно слѣдуетъ искать въ самомъ различіи направленій, которыя приняла цивилизація въ Англій и на континентѣ.

Впрочемъ, каковы бы ни были выгоды или неудобства каждаго изъ этихъ двухъ направленій, различіе ихъ есть фактъ дѣйствительный, безпорный, проводящій самую рѣзкую черту между Англіею и материкомъ Европы. Но если различные принципы, различные общественные элементы и развивались тамъ одновременно, здѣсь же послѣдовательно, то это нисколько не препятствуетъ тождеству пути и цѣли обѣихъ цивилизацій. Англія и европейскій континентъ, если разсматривать ихъ съ общей точки зрѣнія, прошли чрезъ одни и тѣ же великіе фазисы цивилизаціи; ходъ событій и тамъ, и здѣсь былъ одинаковъ; отъ однихъ и тѣхъ же причинъ происходили одни и тѣ же послѣдствія. Мы могли убѣдиться въ этомъ представленною мною картиною цивилизаціи до XVI вѣка; то же самое вы увидите при изученіи XVII и XVIII столѣтій. Въ

Англіи свободное изслѣдованіе и абсолютная монархія развивались почти одновременно; на континентѣ послѣдній изъ этихъ фактовъ проявился гораздо раньше перваго; но такъ или иначе они проявились оба, господствовали одинъ вслѣдъ за другимъ, съ одинаковымъ блескомъ и наконецъ, какъ и въ Англіи, враждебно столкнулись между собою. Итакъ, развитіе обществъ, въ главныхъ, общихъ чертахъ своихъ, было одно и то же; при всемъ существенномъ различіи ихъ, перевѣсъ тѣмъ не менѣе остается на сторонѣ сходства. Бѣглое обозрѣніе новѣйшей исторіи не оставитъ никакого сомнѣнія по этому предмету.

При первомъ взглядѣ на исторію Европы XVII и XVIII вв. нельзя не замѣтить, что Франція стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи. Въ началѣ курса я уже указалъ на этотъ фактъ и старался объяснить его причину. Здѣсь онъ проявляется съ большею очевидностью, нежели когда бы то ни было.

Принципъ абсолютной монархіи, абсолютной королевской власти господствовалъ въ Испаніи при Карлѣ V и Филиппѣ II и потомъ уже развился во Франціи при Людовикѣ XIV. Точно также и принципъ свободнаго изслѣдованія господствовалъ въ Англіи въ XVII вѣкѣ, а во Франціи развился не ранѣе XVIII. Но не изъ Испаніи распространился по всей Европѣ принципъ абсолютной монархіи, не изъ Англіи—духъ свободнаго изслѣдованія; оба начала, обѣ системы оставались какъ бы замкнутыми въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ проявились. Завоеванія ихъ начались только тогда, когда они прошли чрезъ Францію; и абсолютная монархія, и свобода изслѣдованія должны были сначала привиться во Франціи, и уже отсюда могли быть пересажены на всю европейскую почву. Симпатичный характеръ французской цивилизаціи, общительный духъ французскаго народа, замѣтный во всѣ эпохи, съ наибольшимъ блескомъ проявились именно въ то время, которое теперь занимаетъ насъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ; мы уже достаточно знакомы съ нимъ по тѣмъ блестящимъ и глубокомысленнымъ лекціямъ, въ которыхъ излагалось вліяніе французской литературы и философіи въ XVIII вѣкѣ *). Мы знаемъ, что философствующая Франція оказала въ дѣлѣ свободы больше вліянія на Европу, нежели революціонная, свободная Англія. Мы видѣли, что французская цивилизація, своимъ могуществомъ и дѣятельностью, оставила

*) Лекціи Вильмена.

далеко за собою цивилизаціи всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Итакъ, мы можемъ пройти молчаніемъ всѣ подробности факта; я ссылаюсь на него съ тою только цѣлью, чтобы имѣть право ограничить одною Франціею картину повѣйшей европейской цивилизаціи. Безъ сомнѣнія, между цивилизаціею Франціи и цивилизаціею другихъ европейскихъ государствъ существовало въ то время важное различіе, которое мы не могли бы оставить безъ вниманія, если бы излагали европейскую исторію въ полномъ смыслѣ слова; но мы подвигаемся впередъ такъ быстро, что по необходимости должны пропустить, если можно такъ выразиться, цѣлые вѣка и народы. Я предпочитаю сосредоточить все ваше вниманіе на ходѣ французской цивилизаціи,—вѣрномъ, хотя и неполномъ отраженіи общаго хода событій въ Европѣ.

Вліяніе Франціи на Европу въ XVII и XVIII вв. представляется весьма различнымъ. Въ первомъ изъ этихъ вѣковъ, обще-европейское значеніе и мѣсто во главѣ цивилизаціи принадлежитъ уже не французскому правительству, а самой Франціи, французскому народу. Сначала властвуетъ надъ умами и привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе Людовикъ XIV съ своимъ дворомъ, потомъ Франція и ея общественное мнѣніе. Въ XVII вѣкѣ были народы, которые, какъ народы, рельефнѣе французовъ выступали на сцену историческаго міра, принимали въ судьбѣ своего отечества болѣе дѣятельное участіе. Такъ напримѣръ, германская нація—во время тридцатилѣтней войны, англійскій народъ—во время англійской революціи, несравненно больше зависѣли отъ самихъ себя, нежели современные имъ французы. Съ другой стороны, въ XVIII вѣкѣ многія европейскія правительства превосходили французское своею силою, значеніемъ, могуществомъ своимъ. Фридрихъ II, Екатерина II, Марія Терезія безъ сомнѣнія отличались въ Европѣ болшею дѣятельностью и вліяніемъ, нежели Людовикъ XV. Однако и въ ту, и въ другую эпоху, во главѣ европейской цивилизаціи стоитъ Франція, первоначально—благодаря своему правительству, потомъ—благодаря самой себѣ, съ помощію то политической дѣятельности ея повелителей, то умственного развитія своего.

Итакъ, для полнаго знакомства съ преобладающею силою французской, а слѣдовательно и европейской цивилизаціи, необходимо изучить въ XVII вѣкѣ французское правительство, въ XVIII—французское общество. Нужно мѣнять мѣсто и

предметъ изысканій, по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ времени мѣняются сцена дѣйствія и дѣйствующія лица.

Когда изучаютъ правленіе Людовика XIV, когда стараются опредѣлить причины его могущества и его вліянія на Европу, то по большей части говорятъ только о его блескѣ, побѣдахъ, великолѣпіи, о литературныхъ знаменитостяхъ его времени. Преобладаніе французскаго правительства въ Европѣ приписываютъ обыкновенно чисто-вышнимъ причинамъ.

По моему мнѣнію, основанія этого преобладанія не такъ поверхностны, поводы его не такъ маловажны. Ошибочно было бы предполагать, что неоспоримое значеніе Людовика XIV и его правительства зависѣло исключительно отъ побѣдъ, празднествъ или гениальныхъ произведеній искусства.

Многіе изъ васъ помнятъ, и всѣ безъ сомнѣнія слышали о вліяніи, которое имѣло на Францію, двадцать девять лѣтъ тому назадъ, консульское правительство, и о томъ состояніи, въ которомъ оно застало наше отечество. Извнѣ угрожало намъ нашествіе враговъ, войска наши подвергались непрерывнымъ неудачамъ; внутри страны представлялось почти совершенное разъединеніе правительства и народа; не было ни доходовъ, ни общественнаго порядка; однимъ словомъ, побѣжденное, униженное, разстроенное общество — такова была Франція при водвореніи консульскаго правительства. Кому неизвѣстна изумительная и счастливая дѣятельность этого правительства, дѣятельность, въ короткое время обезпечившая независимость страны, возстановившая народную честь, преобразовавшая администрацію, обновившая законодательство, однимъ словомъ—вызвавшая общество, рукою власти, къ новой жизни?

Такую именно услугу и оказало Франціи правительство Людовика XIV въ первый періодъ своей дѣятельности; при всемъ различіи во времени, въ средствахъ, въ формахъ оно желало достигнуть и дослѣгло почти такихъ же результатовъ.

Вспомните, въ какомъ положеніи была Франція послѣ управленія кардинала Ришелье во время несовершеннолѣтія Людовика XIV. Испанскія войска постоянно находились на границахъ, а иногда и внутри страны; возможность нашествія не прекращалась, внутренніе раздоры доведены были до крайности, до междоусобной войны, правительство и внутри, и внѣ страны было лишено достоинства и силы. Положеніе дѣлъ напоминаетъ близкое намъ время, предшествовавшее 18-му брюмера; только состояніе тогдашняго общества было, мо-

жетъ быть, не такъ напряжено, не такъ бурно. Изъ этого-то состоянія извлекло Францію правительство Людовика XIV. Первые побѣды его имѣли такія же послѣдствія, какъ и побѣда при Маренго: онѣ обезпечили неприкосновенность территоріи и возстановили національную честь. Я разсмотрю правленіе Людовика XIV въ главныхъ чертахъ его: войны, внѣшнія сношенія, администрацію, законодательство, и вы вѣроятно убѣдитесь, что сравненіе, о которомъ я упомянулъ, и которому я вовсе не хочу придавать преувеличенное значеніе (я вообще не высоко цѣню историческія параллели),— что сравненіе это, говорю я, не лишено основанія, и что я имѣлъ полное право привести его.

Займемся прежде всего войнами Людовика XIV. Вы знаете — я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай напомнить вамъ объ этомъ — что европейскія войны первоначально были ничѣмъ инымъ, какъ великими передвиженіями народовъ. Побуждаемая необходимостью, прихотью или какимъ-либо другимъ чувствомъ, цѣлыя народонаселенія, иногда многочисленныя, иногда въ небольшомъ составѣ, переходили съ одной территоріи на другую. Таковъ общій характеръ европейскихъ войнъ до конца крестовыхъ походовъ, т. е. до исхода XIII вѣка.

Но вотъ начинается другой родъ войнъ, не менѣе отличныхъ отъ новѣйшихъ: это — обширныя предпріятія, задуманныя уже не народами, а государями, которые, во главѣ своего войска, идутъ искать гдѣ-нибудь вдали завоеваній и приключеній. Они оставляютъ отечество, покидаютъ собственную свою территорію и углубляются безъ всякихъ побужденій, кромѣ личной прихоти своей, одни въ Германію, другіе въ Италію, третьи въ Африку. Почти всѣ войны XV и даже отчасти XVI вѣка относятся къ этой категоріи. Имѣла ли Франція, не говорю уже законное основаніе, но какой бы то ни было поводъ желать, чтобы Неаполитанское королевство принадлежало Карлу VIII? Походъ этого короля въ Италію очевидно былъ чуждъ всякихъ политическихъ соображеній; король былъ увѣренъ въ справедливости своихъ личныхъ правъ на неаполитанское королевство, и на основаніи этой увѣренности, въ чисто личныхъ видахъ, для удовлетворенія личнаго желанія своего, предпринялъ завоеваніе отдаленной страны, нисколько не соотвѣтствовавшей территоріальному положенію французскаго королевства. Напротивъ того, завоеваніе Неаполя было одинаково опасно и для внѣшняго, и для внутренняго спокойствія Франціи. То же самое можно ска-

затѣ и о походѣ Карла V въ Африку. Послѣднимъ предпріятіемъ этого рода былъ походъ Карла XII въ Россію. Войны Людовика XIV отличаются совершенно другимъ характеромъ; это войны благоустроеннаго правительства, прочно установившагося въ центрѣ государства, стремящагося къ покоренію сосѣднихъ земель, къ расширенію и укрѣпленію своей территоріи; однимъ словомъ—войны политическія. Положимъ, что онѣ не всегда были справедливы, что онѣ слишкомъ дорого стоили Франціи; положимъ, что безправственность и излишество ихъ часто заслуживаютъ осужденія; но во всякомъ случаѣ, онѣ носятъ на себѣ печать гораздо большей разумности, нежели предшествовавшія имъ войны. Онѣ признаны не прихотью, не жаждою приключеній, а другими, серьезными побужденіями: одни изъ нихъ имѣютъ цѣлью пріобрѣтеніе естественной границы, другія—присоединеніе племени, говорящаго французскимъ языкомъ, третьи—завоеваніе оборонительнаго пункта, необходимаго для защиты противъ сосѣднаго государства. Безъ сомнѣнія, къ этимъ видамъ примѣшивается и личное честолюбіе Людовика XIV; но пересмотрите одну за другою всѣ его войны, особенно тѣ которыя относятся къ первой половинѣ его царствованія,—вы найдете въ нихъ побужденія истинно политическія, вы увидите, что онѣ были задуманы въ пользу французскихъ интересовъ, для безопасности и могущества государства.

Въ подтвержденіе этого факта достаточно привести его послѣдствія. Франція и теперь еще, во многихъ отношеніяхъ, сохраняетъ тотъ видъ, который придали ей войны Людовика XIV. Провинціи, покоренныя имъ—Франшъ-Конте, Фландрія, Эльзасъ, остались составными частями политическаго тѣла Франціи. Есть завоеванія мудрыя и завоеванія безумныя; завоеванія Людовика XIV относятся къ первому разряду; предпріятія его не такъ прихотливы и необдуманны, какъ большая часть предшествовавшихъ имъ; они были произведеніями искусной, если и не всегда справедливой, и мудрой политики.

Переходя отъ войнъ Людовика XIV къ его сношеніямъ съ иностранными государствами, къ его дипломатіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, мы и здѣсь замѣчаемъ подобное явленіе. Я уже говорилъ о происхожденіи дипломатіи въ Европѣ въ концѣ XV вѣка. Я старался показать, какимъ образомъ взаимныя сношенія правительствъ, до тѣхъ поръ случайныя, рѣдкія, кратковременныя, въ эту эпоху сдѣлались болѣе правильными и продолжительными, и какимъ образомъ

они получили характер важнаго общественнаго интереса, однимъ словъ—какимъ образомъ, въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка, дипломатія стала играть въ событіяхъ такую важную роль. Однако до XVII вѣка, она собственно говоря лишена была строгой системы; она не доходила еще до продолжительныхъ союзовъ, до обширныхъ, твердыхъ соображеній, основанныхъ на постоянныхъ началахъ, направленныхъ къ опредѣленной цѣли, съ тою послѣдовательностью, которая составляетъ отличительное свойство прочно утвердившихся правительствъ. Въ продолженіе религіознаго переворота, внѣшнія отношенія государствъ зависѣли почти исключительно отъ религіозныхъ интересовъ; Европа раздѣлялась на союзы протестанскій и католическій. Только въ XVII вѣкѣ, послѣ вестфальскаго мира, измѣняется подъ влияніемъ правленія Людовика XIV характеръ дипломатіи. Съ одной стороны, она освобождается изъ-подъ исключительнаго господства религіознаго начала: союзы, политическія соображенія, составляются подъ влияніемъ другихъ причинъ; съ другой, она становится гораздо послѣдовательнѣе, гораздо правильнѣе и постоянно стремится къ извѣстной цѣли, на основаніи твердыхъ, постоянныхъ принциповъ. Къ этой эпохѣ относится происхожденіе правильной системы равновѣсія въ Европѣ. Въ царствованіе Людовика XIV, эта система, со всѣми своими послѣдствіями, дѣйствительно овладѣла европейской политикой. Въ чемъ же заключалась общая идея, господствующій принципъ политики Людовика XIV по этому предмету?

Я говорилъ уже о великой борьбѣ, возгарѣвшей въ Европѣ между абсолютною монархіею Людовика XIV, стремившеюся къ обладанію всѣмъ міромъ, и дѣломъ гражданской и духовной свободы, политической независимости, — дѣломъ воплощеннымъ въ лицѣ принца Оранскаго, Вильгельма III. Мы видѣли, что преобладающій фактъ европейской исторіи того времени — это принадлежность каждаго государства къ одной изъ этихъ двухъ великихъ партій. Но для современниковъ этотъ фактъ не былъ такъ ясенъ, какимъ онъ представляется намъ теперь; онъ былъ скрытъ, незамѣтенъ даже для тѣхъ, кто участвовалъ въ совершеніи его. Ограниченіе системы абсолютной монархіи и утвержденіе принципа гражданской и религіозной свободы—таковъ, въ сущности, былъ необходимый результатъ сопротивленія Голландіи, и ея союзниковъ Людовику XIV; но спорный вопросъ между абсолютною властью и свободою не былъ поставленъ такъ открыто. Часто

утверждали, что распространение абсолютной власти было господствующим принципомъ дипломатіи Любовика XIV: я не раздѣляю этого мнѣнія. Такое стремление приобрѣло важное мѣсто въ его политикѣ очень поздно, уже въ старости его. Могущество Франціи, перевѣсъ ея въ Европѣ, униженіе соперничающихъ съ нею державъ, однимъ словомъ,—политическій интересъ, сила государства—вотъ цѣль, къ которой постоянно стремился Людовикъ XIV, въ борьбѣ своей съ Испанією, съ германскимъ императоромъ и съ Англією. Онъ дѣйствовалъ гораздо болѣе въ видахъ расширенія Франціи, усиленія правительства ея, нежели въ видахъ распространенія абсолютной власти. Изъ множества доказательствъ, избираю одно, оставленное намъ самимъ Людовикомъ XIV. Въ его мемуарахъ 1666 года имѣется замѣтка приблизительно слѣдующаго содержанія.

«Сегодня утромъ я имѣлъ разговоръ съ сэромъ Сиднеемъ, англійскимъ дворяниномъ, который сообщилъ мнѣ о возможности возстановить республиканскую партію въ Англіи, и просилъ для этого 400,000 ливровъ. Я сказалъ ему, что не могу дать болѣе 200,000. Онъ совѣтовалъ мнѣ призвать изъ Швейцаріи другаго англійскаго дворянина сэра Людло, и поговорить съ нимъ о томъ же предметѣ».

Дѣйствительно, въ мемуарахъ Людло, около того же времени, встрѣчается параграфъ, смыслъ котораго слѣдующій:

«Я получилъ отъ французскаго правительства приглашеніе отправиться въ Парижъ для переговоровъ о дѣлахъ моего отечества; но я не имѣю довѣрія къ этому правительству.»

И Людло въ самомъ дѣлѣ остался въ Швейцаріи.

Вы видите, что въ это время цѣлью Людовика XIV было ослабленіе королевской власти въ Англіи. Онъ раздувалъ внутренніе раздоры, старался возстановить республиканскую партію, чтобы воспрепятствовать чрезмѣрному усилению Карла II въ Англіи. Во все продолженіе посольства Барилльона въ Англіи, безпрестанно повторяется тотъ же самый фактъ. Каждый разъ, какъ только власть Карла II повидимому беретъ верхъ надъ національною партією, французскій посланникъ переноситъ все свое вліяніе на послѣднюю, снабжаетъ деньгами предводителей оппозиціи, однимъ словомъ, борется противъ абсолютной власти, потому что видитъ въ этомъ средство ослабить державу, соперничающую съ Франціей. Вотъ фактъ, бросающійся въ глаза при ближайшемъ знакомствѣ съ ходомъ внѣшнихъ сношеній въ царствованіе Людовика XIV.

Столь же замѣчательны способности, искусство тогдашнихъ дипломатовъ. Имена де-Горси, д'Аво, де-Бонрепо извѣстны каждому образованному человѣку. Сравнивая де-пешы, мемуары, ловкость и вообще образъ дѣйствій этихъ со-вѣтниковъ Людовика XIV съ дѣйствіями посланниковъ испанскихъ, португальскихъ, германскихъ, нельзя не обратить вниманія на превосходство французскихъ министровъ,—превосходство, выражающееся не только въ неусыпной дѣятельности ихъ и трудолюбіи, но и въ свободномъ образѣ мыслей. Эти придворные самодержавнаго короля судятъ о внѣшнихъ событіяхъ, партіяхъ, требованіяхъ свободы, народныхъ возстаніяхъ гораздо лучше, нежели большая часть современныхъ имъ англичанъ. Изъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ XVII вѣка, съ французскими могутъ сравниться одни только голландскіе. Министры Іоанна де-Витта и Вильгельма Оранскаго, этихъ славныхъ вождей партіи религіозной и гражданской свободы, одни только являются способными бороться со слугами великаго самодержавнаго монарха.

И такъ, изученіе дипломатическихъ сношеній Людовика XIV приводитъ къ такимъ же результатамъ, какъ и изученіе войнъ его. Понятно, что правительство, такимъ образомъ умѣвшее вести и войны, и переговоры, необходимо должно было пріобрѣсти въ Европѣ великое значеніе и внушать ей не только страхъ, но уваженіе и удивленіе.

Бросимъ теперь взглядъ на внутренній бытъ Франціи, на администрацію и законодательство Людовика XIV; и здѣсь мы найдемъ новыя объясненія могущества и блеска его правительства.

Трудно опредѣлить съ нѣкоторою точностью, что должно понимать подъ администраціею въ управленіи станы. Размышленія объ этомъ фактѣ приводятъ, кажется, къ слѣдующему убѣжденію: администрація, въ самомъ общемъ значеніи слова, есть совокупность средствъ, съ помощью которыхъ воля центральной власти передается, по возможности быстро и вѣрно, во всѣ части общества, а силы общества, какъ личныя, такъ и вещественныя, въ свою очередь и при тѣхъ же условіяхъ восходятъ къ центральной власти. Такова, если не ошибаюсь, настоящая цѣль, господствующій характеръ администраціи. Отсюда видно, что въ тѣ времена, когда въ особенности необходимо водворить въ обществѣ единство и порядокъ, администрація представляется лучшимъ средствомъ къ достиженію этой цѣли: она сближаетъ, скрѣпляетъ, соединяетъ безсвяз-

ные, разбросанные элементы общества. Такова, дѣйствительно, была задача администраціи при Людовикѣ XIV. До него во Франціи, какъ и во всей вообще Европѣ, чрезвычайно трудно было проводить дѣйствіе центральной власти во всѣ части общества и сосредоточивать въ рукахъ центральной власти средства и силы народа. Надъ этимъ трудился Людовикъ XIV съ несравненно большимъ успѣхомъ, нежели предшественники его; ему удалось въ извѣстной степени достигнуть намѣченной цѣли. Я не могу войти въ подробности по этому предмету; но просмотрите всѣ отрасли общественной дѣятельности—налоги, пути сообщенія, промышленность, военную администрацію, всѣ учрежденія, сколько-нибудь относящіяся къ администраціи: почти каждое изъ нихъ происхожденіемъ, развитіемъ или существеннымъ усовершенствованіемъ своимъ обязано правительству Людовика XIV. Величайшіе люди его времени, Кольберъ, Лувуа, дѣйствовали и проявляли свой гений на поприщѣ администраціи. Вотъ почему правительство Людовика XIV приобрѣло всеобщность, твердость, рѣшительность, чуждыя другимъ, современнымъ ему европейскимъ государямъ.

Съ точки зрѣнія законодательства, царствованіе Людовика XIV представляетъ намъ такой же точно фактъ. Возвращаясь къ сравненію, которое я привелъ въ началѣ лекціи—къ законодательной дѣятельности консульскаго правительства, совершившаго изумительный трудъ общаго пересмотра и исправленія законовъ. Подобный трудъ былъ исполненъ и при Людовикѣ XIV. Обширныя узаконенія, обнародованныя имъ—уставъ судопроизводства, уставы уголовный, торговый, морской, о водахъ и лѣсахъ—все это настоящіе кодексы, составленные на подобіе нашихъ, рассмотрѣнные въ государственномъ совѣтѣ, иногда подъ предсѣдательствомъ Ламуаньона. Есть люди, обязанные своею извѣстностью участію въ составленіи и обсужденіи этихъ кодексовъ—напримѣръ Пюссоръ. Если бы мы разсматривали законодательство Людовика XIV въ самомъ существѣ его, то могли бы сдѣлать противъ него множество возраженій; оно исполнено недостатковъ, для насъ очевидныхъ и безспорныхъ; цѣль его не столько истинная справедливость и свобода, сколько общественное благоустройство, приведеніе законовъ въ прочный и правильный порядокъ. Но и это одно составляло въ то время важный шагъ впередъ; указы Людовика XIV, по самому превосходству своему предъ прежнимъ законодатель-

ствомъ, безъ сомнѣнія, могущественно содѣйствовали прогрессивному движенію французскаго общества на поприщѣ цивилизаціи.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать правительство Людовика XIV, не трудно открыть причины его вліянія и силы. Собственно говоря, оно въ первый разъ представило Европѣ зрѣлище правительства, увѣреннаго въ самомъ себѣ, свободнаго отъ всякихъ внутреннихъ враговъ, спокойно обладающаго своею территоріею, своимъ народомъ, исключительно преданнаго правительственнымъ трудамъ и заботамъ. Прежде, всѣ европейскія правительства безпрестанно втягивались въ войны, лишавшія ихъ и безопасности, и досуга, или же до такой степени были стѣснены партіями и внутренними врагами, что постоянно должны были бороться за самое существованіе свое. Правительство Людовика XIV первое подало примѣръ исключительнаго попеченія о своихъ выгодахъ, первое соединило въ себѣ всѣ свойства власти, окончательно установившейся и прогрессивной, которая не чуждается нововведеній, потому что рассчитываетъ на долговѣчность свою. Въ самомъ дѣлѣ мало найдется правительствъ, которыя удѣляли бы такъ много мѣста нововведеніямъ. Сравните правительство Людовика XIV съ абсолютною монархіею Филиппа II въ Испаніи: власть Филиппа II была еще болѣе неограниченна, нежели власть Людовика XIV, но отправленіе ея было далеко не такъ спокойно и правильно. Притомъ, какимъ образомъ Филиппу II удалось утвердить въ Испаніи абсолютную власть? Онъ совершенно уничтожилъ свободную дѣятельность страны, онъ противился всякаго рода улучшеніямъ, онъ осудилъ Испанію на состояніе совершеннаго застоя. Напротивъ того, правительство Людовика XIV дѣятельно способствовало всякаго рода нововведеніямъ, благопріятствовало успѣхамъ наукъ, искусствъ, матеріальнаго благосостоянія, однимъ словомъ—цивилизаци. Вотъ истинная причина его преобладанія въ Европѣ; вотъ почему оно въ продолженіе всего XVII вѣка служило на континентѣ образцомъ правительства, не только для государей, но и для самихъ народовъ.

Теперь неизбежно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ правительство столь блестящее, столь прочное—судя по тѣмъ фактамъ, которые мы изложили—какимъ образомъ, это правительство такъ быстро дошло до такого упадка? Какимъ образомъ послѣ такого преобладающаго значенія въ Европѣ, оно

въ слѣдующемъ же столѣтїи сдѣлалось столь слабымъ, несо-
стоятельнымъ, малоуважаемымъ? Самый фактъ не подлежитъ
ни малѣйшему сомнѣнію. Въ XVII вѣкѣ французское прави-
тельство стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи, въ XVIII
оно исчезаетъ; вождемъ, руководителемъ прогрессивнаго дви-
женія европейскаго міра дѣлается французское общество, от-
дѣленное отъ своего правительства и часто даже враждебное ему.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ неисправимымъ недостаткомъ и
неизбѣжнымъ послѣдствіемъ абсолютной власти. Я не войду
въ подробное разсмотрѣніе ошибокъ Людовика XIV, ошибокъ
чрезвычайно важныхъ; я не буду говорить ни о войнѣ за
испанское наслѣдство, ни объ отмѣнѣ нантскаго эдикта, ни
о чрезмѣрныхъ расходахъ, ни о многихъ другихъ пагубныхъ
для него мѣрахъ. Я оставляю достоинства его управленія въ
томъ видѣ, въ какомъ я изложилъ ихъ; я допускаю, что ни
одна абсолютная власть не соотвѣтствовала до такой степени
требованіямъ своего времени и своего народа, не оказала столь
важныхъ услугъ цивилизаціи своей страны и вообще всей Ев-
ропы. Но единственнымъ принципомъ, единственнымъ осно-
ваніемъ этого правительства была абсолютная власть—и вотъ
почему оно дошло до заслуженнаго паденія. Существенный
недостатокъ Франціи Людовика XIV заключался въ отсут-
ствіи политическихъ силъ и учреждений, которыя бы су-
ществовали сами по себѣ и были способны къ самостоятель-
ной дѣятельности, къ сопротивленію. Не было уже древнихъ
французскихъ общественныхъ учреждений, если только они
заслуживаютъ этого названія; Людовикъ XIV довершилъ раз-
рушеніе ихъ и конечно не озаботился замѣною ихъ новыми.
Они стѣснили бы его власть, а онъ не хотѣлъ никакого стѣ-
сненія. Воля и дѣйствіе центральной власти—вотъ все, что
ярко проявляется въ это время. Правленіе Людовика XIV—
это фактъ великій, блистательный, могучій, но лишенный осно-
ванія и корня. Свободныя учрежденія обезпечиваютъ не только
мудрость, но и прочность правительствъ. Нѣтъ системы, ко-
торая могла бы существовать безъ помощи общественныхъ
учрежденій. Тамъ, гдѣ существованіе абсолютной власти было
продолжительно, она непремѣнно имѣла опору въ такихъ учреж-
деніяхъ,—то въ раздѣленіи общества на строго разграничен-
ныя между собою касты, то въ системѣ религіозныхъ учреж-
деній. Въ правленіе Людовика XIV и власть, и свобода оди-
наково были лишены политическихъ учреждений. Во Франціи
въ то время ничто не обезпечивало ни страны противъ без-

законныхъ дѣйствій правительства, ни самаго правительства противъ неизбежнаго вліянія времени. За то правительство и присутствовало при собственномъ паденіи. Постарѣлъ не одинъ Людовикъ XIV; не онъ одинъ ослабѣлъ къ концу своего царствованія; постарѣла, ослабѣла вся абсолютная власть. Въ 1712 году абсолютная монархія была также дряхла, какъ и самъ монархъ; и зло было тѣмъ болѣе несправимо, что Людовикъ XIV уничтожилъ вмѣстѣ съ политическими учрежденіями и политическіе нравы. Безъ независимости—нѣтъ политическихъ правовъ. Кто сознаетъ собственную силу, тотъ одинъ только одинаково способенъ служить правительству и противиться ему. Съ независимыми учрежденіями исчезаютъ и энергичные характеры; изъ обезпеченности правъ, наоборотъ, рождается благородная гордость, чувство собственного достоинства.

Итакъ, вотъ настоящее состояніе Франціи и французскаго правительства послѣ смерти Людовика XIV: общество богатое, сильное, оживленное разнородною умственною дѣятельностью; и рядомъ съ нимъ—правительство по преимуществу недвижимое, лишенное средствъ обновить себя, примѣниться къ движенію своего народа, обреченное, послѣ полувѣковаго величія и блеска, на неподвижность и слабость, и, еще при жизни своего основателя, дошедшее до упадка, близкаго къ полному разрушенію. Таково положеніе Франціи въ концѣ XVII вѣка; отсюда и характеръ, направленіе послѣдующей эпохи, столь рѣзко отличающейся отъ предшествовавшей.

Всѣмъ извѣстно, что отличительною чертою, господствующимъ фактовъ XVIII вѣка служить свободное изслѣдованіе, высокій порывъ человѣческаго духа.

За исключеніемъ виѣшнихъ сношеній, предпринятыхъ министерствомъ герцога Шуазеля, и нѣкоторыхъ важныхъ уступокъ, сдѣланныхъ общему требованію умовъ, напр. американской войны, за исключеніемъ, повторяю, нѣкоторыхъ событій этого рода, французское правительство XVIII вѣка представляетъ примѣръ небывалаго до того времени бездѣйствія, инерціи, апатіи. Вмѣсто сильнаго, честолюбиваго правительства Людовика XIV, которое являлось вездѣ и всюду было на первомъ планѣ,—мы видимъ власть, которая только и думаетъ о томъ, какъ бы остаться незамѣтною, въ сторонѣ отъ общаго движенія—такъ хорошо она сознаетъ свою слабость и шаткость. Дѣятельность, честолюбіе перешли на сторону народа. Народъ, съ своими мнѣніями, съ своимъ умствен-

нымъ движеніемъ, вмѣшивается во все, во всемъ принимаетъ участіе, и наконецъ одинъ безраздѣльно овладѣваетъ правственнымъ авторитетомъ, т. е. единственною истинною, настоящею властью.

Вторая черта, отличающая состояніе человѣческаго разума въ XVIII вѣкѣ,—это всеобщность, всеобъемлемость свободнаго изслѣдованія. До тѣхъ поръ, и особенно въ XVI вѣкѣ, кругъ свободнаго изслѣдованія былъ ограниченъ, одностороненъ; онъ обнималъ собою иногда одни только религіозные вопросы, иногда вмѣстѣ съ ними и политическіе; но притязанія его всегда заключались въ извѣстныхъ предѣлахъ. Напротивъ того, въ XVIII вѣкѣ свободное изслѣдованіе принимаетъ универсальный характеръ: религія, политика, философія, общество и челоѣкъ, нравственная и матеріальная природа,—все становится въ одно и то же время предметомъ изученія, сомнѣнія, систематизаціи; древнія науки преобразовываются, рядомъ съ ними возникаютъ новыя. Движеніе распространяется по всѣмъ направленіямъ, хотя и истекаетъ изъ одного и того же побужденія.

Кромѣ того, движеніе это запечатлѣно особымъ, страшнымъ характеромъ, не имѣющимъ, можетъ быть, ничего подобнаго во всемірной исторіи,—характеромъ отвлеченнымъ, чисто созерцательнымъ. Прежде, во всѣхъ великихъ переворотахъ человѣческаго рода, дѣйствіе скоро присоединялось къ размышленію. Такъ напримѣръ, религіозная революція XVI вѣка началась идеями, спорами чисто умозрительными, но тотчасъ почти перешла во внѣшнія событія. Основатели умственныхъ партій скоро дѣлались предводителями партій политическихъ; жизненная дѣйствительность соединилась съ умственными трудами. Такое зрѣлище представляетъ намъ въ XVII вѣкѣ и англійская революція. Во Франціи въ XVIII вѣкѣ, челоѣческій разумъ дѣйствуетъ на все, между прочимъ и на такія идеи, которыя, находясь въ связи съ интересами дѣйствительной жизни, должны были бы повидимому немедленно и сильно отзываться на внѣшнихъ событіяхъ. А между тѣмъ двигатели, участники этихъ великихъ споровъ остаются чуждыми всякаго рода практической дѣятельности; это теоретики, мыслители, которые наблюдаютъ, судятъ, говорятъ, но никогда не вмѣшиваются въ событія. Никогда управленіе внѣшними, дѣйствительными фактами не было до такой степени отдѣлено отъ управленія умами. Отдѣленіе міра матеріальнаго отъ міра духовнаго осуществилось въ Европѣ только въ XVIII столѣтіи,

и въ первый разъ, можетъ быть, развитіе одного изъ нихъ продолжалось независимо отъ развитія другаго. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ: онъ имѣлъ огромное вліяніе на ходъ событій. Онъ сообщилъ идеямъ того времени замѣчательный характеръ безпредѣльности и отвлеченности. Никогда философія не стремилась такъ упорно къ обладанію надъ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не была такъ чужда ему. Рано или поздно, пришлось обратиться къ дѣйствию; умственное движеніе должно было перейти во внѣшнія событія,—и чѣмъ полнѣе было раздѣленіе ихъ, тѣмъ труднѣе была ихъ встрѣча, тѣмъ сильнѣе ихъ столкновение.

Можно ли послѣ того удивляться другой отличительной чертѣ тогдашняго состоянія человѣческаго духа—необыкновенной смѣлости его? До того времени, въ минуты величайшей дѣятельности своей онъ всегда сдерживался извѣстными преградами; человѣкъ всегда жилъ среди фактовъ, изъ которыхъ иные внушали ему уваженіе и, до извѣстной степени, останавливали стремленіе его. Въ XVIII вѣкѣ совсѣмъ не было, повидимому, внѣшнихъ фактовъ, предъ которыми склонился-бы человѣческій разумъ, которымъ онъ сколько-нибудь подчинялся бы; онъ ненавидѣлъ или презиралъ все общественное устройство. Отсюда родилось въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ преобразовать все существующее въ мірѣ: онъ сталъ приписывать себѣ, нѣкоторымъ образомъ, творческую силу; учрежденія, мнѣнія, нравы, общество и самъ человѣкъ—все представлялось ему подлежащимъ передѣлкѣ, и человѣческій разумъ принялъ на себя исполненіе подобной задачи. Доходилъ ли онъ когда-нибудь до болѣе смѣлой идеи?

Вотъ та сила, которая въ теченіе XVIII вѣка встала лицомъ къ лицу съ остатками правительственной системы Людовика XIV. Понятно, что невозможно было избѣжать столкновения между двумя столь неравными силами. Главнѣйшій фактъ англійской революціи—борьба свободнаго изслѣдованія и абсолютной монархіи—неизбѣжно долженъ былъ проявиться и во Франціи. Конечно, различіе обоихъ переворотовъ немаловажно, какъ это видно изъ самыхъ послѣдствій ихъ; но въ сущности, положеніе дѣлъ было весьма сходно, и значеніе событій въ окончательномъ видѣ ихъ—одно и тоже.

Изложеніе всѣхъ неисчислимыхъ послѣдствій этого событія заняло бы слишкомъ много мѣста. Мы должны остановиться. Но мнѣ хотѣлось бы еще обратить ваше вниманіе на важнѣйшій и, по моему мнѣнію, поучительнѣйшій фактъ,

раскрывающійся предъ нами въ этомъ великомъ зрѣлищѣ: неизбѣжный недостатокъ абсолютной власти, бѣдствіе, зло, сопряженное съ нею, какъ бы она ни называлась, какова-бы ни была ея цѣль. Мы видѣли, что правительство Людовика XIV пало почти исключительно подъ вліяніемъ этой причины. И что же? сила, наслѣдовавшая ему—человѣческій духъ, истинный властитель XVIII вѣка, испытала ту же самую участь. Въ свою очередь, человѣческій духъ достигъ почти абсолютной власти; въ свою очередь, онъ возымѣлъ чрезмѣрное довѣріе къ самому себѣ. Порывы его были прекрасны, возвышенны, благотворны, и если бы отъ меня потребовали окончательнаго, опредѣленнаго мнѣнія, я, не колеблясь, отвѣтилъ бы, что считаю XVIII вѣкъ однимъ изъ величайшихъ вѣковъ въ исторіи; онъ оказалъ человѣческому роду, быть можетъ, самыя важныя услуги, всего болѣе подвинулъ его на пути прогресса, и прогресса въ самомъ обширномъ значеніи этого слова; разсматривая его, если можно такъ выразиться, съ точки зрѣнія государственнаго прокурора, я отдалъ бы ему предпочтеніе предъ противниками его. Тѣмъ не менѣе, обладаніе неограниченною властью имѣло въ это время пагубное вліяніе на человѣческій духъ, онъ совратился съ истиннаго пути своего, съ презрѣніемъ и ненавистью сталъ относиться къ дѣйствительнымъ фактамъ и общепринатымъ идеямъ; а эта незаконная ненависть привела его къ заблужденію и тираниі. Дѣйствительно, къ торжеству человѣческаго разума, въ концѣ XVIII вѣка, присоединилась весьма значительная доля заблужденія и тираниі. Не будемъ обманывать себя, признаемся въ этомъ открыто и громко. Эта доля заблужденія и тираниі была въ особенности послѣдствіемъ упоенія, въ которое повергнутъ былъ человѣческій разумъ безпредѣльностью пріобрѣтенной имъ власти. Обязанность и, по моему мнѣнію, заслуга нашего времени заключается въ сознаніи той истины, что всякая власть, умственная или матеріальная, кому бы она ни принадлежала, правительствамъ или народамъ, мыслителямъ или государственнымъ людямъ, въ какой бы сферѣ она ни проявлялась, — что всякая человѣческая власть, говорю я, носить въ самой себѣ врожденный недостатокъ, зародышъ слабости и злоупотребленій, необходимо требующій точнаго опредѣленія ея формы и размѣровъ. Общая свобода всѣхъ правъ, всѣхъ интересовъ и мнѣній, свободное развитіе всѣхъ вліяній и законное, совмѣстное существованіе ихъ — вотъ единственная система, при ко-

торой всякая сила, всякая власть можетъ быть заключена въ законныхъ предѣлахъ, безъ стѣсненія для другихъ общественныхъ элементовъ, — единственная, однимъ словомъ, система, при которой дѣйствительно и для всѣхъ одинаково можетъ существовать право свободного изслѣдованія. Таковъ великій результатъ, таково великое поученіе, представляемое борьбою, которая въ концѣ XVIII вѣка завязалась между абсолютною властью въ области правительственной и такою же властью въ области духовной.

Мы достигли намѣченного нами предѣла. Вы помните, что приступая къ этому курсу, я изъявилъ намѣреніе представить вамъ общую картину развитія европейской цивилизаціи съ паденія Римской имперіи до нашего времени. Я слишкомъ быстро совершилъ этотъ путь, и потому не могъ познакомить васъ со всѣми замѣчательными сторонами его, не могъ привести доказательствъ въ подтвержденіе всего сказаннаго мною. Я принужденъ былъ пропускать многое, и, несмотря на это, часто просилъ васъ вѣрить мнѣ на слово. Надѣюсь, однако, что цѣль моя достигнута, и что я не упустилъ изъ виду ни одного изъ важнѣйшихъ кризисовъ развитія повѣйшаго общества. Въ началѣ курса, я пытался опредѣлить, что такое цивилизація, и пытался описать фактъ, извѣстный подъ этимъ названіемъ. Мы видѣли, что цивилизація слагается изъ двухъ главныхъ фактовъ: развитія человѣческаго общества и развитія самого человѣка; другими словами — изъ развитія политическаго, общественнаго и развитія внутренняго, нравственнаго. Въ этихъ лекціяхъ я ограничился одною только исторіею общества. Я изобразилъ цивилизацію только съ общественной стороны ея и ничего не сказалъ о развитіи самого человѣка. Я не намѣревался изложить исторію убѣжденій, умственнаго развитія человѣческаго рода. Когда въ будущемъ году мы вновь соберемся въ этой самой аудиторіи, я предполагаю обратиться исключительно къ Франціи и изучить вмѣстѣ съ вами исторію французской цивилизаціи, — изучить ее во всей подробности, во всѣхъ различныхъ отрасляхъ ея. Я постараюсь познакомить васъ не только съ исторіею французскаго общества, но и съ исторіею французовъ; постараюсь сдѣлать васъ свидѣтелями постепеннаго образованія въ ней учреждений, мнѣній, разнородной умственной дѣятельности и, такимъ образомъ, показать вамъ во всей полнотѣ, развитіе нашего славнаго отечества. Ему, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, должны быть посвящены самыя пламенные чувства наши.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очеркъ жизни и дѣятельности Франсоа Гизо . . .	i—vi
✓ Лекція первая.	1
✓ Лекція вторая.	20
✓ Лекція третья.	41
~~✓~~ Лекція четвертая.	59
~~✓~~ Лекція пятая	79
~~✓~~ Лекція шестая	99
Лекція седьмая	120
✓ Лекція восьмая	140
✓ Лекція девятая	157
Лекція десятая	174
Лекція одиннадцатая	191
Лекція двѣнадцатая.	208
Лекція тринадцатая.	225
✓ Лекція четырнадцатая	243

→ 1 *contin.*
